Творения
преподобного
Симеона
Нового Богослова
слова и гимны
книга
первая

Симеон Новый Богослов

Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга первая

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=639035
Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. В трех книгах. Книга первая.: Сибирская Благозвонница; Москва; 2011
ISBN 978-5-91362-351-5

Аннотация

В истории христианства третьим духовным писателем, к имени которого придано поименование Богослов, является преподобный Симеон Новый Богослов. Святой отец поучениями устными, а позднее и письменными проповедовал свой личный опыт сокровенного общения с Господом. Русские православные люди познакомились с творениями Симеона Нового Богослова благодаря переводческим трудам епископа Феофана Затворника, который ценил святого отца за то, что… «преподобный внушает ревность к внутренней благодатной жизни… И все у него так ясно излагается, что беспрекословно покоряет ум». Предлагаемая первая книга из трехтомника включает в себя перевод сорока четырех проповедей – «Слов», которым предшествует пространный труд архиепископа Василия

(Кривошеина) «Жизнь и личность преподобного Симеона Нового Богослова». Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Содержание

Симеон Новый Богослов, преподобный Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга первая

Предисловие

Духовное наследие прп. Симеона Нового Богослова – его богомудрые писания – нам стали известны благодаря трудам пресвитера Студийского монастыря инока Никиты Стифата, который еще при жизни прп. Симеона, будучи учеником его, собирал, переписывал, хранил (как он пишет, по воле Божией) каждое слово своего учителя, чтобы передать Церкви.

Труды прп. Симеона были впервые изданы в XVIII в., но не в подлинном тексте, а в новогреческом переводе Дионисия Загорейского. До этого времени они были известны только по рукописям. Причем Дионисий Загорейский (как исследует архиепископ Василий Кривошеин) в свое время отме-

чал, что многие творения Симеона Нового Богослова в рукописях XI–XII вв. сохранились в двух различных редакциях: одной – первоначальной, монашеской, другой – переделанной кем-то, так что видна систематичность, отвлеченность, бледность в их содержании, уже лишенном многих подробностей в описании личных событий, явлений, ощущений и исторических фактов из жизни преподобного.

С этой второй, переработанной, «бледной» греческой рукописи был сделан латинский перевод. Дионисий же в своем переводе творений прп. Симеона на новогреческий язык следует лучшей первоначальной редакции (правда, иногда кое-что опускает, иногда предпочитает включить даже что-то и из второй редакции рукописи). Порядок же «Слов», как они встречаются в рукописях, он не сохраняет в своих переводах. Было два издания переводов Дионисия Загорейского на новогреческий язык: одно издание в Венеции в 1790 году и второе – в Сиросе (Смирна) в 1886 году.

Широкое же знакомство российских христиан с творениями прп. Симеона Нового Богослова началось в XIX в., когда стали переводиться и печататься его «Слова». В предисловии к «Словам» прп. Симеона, изданным Козельской Введенской Оптиной Пустынью (Москва, 1869), указывается, что эти его «Двенадцать Слов» ранее были изданы в 1852 г. в Москве в славянском переводе старца Паисия Величковского, взятые из числа тридцати пяти, известных на греческом языке, а теперь в 1869 году, печатаются в русском пе-

реводе после тщательного сличения с греческой рукописью Московской Синодальной библиотеки. В предисловии также отмечается, что в Москве в 1856 году Оптиной Пустынью было издано на славянском языке житие прп. Симеона Нового Богослова.

Позднее трудами святителя Феофана Затворника были переведены с новогреческого языка на русский в двух выпусках «Слова» прп. Симеона Нового Богослова». Первый выпуск – 52 «Слова» (490 страниц) был в 1882 году в Москве, а второй выпуск – еще 40 «Слов», с 53-го по 92-е (всего 593 страницы) – напечатан в 1890 году тоже в Москве. Во втором выпуске помещены еще «Деятельные и богословские главы» прп. Симеона Нового Богослова и «Подвижнические Слова» старца Симеона Благоговейного.

Архиепископ Василий (Кривошеин) указывал, что этот перевод есть, так сказать, «перевод с перевода», ибо сам по себе перевод Дионисия был не полон, а святитель Феофан неточно следовал тексту Дионисия Загорейского, и даже вносил изменения, поправки, дополнения, сокращения с учетом, видимо, своего духовного опыта и высшего богословского образования.

Этот перевод святителя Феофана был издан Русским Пантелеимоновым монастырем на Афоне и стал главным источником ознакомления благочестивого русского народа с творениями прп. Симеона.

Святитель Феофан часть «Слов» прп. Симеона в своем

переводе поместил в «Добротолюбии». Там имеются «Деятельные и богословские главы» (152 из 184) и «Слово» о трех образах молитвы.

В 1917 году иеромонах Пантелеимон (Успенский), опубликовал русский перевод (но не с греческого текста) почти всех «Гимнов», основываясь на тексте Дионисия Загорейского в латинском переводе и на некоторых рукописях Святой Афонской Горы. Но последующие события помешали этому изданию получить широкое распространение.

Эти «Гимны» представляют келейные записи или дневники, в которых преподобный изливал свою любовь, благоговение и благодарность к Богу. Они раскрывают саму душу в моменты глубоких созерцаний и Божественных откровений.

В «Гимнах» прп. Симеона замечается благодатное вдохновение и устремление к Богу, дыхание Духа, ибо, как говорит Никита Стифат, его блаженнейший святой отец удостоился апостольской благодати, великих откровений, неизреченных созерцаний, таинственной беседы и Божественных гласов, так что он, не изучав науки, обладал красноречием, рассудительностью мудреца-богослова, и его обоженный разум во время прекращения умственной деятельности приходил в единение с Божественным Светом.

И иеромонах Пантелеимон (Успенский) отмечает, что в «Гимнах» отображается сама сущность Евангельской жизни. Это для разумения грешников непостижимо, а доступно лишь мужам бесстрастным, святым и совершенным. Прп.

Симеон описывает свои небесные восхищения в рай, в мир равноангельский, Божественный. В «Гимнах» отображается путь души из глубины падения через слезы и покаяние к Божественному Свету. Он возвещает то, что обыкновенный человек не видит телесными очами, не слышит чувственными ушами, ибо только при бесстрастии, святости и озарении Света можно видеть Бога.

Итак, благодаря трудам наших переводчиков и богословов, мы смогли ознакомиться с жизнью и творениями великого подвижника и Нового Богослова. Известно, что иеромонах Пантелеимон (Успенский) трудился еще над переводом и изданием полного собрания творений прп. Симеона, но смерть помешала ему это осуществить.

В дальнейшем, как известно, большой интерес к изучению и переводу трудов прп. Симеона проявляют архиепископ Василий (Кривошеин) и иеромонах Софроний. Архиепископ Василий, еще будучи иеромонахом, перевел с греческого языка и издал новое «Слово», которого не было раньше в русском переводе, а иеромонах Софроний в «Вестнике Русского Патриаршего Экзархата» (1953, № 15. С. 133–135) напечатал в стихах два «Гимна» (6 и 48-й) в своем новом переводе.

В 1957–1973 гг. подлинный греческий текст творений прп. Симеона, восстановленный на основании существующих рукописей, был впервые издан на Западе французским издательством Sources Chretiennes (Христианские Источни-

ки) в девяти томах. Издание Sources Chretiennes полностью охватывает все действительно принадлежащие прп. Симеону писания и таким образом впервые дает возможность научно-богословского изучения его творений и даже правильного и целостного понимания его личности и духовного учения. Естественно, что на Западе это издание, в котором греческий текст сопровождается французским переводом и обширными комментариями, вызвало интерес к прп. Симеону, известному до этого на Западе почти исключительно в узких кругах византологов.

Архиепископ Василий (Кривошеин)
Жизнь и личность преподобного Симеона Нового Богослова

Братолюбивый нищий

Преподобный Симеон Новый Богослов родился в 949 году в местечке Галати, в Пафлагонии (Малая Азия), от родителей, принадлежавших к состоятельному и влиятельному в общественных делах провинциальному дворянству. Это было во времена македонской династии, одного из лучших периодов византийской истории. Жизнь прп. Симеона совпадает в большей своей части с царствованием самого знаменитого представителя этой династии, императора Василия II Болгаробойцы (976-1025). В возрасте приблизительно одиннадцати лет прп. Симеон был привезен своим отцом в Константинополь учиться в столичных школах, чтобы впоследствии поступить на императорскую службу. Его дядя, Василий, занимал тогда важное место при дворе и намеревался представить своего племянника императору, но юный Симеон уклонился от этой чести. Он также отказался после окон-

чания учения в школах, которые мы могли бы назвать средними, продолжать свое образование в высших школах.

Впоследствии прп. Симеон описывает себя в этот период своей жизни в следующих несколько иронических словах: «Некий молодой человек, именем Георгий, около двадцатилетнего возраста, жил в наши времена в Константинополе, красивый видом и имевший что-то показное в своем облике, манерах и походке, так что даже некоторые имели о нем из-за этого дурные мнения». Он как будто бы вел тогда рассеянную жизнь столичного молодого человека, но оставался глубоко неудовлетворенным. «Благодарю Тебя, Владыко, Господи неба и земли, – пишет он впоследствии, вспоминая это время, – ... что когда я, неблагодарный и презритель, как лошадь, сорвавшаяся с привязи, поверг себя в пропасть, убежав от Твоей власти, Ты не оставил меня лежать. по милости Твоего сердца послал за мною и вывел меня оттуда, и почтил меня еще более светло. И освободил меня неизреченными Твоими судьбами от царей и властителей, которые намеревались пользоваться мною для обслуживания своих желаний, как сосудом, не имеющим ценности». Под влиянием, как кажется, чтения духовных книг, житий святых в особенности, молодой Симеон живо почувствовал ничтожность своего тогдашнего состояния и, в желании найти путь к Богу, начал искать святого человека, который мог бы руководить им и примирить с Богом. Окружающие не понимали его. «Но когда я слышал, – пишет он, – всех единодушно без исклю-

чения говоривших мне, что такого святого не существует в настоящее время на земле, то от этого я впадал в еще большую печаль». Однако жил с верою и доверием к Богу, столь характерными для него всегда: «Я никогда, однако, этому не верил… И говорил: Господь мой, помилуй! Неужто диавол стал настолько сильнее Владыки Бога, что всех привлек к себе и сделал всех своими сторонниками, так что никто не остался на стороне Бога?»

Столь большая вера не могла остаться безответной: прп. Симеон встретил наконец святого человека, которого искал. Это был престарелый монах Студийского монастыря. Его тоже звали Симеон. С этого знакомства начинается новый период в жизни молодого Симеона. Внешне он продолжал работать в миру, как и раньше, но часто посещал своего духовного отца и ревностно исполнял его предписания. Вначале, однако, Симеон Студит ограничился тем, что дал своему ученику «маленькую заповедь только для напоминания», чтобы тот исполнял ее. И когда тот попросил у него книг для духовного чтения, то дал ему книгу «О духовном законе» Марка Монаха, аскетического писателя V века. Среди изречений этой книги, поразивших молодого Симеона, было одно, которое произвело на него особенно глубокое впечатление: «Ища исцеления, позаботься о совести. И все, что она говорит, сделай и найдешь пользу». «С тех пор, – говорит прп. Симеон, рассказывая о себе в третьем лице, – он никогда не засыпал, когда совесть обличала его и говорила:

Почему ты не сделал и этого?» «Уязвленный любовью и желанием (Господа), он искал с надеждою Первую Красоту» и с юношескою ревностью на деле применил изречение Марка Монаха, все более и более увеличивая свои ночные молитвы, как ему то внушала совесть, «потому что днем он стоял во главе дома одного из патрициев и каждый день являлся во дворец, заботясь о вещах нужных для жизни, так что из-за этого никто не знал, что происходило с ним», в то время как его ночи были посвящены пламенной молитве. Слезы текли из его глаз, он умножал коленопреклонения, как если бы Господь присутствовал Сам, и молитвенно призывал Матерь Божию.

Во время одного из этих ночных молений прп. Симеон имел первое мистическое видение света, затопившего его, наполнившего радостью, он перестал ощущать и себя, и все окружающее. Но первый период религиозного воодушевления и мистического просветления, приписываемый прп. Симеоном молитвам духовного отца, продолжался недолго. Юноша вернулся к светской и рассеянной жизни, какую вел раньше. «И забывая, – рассказывает он, – о всем, выше сказанном, я дошел до всецелого омрачения, так что даже не вспоминал никогда ни о чем малом или великом, вплоть до простой мысли, из того, о чем я ранее сказал. Я впал в еще большие беды, чем случившиеся со мною прежде, и был в таком состоянии, как если бы я никогда не понимал или не слыхал святых слов Христовых. Но и на того святого, кото-

рый сжалился тогда надо мною и дал мне маленькую заповедь и послал мне книгу, я смотрел, как на одного из обычных людей. Я просто не думал о всем виденном мною благодаря ему!» В другом месте прп. Симеон выражается с еще большей силою об этих годах духовного расслабления: «Я вновь бросил себя, несчастный, в ров и глубокую тину постыдных мыслей и действий. И сошедши туда, я впал во власть тех, кто скрывался во тьме, так что не только я сам себя, но и весь мир, сошедшийся воедино, не смог бы вывести меня оттуда и избавить из их рук».

Эти покаянные признания не должны быть понимаемы буквально: несмотря на все расслабление, испытанное им, прп. Симеон сумел сохранить свое целомудрие, как он это уточняет сам: «Когда кто-нибудь призывал меня на дела безумия и греха, истинно, этого обманчивого мира, внутри все мое сердце собиралось и как бы скрывалось, стыдясь само себя, невидимо удерживаемое всячески Твоею Божественною рукою. И я любил все другие житейские (вещи), которые приятны для зрения и услаждают гортань, и украшают это тленное тело. Но нечистые действия и бесстыдные желания, Ты стер их из сердца моего, о Боже мой, и соделал к ним ненависть в моей душе, если даже произволением моим я был расположен к ним, и сотворил, чтобы я скорее имел бездеятельное желание и действия без желания, величайшее чудо во всяком случае». Кажется, однако, что даже в этот период, продолжавшийся около шести-семи лет, прп.

Симеон не порвал совершенно своих отношений со своим духовным отцом. «Не знаю, как это сказать, – пишет он, – неведомо как-то любовь и вера к святому старцу осталась в моем несчастном сердце. И из-за нее, я думаю, человеколюбивый Бог после прошествия стольких лет помиловал меня по его молитвам. И опять посредством его избавил меня от великого заблуждения, выхватив из глубины зол. Потому что я, недостойный, не отступил окончательно от него, но исповедовал ему случавшееся со мною и часто заходил в его келлию, когда мне приходилось бывать в городе, хотя, бессовестный, и не сохранял его заповедей».

Прп. Симеон приписывает, однако, прямому вмешательству Божию свое второе и окончательное избавление от власти злых сил. Он с большим чувством описывает его в одном из лучших своих писаний: «Когда меня там держали и жалким образом таскали кругом, и удушали, и насмехались. Ты, милосердный и человеколюбивый Владыка, не презрел меня, не проявил злопамятства, не отвратился от моего неблагодарного умонастроения и не оставил меня быть надолго добровольно насилуемым разбойниками. Но если я и радовался, будучи бесчувственно соувлекаем ими, Ты, Владыка, не вынес видеть меня водимого и влекомого кругом. Но Ты умилостивился, но Ты пожалел и послал ко мне грешному и жалкому не ангела, не человека, но Сам Ты, движимый Твоею внутренней благостью, склонился к тому глубочайшему рву и протянул Твою пречистую руку ко мне, погруженно-

му во глубину грязи и сидящему где-то внизу. И хотя я не видел Тебя (ибо как я мог видеть или как мог вообще смотреть, будучи покрытым грязью и утопая в ней?), Ты взялся за волосы моей головы и вытащил меня оттуда, увлекая насильно. Я чувствовал боль и ощущал движение вверх и то, что я восхожу, но не знал, кем я вообще влеком вверх и кем может быть тот, кто держит и возводит меня. Но, вытащив меня наверх и поставив на землю, Ты передал меня Своему рабу и ученику, всего оскверненного и с глазами, ушами и ртом, забитыми грязью, и даже тогда не видевшего Тебя, кто Ты, а только узнавшего, что Некий добрый и человеколюбивый, каким Ты являешься, вывел меня из того глубочайшего рва и грязи». Или, как прп. Симеон говорит в другом месте: «Да, Владыка, Ты вспомнил меня, когда я находился в миру, и, когда я не знал, Ты Сам избрал меня и отделил от мира, и поставил пред лицем Твоей славы».

Это чудесное избавление изо рва, видимо, соответствует решению прп. Симеона окончательно оставить мир и стать монахом. Как известно из Жития, он поступил в Студийский монастырь в качестве послушника примерно 27-ми лет. Прп. Симеон вспоминает об этой перемене в своей жизни в следующих выражениях: «Ты, Боже мой, помиловал меня от отца и братьев, сродников и друзей, от земли рождения, из моего отцовского дома, как из темного Египта, как из глубин ада. Ты отделил меня, Благостный, и, приняв меня, повел меня, держа Твоею страшною рукой, к тому, которого Ты благово-

лил сделать на земле моим отцом, и бросил к его ногам и объятиям. И он привел меня к Твоему Отцу, о мой Христос, и к Тебе через Духа, о Троица, Боже мой, плачущего, как блудный сын, и припадающего, о Слове». В Студийском монастыре прп. Симеон нашел своего старого духовного отца Симеона Благоговейного и немедленно стал его верным учеником, проявляя большое рвение в послушании и в аскетической жизни вообще. Однако в этом общежительном монастыре, где придавали большое значение порядку, единообразию и единоличной власти игумена, такая особенная привязанность к духовному отцу скоро возбудила неудовольствие среди монахов. Игумен несколько раз вызывал к себе прп. Симеона и требовал от него больше сообразовываться с правилами общежития и отказаться от руководства его духовного отца. Прп. Симеон, однако, не захотел это исполнить и был изгнан из монастыря. Нетрудно понять, чем был вызван этот отказ: прп. Симеон был убежден, что Сам Бог дал ему духовного отца, которому он был обязан всем. Он снова поступил послушником в соседнюю небольшую обитель св. Маманта, именуемую Ксирокеркской, но продолжал, однако, находиться под духовным руководством Симеона Благоговейного, который остался в Студийском монастыре. В своей новой обители прп. Симеон был вскоре пострижен в монахи и рукоположен в иереи, а затем, после трехлетнего пребывания в обители, в возрасте, приблизительно, 31-го года, выбран монахами монастыря св. Маманта игуменом с одобре-

ния патриарха Николая Хрисоверга. Это происходило около 980 г. К этому времени он уже начинал становиться в Константинополе «знаменитостью», был известен святостью и мудростью, многие почитали и любили его, но другие критиковали и подвергали нападкам.

Таковы, кратко, внешние факты, как они видны из Жития, написанного Никитой Стифатом. Писания самого прп. Симеона открывают нам внутреннюю сторону этих событий. Мы узнаем из них, что в отличие от легкости первых шагов в духовной жизни, быстро приведших молодого Симеона к первому видению Божественного света, он был вынужден теперь с терпением проходить длинный, трудный и болезненный путь духовного исцеления. Так, только ценою больших аскетических усилий было дано ему увидеть луч Божественного света, но более тускло, чем в первый раз. В другом месте прп. Симеон, в ярких образах описывая свой внутренний путь, подчеркивает решительную роль своего духовного отца, Симеона Благоговейного, в этом процессе освобождения: «Итак, по повелению Твоему я последовал, не оборачиваясь назад, за человеком, указанным мне Тобою, Всесвятой Владыка, и он повел меня с большим трудом к источникам и ключам, слепого и влекомого позади данной мне Тобою рукою веры и вынуждаемого следовать за ним. И там, где он, как видящий, умело поднимал свои ноги и без затруднения проходил через все камни, ямы и западни, я натыкался на них на все и падал в них, и от этого претерпевал много стра-

даний, трудов и скорбей. Он также во всякое время мылся и купался в каждом источнике, когда сам хотел, а я, не видя, проходил мимо большинства из них. Если бы он не удержал меня за руку и не поставил близ источника, и не направил бы мои руки ума, я никогда бы не смог найти источник воды, где он находится. Часто он мне указывал сам на источники и оставлял меня мыться, но я вместе с чистою водою захватывал своими ладонями глину и грязь, лежавшие близ источника, и загрязнял ими мое лицо. Часто также, ощупывая источник воды, чтобы найти его, я сбрасывал в него землю и замешивал грязь. И, не видя совсем, думал, что чисто моюсь, когда на деле пачкал свое лицо в грязи, как бы в воде».

Внутренние трудности удваиваются от противодействия людей (студийских монахов, как можно предполагать) и от их непонимания его духовного пути. «Что ты напрасно трудишься, – говорили они ему, – поступая безрассудно, следуешь за этим насмешником и обманщиком, суетно и без пользы ожидая прозреть? Да в наше время это невозможно!.. Почему ты вместо этого не идешь к милостивым людям, которые просят тебя упокоить и пропитать и хорошо за тобой ухаживать? Ведь невозможно же избавиться от этой душевной проказы. Откуда только появился этот насмешник, современный чудотворец, обещающий тебе вещи невозможные для всех людей нынешнего поколения?.. И сам ты, без нас, не думаешь ли об этом в себе и не держишься ли того же мнения?» Ничто, однако, не могло отвратить прп. Симеона

от пути, который он избрал. Мы указываем далее, в главе о видении света, прекрасную страницу из Второго Благодарения, где прп. Симеон с большим лиризмом, развивая свой образ источника, описывает видения, ослепляющие и темные, светлые и таинственные, которые он имел в это время, Лица Господня. Очень важно отметить настойчивость, с которой прп. Симеон не перестает подчеркивать, что, несмотря на его многочисленные мистические озарения, он еще не познал Бога и не понимал ясно и сознательно, Кто был являвшийся ему. И поэтому, несмотря на все свои видения, он был глубоко неудовлетворен. Мы касаемся здесь одной глубокой черты в духовности прп. Симеона. Часто говорят, сильно упрощая вещи, что мистицизм греческих отцов есть мистицизм света, и что видение света есть высшее мистическое явление в византийской духовности. По отношению к прп. Симеону, во всяком случае, такое мнение может быть принято только с некоторым ограничением. Для него не видение света само по себе, как бы важно оно ни было, образует центральный момент и вершину мистической жизни, но личная встреча со Христом, являющимся во свете, и общение с Ним. И только с момента, когда Христос начинает говорить с нами в нашем сердце через Своего Святого Духа, мы приобретаем личное Его познание. Простое видение света не дает его, но может вызвать сильное томление и мистическую неудовлетворенность. Только после многих видений света и переменных явлений и удалений наступает ре-

шительный момент, когда Христос начинает говорить. «Ты тогда впервые, – говорит прп. Симеон, – удостоил меня, беспутного, услышать Твой голос. И Ты вот так мягко обратился ко мне, поражающемуся и изумляющемуся, и трепещущему, и в самом себе как бы размышляющему и говорящему: «Что может означать эта слава и величие этой светлости? Каким образом и откуда я удостоился таких благ?» «Я есмь, – сказал Ты, – Бог, ставший для тебя человеком. И так как ты взыскал Меня от всей души, вот ты будешь отныне Моим братом, Моим сонаследником и Моим другом». И прп. Симеон рассказывает, как это мистическое единство со Христом стало для него затем непреходящим состоянием.

Для прп. Симеона было совершенно невозможно сохранить в тайне это великое откровение. По любви к ближним, в пламенном желании сделать всех участниками той же благодати, он чувствовал себя обязанным открыть другим свой духовный опыт и призывать их следовать по его духовному пути. Он был твердо убежден, что Христос дарует полноту Своей благодати всякому, кто будет искать ее от всего сердца. «Как, в самом деле, можем мы, – спрашивает он, – молчать о таком богатстве Его благодеяний или неблагодарно, как непомнящие и дурные рабы, зарывать данный нам талант?» Он объясняет свою мысль, используя следующий прекрасный образ: «Как некий братолюбивый нищий, попросивший милостыню у одного христолюбивого и милостивого человека и получивший от него несколько монет, бежит от

него в радости к своим товарищам по бедности и извещает их об этом, говоря им втайне: «Бегите с усердием и вы, чтобы получить», – и при этом показывает им пальцем и указывает им человека, давшего ему монеты. А если они не верят ему, показывает им ее на ладони, приобнажая монету на ней, чтобы они поверили и проявили бы усердие, и настигли бы быстро того милостивого человека. Так и я, смиренный, бедный и обнаженный от всякого добра, и слуга святыни всех вас, испытавший на деле человеколюбие и сострадание Божие, и получивший благодать, недостойный всякой благодати, не выношу один скрывать ее в недрах души, но говорю всем вам, братьям и отцам моим, о дарах Божиих и делаю явным вам, насколько это в моих силах, каков есть тот талант, который был дан мне, и посредством моих слов обнажаю его, как на ладони. И говорю это не в закоулке и тайне, но кричу громким голосом: «Бегите, братья, бегите». И не только кричу, но и указываю на подающего Владыку, выставляя вперед вместо пальца мое слово. Поэтому и я не терплю, чтобы не говорить о тех чудесах Божиих, какие я видел и какие я узнал на деле и на опыте, но всем прочим людям свидетельствую о них, как перед Богом».

В другом месте, свидетельствуя об этом, прп. Симеон возвращается к евангельскому образу сокрытого сокровища: «Когда сокровище, скрытое в Божественных Писаниях, было мне указано святым мужем в некотором месте, я не поколебался восстать, и разыскать, и увидеть его, но, оставив вся-

кую другую житейскую работу и деятельность, я не перестал день и ночь копать и углубляться, пока сокровище не начало сиять на поверхности вместе с землею. Потрудившись таким образом долгое время, выкапывая землю и отбрасывая ее в сторону, я увидел все сокровище, лежавшее где-то внизу, распростертым, как мне думается, наверху всей земли, не смешанное с ней и чистое от всякой грязи. И видя, всегда кричу и так взываю к неверящим и не желающим трудиться и копать: «Приидите, научитесь, что не только в будущем, но вот уже сейчас лежит перед нашими глазами, и руками, и ногами несказанное сокровище, превышающее всякое начало и власть. Приидите и удостоверьтесь, что это сокровище есть свет мира».

Здесь мы приходим к одному из наиболее важных моментов во всем мистическом развитии прп. Симеона. Он начинает с несомненностью чувствовать, что это не он взывает, но Сам Христос, Который и есть Сокровище, призывает людей через него. «И я не от себя самого, – продолжает он, – говорю это, но Само Сокровище сказало и говорит: «Я есмь воскресение и жизнь, Я зерно горчичное, глубоко скрытое в земле, Я жемчуг, покупаемый верными, Я световидный источник бессмертного потока и реки, в коем любящие Меня от руки моются и очищаются от всякой нечистоты телом и душою, и блистают все, как светильник или как вид солнечного луча»».

Таков, в кратком изображении, мистический путь прп.

Симеона согласно его писаниям. Он начинается даром Божиим, видением Божественного света, внезапно осиявшим его, когда он был еще юношей, неопытным в духовной жизни. Следуют долгие годы расслабленной и рассеянной жизни в миру, откуда он был «вытащен за волосы» Самим Христом. Тогда начался продолжительный период аскетических трудов в монастыре под руководством духовного отца Симеона Благоговейного: отречение от своей воли, искание смирения и особенно пламенная непрестанная молитва о восстановлении его духовного зрения. Далее, через внутреннее очищение и, как следствие, новое мистическое озарение видением света, прп. Симеон на новом этапе достигает вершины всего: личной, близкой и единящей встречи со Христом, и Христос, беседуя с ним Духом Святым в его сердце, делает все существо его светом. После этого откровения остается только отметить его последствия: невозможность скрывать сокровище, которое есть Сам Христос, необходимость возвещать его другим, быть тем «братолюбивым нищим», который получает милостыню, дабы указать на ее источник. Этот поразительный образ «братолюбивого нищего», получившего от Христа златницу благодати, приявшего в своем сердце Самого Христа и призывающего всех бежать и искать единого Милостивого, дает лучшее представление о святой и привлекательной личности прп. Симеона Нового Богослова, как и о его духовном пути и учении. И, чтобы воспользоваться собственными образами прп. Симеона, – его писа-

ния действительно являются теми раскрытыми «ладонями», на которых он показывает всем, кто сомневается в возможности личного общения со Христом в этой жизни, золотые монеты своих духовных озарений. Или, как он сам зовет в своих Гимнах: «Да, братья мои, бегите к Нему действиями, да, друзья, встаньте, да, не отставайте, да, не говорите против нас, обманывая самих себя. Не говорите, что невозможно принять Божественный Дух, не говорите, что без Него возможно спастись, не говорите, что кто-нибудь причастен Ему, сам того не зная, не говорите, что Бог невидим людям, не говорите, что люди не видят Божественного света или что это невозможно в настоящие времена! Это никогда не бывает невозможным, друзья! Но очень даже возможно желающим, но только тем, которым жизнь дала очищение от страстей и соделала чистым око ума».

Неистовый ревнитель

Итак, прп. Симеон был выбран игуменом монастыря св. Маманта в возрасте 31-го года после всего лишь трехлетнего пребывания в монастыре. Маленькая обитель св. Маманта, основанная во времена императора Маврикия, в конце VI века, находилась, согласно свидетельству Никиты, в западной части Константинополя, недалеко от Ксирокеркских врат, ныне Белград Капу. Во времена прп. Симеона она была в очень печальном состоянии. Большая часть зданий развалилась, и, как отмечает Никита, это было «не столько прибежище и стадо монахов, сколько место жительства мирских людей». Немногочисленные монахи, которые еще жили там, страдали от духовного голода и были оставлены без покровительства и духовного руководства. Прп. Симеон немедленно принялся за восстановление развалин. Воистину достойно удивления, насколько удачливым выявил себя этот человек внутренней жизни в такого рода работах материального восстановления и организации. Нас, однако, гораздо больше интересует духовное восстановление монашеской жизни и средства, примененные прп. Симеоном для достижения этой цели. С этой точки зрения Огласительное Слово «О любви», произнесенное прп. Симеоном после избрания его игуменом, может рассматриваться как хорошее изложение его программы. «Братья и отцы, – говорит он, начиная Слово

своего рода личным вступлением, – . немалая и необычная скорбь владеет мною, что я, смиренный, будучи предпочтен перед другими водить вас, честнейших, которых я скорее должен был сам иметь вождями, как самый последний и по времени (жизни в обители), и по возрасту, не обладаю словом, опирающимся на дело и свидетельствуемым жизнью, дабы утешать вас и напоминать вам о законах и воле Божией. Но я прошу и умоляю всех вас, братья мои, смотреть не на рассеянную мою жизнь, но на заповеди Господни и на учения наших святых отцов». После этого прп. Симеон переходит к главной теме своего наставления, любви. Вся проповедь имеет целью указать монахам, что путь, который ведет в Царство Небесное, есть путь заповедей Христовых, из которых самая главная – любовь. Похвала любви, царице добродетелей, принимает у него черты вдохновенного гимна. Во многих местах яркие обращения к любви, воспринимаемой как личность, производят впечатление мистического экстаза. «Постараемся итак, дорогие мои во Христе братья, служить Богу как всеми добродетелями, так и взаимной любовью, служить и мне, которого вы избрали иметь образцом духовного отца, хотя мне и очень недостает этого достоинства. Дабы радовался бы Бог вашему согласию и совершенству, радовался бы и я, смиренный, видя всегда все увеличивающимся преуспевание вашей жизни по Боге на лучшее в вере… И радость моя становится благословением для вас и прибавлением неразрушимой и блаженной жизни во Христе

Иисусе, Господе нашем».

Подлинно, производит впечатление, как прп. Симеон в первом обращении стремится создать личные духовные отношения между собою, как игуменом, и братией. Нелегко было воплотить возвышенные мысли нового игумена в монастыре, где духовная жизнь находилась на достаточно низком уровне. По этой причине прп. Симеон повторно ищет сотрудничества братии в общем деле духовного восстановления. И не перестает побуждать монахов положить начало новой жизни. Одновременно, однако, он подбодряет их тем, что постоянно говорит, как Бог нас любит и как быстро Он нам отвечает, если только мы искренно Его ищем. «Прошу вас, – говорит он, – братья мои, да пробудимся мы наконец и, возбуждая друг друга утешением слова к ревности и подражанию добра, будем бежать со тщанием, будем спешить с охотой и с кипящим произволением». Такого рода побуждения к совместным подвигам особенно уместны во время Великого Поста, когда необходима особенная строгость. «Начало да будет нам, братья, – говорит он, – от сегодняшнего дня, и, сколько у нас есть силы, будем бежать вперед, чтобы, как некие орлы с золотыми крыльями, мы, легкими, достигли бы Пасхи Господней… Установим же, если угодно, мы сами себе закон общим советом посреди нас, чтобы если двое из нас найдутся, кроме как в субботу и воскресенье, стоящими праздно и ведущими совершенно бесполезные разговоры, да не вкушают они в этот день ничего другого, кро-

ме как сухого хлеба с солью и холодной воды во время обеда, стоя при этом около нижнего конца стола». Решение начать новую жизнь было для прп. Симеона самым важным. Он был убежден, что Бог не замедлит дать ответ на такое решение. «Послушай только меня смиренного, – говорит он одному молодому монаху, – только положи в этом начало, брат, только начни делать и говорить это, и Бог не оставит тебя. Потому что Он сильно тебя любит и хочет, чтобы ты пришел в познание истины и спасся». Или в другом месте: «Воистину возвещаю тебе великую радость. Потому что если ты будешь настойчиво это делать, испытывая жажду, пребывая во бдениях, подчиняясь до смерти и слушаясь без рассуждения и без лицемерия твоего настоятеля, претерпевая также всякую скорбь и обиду, и поношение, и клевету, более того, также и удары, и несправедливости со стороны самых ничтожных собратьев, оставаясь расположенным без памятозлобия и со всякой благодарностью по отношению к ним и молясь о них, радуйся и веселись радостью несказанною. Потому что не только вечером, и утром, и в полдень, но и тогда, когда ты ешь и пьешь, и часто когда разговариваешь, поешь, и читаешь, и молишься, или лежишь на своей постели, этот Божественный и несказанный дар (умиления) будет идти вслед за тобою все дни твоей жизни и будет сопутствовать тебе, утешая и услаждая болезненность от трудов твоих». И прп. Симеон даже объявляет себя поручителем, что Милостивый не оставит грешника, если он обратится к Богу

без колебания в своем сердце.

Прп. Симеон хорошо чувствовал трудности своего игуменства, тяжелую обязанность руководить монахами и молил Бога о поддержке, как он об этом пишет в своих Гимнах: «О Боже мой… сделай меня способным великодушно переносить всякое искушение и огорчение жизни. все, что причиняют мне делом и словом немощные из этих моих братьев. Увы мне, потому что мои члены истощают меня, и я снова испытываю боли из-за них. Я, на кого выпал жребий быть главою, влеком ногами и хожу босым, и укалываюсь колючками, и сильно болезную, не перенося боли. Одна из моих ног идет вперед, а другая обращается снова назад. Они тянут меня туда-сюда, тащат меня, мои ноги раздираются, и я падаю на землю. Я не в силах следовать за ногами. Лежать плохо, а ходить настолько хуже, чем лежать, что превосходит все другие несчастья». Его особенно тяготит ответственность за спасение своих братий: «Что же касается до судьбы братьев, которых я поставлен пасти, какая душа сможет понести, какой ум найдет силы неосужденно проследить настроение каждого в отдельности и без недостатка внести от себя все (нужное), и изъять самого себя от его осуждения. Мне не кажется, что это возможно людям, поэтому я убежден и хочу скорее быть учеником, служа воле одного, слушая слова одного, и дать ответ только за этого единого, нежели служить нравам и желаниям многих и исследовать настроения, и разыскивать намерения и действия, и следить также

за мыслями, так как суд ожидает меня и мне предстоит дать ответ за то, в чем согрешили те, пасти которых я один был избран неизреченными постановлениями Бога. Ибо каждый будет судим и во всяком случае даст ответ за то, что он сделал сам, доброго или дурного, а я один дам ответ за каждого. И как я хочу спастись и как быть помилованным, я, который даже для моей одной жалкой души совсем не имею возможности показать спасительное дело?» Однако, он молится быть спасенным вместе со своими учениками: «И с ликами избранных, какими Ты Сам ведаешь судьбами, сопричисли с Твоими учениками, чтобы мы все вместе видели Твою Божественную славу и наслаждались бы Твоих, Христе, неизреченных благ!»

В своем учении прп. Симеон всегда проповедовал возможность мистического единения с Богом в настоящей жизни. Путь, который вел к этому единению, был, конечно, согласно с прп. Симеоном, исполнение заповедей Христовых, тесный и трудный крестный путь, аскетические подвиги вообще. В этом отношении прп. Симеон не отличается от древних аскетических писателей. Как и они, он делает ударение на необходимости суровой работы и борьбы прежде получения духовных дарований. Для него, однако, видение Бога не являлось своего рода наградой, даруемой нам за наши добрые дела после смерти, но чем-то, начинающимся уже здесь. Видение Бога составляло для прп. Симеона существенную часть христианской жизни, даже если полнота его могла быть

достигнута только в будущем веке. Прп. Симеон постоянно возвращается к этому. Так, он утверждает, что мы начинаем делаться причастниками воскресения здесь и сейчас, в настоящей жизни. Здесь также начинаем мы видеть Христа. Такого рода духовное учение о видении Христа в этой жизни занимает особое место в предании греческих и восточных аскетических писателей. Оно, конечно, не противоречит учению древних отцов, поскольку, несомненно, даже внушено древними духовными течениями, как, например, «Духовными Беседами», приписываемыми прп. Макарию Египетскому. Но способ, как оно было проповедано прп. Симеоном, казался необычным и новым. Ударение, которое он ставил на предварении вечной жизни в жизни земной, возможность видеть Бога и сознательно испытывать благодать в настоящей жизни, необходимость включать в духовную жизнь самые возвышенные созерцания, чтобы выполнить общее назначение христианина, все эти черты, которые более или менее находятся у древних аскетических писателей, занимают в проповедях прп. Симеона преимущественное и даже центральное место. Необычное впечатление, производимое учением прп. Симеона, усиливалось еще из-за факта, что Византийская Церковь развивалась тогда в направлении большей регламентации литургических форм, одновременно более торжественных и единообразных. В ту же эпоху мы видим фиксацию церковных праздников и календаря в Месяцеслове императора Василия II. Тогда же Симеон Метафраст

передактировал и «очищал» Жития Святых для придания им большего единства и устранения шероховатости языка и эксцентричности повествования. Что касается духовной письменности этой эпохи, то на первое место здесь должен быть поставлен прп. Феодор Студит («f 826), великий учитель монашеский и аскетический писатель. Он был, по всей вероятности, первым составителем монашеских Огласительных Слов, и прп. Симеон подражал ему по форме, но литературный стиль прп. Феодора Студита очень отличен от стиля прп. Симеона. Прп. Феодор Студит не был мистическим писателем, нет, он был скорее моралистом. Можно даже сказать, что духовность прп. Симеона была своего рода реакцией против формалистического общежительного строя, который утвердился в Студийском монастыре при преемниках прп. Феодора, когда их великого учителя больше не было в живых. С другой стороны, в Византийской Церкви за последние века не появилось ни одного выдающегося мистического писателя. Можно только указать, дабы описать в общих чертах историческое духовное окружение прп. Симеона, на нескольких созерцательных авторов, хронологически близких к нему, как Илия Экдик (IX–X вв.) или Филофей Синайский. Впрочем, они не оказали никакого влияния на литературное творчество прп. Симеона. Нужно добавить, что ни один из этих писателей не занимал в византийской духовной жизни места, которое может быть сравнимо, даже приблизительно, с центральным, хотя и оспариваемым положе-

нием, которое занимал прп. Симеон в X–XI вв. Особого упоминания заслуживает, однако, Симеон Благоговейный, духовный наставник прп. Симеона Нового Богослова, влияние которого на последнего несомненно, но который был, может быть, еще более оспариваем, чем его ученик. Нужно, наконец, иметь в виду, что проповедь прп. Симеона не была специально обращена к лицам, преуспевающим в созерцательной жизни, к пустынникам и отшельникам, как это бывало с древними мистическими писателями, но к обыкновенным монахам столичного общежительного монастыря с невысоким уровнем жизни, или, как в его более поздних писаниях, к широким христианским кругам. Такое мистическое учение должно было показаться им очень необычным.

Однако наилучшим ключом к пониманию своеобразных черт духовного учения прп. Симеона является сама его личность, его характер как человека и его внутренний опыт как мистика. Тот же отпечаток личности виден во всем, что он делал в качестве игумена и духовного руководителя. Одной из наиболее характерных его черт является сочетание живого чувства собственного недостоинства и ясного сознания ответственности. Ведь он, игумен, должен учить своих монахов заповедям Христовым. «Всегда немощный, – писал он, – душою и телом, я хотел молчать и наблюдать только то, что касается меня, до тех пор, пока у меня худшее не будет побеждено и не подчинится лучшему помыслу. Но так как я был избран вами во главу вашего святого Тела, мне необ-

ходимо увещать вашу любовь, потому что спасение вашего братства дает мне утешение, что в то время, как я немощствую душой. вы спасаетесь.

Следовательно, и не будучи в состоянии раскрыть рта, я едва смог написать мое слово и напомнить вашему братству, чтобы, как истинные рабы Христовы и братолюбцы, вы молились бы о мне, жалком, так чтобы и я сам спасался бы с вами и, шествуя путем заповедей Божиих, я соводворился бы с вами, моими любимыми братьями».

Прп. Симеон был убежден, что в проповедях и в учении он вдохновляем Духом Святым. При всем сознании своего недостоинства, он просто был не в состоянии противиться призыву Духа, и это убеждение придавало много властности и настойчивости его действиям как игумена. «Братья и отцы, – говорит он, например, – мне не следовало бы совсем иметь смелость говорить с вами или занимать место учителя перед вашей любовью. Но так как вы знаете, что подобно тому, как изготовленный мастером инструмент не тогда, когда он сам хочет, но когда меха наполняются воздухом и когда он ритмически ударяется пальцами мастера, тогда он и издает звук и наполняет слух всех самым сладким напевом, так, конечно, следует вам думать, что это происходит со мною, невзирая на ничтожество инструмента».

Но так как такого рода уверения могли быть неправильно истолкованы некоторыми из его слушателей, прп. Симеон считает необходимым объяснить причины, побуждающие

его проповедовать и в своих учениях так часто говорить о самом себе и о своих духовных переживаниях. Он хотел сделать своих духовных детей соучастниками его благодатных дарований: «Вот это, братья мои, – пишет он в одном послании своим монахам, – я желал написать не как хотящий добиться славы (ибо безумен таковой и чужд горней славы), но чтобы вы знали безмерное человеколюбие Божие и каковым является легчайшее бремя заповедей Самого Спасителя Христа и Бога нашего, и каково воздаяние дара Его и, чтобы узнав это, вы или возжелали бы достичь Его любви, или бы недостижения ее боялись и ужасались, как вечной смерти». Прп. Симеон выявляет себя во всех своих проповедях и действиях подлинным духовным отцом, нежно любящим духовных детей и готовым пожертвовать всем ради их спасения. «Дайте мне эту похвальбу, – говорит он, – что один только я, низверженный в адскую бездну нерадения, вырвал вас, громко закричав, из сети; и если я и должен много оплакивать мою леность, но мне довольно видеть вас высоко летающими превыше сетей дьявольских». Или: «Да, братья мои, умоляю вас, не презрите моего моленья, но так мне подарите вашу волю, чтобы посредством отречения ее вы начали бы жизнь мучеников и страстотерпцев Христовых, я же от сегодняшнего дня буду вновь и вновь полагать за вас всю мою душу вместе с телом на добровольную смерть».

Эта пламенная любовь и преданность прп. Симеона его духовным детям делала его особенно чувствительным, когда

он не находил подобного взаимного расположения со стороны братии монастыря. Говоря вообще, его духовное руководство и наставничество имели значительный успех. Духовный облик монастыря св. Маманта изменился к лучшему. Много новых монахов из всех слоев общества и из различных стран пришли к нему и значительно увеличили братию монастыря, как об этом пишет в житии Никита. Они образовали собою значительную группу преданных и верных учеников. Среди них был даже один бывший епископ из Италии, по имени Иерофей, нашедший под руководством прп. Симеона мир Христов для своей страдающей души. Среди населения Константинополя прп. Симеон становился все более и более известен. Многие важные лица посещали его, ища духовного руководства. Тем не менее, успехи, как мы скоро увидим, имели свою оборотную сторону. Среди тех, кто пришел к нему, привлеченный его огненной проповедью и святостью, нашлись такие, которые начали проявлять в дальнейшем признаки неустойчивости и захотели покинуть монастырь. Любящее сердце прп. Симеона было, как и можно было ожидать, живо затронуто такого рода намерениями. Это видно из следующих его слов: «Вы пришли к нам с огненной любовью и верою, как мы могли это заключить из ваших слов и лиц, и при этом не принужденные кем-нибудь, но добровольно устремившиеся на это! Обнаружьте мне, если вы истинно меня любите, замысел ваших сердец. Чтобы я узнал не только на словах, но и на деле, что Бог стал с

вами и что я не напрасно потрудился. Если же вы этого не хотите, почему вы, придя, причинили мне тяжесть, и отходя – еще более отягощаете? Тяжесть, которая соделовает во мне и неизреченную радость, и беспредельную скорбь, самое странное! Радость, потому что я молюсь о вас и радуюсь, надеясь иметь вас (своими детьми), скорбь же, потому что я боюсь, как бы вы не были удушены вместе с миром, и, будучи обманутыми им, солжете Христу. И я ужасаюсь и прихожу в исступление, помышляя об этом. И на это истрачивается моя душа, и это не дает мне покоя или радования. И плача об этом и находясь в мрачном настроении, я поистине так хожу».

Из этих слов видно, что некоторые монахи св. Маманта, хотя и были вначале тронуты проповедью прп. Симеона, не были, однако, в состоянии долго следовать его призыву. Между ним и определенною частью братьев видимо создалось отчуждение. Прп. Симеон часто должен был чувствовать одиночество в своей духовной борьбе. Он также страдал, сознавая, что его пастырская любовь не встречает понимания и ответа, на которые он надеялся. Его надгробное Огласительное Слово скончавшемуся брату Антонию выражает эти чувства духовного одиночества и пастырской заботы. «Помни о твоем обещании и не забывай о твоих последних и сладостных словах, молясь о нас, твоих братьях, и о всем твоем роде. Ибо многочисленны наши тяжести, о сладчайший брат, которые отягощают смиренную нашу душу и

тело. Из них самое ужасное – одиночество и многие заботы о наших братьях. Ты знаешь, что в этой заботе – я самый неистовый ревнитель». Напряжение между прп. Симеоном и одной, по крайней мере, частью его монахов, как видно, росло. У нас много указаний на сопротивление некоторых монахов монастыря св. Маманта своему игумену. Его личность была для них слишком яркой, и его учение представлялось им превосходящим обыкновенные возможности. Огласительные Слова полны горьких жалоб на непослушание монахов. «Я бываю содержим такою скорбью, – жалуется он, – что мне кажется, что предаюсь самой адской муке. И я плачу и рыдаю, как уже осужденный. И хотя я умоляю вас, но не бываю услышан. Я делаю замечания, но меня отвергают; упрекаю и бываю ненавидим, наказываю и взаимно бываю наказываемым и изгоняюсь, как враг. И делая все это, не могу найти успокоения. Помышляю прекратить все и смотреть только за моими личными бедами, но когда хочу это исполнить на деле, тогда сердце мое разжигается, как пламя, и я опять, смиренный, оказываюсь в тех же обстоятельствах.

И я болею вашими ранами не менее, чем своими собственными язвами каждый человек. И я опять воспламеняюсь о вас всех и жизнь мою считаю невыносимой». Или такого рода «самокритика»: «Мы обещали быть монахами, а стали худшими, чем мирские люди. Мы дали обет голодать и жаждать и испытывать лишения, а между тем не стыдимся спорить и кощунствовать из-за одного куска хлеба. Мы пришли,

чтобы отречься от всех, кто в мире, и не перестаем их даже более питать принадлежащим монастырю хлебом. Мы убежали из мира, как от врага, но мы любим мир более, чем Самого Христа».

Было бы, однако, исторически неправильно видеть в оппозиции против прп. Симеона как игумена одно нерадение и мирской дух монахов, нарушавших правила монашеской жизни. Другие, более тонкие, разногласия, относящиеся к пониманию духовной жизни, обострили конфликт. Настойчивость прп. Симеона, с которой он призывал следовать в мистике за древними отцами, многим представлялась чрезмерным требованием. Для прп. Симеона, напротив, это являлось необходимым условием христианской жизни. Он считал самой опасной ересью мнение, будто Церковь Божия в настоящее время не обладает той же полнотою духовных дарований, как и в древние времена. Эти дарования, наверное, даются и теперь тем, кто их ищет со смирением и самопожертвованием. Резкое столкновение между прп. Симеоном и частью его монахов стало неизбежным. Двадцать девятое Огласительное Слово ярко отражает это столкновение: «Я о тех говорю, – проповедует прп. Симеон, – и тех называю еретиками, которые говорят, будто нет никого в наши времена и посреди нас, могущего сохранить евангельские заповеди и стать подобным святым отцам. Прежде всего, верными и деятельными, а далее и весьма созерцательными и вместе с тем боговидцами, то есть просветиться и принять Духа

Святого и через Него увидеть Сына с Отцом. Итак, те, кто говорят, что это невозможно, обладают не какой-либо частной ересью, но всеми, если это можно сказать, так как эта ересь много превосходит и покрывает все другие нечестием и кощунством. Говорящий это опровергает все Божественные Писания. Эти противники Христа говорят: «Это невозможно, невозможно». И почему, скажи мне, невозможно? А посредством чего святые воссияли на земле и стали светилами в мире? Если бы было невозможным, и они бы никогда не смогли это совершить. Ибо и они были людьми, как и мы. Они ничем большим, чем мы, не обладали, кроме как произволением на благое, старательностью и терпением, и любовью к Богу. Итак, приобрети и ты это, и станет для тебя источником слез каменная сейчас душа. Если же ты не хочешь терпеть скорби и стеснения, то, по крайней мере, не говори, что это невозможно».

Частое упоминание духовных слез как необходимого пути очищения сердца и, через него, видения Бога и единения с Ним, в особенности вызывало насмешку и враждебность противников прп. Симеона. Прп. Симеон утверждал, что дар слез даруется тем, кто его действительно ищет. Он объяснял также, что жестокость сердца и затрудненность слез не является чем-то свойственным определенным натурам, но происходит от нерадения и духовной лености. «Невозможно, – говорит он, – вымыть без воды замаранную одежду, и без слез еще более невозможно отмыть и очистить душу от пятен

и осквернений. Не будем выдумывать душевредных и тщетных предлогов или, лучше сказать, совершенно ложных и причиняющих погибель, но взыщем от всей души эту царицу добродетелей (умиление). (Умиление) отмывает сначала от грязи причастников его. Далее, оно омывает вместе с тем и страсти и отмывает их, как бы снимая засохшую кожу с ран. И не только это, но и как некий пламень, обегая кругом, постепенно уничтожает их, сжигая их ежечасно, как колючки, и попаляя. Все это вместе со слезами, вернее же, – посредством слез, соделовает Божественный огонь умиления. Без умиления же, как мы сказали, ничто из такового ни в нас самих, ни в ком-нибудь другом никогда не произошло и не произойдет». Прп. Симеон постоянно говорит своим монахам о таких сердечных слезах и как они превращают нас в дом Пресвятой Троицы.

В вышеприведенных цитатах можно заметить как бы естественный переход от аскетических предписаний к возвышенным духовным состояниям. Такое органическое сочетание аскетических и мистических тем обычно в духовном учении прп. Симеона. Он никогда не забывал указывать на необходимость аскетической подготовки, но первенствующее значение для него имел таинственный плод Духа. А между тем, как раз ударение на мистическом переживании вызывало вражду многих. 34-е Огласительное Слово «О том, что небезопасно зарывать даваемый нам от Бога талант» дает нам еще раз картину развивающегося конфликта. Оно поз-

воляет чувствовать создавшуюся в монастыре атмосферу. «Что вы в себе подумали, – спрашивает прп. Симеон своих монахов, – о том, чему мы часто учили вас в различных проповедях? Что вы в себе решили о том, кто смело говорил об этом? Может быть, вы подумали, что мы сказали что-то не находящееся в Божественных Писаниях? Или вы нас скрытно порицали как говорящих чрезмерные вещи? Или вы осудили нас как ораторствующих преувеличенно о себе? Если вы так оказались расположенными к сказанному, то да будет к вам милостив Христос. Я также прошу вашей любви, чтобы никто, впав в такое осуждение, не упорствовал бы в нем». Из этих слов можно видеть, что прп. Симеон был обвиняем, что слишком много говорит о своей собственной духовной жизни и тем самым слишком настойчиво призывает братию своего монастыря следовать тем же путем, что он. Поэтому прп. Симеон чувствовал необходимость объяснить, что если он говорит в таком духе, то только подвигаемый на это любовью к братьям: «Таков, следовательно, братья, образ моего, как некоторые думают, величавого говорения. Таким образом, любовь к Богу движет меня к вам, моим отцам и братьям, чтобы открыть неизреченную Божию благодать к нам и любовь, из-за которой Он таким образом и в столь великих вещах прославляет независтно тех, кто на Него надеется».

Несмотря на встречаемую враждебность, прп. Симеон продолжал звать находившихся под его руководством монахов к более высокой духовной жизни, устремленной к Бо-

жественному озарению. Это был его долг как игумена и его ответственность пред Богом. «Я прошу всех вас, о отцы и братья, постарайтесь стать причастниками такой жизни, которая есть Божественный свет, Сам Дух Святой, освящающий причащающихся Его и соделовающий их богами по положению. И не забудьте столь многих слов, которые я говорил вам. Ибо я не прекратил возвещать вам то, что было мне сказано и извещено, и повелено Господом нашим Иисусом Христом посредством Его поклоняемого и Святого Духа о высоких дарах и благодатных дарованиях собезначального Бога и Отца Его, каковые дарования дает всегда и даже до настоящего времени всем, трудами ищущим причастия в вере, Тот же благой и благодетель наш, Бог».

Развязка этого кризиса известна нам из Жития. Лет через пятнадцать после вступления прп. Симеона в должность игумена монастыря св. Маманта часть монахов, приблизительно тридцать братьев, взбунтовались против него и насильственно прервали его, когда он, по обыкновению, проповедовал в церкви во время утрени. Они устремились на него, как «дикие звери», с намерением изгнать из монастыря. Попытка, однако, не удалась благодаря спокойствию прп. Симеона, который продолжал стоять на своем месте, «непоколебимый» и «слегка улыбающийся» и «светло, но пристально смотря на своих ненавистников». Обаяние его святой личности подействовало даже на них, или, как хорошо говорит Никита, «обитающая в Симеоне благодать удерживала их далеко и

отбрасывала».

Можно предполагать, что и большинство монахов не приняли участия в бунте. Как бы то ни было, бунтовщики не посмели тронуть прп. Симеона, но после многого шума и крика выбежали «стремглав» из церкви, выломали запертые ворота монастыря и устремились через весь город в патриархию, куда и представили свои жалобы против игумена и просили о вмешательстве патриарха Сисинния (995–998). Патриарх, однако, после расследования признал правым прп. Симеона и осудил бунтовщиков на изгнание из монастыря. Эта кара была, однако, вскоре отменена вследствие личного ходатайства прп. Симеона, который сделал все от него зависящее, чтобы вернуть всех недовольных. После этого прп. Симеон продолжал оставаться еще десять лет игуменом монастыря св. Маманта. В 1005 г. он отказался от своей должности. Его игуменство продолжалось приблизительно двадцать пять лет.

В оценке результатов деятельности прп. Симеона, игумена, духовного наставника и преобразователя монашеской жизни, можно отметить некоторую двойственность и даже противоречивость. Ему, несомненно, удалось превратить маленький монастырь св. Маманта, находившийся в упадке и наполовину развалившийся, в значительный духовный центр, где процветала святость, отовсюду привлекавшая к себе христиан. Он привнес новую жизнь и создал духовное движение, которое в Православной Церкви имеет непрехо-

дящее значение. Но оно не было принято всеми и вызвало сопротивление и разделения. Его прекрасная духовная программа, выраженная во вступительном Слове «О любви», не могла быть осуществлена во всей цельности. Вместо того, чтобы вести всех своих духовных детей «во едином уме и в одном сердце» по пути любви Христовой, он должен был упорно бороться против бурной оппозиции. Сам будучи великим мистиком и получив от Бога изобильные благодатные дары, прп. Симеон пламенно желал, чтобы и другие также стали соучастниками тех же божественных дарований. Может быть, он был слишком нетерпелив, когда замечал, что не все были в состоянии за ним следовать. И действительно, для многих его духовный путь видения Бога еще в настоящей жизни представлялся «бременем неудобоносимым».

Тем не менее, прп. Симеон Новый Богослов, духовный отец, полный любви, жертвующий собою для спасения своих детей, был и остается великим духовным обновителем.

В его лице и в его деятельности созерцательное и мистическое течение православной духовности органически сочетается с общежительной и деятельной традицией. Его пламенная любовь и забота о спасении братии, его попечение сделать их участниками тех же даров благодати, которые он сам получил, не позволили ему выбрать и вести отшельническую и безмолвную «исихастскую» жизнь, но вынудили его проходить деятельный путь. Попечение о спасении других лежит в основе всех трудностей, встреченных им в качестве

игумена. Это попечение и сделало его «неистовым ревнителем», как сам он говорит в выше цитированном Огласительном Слове.

Новый богослов

Нам остается теперь рассказать о последнем периоде жизни прп. Симеона, после бунта монахов и ухода от должности игумена монастыря св. Маманта. Никита Стифат, ученик прп. Симеона и автор его Жития, сильно настаивает на добровольном характере этой отставки. Духовное состояние монастырского братства, по его рассказу, достигло под руководством прп. Симеона высокого уровня, и глубокое согласие заняло место прежних раздоров. Монашеское стадо «стало другим собранием священных студитов в уставах и делах и в самой скромности и нравах или, лучше сказать, бесплотных ангелов, поющих разумно и служащих горячо Богу. Так расположенный и превзойдя таким образом низость своего тела, блаженный возрастал ежедневно, простираясь на лучшее, и возрастало благодаря ему стадо Христово посредством постригаемых им монахов».

При таком положении единственной причиной, которая могла бы толкнуть прп. Симеона на отказ от управления монастырем, могло быть его пламенное желание и любовь к духовному безмолвию. «Но его сильно огорчали, – продолжает свой рассказ Никита, – дела и забота о них, отрывая его от прекрасного и любимого безмолвия. Движимый Божественным Духом, он думает позаботиться по древнему обычаю об общежитии и о учениках и устроить впредь для себя пребы-

вание вне беспокойств и наслаждаться снова, как и раньше, любимым безмолвием… Итак, с одобрения патриарха Сергия II (1001–1019), он добровольно отказывается от игуменства, а вместо себя поставляет игуменом своего ученика Арсения, способного пасти стадо Христово». Но сам остается, однако, в монастыре, смиренно подчиняясь новому игумену. «Самому же себе отделяет один угол». «От этого времени его ученик Арсений берет на себя заботы об общежитии, а пастырь и учитель всех в монастыре предается безмолвию наедине». Затем, согласно Никите, прп. Симеон произносит прекрасное наставление новому игумену и всем братьям монастыря, в котором научает их обязанностям монашеской жизни и послушанию настоятелю. Это поучение сохранилось в качестве 18-го Огласительного Слова прп. Симеона.

Вопреки этому оптимистическому свидетельству Никиты о духовном состоянии монастыря св. Маманта и об общем уважении, коим пользовался в это время прп. Симеон, дальнейшие события показали, что его личность и духовное учение продолжали встречать упорную оппозицию в церковных кругах Константинополя. На этот раз, однако, оспаривание пришло извне, со стороны высшей церковной иерархии в лице бывшего митрополита Никомидийского, синкелла Стефана. Вот как характеризует его Никита, не имевший к нему, однако, особой симпатии: «Был некий Стефан, председатель в митрополии Никомидийской, Стефан (сын) Алекси-

ны, муж, превосходящий многих словом и знанием, и сильный не только у патриарха и императора, но и способный дать всякому спрашивающему разрешение (трудностей) относительно новых вопросов благодаря широте образования и благоподвижности языка. Он отказался от епископского престола по неясным причинам, ведомым ему и Богу, и пребывал всегда с патриархом, и пользовался у всех большой известностью за свое знание».

Более того, это была политическая и даже дипломатическая личность, как можно видеть из того факта, что император Василий II послал его в 976 году в качестве своего представителя, чтобы убедить мятежного генерала Варду Склироса отказаться от мятежа. Он был выбран, по свидетельству летописца Кедрина, как «ловкий примирять и смягчать привлекательностью своих слов самые неукротимые натуры». (Впрочем, он не преуспел в своей миссии.) Что же касается его богословской учености, она была неоспорима, но весьма отлична от богословия прп. Симеона, и это было, вероятно, главной причиной их столкновения. Столкновения между книжным, схоластическим и оторванным от духовной жизни богословием, но, тем не менее, формально православным и консервативным, и богословием, сознающим себя выражением Божественного Духа, подчеркивающим непостижимость и тайну Бога, а также Его откровение в мистическом опыте святых, и отрицающим право говорить о Боге лицам, не обладающим Духом Святым. Богословием, всецело

признающим авторитет Писания и Отцов, но для которого это внутренний авторитет, постигаемый только в свете Духа. Три Богословских Слова прп. Симеона, написанные в период споров между ним и Стефаном, хорошо отражают духовную атмосферу этого конфликта, хотя прямо о нем не говорят. Конфликта скорее духовного, чем догматического, и не выходящего из рамок Православия.

Для Никиты, однако, объяснение конфликта было более простое: это была зависть Стефана, который не мог вынести, что слава прп. Симеона как богослова была больше, чем его, несмотря на всю его ученость. Вот что, по убеждению Никиты, было первопричиной ссоры, возбуждаемой Стефаном против прп. Симеона. «Блаженный Симеон, – пишет Никита, – обладающий истинным ведением духовным, был любим всеми людьми тогдашнего времени, и наслаждались все и удивлялись его знанием, и он почитался всеми людьми не только как мудрый духом, но и как святой. Дошло это до слуха упомянутого человека, а он, как много о себе думающий и выше всех других себя считающий, насмехался над известностью святого и порицал тех, кто говорил о знании его, называя святого неучем и совершенным дикарем и невеждою, неспособным и слово пикнуть в присутствии мудрых людей, умеющих произносить тонкие суждения о ученых предметах». Случилось, что оба человека однажды встретились в патриархии, и синкелл Стефан воспользовался случаем, чтобы поставить прп. Симеону трудный богословский вопрос,

надеясь поймать его в ловушку и таким образом выявить его невежество. «Немного времени прошло, – рассказывает Никита, – и святой встречается в верхнем этаже патриархии с синкеллом, и тот говорит ему, надев личину друга: «Здравствуй, благоговейнейший господин Симеон, знаменитый знанием вместе с благоговением и ученостью». И как прп. Симеон отвечает ему в том же тоне иронической вежливости, Стефан ставит ему вопрос: «Как, скажи, разделяешь ты Сына от Отца, умственным различием или действительным?» Этим лукавым вопрошанием своим, – комментирует Никита, – он заранее приготовил так, что если тот что-нибудь скажет, предпочтет одно другому, так как вопрос имел двусторонние опасности, Симеон поскользнется, как якобы невежда, и вызовет против себя много осуждения и смеха, изобличенный при первом же нападении, и его восхвалителям станет очевидно его невежество».

Но прп. Симеон не был человеком, которого легко поймать в ловушку. Ответив: «Вам, архиереям, было дано знать тайны Божии, о премудрейший владыко. Тебе поэтому следовало бы посвятить нас в тайну познания таких предметов», – он обещает синкеллу дать письменный ответ на следующий день. «Что мне должно ответить. (Бог) может мне дать благодатью Духа, когда я сам возвращусь в мою келлию и письменно изложу, и пошлю тебе». Никита рассказывает далее, что прп. Симеон по возвращении к себе начал писать свой ответ и «разжегшись сердцем Божественным ог-

нем, составив свой труд в свободных стихах по способу поэтов», разрешил трудности вопросов Стефана и послал ему свой ответ. Этот ответ прп. Симеона сохранился, это его 21-й Гимн. Прп. Симеон опровергает в нем сначала предпосылки вопроса Стефана, объясняя истинный смысл троических различий в Боге, неразделимом в Себе и едином по природе. «Бог, – говорит он, – сосуществующий по природе, предбезначальный с Богом собезначальным, Сыном и Словом, из Тебя рожденным, разделяемым от Тебя не умственным разделением, но действительным, причем Ты остаешься нераздельным. А если и разделяется, то не по природе, а скорее по ипостаси, то есть Лицу, потому что (говорить) «действительным разделением» свойственно нечестивцам и безбожникам, а «умственным разделением» всецело омраченным. Ибо Ум обладает рождаемым Словом, непрестанно всячески и неким образом отделенным. А если Он рождается и происходит подлинно, и отделен ипостасным Словом, но остается внутри Родившего, что следует мыслить Отеческим Лоном, и исходит во весь мир и все наполняет всецело без Отца и Сам весь пребывает со Отцом. Во всяком случае Он приобщается Своими действиями и мыслится как приходящий осиянием».

Прп. Симеон не ограничивается, однако, этим, совершенно православным, изложением троичного догмата о единстве Божественной природы, ипостасных различиях и «энергиях», которыми Бог обнаруживает Себя, но, увлеченный

вдохновением, посвящает большую часть своего письма полемике против тех, кто, как, по его мнению, синкелл, смеют богословствовать, не обладая Духом Божиим. Прп. Симеон пишет, что «Всесвятой Дух, исшедший неизреченно от Отца, был послан через Сына людям, не неверным, не любящим славу, не ораторам, не философам, не изучающим эллинские сочинения, не незнающим наши Писания, не тем, кто выступал на сцене жизни, не говорящим изощренно и обильно, не получившим великие имена, не тем, кому случилось быть любимыми прославленными людьми», – (намеки на синкелла совершенно ясны), – «… но бедным духом и жизнью, чистым сердцем и телом, стяжавшим простое слово, и более простую жизнь, и еще более простой образ мысли». Только Духом Святым, а не при помощи науки, приобретается познание Св. Троицы. «Таковые, – говорит он, – имеющие учителем Духа, не нуждаются в научении от людей, но, освещаемые Его светом, видят Сына, созерцают Отца и поклоняются Троице в Лицах, единому Богу, неизреченно соединяемому по природе». Более того, синкелл, видимо, не знает, как видно из его вопросов, что «тварь не может понять Создателя». И прп. Симеон обращается к митрополиту Стефану со следующим патетическим призывом: «Прекрати, человече, содрогнись, смертный по природе, и помысли, что, несуществующий, ты был произведен в бытие… Взыщи Духа, будь вне мира!.. Может, Бог будет умолен и даст, как прежде давал видеть мир, и солнце, и дневной свет, так и те-

перь удостоит осиять и указать тебе умный мир и осветить тебя трисолнечным светом».

Неудивительно, что такой ответ прп. Симеона глубоко не понравился синкеллу Стефану и рассердил его, тем более что прп. Симеон пишет о вопросах, на которые синкелл не просил его отвечать, и считает для себя дозволенным учить синкелла духовной жизни. Во всяком случае, именно прп. Симеон углубил конфликт и, сверх вопросов личного характера, выявил истинную природу столкновения между двумя типами богословия и понимания духовной жизни. Итак, началась долгая война между митр. Стефаном и прп. Симеоном. Она продолжалась приблизительно шесть лет и закончилась 3 января 1009 года изгнанием прп. Симеона из монастыря.

Как можно заключить из этих дат, трения между синкеллом и прп. Симеоном должны были начаться за два года до отставки последнего от игуменства и, вероятно, повлияли на его решение. Не имея причин напасть на прп. Симеона ни на догматическом, ни на нравственном уровне, синкелл Стефан избрал в качестве предлога для своего враждебного вмешательства тот факт, что прп. Симеон, по своему личному почину, с большой торжественностью праздновал в монастыре память своего покойного духовного отца (скончавшегося около 986–987 гг.), который еще не был официально признан Церковью святым. Само по себе это обстоятельство не было столь необычным, как может показаться нам, так как офи-

циальная канонизация святых была еще мало известна, во всяком случае, не обязательна в ту эпоху. Признание святости было обыкновенно простым следствием существующего народного почитания. Как бы то ни было, патриарх Сергий II, услышав об этих празднествах, «послал за святым и расспросил его о том, что слышал». Но, получив от прп. Симеона сведения о жизни и писаниях его духовного отца, одобрил празднование его памяти в монастыре. «С большими похвалами (патриарх) отпустил (прп. Симеона), побудив его напоминать ему во время празднования памяти (его) отца, так чтобы и он мог бы предоставить восковые свечи и благоухания и тем выразить свое почитание святого. Это происходило в течение шестнадцати лет». Однако Стефан начал нападать на личность Симеона Благоговейного, подвергая сомнению его святость и клевеща на него, как на грешника.

Стефан нашел сочувствующих при патриаршем дворе и даже среди некоторых монахов св. Маманта – доказательство того, что он не был одиночкою в церковной иерархии и что разделения продолжали существовать в монастыре прп. Симеона.

«Затем, – рассказывает Никита, – (Стефан) воздвигает неких церковных людей, а они – других из ограды прп. Симеона, и принуждает их вопиять против него за почитание и торжества духовному отцу. Итак, они вопияли и говорили беззаконие против праведника, а он (Стефан) воздвигал свои уста на небо, и язык его дошел до слуха архиерея, а

он говорил неправду в высоту святого синода». Однако, как рассказывает Никита, «патриарх и архиереи святого синода затыкали уши в течение двух лет, не давая завистливому голосу места для входа, потому что им было стыдно выразить порицание самим себе, так как одни из них благоуханиями и свечами ежегодно воздавали честь святому, а большинство из них по своей воле приходили на праздник отца». «Таким образом, как обстояли дела, происходило некое сражение между истиной и ложью», но, в конце концов, «зло победило».

«Непрерывностью своей клеветы синкелл надоел патриарху и архиереям, и они настаивают, чтобы он дал какой-нибудь предлог для обвинения против святого, так чтобы приговор против него, которого тот добивался, не был лишен основания». Синкелл Стефан нашел его в некоторых чертах духовности Симеона Благоговейного, о которых мы будем говорить более подробно в нашей главе о бесстрастии. Вот что пишет Никита в Житии: «(Симеон Благоговейный), предварительно умертвив крайним бесстрастием плоть, еще при жизни совершенно увядил природные ее движения и, как мертвец по отношению к мертвецу, имея чувство к приближающимся к нему телам, надевал личину чувственности, прежде всего желая скрыть свое сокровище бесстрастия, далее, чтобы вытащить из глубины погибели некоторых долу лежащих, незаметным образом этой приманкой». Синкелл ухватывается за этот способ чудной ловли, как за предлог

для благовидного обвинения, и выдвигает его в синоде, говоря: «Своего духовного отца, сущего грешника, он воспевает как святого вместе со святыми!» Прп. Симеона вновь вызывают в синод, где патриарх, хотя и одобряя его деятельность, требует, чтобы тот отказался, дабы успокоить синкелла, надоедавшего ему своими обвинениями против его духовного отца, праздновать его память с такой торжественностью и совершать ее только с монахами.

В длинной речи прп. Симеон защищает память своего духовного отца и, основываясь на Писании и на отцах, говорит о долге почитать святых и тех, кто породил нас духовно. Поэтому он отказывается повиноваться, так как всякое уменьшение почитания духовного отца равнялось бы отречению от него. Начался процесс. «Целых шесть лет, – пишет Никита, – (синкелл) таскал праведника по судам, и так как он восставил против праведника почти всех архиереев и самого, что не должно было бы быть, патриарха сделал его врагом, а были также и из монастыря Симеона диаволы, болевшие против учителя неистовством Иуды; осмелевшие поддержкою самого патриарха и синкелла, они крадут в одну из ночей икону святого отца его Симеона и приносят ее в патриархию». Прп. Симеона снова силою приводят в патриархию, где он защищается, цитируя слова прп. Иоанна Дамаскина о почитании икон. Синкелл «убеждает патриарха и архиереев святого синода выскоблить по крайней мере надпись со святой иконы, а именно: Святой (Симеон). Что и совершивши,

они немного приостанавливают его ярость. И таким образом снова судилище расходится, после того как икона была возвращена Симеону».

Преследование, однако, на этом не останавливается: «(Синкелл), смутив патриарха клеветами против этих святых, убеждает его, чего не должно было бы быть, послать уничтожить все святые иконы этого великого отца, где только они были изображены». «Тотчас же, – продолжает свой рассказ Никита, – посылаются люди, дерзнувшие на это ужасное дело. и топором уничтожают убийственною рукою иконы преподобного отца, один раз бия в неудержимой ярости иконы по главе, другой раз по груди, иногда по животу, или по бедрам, и не ранее останавливаются бить, прежде чем превращают их в пыль. А другие иконы, покрыв сверху сажей и известью, скрывают из вида, в то время как видевшие это монахи и миряне страстно рыдали о совершаемом христианами посреди церкви верных. и не могли обороняться против виновных в такого рода действиях из-за общего с ними имени веры».

На этот раз прп. Симеон признает необходимость защищаться письменно. «Он набрасывает первую апологию. всего себя приготовив на смерть за доброе дело. Немного времени, и снова мой Симеон приводится от места своих подвигов на судилище. Сражение словами вновь начинается, очень сходное с прежним». Апология прп. Симеона, как нас осведомляет Никита, «читалась посреди святого синода достаточно

часов… (епископы), не будучи в состоянии… ослабить силу его слова, встали со своих тронов, с языками, связанными безгласием, заочно осуждают праведника и приговаривают к изгнанию». Приговор патриарха и синода был быстро приведен в исполнение. 3 января 1009 г., как мы уже сказали, «переплывши Пропонтиду близ нашего Хрисополя, увозившие блаженного причалили свое суденышко у некоего селения, называемого Палукитон, а он не имел с собою никаких совершенно вещей, время же было зимнее. И в пустынном месте, где стоит колонна осужденного дельфина, оставляют святого, покинув его совершенно одного и даже не удостоивши его пищи на один день, эти несочувствующие люди!»

Никита рассказывает, что первое, что сделал прп. Симеон «на этом обрывистом холме», он возблагодарил Бога с радостью за все, что ему пришлось перенести. Далее, «сошедши на подошву холма и найдя там развалины молитвенного дома имени святой Марины, он вошел в него и воздал Богу молитвы девятого часа. Затем, отдавшись сначала маленькому отдыху, он угощает друга синкелла, как ученик Христов, следующим письмом», текст которого Никита воспроизводит. Чтобы сказать правду, под видом смирения и благодарности, оно имеет скорее саркастический характер. Так, во всяком случае, понял его синкелл и, чтобы отомстить, убедил патриарха приказать произвести обыск в монастыре прп. Симеона, чтобы найти там – как объясняет Никита – крупные суммы денег и другие ценности, посредством которых прп. Симеон

совершал празднества в честь своего духовного отца. Может быть также, как нам кажется, синкелл искал рукописи прп. Симеона, которые хотел бы конфисковать. Как бы то ни было, служители синкелла ворвались в монастырь св. Маманта, ломая все и захватывая книги и одежды прп. Симеона, не найдя, однако, никакого сокровища. Прп. Симеон пишет тогда синкеллу второе письмо в том же духе иронической благодарности, в котором упоминает, что вот уже семь лет, как он терпит его преследования. Вместе с тем, он умоляет Христа, «Свет мира», даровать ему видеть Его, «имеющему сердце наполненное злами жизни из-за многих скорбей и зависти, причиняемых виновниками моего изгнания или, лучше сказать, моими благодетелями, моими владыками, моими настоящими друзьями, которым вместо злых дай, о мой Христос, благая, вечная, богатая и Божественная».

Прп. Симеон не падает духом от случившегося. Он получает в подарок от своего духовного сына, Христофора Фагуры, молитвенный дом св. Марины, принадлежавший последнему, и устраивает там с его помощью маленький монастырь, где пребывает вместе с одним из своих учеников, последовавшим за ним в изгнание. С другой стороны, многочисленные ученики и почитатели прп. Симеона в столице пришли в волнение. Прп. Симеон послал тогда патриарху книжку, которая была отнесена ему сенатором Генесием, духовным сыном прп. Симеона. Книжка была прочитана на одном из заседаний синода, и патриарх, имевший во всем этом деле

слабую и непостоянную позицию или, скорее, потому что он искал прежде всего мира в Церкви, согласился пересмотреть процесс прп. Симеона. Он также считался с общественным мнением. «(Патриарх), взирая на многочисленных и знаменитых людей, пришедших к нему, и уважая их известность, а также опасаясь, что подробности всего дела дойдут до императора и все закончится сильным для него порицанием, повелевает, чтобы (книжка) была прочитана в синоде. По окончании чтения написанного патриарх говорит властям и ученикам святого: «Что касается меня, преславные, у меня никогда не было дурного подозрения против господина Симеона. Но я не знаю, откуда и какое возникло разногласие между ним и синкеллом, и он выдвигал против него и его отца несметное множество обвинений. А то, что он пострадал с нашей стороны, так он это пострадал не как ошибавшийся в догматах Церкви, но так как держался неизменно своей цели и, почитая отца, не переставал праздновать с блеском, а его обвинители волновались и ежедневно стужали нам, поэтому я удалил его из монастыря и из города. Теперь же, если желает и послушается моих слов, он вновь станет господином своего монастыря, и я его рукоположу, с соизволения всего священного синода, архиереем в одной из высоких митрополий»».

Итак, прп. Симеон был вызван из своего изгнания и встречен в Константинополе толпою почитателей, которые проводили его к патриарху. Патриарх принял его с честью и, на-

мекая о своем намерении возвести его в сан епископа, посоветовал ему вместе с тем больше умеренности. «Возвратись снова в твою обитель, – сказал он, – где ты положил много трудов, а относительно празднования преставления твоего отца и мы не препятствуем. Однако мы убеждаем тебя ослабить немного блеск многодневных твоих торжеств и праздновать с одними подчиненными тебе монахами и с приходящими со стороны вплоть до того времени, когда движимые против тебя завистью или прекратят (свои действия), или перестанут жить и не будут в настоящей жизни. И тогда ты будешь поступать, как тебе угодно и как нравится Богу». Но прп. Симеон категорически отказался уступить настояниям патриарха, оправдываясь при этом, что не он начал этот спор с синкеллом. «Нет, – сказал он, – ничто не отделит меня от любви к моему Христу и к моему духовному отцу. Потому что с тех пор, как я доверил всю заботу игуменства моему ученику Арсению и рассудил, чтобы он вместо меня стоял бы во главе братии, я всецело, находясь там, стал вне дел и моих трудов. И так как я из-за правды был изгнан, я больше другой раз не вернусь туда, пока нахожусь в живых». «Когда патриарх, вопреки всем ожиданиям, услышал это, – продолжает Никита, – он сказал: «Действительно ты, Студит отцелюбивый, господин Симеон, и ты имеешь их упорство, может быть, заслуживающее похвалы, если оно законное». Поэтому (патриарх) кратко высказал свое постановление: «Я говорил, что несколько обрежу твое большое упорство в этом деле,

но так как ты все тот же еще и нисколько не изменился, но остаешься недвижимым по отношению к почитанию твоего духовного отца и в верности ему, это кажется мне и всем похвальным и законным, но, во всяком случае, ты показал себя не повинующимся нашим словам. Отныне находись, где тебе угодно, общаясь то есть со своими учениками и поступая по твоему хотению, не возбраняемый с нашей стороны, вне ли или в этом городе торжественно празднуя и радуясь вместе с друзьями». Сказав так, он отпустил их в мире».

На этом компромиссе, впрочем, довольно выгодном для прп. Симеона, закончился около 1010–1011 гг. его конфликт с синкеллом Стефаном. Мы кратко описали его на основании рассказов Никиты в его житии прп. Симеона, написанном приблизительно через полвека после событий. Никита, впрочем, не является прямым свидетелем, хотя и правдив на свой лад, так как в момент изгнания прп. Симеона ему было менее десяти лет. Тем более интересно и важно дополнить рассказ Никиты тем, что пишет сам прп. Симеон, как он понимает и толкует смысл своей борьбы с синкеллом и его сторонниками. Нужно, однако, прежде всего сказать, что за исключением 21-го Гимна, о котором мы уже говорили, прп. Симеон в своих писаниях прямо не упоминает конкретные события этого конфликта, как, например, инцидент с иконою своего духовного отца и т. д., но указывает на глубокие его причины, относящиеся к различиям в понимании христианской жизни и к его попыткам обновить ее. В этом смыс-

ле 4-е Послание, написанное в период духовной борьбы, особенно богато сведениями. Из него видно, что сам прп. Симеон хорошо сознавал, что он ненавидим и преследуем за учение о духовной жизни. «Но увы, – пишет он, – потому что я говорю об этом (о жизни по заповедям) и проповедую путь спасения, отводящий без блуждания в Царство Божие, я подвергаюсь расследованиям и осуждаюсь, порицаюсь как нечистый всеми людьми, не только мирскими, но и монахами, и священниками, и архиереями из одного подозрения и диавольского действия, производимого сыновьями непослушания, на отчаяние и погибель избирающих жить благочестиво, я ненавидим даром и перемалываюсь их зубами».

Намеки на процесс прп. Симеона, на клеветы против его духовного отца ясны в этом тексте, но прп. Симеон придает конфликту более широкий смысл. Ненависть против учения прп. Симеона так сильна, что он может объяснить ее только диавольским действием, хотя без сотрудничества людей бесы бессильны. «Вот я, – пишет он, – как наученный самим опытом, говорю, что если бесы не имели бы сотрудниками своей злобы и лукавства людей, никоим образом, хотя это и смело утверждать, не могли бы они повредить кому-нибудь или удалить от заповеди Божией тех, кто возродился Святым Крещением и таинственно стал сыном Божиим». Прп. Симеон резко нападает на своих гонителей за недостаток духовности: «Одержимые тщеславием и гордостью, – пишет он, – и воображающие быть чем-то, будучи ничем, они делают себя

отцами и учителями и считают себя саморукоположенными апостолами, не получившие ни благодати Святого Духа, как те, ни просвещенные светом познания, ни видевшие проповедуемого ими Бога, открывшегося им (апостолам) по Своему неложному обещанию».

Пиша эти строки, прп. Симеон, вероятно, должен был иметь в виду епископов, как синкелл Стефан. Более важно, однако, утверждение, что нужно увидеть Бога, чтобы Его проповедовать. И прп. Симеон обращается к получателю послания, несомненно, епископу, поскольку он называет его «одним из саморукоположенных учителей и присвоивших себе апостольское достоинство без благодати свыше», с просьбою молиться о нем, обвиненном в ереси, потому что он почитает своего духовного отца. «Молись о мне грешном, – пишет он, – ненавидимом за Христа, гонимом за желание мое благочестиво жить во Христе, осуждаемом всеми, потому что один я нахожусь чтущим своего духовного отца и учителя, провозглашаемого ими еретиком, потому что я учу всех взыскивать благодать свыше и сознательно наитие Святого Духа и что без него ни прощение грехов, ни отчуждение от страстей и похотей, ни честь сыноположения, ни освящение совсем не бывают никому никоим образом из смертных». Трудно выразить более ясно существенные черты духовного учения прп. Симеона и сказать вместе с тем, что составляло главную тему спора. Само собой разумеется, противная партия также имела свои позиции, которые счи-

тала традиционными и реалистическими и которые состояли главным образом в утверждении, что наша эпоха совершенно отлична от апостольской, что невозможно сейчас подражать апостольской святости и что тот, кто этому учит, гордец или сумасшедший.

В Послании прп. Симеон довольно объективно воспроизводит аргументы своих противников и затем их опровергает. «Он говорит, – пишет он, – что «одно – дела апостолов, а другое – наши. Иначе возлюбил и помиловал их (апостолов) Бог, удостоив их Духа Святого и великих дарований, а иначе расположен к нам. Ибо едва только, – говорит он, – нам кающимся, и злостраждущим, и плачущим (Бог) прощение дает во грехах и спасает, потому что стать, как те или как наши святые отцы, нам теперь невозможно». И сверх этого он говорит, что это не только невозможно, но и смеющих говорить, что это возможно, называет гордыми и хульниками, на которых не должно обращать внимания и совсем не слушать их, но повелевает избегать их». Для прп. Симеона подобные представления о христианской жизни являлись грубым извращением Евангелия, и он считал себя призванным бороться против тех, кто проповедует такие взгляды, с целью восстановить истинно евангельскую жизнь, утраченную в течение веков. «И так как я это говорю, – заключает прп. Симеон Послание, – провозглашаю, что таковым стал во Святом Духе мой отец, я осуждаюсь как гордец и хульник всеми, потому что диавол воздвигает против нас своих (слуг) и во-

юет, чтобы остановить нас повторять (учение) Евангелия и апостолов Христовых словами и исполнять делами, и стремиться обновить как бы обветшавший и почерневший образ евангельской жизни». Таким образом, не только идеал евангельской жизни, но и борьба за ее восстановление является, по прп. Симеону, источником конфликта.

Устроившись окончательно на месте своего изгнания, на этот раз добровольного, прп. Симеон заканчивает реконструкцию обители св. Марины, собирает там свое «весьма малое стадо», покупает при помощи друзей подворье монастыря Евгения и продолжает торжественно праздновать память своего духовного отца. «Почти все духовенство Великой Церкви Христовой (Св. Софии Константинопольской) и многие из монашествующих и мирян» приходили, чтобы принять участие в этих празднествах. В этот период жизни прп. Симеон написал большую часть своих Гимнов, которые начал составлять, еще будучи молодым монахом в монастыре св. Маманта. «Его язык становится огненным языком, и он богословствует «Любовные излияния Божественных Гимнов», и против воли обнародует насильственным дуновением Духа то, что видел в божественном откровении, и то, что созерцал, будучи в сверхъестественных видениях. Он излагает, кроме того, и свои апологетические и полемические Слова, столь сильные, и сильно, в силе мудрости, противопоставляет их своим противникам».

Его известность как харизматика, как человека, наделен-

ного даром пророчества и чудотворения, распространялась все более и более и привлекала к нему многих. Никита много пишет об этом в Житии прп. Симеона. В его внешности не было ничего сурового. «Христоподражательно благодоступный всем, мужчинам, женщинам, детям, старикам, молодым, чужим, знакомым, всякому человеку, он входил, по обыкновению опираясь на свой посох, спокойною и тихою походкою». Несмотря на преклонный возраст, он отправился посетить свою родину и отчий дом. Сохранилось описание его последней болезни – рассказ его ученика Никифора Никите, который воспроизводит его в житии. «Когда исполнилось для святого время настоящей жизни и число дней его и их предел стал известен ему, он охватывается последнею болезнью, и постель принимает его болящего. Болезнь эта была истечение желудка, истощевающее его сущность и разделяющее на каждое связи соединенных стихий. Лежал таким образом блаженный немало дней, одержимый болезнью, и терял силы, истаивал плотью и ослабевал связями. Его плоть была настолько иссушена болезнью, что он не мог сделать движение сам собою, если мы ему прежде не подавали руку помощи и при помощи некоего приспособления перевертывали сюда и туда. Итак, он находился в таком состоянии, и мы его носили, когда природа принуждала к естественной потребности». Тот же Никифор рассказывает Никите, как, проснувшись однажды ночью, он увидел святого, «которого мы едва при помощи некой машины, сюда и туда передви-

гая, перевертывали на постели, обессиленного болезнью, висящим в воздухе келлии на четыре локтя от земли или даже более и молящимся своему Богу в неизреченном свете».

После тринадцати лет жизни в изгнании, 12 марта 1022 года, прп. Симеон скончался, предсказав, как рассказывает Никита, день своей кончины и перенесение его останков тридцать лет спустя. «Что вы меня оплакиваете, – сказал прп. Симеон окружающим его, – в пятый индиктион вы меня, умершего, покроете гробом и в пятый же индиктион вы меня снова увидите, выходящего из гроба и пребывающего с вами, меня любящими». «И когда наступил определенный (заранее) день 12 марта, приснопамятный, причастившись пречистых Христовых Таиин, как у него был обычай, ежедневно, и аминь сказав, повелел своим ученикам петь надгробные песнопения. Так они пели с возжженными светильниками и слезящимися глазами. Посредине песнопения, скрестив руки и всего себя почтительно собрав и «В руки Твои, Христе Царю, предаю мой дух» тихо и спокойно сказав, прославленный и многострадальный подвижник Христов, радуясь, изошел из терпеливого и многострадального своего тела, и отошел ко Господу. Прилагается таким образом к праведникам праведник, преподобный к преподобным, к богословам богослов, священномученик и исповедник и великий учитель Церкви Христовой к исповедникам и учителям и священномученикам в подвигах исповедания и исцеления». Так рассказывает Никита, который вполне мог

присутствовать при смерти прп. Симеона, ему было тогда немного меньше двадцати лет, и он часто его посещал.

Прп. Симеон умер в возрасте семидесяти трех лет. Тот же Никита рассказывает, как произошло перенесение мощей прп. Симеона: «Когда прошли тридцать лет после кончины этого приснопамятного отца, предвозвещается по его пророчеству перенесение его священных останков знаком, неизреченным образом запечатленным. Таким образом, когда окончился пятый индикт, в 6560 (1052) году, переносятся неожиданно его (полные) всякой благодати и благоухания и над землею светящиеся мощи, созывающие многих и своим присутствием освящающие его друзей и учеников».

В последний период своей жизни прп. Симеон выявляет себя прежде всего обновителем христианской жизни, которая в Константинопольской Церкви тех времен пришла в упадок, и большим мистическим писателем, раскрывающим в Гимнах с неслыханной до него откровенностью свою внутреннюю жизнь, жизнь с Богом. Вместе с тем, мы видим в нем неумолимого религиозного борца, агрессивного даже, до неприемлемости заострявшего свои утверждения, когда противники вынуждали его на это, но в действительности только защищавшегося от тех, кто нападал на путь, им избранный, и которому он учил всех. Всегда верный Священному Писанию, обширным и глубоким знатоком которого он был и которое толковал Духом, буквально и одновременно свободно, прп. Симеон был также верен, вплоть

до непослушания и восстания против высших сановников церковных, памяти своего духовного отца, Симеона Благоговейного, святость которого была для него доказательством подлинности его собственного духовного опыта. Однако его многократные напоминания, что христианский идеал сознательного единения с Богом еще в настоящей жизни осуществим в наше время, как и в апостольские времена, вызвали резкие столкновения с частью монахов и иерархии, равно как и значительный резонанс в обществе. Нужно, однако, отметить, что прп. Симеон никогда, или почти никогда, не был обвиняем в ереси, еще менее в мессалианстве или какой-нибудь известной древней ереси. В кругах церковной иерархии предпочитали ограничить конфликт дисциплинарным нестроением, опасаясь смут, которые шумное празднование памяти Симеона Благоговейного могло вызвать в народе.

С другой стороны, если у прп. Симеона было много врагов, то еще больше у него было почитателей и учеников, энергично его поддерживавших. Их вмешательство решительно повлияло на благоприятный для прп. Симеона исход борьбы. Короче, обновитель духовной жизни и подлинный мистик, достигший вершин единения с Богом, прп. Симеон по справедливости заслужил прозвание Нового Богослова. Оно, может быть, сначала было ему дано противниками, в уничижительном смысле, как неприемлемое для слуха консервативных византийцев, но его с воодушевлением подхва-

тили ученики прп. Симеона, причем выражение «богослов» понималось ими, как и у большинства греческих святых отцов, не в смысле догматического богословия, выдумывающего новые догматы, но как относящееся к лицу, достигшему вершин созерцания. А прилагательное «новый» означает здесь обновителя апостольской жизни, которая, как он сам говорит, была в значительной степени забыта. Православная Церковь, не разделяя некоторых особенностей и даже, может быть, преувеличений в учении прп. Симеона Нового Богослова, с любовью чтит его святость и вдохновляется его духовными наставлениями, живительными и по сей день. <…>

Обожение

Благодатное обожение, в котором человек, не теряя своего тварного состояния, становится «участником божественного естества» (2 Пет. 1, 4) и богом по усыновлению, есть древняя тема христианской духовности. Для прп. Симеона, как и для древних святых отцов – св. Иринея Лионского, св. Афанасия Александрийского, прп. Максима Исповедника, дабы ограничиться только ими, – это высшее духовное состояние, которого человек может достичь и к которому призваны все христиане. Прп. Симеон Новый Богослов часто говорит о нем в своих писаниях. Для него воплощение имеет своею целью обожение, или, иначе говоря, воплощение – источник обожения: «Бог Слово взял от нас плоть, которой Он по природе не имел, и стал человеком, кем Он не был; передает же верующим в Него от Своего Божества, Которого никто никогда из ангелов или людей не имел, и они становятся богами, кем они не были, по положению и по благодати. Ибо так даруется им власть становиться сынами Божиими; поэтому они и стали, и всегда так же становятся, и никогда не перестанут становиться». Обожение есть, следовательно, постоянный процесс, человек принимает в нем участие соблюдением заповедей, это единственный путь к обожению. «Мысли мне, – говорит прп. Симеон, – тело дворцом, а царским сокровищем каждого из людей душу, которую соеди-

нившийся с ней через делание заповедей Бог наполнил божественным светом и ее саму богом соделал через единение и благодать. В это боголепное состояние приходит всякий, шествующий по названному пути добродетелей; пройти же иначе и, минуя то или иное жилище, очутиться в другом посредством какого-нибудь способа совершенно невозможно». Прп. Симеон высказывается в том же смысле, когда говорит об «обожающем смирении». Или, как он сам говорит: «Будем помнить только о заповедях Спасителя Христа, чтобы стать нам богами по положению и благодати». Здесь «по положению» или «по усыновлению» очевидно противопоставляется «по природе» – обычное выражение святоотеческой письменности, имеющее именно это значение.

Обожение есть последствие единения со Христом, действующим совместно со Отцом и Святым Духом: «Удостоившиеся сочетаться с Ним (Христом) и стяжать Его своею главой… становятся и они положением богами, подобными Сыну Божию. О чудо! Потому что Отец облекает их в первую одежду, в одеяние Господа, в которое Он был одет до сложения мира. Ибо сказано: «Те, которые крестились во Христа, оделись во Христа», – то есть во Святого Духа, Который и изменяет всех их боголепно неким странным, и неизреченным, и божественным изменением». Прп. Симеон говорит о том, что человеку возможно «стать сонаследником и сообщником Бога, и не только стать царем, но и богом от Бога, и с Богом веселиться во веки веков». Тут речь идет об обоже-

нии еще в этой жизни. В других же местах говорится об эсхатологическом обожении, в котором святые станут подобны Христу. Тогда «при открытии книг совести святых воссияет скрытый в них Христос Бог, как Он воссиял прежде веков из Отца, и святые будут подобны Вышнему». Слава обоженных святых сравнивается с предвечною славою Сына: «Как никогда Отец не будет не знать Сына или Сын Отца, так никогда святые, ставшие положением богами чрез то, что имеют живущего в них Бога, не будут не знать друг друга, но будут видеть славу друг друга и самих себя, как Сын Отца и Отец Сына. Что же и какова будет слава святых? Какова слава Сына Божия». Это будет в будущем веке, но уже сейчас «Он, Бог по природе, беседует с рожденными из Него по благодати богами». Святые «богословски воспевают Того, Кто, богосоделав, изменил их». Однако, можно быть «прельщенными надеждою обожения» и претерпеть падение, как было с Адамом, «перстным человеком». Тем не менее, прп. Симеон призывает всех, в особенности грешников, поспешить к обожению делами покаяния. «Послушайте, – говорит он, – согрешившие, как я, Бога, старайтесь и бегите с доброй силою получить и схватить вещество невещественного огня, а сказав «вещество», я указал тебе на божественную сущность, и зажечь умный светильник души, дабы вы стали солнцами, сияющими в мире, и совсем невидимыми теми, кто в мире, дабы вы стали как боги, обладая внутри вас всею славою Божией». Здесь интересно отметить, что, сначала призывая нас

«схватить» божественную сущность, далее прп. Симеон говорит о божественной славе, всецело живущей в нас, когда мы становимся, «как боги».

Прп. Симеон полон восхищения перед чудом явления Бога в человеке и перед тем, что люди принимают божественный облик. «О чудо! – говорит он. – О непостижимый разумом дар благости! Что во образе Божием люди бывают и что никем не вместимый Бог образуется в них, неизменный, не переменяемый по природе желает жить во всех достойных, так что каждый имеет внутри себя всего Царя, и само царство, и все, (принадлежащее) царству, и сияет, как воссиял воскресший Бог мой, более, чем лучи этого видимого солнца». Но это состояние – только начало преуспеяния, которое никогда не завершается: «Ибо не будет конца преуспеванию в веках, ибо остановка в росте к бесконечному концу соделала бы постижимым совершенно Непостижимого и пресыщающим Непресыщающего. Но полнота Его и слава света будут бездною преуспевания и нескончаемым началом».

Как всегда, утверждая сознаваемую реальность обожения еще в этой жизни, прп. Симеон настаивает, что полнота его принадлежит эсхатологической бесконечности.

Выражение св. Григория Нисского, употребляемое здесь прп. Симеоном, хорошо передает метафизический динамизм его духовности. Об обожении после смерти прп. Симеон говорит в следующих строчках: «Ибо если Бог и покоится во святых, но святые живут и движутся в Боге, ходя во свете,

как по земле. О чудо! Они будут после смерти, как ангелы и как сыновья Вышнего, боги, сопребывающие с сущим по природе Богом, уподобившиеся Ему по положению». В другом месте прп. Симеон вопрошает Бога: «Как Ты делаешь людей богами?» Посредством благодати, отвечает он сам в другом месте: «Кто, приобретший Христа, нуждается еще в чем-нибудь другом из благ настоящего века? Тот, кто имеет благодать Духа в сердце, разве не стяжал почитаемую Троицу, живущую в нем, освещающую и соделовающую богом?» В обожении человек становится Христом: «Всего меня обновив, всего меня обессмертив, всего меня обоготворив и совершив Христом». Обожение, в котором человек становится богом по благодати и существенно соединяется с Богом, является непостижимою тайной: «Соединившись, – говорит прп. Симеон своему собеседнику, действительному или воображаемому, – как я тебе скажу, Кто есть соединившийся со мною и Кому я соединился? Трепещу и боюсь, что если бы я сказал, ты, не поверив, впал бы в кощунство от неведения. Однако, я и Тот, с Кем я соединился, стали едины, кем же я самого себя назову? Бог, будучи двойным по природе и единым по ипостаси, соделал меня двойным. Соделав же двойным, дал мне, как видишь, и двойные имена. Посмотри на разделение! Я – человек по природе, бог же по благодати. Посмотри, какою благодатью я называю единство с Ним чувственно и умно, существенно и духовно».

Обожение совершается посредством покаяния и приоб-

щения обоженного Тела Христова. Обожение всего человека, тела и души, несказанным образом происходящее при причащении Телу и Крови Христовой. Человек при этом всецело изменяется и, погруженный во свет, приобретает божественный ум. Дух Святой, делая нас нетленными, обожает нас, если мы подражаем Христу: «Тогда Создатель пошлет Божественного Духа, я не говорю тебе – другую душу, чем та, которую ты имел, но Духа, говорю тебе, от Бога (исходящего), и Он вдохновит, и будет обитать, и существенно вселится, и просветит, и осияет, и переплавит всего, и тленного сделает нетленным, и обновит обветшавший дом, я говорю о доме твоей души. Вместе с нею Он соделает нетленным и все тело всецело, и соделает тебя богом по благодати, подобным Первообразу».

Так как обожение является следствием воплощения, то ясно, что до пришествия Христа оно не могло осуществиться. «Ибо кто от века, – говорит прп. Симеон, рассказав о тех, кто через приобщение к Небесному Хлебу стал небесным и нетленным, – стал таковым, говорю тебе о сыновьях Адама, прежде чем сошел с небес Владыка всех небесных и земных? Этот воспринял нашу плоть и дал Божественный Дух… и Он подает нам все это, как Бог». То, что происходило в Ветхом Завете, было только символом и прообразом, как, например, Енох и Илия. «Так те (ветхозаветные события) являются только символом и образом этих (новозаветных), обладающих несравненным превосходством и славою, насколько

несозданное превосходит по природе созданное». Действительность воплощения и то, что мы облеклись во Христа при крещении, есть ручательство реальности обожения человека. Это состояние сознательное, но явное только Богу и тому, кто обожен, для других же невидимое. «Но если (Слово), – говорит прп. Симеон, – стало действительно Сыном Человеческим, то Оно, несомненно, вправду делает тебя сыном Божиим; если не стало Оно в воображении телом, то и мы всячески не в мысли (только) дух, ибо, крестившись, я оделся во Христа, не чувственно, но во всяком случае умно. И как не бог по благодати и положению, чувством, знанием и созерцанием тот, кто оделся Сыном Божиим? Если в неведении Бог Слово стал человеком, тогда и мне в неведении (следует) стать богом. Ибо как Бог родился без изменения человеком в теле и явился всем, так Он неизреченно рождает меня и делает богом меня, оставшегося человеком. И как Он, видимый плотью, не узнавался множеством народа, что Он есть Бог, так и мы, в том, в чем были людьми, всеми, о чудо! видимы, а в том, чем стали благодатью Божией, обыкновенно не видимы для большинства. Только тем, кто обладает очищенным оком души, мы являемся, как в подзорной трубе, а для нечистых ни Бог, ни мы невидимы, и нам не верят никогда, что мы стали таковыми».

Обоженные видят их Отца, Бога: «Ибо Он сверхсущный, прежде несозданный, восприял плоть и явился мне тварным, Сам обожив меня всего, странно воспринятого. Итак, если

Бог, став человеком, обожил меня, воспринятого человека, то я, став богом по положению, вижу Бога по природе, Того, Кого никто никогда из людей не смог видеть. Следовательно, приявшие Бога делами веры и ставшие богами, рожденные Духом, видят Его Самого, своего Отца, присно живущего в неприступном свете. Они имеют Его живущим постоянно в них самих и сами живут в Нем, совершенно неприступном».

В заключение можно сказать, что обожение является состоянием полного преобразования человека, совершаемого Духом Святым, когда человек идет по пути заповедей Божиих, приобретает евангельские добродетели и становится участником страданий Христа. Дух Святой дарует тогда человеку божественный ум и нетленность. Человек не получает новой души, но Святой Дух существенно соединяется со всем человеком, душою и телом, делает его сыном Божиим, богом по положению, однако человек при этом не перестает быть человеком и созданием, даже если ясно видит Отца. Он может одновременно именоваться богом и человеком. Воплощение является основой обожения, будучи также его целью. Обожение стало возможным, когда Слово стало плотью, восприняло наше человечество и дало нам Свое Божество и когда человек оделся во Христа в крещении. Обожение совершается, прежде всего, причащением божественных Тела и Крови Христовых, и служители Евхаристии особенно обожаются. Будучи сознательным духовным состоянием, явно ощущаемым теми, кто его испытывает, обожение на-

всегда остается страшною тайной, превосходящей человеческий разум и не замечаемой большинством людей. Исключительно редки те, кто его достигает, хотя все крещеные к нему призваны. Это их вина, если они сами себя обожения лишают.

Внезапное и радикальное преобразование человека, внутреннее и духовное по характеру, но захватывающее всего человека в целом, называется прп. Симеоном разными именами – духовным рождением, мистическим воскресением, крещением Духом, обожением, наконец, причем нельзя ясно определить, в чем эти состояния отличаются друг от друга.

Обожение, однако, представляется наиболее сильным и последним понятием, относящимся скорее к онтологическому изменению в человеке, а не только к чисто духовному, хотя при этом оно не заключает в себе утверждения, что человек теряет природу тварного существа, становясь богом по усыновлению. Кроме того, прп. Симеон различает три стадии обожения: во время земной жизни – на чем прп. Симеон особенно настаивает, – после смерти, в потусторонней жизни, и во всеобщем воскресении. Последнее есть бесконечное восхождение к полноте, которая никогда не достигается. Вообще обожение есть часть спасительного Божиего Дела, его цель, и о нем трудно говорить, не касаясь других проявлений спасительных Дел Божиих.

Заключение

Работа наша завершена, но мы опять стоим перед теми же недоуменными вопросами: кем был прп. Симеон, что означает в точности его прозвание «Новый Богослов»? Как такая личность могла появиться в Византийском мире? Откуда он духовно происходит и каково его место в православной духовности и в Православии вообще? Ибо подлинно и безупречно православный, никогда не осужденный за какое-либо духовное или догматическое уклонение, он не был, однако, православным, «как все». Это очевидно для всякого, кто входит с ним в духовное соприкосновение. И почему этот великий святой и в то же время замечательный писатель, гениальный, сказали бы мы, несмотря на неровности его литературного творчества, был долгое время оспариваем, потом почти забыт или даже изуродован, почему его место в церковном календаре сведено до минимума, служба ему составлена только в XVIII веке? Даже если допустить, что могла существовать более древняя служба, то тот факт, что в ходе веков она была утрачена, значит достаточно много. Тем не менее, прп. Симеон всегда имел горячих почитателей и учеников, его рукописи постоянно, пусть немногими, переписывались, особенно в XIV веке, в частности, на Афоне (хотя популярность прп. Симеона часто основывалась на писаниях, в действительности ему не принадлежавших, как, на-

пример, «Слово о трех образах молитвы»). Да и в наши дни благочестивые и традиционно православные с мистической настроенностью, а также образованные люди, ищущие духовного обновления, привлекаются красотою писаний прп. Симеона. Коротко говоря, прп. Симеон всегда остается живою действительностью, и все ученые диссертации, как бы необходимы они ни были, не сумеют сделать из него музейный экспонат, представляющий интерес только для специалистов. Однако мало кто способен в наше время, как и в его эпоху, вполне принять духовное учение прп. Симеона о сознательном видении Бога в этой жизни как необходимом для спасения и доступном для всех. Духовная требовательность прп. Симеона, постулат абсолютной верности евангельским заповедям в наши дни встречают ту же реакцию, что и у его современников: «Это невозможно!»

Духовная битва «за» и «против» прп. Симеона продолжается, хотя никто как будто бы не оспаривает его значительности и искренности. Нужно, однако, иметь в виду, что в требовании достижения высоких мистических состояний, видения света прежде всего, прп. Симеон менее категоричен, чем кажется на первый взгляд. Вообще у прп. Симеона немало здравого смысла, даже умеренности, как, например, можно видеть из его осторожного и сдержанного отношения к экстатическим явлениям. Кроме того, как раз это чувство (что цель христианской жизни – видение Христа во свете – еще не достигнута) может, в глазах прп. Симеона, стать спаситель-

ным, ибо покаяние и слезы, которые оно порождает, быстро приводят к состоянию «духовного опьянения». Божественная же любовь является вершиной всякого совершенства и плодом обожающего Святого Духа.

Понятно, что больше всего нас интересует у прп. Симеона его непосредственный мистический опыт, но он неотделим от всей его богословской установки. Поэтому мы и захотели в этой работе дать подобающее место его богословской мысли, показать все богатство созерцания Бога и Его действий. Показать, кроме того, внутреннее единство его умозрения, которому не мешает отсутствие какой-либо систематизации, которое существует даже вопреки некоторым видимым противоречиям и известной расплывчатости в формулировках. Но это единство, если можно так выразиться, диалектическое.

В центре созерцания находится тайна спасения человека, от сотворения мира до второго пришествия и всеобщего воскресения. Все едино и неразрывно связано в спасительных действиях Святой Троицы, но воплощение все же занимает основное место в богословском видении прп. Симеона, о нем он говорит чаще всего. Оно является главным источником обожения человека, оно также основа Евхаристии, которая получила у прп. Симеона то место в монашеской жизни, которого не имела у древних аскетических писателей.

Человек Духа Святого, о Котором он обильно, более предшественников, писал, прп. Симеон является тем не менее

самым христоцентричным из всех греческих отцов. Для прп. Симеона Христос действительно является всем. Он нашел новые, поразительные выражения своей нежной и восторженной любви к Нему, он сумел найти неслыханные слова, описывая переживания видения божественного света. Драматический характер обладания и потери Божественного в сердце человека также описывается прп. Симеоном с силою, редко встречающейся у других отцов. В богословских рамках воплощения можно лучше всего понять несколько озадачивающие и вместе с тем реалистические пассажи прп. Симеона о человеческом теле и его частях, а также несколько смелые «брачные» образы в текстах о бесстрастии и описаниях божественного эроса, смущавшие некоторых в его время и еще смущающие теперь. Является ли это причиной сдержанности, проявленной по отношению к прп. Симеону церковной иерархией, поэтому ли ему отводится столь скромное место в официальном богословии? Мы этого не думаем. Во всяком случае, это недостаточное объяснение. Скорее, его необычайная личность, мистическая и вместе с тем воинственная, его апостольское рвение проповедовать видение Бога всем христианам, все это было слишком для спокойных людей, и они предпочитали забыть о прп. Симеоне. С другой стороны, прп. Симеон жил слишком поздно, и вследствие этого ему трудно было приобрести авторитет отца Церкви. Так, например, св. Григорий Палама, относившийся к нему с симпатией и почитанием, все же не цити-

рует его среди других святоотеческих авторитетов. Его духовное богословие, гораздо более систематическое, чем богословие прп. Симеона, также могло содействовать оттеснению последнего на второй план. Но для нас прп. Симеон навсегда останется человеком глубокого личного мистического опыта, сумевшим притом потрясающим образом его выразить. Его значение несравненно и непревзойденно в православной духовности всех времен. Мы восхищаемся также замечательной свободой его духа, умеющей, однако, сживаться с аскетическим и догматическим преданием Православия.

Народная греческая пословица говорит: «У бедного святого нет славословия». Можно было бы сказать, что правда этой пословицы подтверждается на примере прп. Симеона Нового Богослова двояким образом: буквально, поскольку его место в церковных торжественных службах очень скромно (никогда ни один храм не был посвящен его имени); духовно, потому что он всегда остается тем «братолюбивым нищим», о котором говорит в своих Огласительных Словах и который дарит нам свои «златницы», свои вдохновенные писания.

Архиепископ Василий (Кривошеий)

Житие преподобного Симеона Нового Богослова

Составлено учеником его Никитою Стифатом (в сокращении)

Преподобный Симеон родился в Пафлагонском селении Галате от родителей знатных и богатых. Имя отцу его Василий, а матери Феофания. Из детства обнаруживал он как большие способности, так и нрав кроткий и благоговейный с любовию к уединению. Когда подрос, родители отослали его в Константинополь к родным, не последним при дворе. Там он отдан был в научение и скоро прошел так называемые грамматические курсы. Следовало переходить в философские, но он отказался от них, боясь увлечься во что-либо непотребное по влиянию товарищества. Дядя, у которого он жил, не приневоливал его, но поспешил ввести его на служебную дорогу, которая есть сама по себе довольно строгая наука для внимательных. Он представил его царям-самобратиям Василию и Константину Порфирородным, и те включили его в чин царедворцев.

Но преподобного Симеона мало занимало то, что он стал одним от царского синклита. На иное устремлялись его желания и к иному лежало его сердце. Еще во время учения

он спознался со старцем Симеоном, которого звали Благоговейником, часто бывал у него и во всем пользовался его советами. Тем свободнее и вместе тем необходимее было делать ему это теперь. Искренним его желанием было поскорее посвятить себя мироотречной жизни, но старец уговаривал его поиметь терпение, ожидая, пока созреет и глубже укоренится сие благое намерение его, потому что он был еще очень молод. Советами же и руководством не оставлял его, подготовляя его постепенно к иночествованию и среди мирской суетности.

Преподобный Симеон и сам по себе не любил поблажать себе, и при обычных трудах самоумерщвления все свободное время посвящал чтению и молитве. Старец снабжал его книгами, сказывая, на что особенно должно в них обратить внимание. Однажды, вручая ему книгу писаний Марка Подвижника, старец указал ему разные в них изречения, советуя их обдумать повнимательнее и по ним направлять свое поведение. В числе их было и следующее: если желаешь иметь всегда душеспасительное руководство, внимай своей совести и неотложно исполняй, что она будет внушать тебе. Это изречение преподобный Симеон принял к сердцу так, как бы оно исходило из уст Самого Бога, и положил строго внимать и слушаться совести, веруя, что, будучи гласом Божиим в сердце, она внушает всегда одно душеспасительное. С этих пор он весь предался молитве и поучению в Божественных Писаниях, бодрствуя до полуночи и питаясь только хлебом

и водою, и их принимая лишь столько, сколько нужно для поддержания жизни. Так более и более углублялся он в себя и в область Божию. В это время сподобился он того благодатного просветления, которое сам описывает он в слове о вере, говоря будто о другом некоем юноше. Тут благодать Божия дала ему вкусить полнее сладость жизни по Богу и тем пресекла вкус ко всему земному.

После сего естественно было обнаружиться в нем сильному порыву к оставлению мира. Но старец не судил благом удовлетворить тотчас сему порыву и убедил его еще и еще потерпеть.

Так прошло шесть лет. Случилось, что ему нужно было отлучиться на родину, и он пришел к старцу принять благословение. Старец хоть и объявил ему, что теперь время бы вступить в монашество, однако ж не удерживал его от побывания на родине. Преподобный Симеон дал слово, что как только возвратится, так оставит мир. На дорогу в руководство взял он себе «Лествицу» св. Иоанна Лествичника. Прибыв на родину, он не увлекался делами житейскими, а продолжал ту же строгую и уединенную жизнь, к чему домашние порядки давали большой простор. Там вблизи была церковь, а подле церкви келлийца и недалеко от нее кладбище. В этой келлийце он затворялся – молился, читал и предавался богомыслию.

В одно время прочитал он в святой «Лествице»: нечувствие есть омертвение души и смерть ума прежде смерти

телесной, – и возревновал навсегда изгнать из души своей эту болезнь нечувствия. С этою целью выходил по ночам на кладбище и там усердно молился, размышляя вместе о смерти и будущем суде, равно и о том, что стали теперь умершие, на гробах которых он молился, умершие, бывшие живыми подобно ему. К этому приложил он пост более строгий и бдение более длительное и бодренное. Так возгревал он в себе дух жизни по Богу, и горение ее держало его постоянно в состоянии сокрушенного умиления, не допускавшего нечувствия. Если случалось, что подходило охлаждение, он спешил на кладбище, плакал и рыдал, бия себя в грудь, и не вставал с места, пока не возвращалось обычное умиленное сокрушение. Плодом этого образа действия было то, что образ смерти и смертности так глубоко напечатлелся в его сознании, что как на себя, так и на других он не иначе смотрел, как на мертвых. От этого никакая красота не пленяла его, и обычные движения плотские замирали при самом появлении своем, будучи пожигаемы огнем сокрушения. Плач сделался пищею для него.

Пришло, наконец, время возвратиться в Константинополь. Отец просил было его остаться дома, пока проводит его на тот свет, но увидев, куда стремилось пламенное желание сына, с любовию и охотным благословением простился с ним.

Время возвращения в Константинополь было для преподобного Симеона временем отречения от мира и вступле-

ния в обитель. Старец принял его с отеческими объятьями и представил игумену своей обители Студийской, Петру; но тот обратно отдал его на руки старцу же сему, великому Симеону Благоговейнику. Приняв юного инока как залог Божий, старец ввел его в одну небольшую келлийцу, похожую более на гроб, и там начертал ему порядки тесного и прискорбного иноческого жития. Он говорил ему: смотри, сын мой, если хочешь спастися, ходи в церковь неопустительно и там стой с благоговейной молитвой, не обращаясь туда и сюда и не заводя ни с кем бесед; не ходи из келлии в келлию; не будь дерзновен, храни ум от блуждания, внимая себе и помышляя о грешности своей, о смерти и суде. – В строгости своей старец соблюдал, однако ж, благоразумную меру, заботясь и о том, чтоб его питомец не имел пристрастия даже к строгим подвигам. Для чего иногда назначал ему послушания тяжелые и уничижительные, а иногда легкие и честные; иногда усиливал его пост и бдение, а иногда заставлял его принимать пищу досыта и спать вдоволь, всячески приучая его к отречению от своей воли и своеличных собою распоряжений.

Преподобный Симеон искренно любил своего старца, чтил его как мудрого отца и ни в чем ни на волос не отступал от его воли. Он так благоговел к нему, что целовал то место, на котором старец совершал молитву, и так глубоко смирялся пред ним, что не считал себя достойным приступить и прикоснуться к одежде его.

Такого рода жизнь не обходится без особенных искушений, и враг скоро начал строить ему их. Он напустил на него отяжеление и расслабление во всем теле, за которыми следовало разленение и омрачение мыслей до того, что ему казалось, будто он ни стоять не может, ни открыть уст своих на молитву, ни слушать церковной службы, ни даже возвесть ум свой горе. Уразумев, что это состояние не похоже ни на обычное от трудов утомление, ни на болезнь, преподобный вооружился против него терпением, нудя себя ни в чем себе не послаблять, а напротив – напрягать себя на противное внушаемому как на благопотребное средство к восстановлению своего обычного состояния. Борьба при помощи Божией и молитвах старца увенчалась победою. Бог утешил его таким видением: как облако какое поднялось от ног его вверх и рассеялось в воздухе, и он почувствовал себя бодрым, живым и столько легким, что будто не имел тела. Искушение отошло, и преподобный в благодарность Избавителю положил с этих пор никогда не присадиться во время богослужения, хотя это разрешается уставом.

Потом враг поднял у него плотскую брань, смущая помыслами, тревожа движениями плоти, и во сне представлял ему срамные воображения. Благодатию Божиею и молитвами старца прогнана и эта брань.

Далее поднялись родные и даже родители, с жалением уговаривая его умерить строгости или даже и совсем оставить монашество. Но и это не только не умалило его обыч-

ных подвигов, а напротив – усилило их в некоторых частях, особенно в отношении к уединению, устранению от всех и молитве.

Наконец враг вооружил против него братий обители, сподвижников его, которым не нравилась его жизнь, хотя они и сами не любили распущенности. С самого начала одни из братий отнеслись к нему благосклонно и с похвалою, а иные – неодобрительно, с укорами и подсмеиваниями, больше за глаза, а иногда и в глаза. Преподобный Симеон не обращал внимания ни на похвалы, ни на охуждения, ни на почитания, ни на бесчещение и строго держался установленных с совета старца своего правил жизни внутренней и внешнего поведения. И старец нередко подновлял свои ему убеждения быть тверду и терпеть все мужественно, особенно же стараться так настроивать душу свою, чтоб она паче всего была кротка, смиренна, проста и незлобива, потому что в таких только душах обыкла обитать благодать Святого Духа. Слыша такое обетование, преподобный усугубил свою ревность о жизни по Богу.

Между тем неудовольствия братий все росли и росли, число недовольных множилось, так что к ним приставал иногда и игумен. Видя, что соблазн усиливался, старец перевел своего питомца к славному тогда Антонию, игумену монастыря святого Маманта, ограничиваясь в своем руководстве наблюдением издали и нередкими посещениями. И здесь жизнь преподобного Симеона текла обычным уже для

него порядком. Преспеяние его в подвижничестве, не только внешнем, но паче внутреннем, стало явным и подавало надежду, что и впредь ревность к тому не ослабеет в нем.

Почему старец решился наконец сделать его полным монахом через постриг и облечение в схиму.

Это радостное событие обновило и усилило подвижнические добродетели преподобного. Он весь предался уединению, чтению, молитве и богомыслию; целую неделю вкушал одни овощи и семена и только по воскресеньям ходил за братскую трапезу; спал мало, на полу, подстилая лишь овчину поверх рогожи; на воскресенье же и праздники совершал всеношные бдения, стоя на молитве с вечера до утра и во весь потом день не давая себе отдыха; никогда праздного не произносил он слова, но хранил всегда крайнее внимание и трезвенное самоуглубление; сидел все запертым в келлии, и если когда выходил наружу посидеть на скамье, то казался будто облитым слезами и носил на лице отсвет молитвенного пламени; читывал наиболее жития святых и, начитавшись, садился за рукоделье – калли-графствовать, что-нибудь переписывать для обители и старцев или для себя; с первым ударом симандры вставал и спешил в церковь, где со всем молитвенным вниманием прослушивал богослужебное последование; когда бывала Литургия, он всякий раз причащался Святых Христовых Таин и весь тот день пребывал в молитве и богомыслии; бодрствовал обычно до полуночи и, соснув немного, шел на молитвословие вместе с братиями в

церковь; во время Четыредесятницы пять дней проводил без пищи, в субботу же и в воскресенье ходил за братскую трапезу и ел, что подавалось для всех, спать не ложился, а так, склонившись головою на руки, засыпал на какой-нибудь час.

Два уже года прожил он так в новой для него обители, возрастая в добронравии и подвижничестве и богатясь ведением Божественных таин спасения через чтение Слова Божия и отеческих писаний, через собственное богомыслие и беседу с чтимыми старцами, особенно же с своим Симеоном Благоговейником и игуменом Антонием. Эти старцы рассудили наконец, что время уже преподобному Симеону делиться и с другими стяжанными им сокровищами духовной мудрости, и возложили на него послушание – говорить в церкви поучения в назидание братии и всех христиан. Он и прежде, с самого начала подвижничества, вместе с извлечением из отеческих писаний всего, что считал для себя душеполезным, занимался и записыванием собственных мыслей, какие множились у него в часы богомыслия; но теперь такое занятие сделалось для него обязанностью, с тою особенностью, что назидание обращалось уже не к себе одному, но и к другим. Речь его обычно была простая. Ясно созерцая великие истины спасения нашего, он и излагал их понятно для всех, нимало, однако ж, не умаляя простотою речи их высоты и глубины. Его слушали с удовольствием и самые старцы.

Спустя немного, всегдашний его руководитель Симеон Благоговейник возымел желание освятить его иерейским ру-

коположением. К тому же времени скончался игумен обители, и братия общим голосом на место его избрали преподобного Симеона. Так он за один раз принял и посвящение иерейское, и возведен в игуменство от патриарха тогдашнего Николая Хрисоверга. Не без страха и слез принял он сии будто бы повышения, на деле же бремена неудобоносимые. Он судил о священстве и игуменстве не по видимости их, а по существу дела, почему и приготовлялся к принятию их со всем вниманием, благоговением и богопреданностью. За такое благонастроение он сподобился, как уверял после, в минуты рукоположения особенной милости Божией, ощущения нисходящей благодати в сердце с узрением духовного некоего безвидного света, осенившего и проникшего его. Это состояние возобновлялось у него потом всякий раз, как он литургисал, во все сорок восемь лет его священства, как догадываются из его собственных слов о другом будто некоем иерее, с которым так бывало.

Потому, когда спрашивали его, что такое есть иерей и священство, он со слезами отвечал, говоря: увы, братие мои! Что спрашиваете вы меня об этом? Это такое дело, о котором и подумать страшно. Я недостойно ношу иерейство, но знаю хорошо, каким должен быть иерей. Он должен быть чист и телом, и паче душою, не запятнан никаким грехом, смиренен по внешнему нраву и сокрушен сердцем по внутреннему настроению. Когда литургисает, должен умом созерцать Бога, а очи вперять в предлежащие Дары; должен сознательно со-

раствориться в сердце своем со Христом Господом, тамо сущим, чтоб иметь дерзновение сыновне беседовать к Богу Отцу и неосужденно воззвать: *Отче наш.* Вот что говорил святой отец наш вопрошавшим его о священстве и умолял их не искать сего таинства, высокого и страшного для самых Ангелов, прежде чем придут в ангелоподобное состояние посредством многих над собою трудов и подвигов. Лучше, говорил он, каждодневно с усердием упражняйтесь в делании заповедей Божиих, каждую минуту принося искреннее покаяние Богу, если случится в чем согрешить не только делом и словом, но и сокровенным помышлением души. И этим способом можно каждодневно приносить Богу и за себя и за ближних жертву, дух сокрушен, молитвы и моления слезные, сие сокровенное священнодействие наше, о коем радуется Бог и, приемля его в пренебесный жертвенник Свой, подает нам благодать Святого Духа. Так учил он других, в таком же духе литургисал и сам; и когда литургисал, лицо его делалось ангелоподобным и таким проникалось светом, что нельзя было свободно смотреть на него по причине исходившей от него чрезмерной светлости, как нельзя свободно смотреть на солнце. Об этом имеются неложные свидетельства многих его учеников и неучеников.

Сделавшись настоятелем обители, первым делом имел преподобный поновление ее, потому что она во многих частях обветшала. Церковь, построенная еще Маврикием царем, была довольно исправна, но по обновлении обители он

и ее где очистил, где обновил, постлал мраморный пол, украсил иконами, утварью и всем потребным. Между тем улучшил и трапезу и правилом положил, чтоб все ходили на нее, не держа особого стола; а чтобы это вернее исполнялось, и сам ходил всегда на общую трапезу, не изменяя, однако ж, обычного своего постнического правила.

Стала умножаться братия, и он назидал их словом, примером и общим благоустроенным чином, ревнуя всех представить мужами желаний Богу Спасителю нашему. Самому ему Бог приумножил дар умиления и слез, которые были для него пищею и питием, но он имел для них три определенных времени – после утрени, во время Литургии и после повечерия, в которые он молился усиленнее с обильнейшим проливанием слез. Ум у него был светлый, ясно зрящий истины Божии. Он любил сии истины всею полнотою сердца. Почему, когда вел беседу частно или в церкви, слово его шло от сердца к сердцу и было всегда действенно и плодоносно. Он и писал. Нередко всю ночь просиживал он, составляя богословские рассуждения, или толкование Божественных Писаний, или беседы и поучения общеназидательные, или молитвы стихами, или письма к разным ученикам из мирян и иноков. Сон не беспокоил его, равно как алчба и жажда и другие потребности телесные. Все это долгим подвигом приведено в самую скромную меру и установилось навыком, будто закон естества. Несмотря, однако же, на такие лишения, по виду он всегда казался свежим, полным и живым, как и те, кои

вдоволь питаются и спят. Слава о нем и обители его проходила всюду и собирала к нему всех ревнителей настоящего мироотречного жития. Он всех принимал, назидал и возводил к совершенству своим руководством. Многие из них со всем усердием брались за дело и успешно текли вслед учителя своего. Но и все представляли будто сонм бесплотных Ангелов, выну хвалящих Бога и служащих Ему.

Устроив так обитель свою, преподобный Симеон возымел намерение убезмолвиться, поставив для братии особого игумена. Избрал он вместо себя некоего Арсения, многократно им испытанного и утвержденного в добрых правилах, в добром настроении сердечном и умении вести дела. Передавая ему бремя настоятельства, он в общем собрании братии дал достодолжное наставление ему, как править, а братиям – как состоять под его управлением, и, испросив у всех прощение, удалился в избранную им безмолвническую келлию на неотлучное пребывание с единым Богом в молитве, богомыслии, чтении Писаний в трезвении и рассуждении помыслов. К подвигам ему нечего было прибавлять. Они и всегда были в напряжении до возможной степени, но, конечно, руководившая его во всем благодать ведала, что в каком чине содержать ему благопотребнее в сем новом образе жизни, и внушала ему то. Дар учительства, прежде находивший удовлетворение в частных и церковных поучениях, теперь обратил все его внимание и труд на писание. Писал он в это время более аскетические уроки в виде кратких изречений, обра-

зец которых имеем в сохранившихся до нас его деятельных и умозрительных главах.

До конца, однако ж, наслаждаться ненарушимым покоем не суждено было преподобному. Послано было ему искушение, и искушение сильное и тревожное, чтобы перегорел он и очистился окончательно в огне его. Старец его, Симеон Благоговейник, духовный его отец и руководитель, отошел ко Господу в глубокой старости, после сорокапятилетнего строгого подвижничества. Преподобный Симеон, зная его труды подвижнические, чистоту сердца, к Богу приближение и присвоение и осенявшую его благодать Святого Духа, составил в честь его похвальные слова, песни и каноны и светло праздновал каждогодно память его, написав и икону его. Может быть, его примеру подражали другие в обители и вне обители, потому что он имел много учеников и чтителей среди иноков и мирян. Услышал об этом патриарх тогдашний Сергий и, призвав к себе преподобного Симеона, расспросил о празднике и празднуемом. Но увидев, какой высокой жизни был Симеон Благоговейник, не только не противился чествованию памяти его, но и сам стал принимать в нем участие, посылая лампады и фимиам. Так прошло шестнадцать лет. На память празднуемого прославляли Бога и назидались его примерною жизнью и добродетелями. Но, наконец, враг поднял из-за этого бурю искушения.

Некто Стефан, митрополит Никомидийский, очень образованный научно и сильный в слове, оставя епархию, жил в

Константинополе и был вхож к патриарху и ко двору. Этот человек мира сего, слыша, как всюду хвалили мудрость и святость преподобного Симеона и особенно его дивные писания, составленные в научение ищущих спасения, подвигся завистью против него. Перелиставши его писания, он нашел их ненаучными и нериторичными, почему отзывался о них с презрением и отклонял от чтения их тех, кои любили читать их. От охуждения писаний он желал перейти к охуждению и самого преподобного, но ничего не находил в жизни его укорного, пока не остановился своим зломыслием на обычае его праздновать память Симеона Благоговейника. Этот обычай показался ему противным порядкам Церкви и соблазнительным. С ним соглашались в этом некоторые из приходских иереев и мирян, и начали все они жужжать в уши патриарха и бывших при нем архиереев, возводя на праведного беззаконие. Но патриарх с архиереями, зная дело преподобного и зная, откуда и из-за чего идет это движение, не обращали на него внимания. Начавший, однако ж, злое дело не успокаивался и продолжал распространять в городе неудовольствие по сему делу на преподобного, не забывая напоминать о нем и патриарху, чтоб и его склонить на то же.

Так около двух лет шла война между правдою преподобного и ложью Стефана. Последний все искал, не было ли чего в жизни чтимого старца, чем можно бы было навести сомнение на его святость, и нашел, что Симеон Благоговейник иногда в чувствах смирения говаривал: ведь и со мною бы-

вают искушения и падения. Эти слова он принял в самом грубом смысле и явился к патриарху с ними, как со знаменем победы, говоря: вот каков был тот, а этот чтит его как святого и даже икону его написал и поклоняется ей. Позвали преподобного и потребовали у него объяснения по поводу взводимого на его старца навета. Он отвечал: что касается до празднования в память отца моего, породившего меня к жизни по Богу, твое святейшество, владыко мой, знает это лучше меня; что же касается до навета, то пусть премудрый Стефан докажет его чем-либо посильнее того, что он говорит, и когда докажет, тогда я выступлю в защиту чтимого мною старца. Сам я не могу не чтить моего старца, следуя заповеди апостолов и святых отцов, но других никого не склоняю на то. Это дело моей совести, а другие, как им угодно, так пусть и действуют. Этим объяснением удовольствовались, но дали заповедь преподобному праздновать вперед память старца своего как можно смиреннее, без всякой торжественности.

Так бы дело и кончилось, если бы не этот Стефан. Ему покоя не давала безуспешность его нападков; и он все что-нибудь придумывал и привлекал преподобного к ответу и объяснениям еще в продолжение шести лет. Между прочим он достал каким-то образом из келлии преподобного икону, где Симеон Благоговейник написан был в сонме других святых, осеняемых благословляющим их Христом Господом, и добился от патриарха и его синода того, что они в видах ми-

ра согласились вычистить надпись над его ликом: святой. По этому поводу Стефан поднял по городу целое гонение на икону Симеона Благоговейника, и подобные ему ревнители поступали с ним точь-в-точь так, как бывало во времена иконоборцев.

Движение это принимало все более и более беспокойный характер, и докучаниям по поводу его патриарху с архиереями при нем конца не было. Изыскивая способы водворить мир, они пришли к мысли, что к успокоению умов и удовлетворению Стефана, может быть, достаточно будет удаления из Константинополя преподобного Симеона. Не видя, как он чествует своего старца, и другие станут забывать о том, а там и совсем забудут. Решив это, они велели преподобному найти себе другое место для безмолвия, вне Константинополя. Он с радостью на это согласился, любя безмолвие, которое так часто и с такими тревогами нарушалось в городе.

Где-то около Константинополя преподобный облюбил одну местность, где была ветхая церковка святой Марины, и поселился там. Владелец того места, некто из властных архонтов, Христофор Фагура, ученик и чти-тель Симеона, очень был обрадован, услышав о таком выборе. Потому сам поспешил туда и совершенно успокоил отца своего духовного и помещением, и доставлением ему всего потребного. Мало того, по совету преподобного, он посвятил Богу всю ту местность и вручил ее ему для устроения обители.

Между тем в Константинополе чтители преподобного,

узнав об удалении его, недоумели, почему это случилось. Преподобный написал им, как все было, прося их не беспокоиться о нем, уверяя, что все идет к лучшему и что ему на новом месте гораздо покойнее. Чтители его, однако ж, между которыми было немало и знатных лиц, не хотели оставить его без заступничества. Почему, явясь к патриарху, искали объяснения, не было ли чего в сем деле враждебного и неправедного в отношении к отцу их духовному. В успокоение их патриарх удостоверил их, что уважает преподобного и чтит старца его, и что сам одобрил празднование в память его, с одним только ограничением, чтоб это делалось не так торжественно. Что касается до удаления его, то оно было признано благопотребным как средство для пресечения поднятого в городе движения по случаю означенного празднования. Чтоб не осталось у знати никакого насчет этого сомнения, он пригласил их к себе в другой раз вместе с преподобным Симеоном и в присутствии его повторил то же самое. Преподобный подтвердил слова патриарха, уверяя, что ничего не имеет ни против кого, тем паче против святейшего владыки своего, вниманием коего всегда пользовался, и тут же испросил благословение на устроение замышленной уже им обители. Эти объяснения успокоили всех обеспокоенных удалением преподобного. Преподобный писал после мирное послание и к Стефану митрополиту, – и общий мир был восстановлен.

От патриарха преподобный с друзьями своими был при-

глашен сказанным Христофором Фагура, где они все сделали между собою сбор потребной на построение обители суммы. Затем спешно началось самое построение и, хотя не без препятствий, скоро приведено к концу. Собрав новое братство и установив в нем иноческие порядки, преподобный Симеон опять устранился от всего и сел на безмолвие с обычными ему подвигами и трудами, посвящая все время, кроме случайных бесед с нуждавшимися в совете, писанию назидательных слов, подвижнических наставлений и молитвенных гимнов.

С этого времени жизнь его текла спокойно до самого конца. Созрел он в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова и явился богато украшенным дарами благодатными. Исходили от него касавшиеся некоторых лиц предсказания, которые оправдались делом; было, по молитвам его, немало исцелений, которые совершал он, повелевая помазывать болящих елеем из лампады, теплившейся пред иконою святой Марины.

Прошло тринадцать лет пребывания преподобного в новой обители его, и приблизился конец жития его на земле. Почувствовав близость исхода своего, он позвал к себе учеников своих, дал им должные наставления и, причастившись Святых Христовых Таин, велел петь отходную, в продолжение коей молясь отошел, сказав: в руце Твои, Господи, предаю дух мой!

Тридцать лет спустя явились святые мощи его (в 1050 г., 5

Индикта), исполненные благоуханий небесных и прославившиеся чудотворениями. Память преподобного Симеона Нового Богослова полагается 12 марта, в день кончины его.

Богомудрые писания его сохранил и предал во всеобщее употребление ученик его Никита Стифат, которому поручил это сам преподобный и который еще при жизни его переписывал их набело, по мере составления, и собирал воедино.

Слова преподобного и Богоносного отца нашего Симеона Нового Богослова

В переводе с новогреческого, на который были они переведены высокопреподобным Дионисием Зогреем, подвизавшимся на пустынном острове Пипери, лежащем против Афонской горы, и напечатаны в Венеции в 1790 году.

Слово первое

1. В чем состояло преступление Адамово?

2. Как по причине преступления его все люди сделались тленными и смертными?

3. Как милостивый и человеколюбивый Бог через Домостроительство воплощения избавил род человеческий от тления и смерти? 4. И в чем состоит таинство Креста и три-дневного погребения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа?

1. Первозданный Адам, будучи в раю, впал, по внушению змия, в гордость и, возмечтав быть богом, как сказал ему диавол, вкусил от древа, от которого Бог повелел ему не ясти. За это предан он великим карам – тлению и смерти, для смирения гордыни его. Но когда Бог осуждает на что, то дает и приговор, и приговор Его становится делом и карою вечною, и уже никакой нет возможности уничтожить эту кару, бывающую по Божескому определению. Подумай же теперь: Адам согрешил великим грехом, потому что словам Бога не поверил, а словам змия поверил. Сравни Бога и змия, и увидишь, как велик был грех премудрого Адама. По великой мудрости своей он дал имена всем животным; но когда от всей души поверил он змию, а не Богу, то Божественная благодать, почивавшая в нем, отступила от него, так как он

стал врагом Богу по причине неверия, какое показал к словам Его. Адам подумал, что Бог позавидовал ему и не хотел, чтоб и он знал доброе и лукавое; и для того заповедал ему не вкушать от древа познания добра и зла, чтоб и он не стал богом, подобным Богу, создавшему его. И вкусил, и тотчас познал наготу свою, и вместо того, чтобы соделаться богом, стал тленным, и как тленный – смертным.

2. И вот, как видишь, приговор Божий пребывает навсегда карою вечною. И стали мы, люди, все и тленны и смертны; и нет ничего, что могло бы отстранить сей великий и страшный приговор. Когда же нет возможности отстранить этот приговор, то какая после этого польза от мудрости или от богатства, или от власти, или и от всего мира? Сего ради Всевышний Сын Божий, Господь Иисус Христос пришел, чтоб смириться вместо Адама, – и действительно смирил Себя даже до смерти крестной. Слово же крестное, как говорит Писание, таково: *проклят всяк висяй на древе* (Гал. 3, 13). – Адам, никакой не имея нужды, взял от плода оного древа (от которого Бог заповедал ему не вкушать, угрожая, что как только вкусит, умрет), вкусил и умер. Надобно знать, что как человек имеет тело и душу, то смертей у него две: одна смерть души, другая – смерть тела; равно как и два бессмертия – душевное и телесное, хотя то и другое в одном человеке, ибо душа и тело один человек. Так, душою Адам умер тотчас, как только вкусил, а после, спустя девятьсот тридцать лет, умер и телом. Ибо как смерть тела есть отде-

ление от него души, так смерть души есть отдаление от нее Святого Духа, Которым осеняему быть человеку благоволил создавший его Бог, чтоб он жил подобно Ангелам Божиим, кои, будучи всегда просвещаемы Духом Святым, пребывают неподвижными на зло. По этой потом причине и весь род человеческий соделался таким, каким стал через падение праотец Адам, – смертным, то есть по душе и по телу. Человека, каким создал его Бог, не стало более в мире; и возможности не было, чтоб стал кто-либо таким, каким был Адам до преступления заповеди. А необходимо было, чтобы такой человек был.

3. Итак, Бог, желая иметь такого человека, каким в начале создал Адама, послал в последние времена на землю Сына Своего Единородного, и Он, пришедши, воплотился, восприняв совершенное человечество, чтобы быть совершенным Богом и совершенным человеком, и Божество имело, таким образом, человека, достойного Его. И се человек! другого такого не было, нет и не будет. Но для чего соделался таковым Христос? Для того, чтобы соблюсти закон Божий и заповеди Его и чтобы вступить в борьбу и победить диавола. То и другое совершилось в Нем само собою. Ибо если Христос есть Тот Самый Бог, Который дал заповеди и закон, то как можно было не соблюсти Ему того закона и тех заповедей, которые Сам дал? И если Он Бог, как и есть воистину, то как возможно было Ему быть обольщену или обмануту какою-либо хитростью диавола? Диавол, правда, как слепой

и бессмысленный, восстал против Него бранью, но это попущено было для того, чтобы совершилось некое великое и страшное таинство, именно: чтобы пострадал Христос безгрешный и через то получил прощение Адам согрешивший. Для этого и вместо древа познания был крест, вместо ступания ног, которыми прародители шли к запрещенному древу, и вместо простертия рук их, которые простирали они, чтобы взять плод древа, были пригвождены ко кресту непорочные ноги и руки Христовы, вместо вкушения плода было вкушение желчи и оцта, и вместо смерти Адама – смерть Христова. Потом что было? Лежал Христос во гробе три дня, ради таинства Пресвятой Троицы, чтобы показать, что хотя воплотился и пострадал один Он – Сын, однако Домостроительство это есть дело Пресвятой Троицы. В чем же это Домостроительство? Одно лицо Святой Троицы, именно: Сын и Слово Божие, воплотившись, принес Себя плотию в жертву Божеству Отца, и Самого Сына, и Духа Святого, чтобы благоволительно прощено было первое преступление Адама ради сего великого и страшного дела, то есть ради сей Христовой жертвы, и чтобы силою его совершалось другое новое рождение и воссоздание человека во Святом Крещении, в коем и очищаемся мы водою, срастворенною с Духом Святым. С того времени люди крещаются в воде, погружаются в нее и вынимаются из нее три раза, во образ тридневного погребения Господня, и после того как умрут в ней всему этому злому миру, в третьем вынутии из нее являются уже живы-

ми, как бы воскресшими из мертвых, т. е. души их оживотворяются и опять приемлют благодать Святого Духа, как имел ее и Адам до преступления. Потом (крещеные) помазуются святым миром, и посредством его помазуются Иисусом Христом, и благоухают преестественно. Сделавшись таким образом достойными того, чтобы быть общниками Бога, они вкушают Плоть Его и пиют Кровь Его и, посредством освященных хлеба и вина, соделоваются сотелесными и сокровными воплощшемуся и принесшему Себя в жертву Богу. После сего уже невозможно, чтобы над ними господствовал и тиранствовал грех, яко над богами по благодати. Так как Адам подпал клятве, а через него и все люди, от него происходящие, приговор же об этом Божий никак не мог быть уничтожен, то Христос бысть по нас клятва, через то что повешен был на Древе Крестном, чтоб принести Себя в жертву Отцу Своему, как сказано, и уничтожить приговор Божий преизбыточествующим достоинством жертвы. Ибо что больше и выше Бога? Как во всем этом видимом творении нет ничего выше человека, ибо все видимое и сотворено для человека, так Бог несравненно выше всего сотворенного, и ничто не может идти с Ним в сравнение, ни вся видимая и невидимая тварь. Таким образом, Бог, Который есть несравненно выше всего видимого и невидимого творения, восприял естество человеческое, которое есть выше всего видимого творения, и принес его в жертву Богу и Отцу Своему. Устыдившись такой жертвы, скажу так: и почтив ее, Отец не мог оставить

ее в руках смерти; почему уничтожил приговор Свой и воскресил из мертвых во-первых и вначале Того, Кто дал Себя в жертву, в искупление и взамен за сородных Ему человеков, – а после, в последний день скончания сего мира, воскресит и всех людей. Впрочем, души тех, которые веруют в Иисуса Христа, Сына Божия, в сию великую и страшную Жертву, Бог воскрешает в настоящей жизни, и знамением сего воскресения служит благодать Святого Духа, которую дает Он душе всякого христинина, как бы другую душу. Такая душа христианина потому и называется верною, что ей вверен Святой Дух Божий и она прияла Его, – Дух Божий, Который есть жизнь вечная, так как Святой Дух есть Бог вечный, исходящий из вечного Бога и Отца.

4. Поелику таким образом Крест соделался как бы жертвенником сей страшной Жертвы, ибо на Кресте умер Сын Божий за падение людей, то справедливо Крест и чтится, и покланяем бывает, и изображается как знамение общего всех людей спасения, чтобы покланяющиеся Древу Креста освобождались от клятвы Адамовой и получали благословение и благодать Божию на делание всякой добродетели. Для христиан Крест – величание, слава и сила, ибо вся наша сила в силе распеншегося Христа; вся грешность наша умерщвляется смертью Христа на Кресте, и все возвеличение наше и вся слава наша в смирении Бога, Который до того смирил Себя, что благоволил умереть даже между злодеями и разбойниками. По сей-то причине христиане, верующие во

Христа, знаменуют себя знамением креста не просто, не как попало, не с небрежением, но со всем вниманием, со страхом и с трепетом, и с крайним благоговением. Ибо образ креста показывает примирение и содружество, в какое вступил человек с Богом. Посему и демоны боятся образа креста и не терпят видеть знамение креста изображаемым даже и на воздухе, но бегут от этого тотчас, зная, что крест есть знамение содружества человеков с Богом и что они, как отступники и враги Богу, удаленные от Божественного лица Его, не имеют более свободы приближаться к тем, кои примирились с Богом и соединились с Ним, и не могут более искушать их. Если и кажется, что они искушают некоторых христиан, да ведает всякий, что это борют они тех, которые не познали как следует высокого таинства Креста. Те же, которые уразумели сие таинство и на самом деле опытно познали власть и силу, какую имеет крест на демонов, познали также, что крест дает душе крепость, силу, смысл и Божественную мудрость, – эти с великой радостью восклицают: *мне же да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего, имже мне мир распяся и аз миру* (Гал. 6, 14). Итак, поелику знамение креста велико и страшно, то всякий христианин имеет долг совершать его со страхом и с трепетом, с благоговением и вниманием, а не просто и как попало, по привычке только и с небрежением, ибо по мере благоговения, какое кто имеет ко кресту, получает он соответственную силу и помощь от Бога, – Коему слава и держава вовеки. Аминь.

Слово второе

1. О том, что естество человеческое через воплощение Сына и Бога Слова приходит опять в благобытие, то есть в то доброе и божественное состояние, в каком было оно до преступления Адамова.

2. Также о законе естественном, писаном и духовном.

3. Еще о том, каким способом может кто прийти в благобытие.

4. И какие дела делая, можем мы войти в Царствие Небесное.

1. Поелику естество человеческое потеряло свое благобытие через преступление Адамово, то необходимо узнать нам, что такое был Адам прежде потери благобытия и в чем состояло это благобытие, или то доброе и божественное состояние, какое имел человек прежде преступления. Святые отцы говорят нам, что Бог соделался человеком для того, чтобы через вочеловечение Свое опять возвесть естество человеческое в благобытие. Почему надобно нам узнать, каким это образом через воплощенное Домостроительство Христово человек опять приходит в благобытие.

Бог в начале, когда создал человека, создал его святым, бесстрастным и безгрешным, по образу и подобию Своему; и человек точно был тогда подобен Богу, создавшему его.

Ибо святой, безгрешный и бесстрастный Бог и творения творит святые, бесстрастные и безгрешные. Но поелику непременяемость и неизменяемость есть свойство одного безначального и несозданного Божества, то созданный человек естественно был пременяем и изменяем, хотя имел способ и возможность при помощи Божией не подвергнуться пременению и изменению.

Так, свят был человек и, как святой, не имел нужды ни в каком законе, ибо для праведника закон не нужен. Какая нужда в законе для святого, бесстрастного и чистого? Закон повелевает делать добро и не делать зла. Но Писание говорит, что *виде Бог вся, елика сотвори, и се добра зело* (Быт. 1, 31). Итак, поелику все было добро зело, то какая была нужда человеку в научении, что хорошо и что не хорошо? Поелику не было ничего, что не было бы крайне хорошо, то и не имел нужды в законе божественный оный человек.

2. Впрочем, поелику в его власти было вкушать от всякого древа райского, еще же и от самого древа жизни, то ему дана была заповедь не вкушать от одного только древа, чтобы знал, что он пременяем и изменяем, и остерегался, и пребыл навсегда в том добром и божественном состоянии. Бог теми словами, какие сказал ему, давая заповедь, что если вкусит, умрет, давал ему разуметь, что он пременяем и изменяем.

Так – тогда, в раю, не нужен был закон, ни писаный, ни духовный. Но после того, как человек вкусил от того запрещенного древа и умер горькою смертью, т. е. отпал от Бога

и подвергся растлению, – тогда, чтобы совсем не отпал он от всякого добра (так как зло сильно распространилось в роде человеческом и тиранило его насильственно, по причине бедственного расслабления, какому подвергся он вследствие растления), дан был ему закон, чтоб показывал, что хорошо и что худо. Ибо человек стал слеп, вышел из ума и обезмыслел, почему и имел нужду в научении, как написано в псалмах: *открый очи мои и уразумею чудеса от закона Твоего* (Пс. 118, 18). *Вразуми мя, и научуся заповедем Твоим* (Пс. 118, 73).

Видишь, в какое жалкое состояние пришел человек и как потому имел нужду в писаном законе? Ибо после того, как пал он, не мог уже ведать даже и этого мира, если б прежде не был свыше от Бога просвещен ведением относительно его.

После же, когда пришел Христос и так тесно соединил в Себе Божество с Человечеством, что два сии, крайне расстоящиеся, т. е. Божество и Человечество, стали единым лицом, хотя пребывали неслиянными и несмешанными, – с того времени человек сделался уже как бы светом, через соединение с оным, первым и невечерним Светом Божиим, и не имеет более нужды ни в каком писаном законе, потому что Божественная благодать Иисуса Христа, пребывающая с ним и в нем, плодоприносит ему благобытие, т. е. любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость и воздержание. Почему апостол Павел, перечислив такие плоды Святого Духа, и говорит в конце: *на таковых несть за-*

кона (Гал. 5, 22, 23), ибо для праведника не требуется закон. Кто же не имеет еще таковых плодов Святого Духа, тот и не Христов, как говорит апостол: *аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов* (Рим. 8, 9). Такому надлежит подвизаться и постараться о том, чтобы соделаться Христовым, да не тщетно верует во Христа, – в каком случае Христос не пользует ему ничтоже. Все старание и весь подвиг его должен быть обращен на то, чтобы стяжать Дух Христов и таким образом приносить плоды Духа Святого, ибо в этом и состоит духовный закон и благобытие.

3. Если же человеческое естество приходит опять в благобытие, как было первоначально, через воплощение Христово, и нет никакого другого способа и никакой другой силы, или мудрости, или труда и подвига, чтоб человеческое естество опять пришло в благобытие и стало как было первоначально сотворено, но находится единственно в руке Бога, давшего ему бытие, и то, чтоб даровать ему благобытие, и другим способом этому быть никак нельзя, то какая нужда тщетно трудиться, подвизаясь ради сего одними своими подвигами, чтениями, злостраданиями, томлением себя алчбою, жаждою и бдениями? И если такие и толикие злострадания бывают тщетны и бесполезны для того, кто не ведает великого оного таинства (спасения), то на каждом христианине лежит долг научиться ему и познать его, чтоб не протрудиться понапрасну в тех злостраданиях и не попустить погибнуть (и при них) душе своей, что бедственнее всяко-

го другого бедствия. Ибо все такие и толикие злострадания должны быть подъемлемы не для того, чтоб прийти в благобытие, но для того, чтоб сохранить благобытие, какое приняли мы прежде через Святое Крещение, так как сокровище сие труднохранительно и нам надлежит добре внимать, да сохраним оное, как сказали святые отцы. И в будущей жизни христианин не будет испытуем, отрекся ли он мира, постился ли, совершал ли бдения, молился ли, плакал ли и другие какие совершал ли в настоящей жизни дела добрые, но будет тщательно испытуем, имеет ли он какое-либо подобие Христу, как сын отцу, как говорит и Павел: *чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. 4, 19). Ибо которые во Христа крестятся, во Христа облекаются (Гал. 3, 27).

4. Те, которые хранят врата Царствия Небесного, если не увидят в христианине подобия Христу, как сына отцу, никак не отворят ему их и не дадут войти. Ибо как подобные ветхому Адаму, преступившему заповедь Божию, пребывают вне Царствия Небесного, несмотря на то что они нисколько не виновны в том, что подобны праотцу Адаму, так и христиане, подобные Новому Адаму, Отцу их Христу, входят в Царствие Небесное, при всем том, что то, что они подобны Христу, не есть собственное их дело, так как это совершается посредством веры, какую восприемлют они во Христа.

Подобие же Христу составляют истина, кротость, правда, и вместе с ними смирение и человеколюбие. Истина зрит-

ся во всех словах, а кротость во всех противословиях, потому что кроткий, похвалами ли окружен или порицаниями, хранит себя бесстрастным и ни похвалами не превозносится, ни порицаниями не огорчается. Правда зрится во всех делах, ибо как определяем мы тяжесть вещей посредством весов и как узнаем качество золота через потирание его о камень, так ни в каком начинании не выходим мы из пределов правды, если при этом содержим в памяти те меры (способы измерения, или весы), какие даровал нам Господь наш (заповеди). Смирение есть как бы неокрадомая сокровищница, устрояемая в том уме, который носит убеждение, что только силою благодати, приемлемой от Христа, имеются в нем показанные добрые качества, т. е. истина, кротость и правда. Человеколюбие есть подобие Богу, так как оно благотворит всем людям, и благочестивым и нечестивым, и добрым и злым, и знаемым и незнаемым, как и Сам Бог всем благотворит, воссиявает солнце на праведных и неправедных, дождит на злых и благих. Итак, те, которые прияли сие от Христа, от Него имеют подобие Ему, как сын от отца имеет подобие отцу, потому что сын не бывает иначе, как из естества отца своего. Для того Бог соделался человеком, и через такое соединение Божества с человеческим естеством царствует Божество над естеством человеческим, как написано: *наляцы, и успевай, и царствуй истины ради и кротости и правды* (Пс. 44, 5). Таким образом, над кем не восцарствовал Христос через те добродетели, о которых мы сказали, тот

не подобен Христу, как Отцу, и недостоин войти в Царствие Небесное. Воистину так есть. Почему излишни все прочие подвиги, если не бывают ради их. Постараемся же и мы, братие, соделаться подобными Христу посредством тех добродетелей, да сподобимся Царствия Его. Ему слава и держава вовеки. Аминь.

Слово третье

О том, что нам надлежит испытать самих себя, имеем ли мы блаженства Христовы, потому что они (добродетели, ими указываемые) суть знак печати (Христовой).

Братие мои возлюбленные! Если кто из нас не запечатлен и не имеет на себе печати Господа нашего Иисуса Христа, да течет наискорейше, чтоб запечатлеться; если не имеем знамения благодати Святого Духа, да подвизаемся всяким образом, чтоб восприять его. Ибо смерть не властвует над душами, которые запечатлены Всепречистой Кровью Христовой и благодатию Всесвятого Духа, и волк мысленный, диавол, не стерпевает воззреть (отворачивается) на печать Пастыреначальника Христа, которою печатлеет Он овец Своих. Да, братие мои христиане, не стерпевает. Сего ради потщимся всеусердно делать все дела, какие угодны Христу, да сподобимся запечатления от Него, чтоб без боязни прейти прочее время жизни нашей; и не это только, но да восприимем милость от Него и достойными соделаемся изведать таинства Христа, изведать, говорю, не словом только или слухом и преданием, но делом и действенностью.

Как же делом изведывает кто таинства Божии? – Внемли, да разумеешь. Иисус Христос говорит во Святом Еван-

гелии: *блажени нищии духом, яко тех есть Царство Небесное* (Мф. 5, 3). Слыша это, должны мы подумать в уме своем и хорошо исследовать самих себя, таковы ли мы, т. е. нищи ли мы духом, чтоб Царство Небесное было собственно нашим, и столько собственно нашим, чтоб мы в чувстве души были удостоверены, что стяжали уже Царствие Небесное и имеем богатства его верно, так что чувствуем без всякого сомнения, что находимся внутри его и веселимся, наслаждаясь благами, кои находятся там внутри. Ибо Господь говорит нам, что Царствие Небесное внутрь нас есть. Знамение же и доказательство, показывающее, что Царствие Небесное истинно есть внутрь нас, есть следующее: если мы не похотствуем никаких привременных благ мира сего, ни богатства, ни славы, ни удовольствий и никакого мирского или плотского услаждения, но удаляемся от всего этого и отвращаемся всею душою и всем сердцем столько, сколько возвеличенные царской честью и властью удаляются от вращающихся в блудилищах и сколько привыкшие носить чистые одеяния и намащаться мирами и благоуханиями отвращаются от нечистых мест и зловония. А кто не отвращается от всего этого, но имеет пристрастие к чему-либо из того, о чем мы сказали, тот ни видел Царствия Небесного, ни обонял, ни вкушал сладости и благоухания его.

И опять говорит Христос: *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4). Посмотрим же опять и исследуем, имеем ли мы плач, и что это за утешение, которое, как го-

ворит Господь, последует за плачем? Прежде сказал Он, что блаженны нищие духом, потому что их есть Царствие Небесное. Нищие же духом не имеют, как мы сказали, никакого пристрастия к благам мира сего и не помышляют о них с услаждением, но ненавидят их и отвращаются от них. Итак, кто презрел весь мир, кто отдаляется от него самым помыслом паче, нежели телом, и не имеет похотения ни к какому из видимых благ, тот чем мирским может быть опечален или обрадован? И тому, кто имеет Царствие Небесное и веселится внутри его каждодневно, как возможно плакать? К тому же Господь сказал, что те, которые плачут, приемлют утешение. Но внемлите, прошу вас, да уразумеем силу слова сего.

Верный человек, добре всегда внимающий заповедям Божиим, когда, творя все, что требуют заповеди Божии, помыслит о высоте их, т. е. о том непорочном житии и чистоте (какие они изображают), тогда, исследуя меру свою, найдет себя крайне немощным и бессильным достигнуть оной высоты заповедей, найдет, что он крайне нищ и недостоин принять Бога или возблагодарить Его и прославить (упокоить в себе), так как не стяжал еще в собственность себе никакого блага (нечем упокоить). Но таковой, помышляя о всем, сказанном мною, с чувством душевным, без всякого сомнения восплачет плачем оным, который есть воистину наиблаженнейший плач, приемлющий и утешение и делающий душу кроткой. Утешение и радость, которые рождает плач, суть залог Царствия Небесного. Вера есть уповаемых извещение,

как говорит божественный Павел, а утешение, бывающее в тех душах, кои плачут от облистания и освящения Святого Духа, есть присутствие Бога, дарующего им ради плача смиренномудрие, которое называется и семенем и талантом, потому что растет и множится в тридцать, шестьдесят и сто в душах подвизающихся и приносит Богу святой плод дарований Святого Духа.

Где истинное смирение, там и глубина смиренномудрия; где смиренномудрие, там и воссияние Святого Духа; где воссияние Святого Духа, там обильное излияние света Божия и Бог с премудростью и ведением таин Его; где это, там Царствие Небесное, и сознание Царствия, и сокровенные сокровища боговедения, в которых и явление духовной нищеты; где чувство духовной нищеты, там радостотворный плач и непрестанные слезы, которые очищают душу от всяких люблений и пристрастий и делают ее всю световой.

Когда же просветится таким образом душа и уведает добре Владыку своего и Бога, тогда начнет она со всем усердием плодоприносить в себе и прочие добродетели Ему и Христу Господу. И подобает так. Ибо будучи всегда напаяема и питаема слезами, всецело погашает она в себе гнев, и соделовается вся кроткой и не подвижной на серчание, и тогда алчет и жаждет, т. е. сильно желает и ищет узнать оправдания Божии и приобщиться их, а вместе с сим становится милостивой и сострадательной. От всего же этого опять делается чистым сердце ее, и приходит созерцание Бога, и чисто зрит

славу Его, по обетованию Его: *яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). А те, у коих души таковы, суть воистину миротворцы и нарицаются сынами Божиими, кои чисто ведают Отца своего и Владыку и любят Его от всего сердца своего, терпя ради Его всякую тяготу и скорбь, когда бывают поносимы, укоряемы и теснимы за праведные заповеди Его, кои повелел Он нам соблюдать, когда бывают всячески оскорбляемы и гонимы, и переносят *всяк зол глагол,* какой *лжуще* (Мф. 5, 11) изрыгают против них, ради *имени Его святаго,* радуясь, что сподобились приять бесчестие от людей за любовь к Нему.

Узнали ль теперь, братия мои, истинное отпечатление печати Христовой? Уразумели ль, верные, в каких признаках обнаруживается верность христианина? Поистине одна только есть печать Христова – осияние Духа Святого, хотя много есть видов воздействий Его и много знамений силы Его. Первейшее всего другого и необходимейшее есть смирение, так как оно есть начало и основание. Ибо говорит Бог: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и смиреннаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2). Второе есть плач, источающий непрестанные слезы, о которых желал бы я многое сказать, но не нахожу достаточно слов, какими мог бы достодолжно беседовать о них. Чудо неизъяснимое! Текут слезы вещественные из очей вещественных и омывают душу невещественную от скверн греховных; падают на землю, но низвергают демонов и освобождают душу от невидимых уз греха. О, слезы! Вы, источаясь от действия Божественного про-

свещения, отверзаете самое небо и низводите Божественное утешение. От сего утешения и от сладости духовной, какие испытываю, опять говорю и многократно буду повторять то же, что где слезы с истинным ведением, там и осияние Божественного Света, а где осияние сего Света, там и дарование всех благ, там внутри сердца отпечатлена и печать Святого Духа, от Которого произрождаются и все плоды жизни. От слез плодоприносятся Христу кротость, мир, милостивость, сердоболие, доброта, благостная вера, воздержание. От слез происходит то, что иной любит врагов своих и умоляет о них Бога, радуется в искушениях и хвалится скорбями, смотрит на грехи других как на свои собственные, и плачет о них, и с готовностью предает жизнь свою на смерть за братий своих.

Послушайте же, умоляю вас, братия мои христиане, и пробудитесь от усыпления! Войдите в самих себя и посмотрите, воссиял ли свет Божественной благодати внутри сердец ваших, – посмотрите, увидели ли вы великий свет ведения, посетил ли вас восток с высоты и светит ли он вам во тьме и сени смертной седящим? Бог ни в чем не имеет недостатка, будучи преисполнен всех благ и совершенств. Ничего Ему от нас не нужно, кроме одного нашего спасения. Спасение же наше иначе не может состояться, если не изменится ум наш и не соделается иным действием силы Божией, так чтобы стал он умом обоженным, т. е. бесстрастным и святым. Обоженным бывает тот ум, который внутри себя имеет Бога. Впрочем, чтобы стал таковым ум сам от себя, это невозможно.

Только тот ум, который соединяется с Богом посредством веры и познает Его через делание заповедей, только такой наивернейше сподобляется видеть Его и созерцательно; ибо через посредство веры, какую имеет он во Христа, вселяется Христос внутрь его и делает его обоженным. Сохраняется же ум обоженным через то, если всегда поучается в том, что есть Христово, и непрестанно внимает закону Его, ибо поколику внимает кто закону Христову, потолику соблюдает и заповеди Его (и через это содержит себя обоженным); как опять кто имеет ум обоженным, тот по тому самому всегда поучается в том, что Христово, непрестанно внимает закону Его и творит заповеди Его.

Восподвизаемся же, возлюбленные, о том, чтобы питать и возжигать в себе обильнейший огнь Божественный, т. е. любовь Божию, посредством делания заповедей Христовых, ибо посредством их возгорается в нас Божественный огнь, и посредством же их обыкновенно увеличивается он. Как чувственный огонь возгорается в веществе, как то: в дровах и в другом чем таком горючем, так что когда малая искра огня падает на такое вещество, то возжигает большое пламя, которое делается потом тем большим еще, чем больше находит горючего вещества: таким же образом действует и умный огнь в отношении к умному (или в умной области). Что горючее вещество для чувственного огня, то разумная душа, имеющая в себе как бы вещество горючее – заповеди Христовы, – для огня Божества. Божество, то есть Божественная

благодать сама по себе, одна, не бывает явною, если не низойдет в разумную душу. Как чувственный огнь не является в чувственном, если не найдет горючего вещества, так и умный огнь не является в умном, если не найдет вещества заповедей Божиих. Господь и говорит: *любяй Мя заповеди Моя соблюдет, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21). Вещественный огнь, прежде чем проявится в вещественном, бывает сокрыт; подобно сему и Божественный огнь, прежде чем проявится в умных душах, бывает сокровен. И опять, начало чувственного огня непонятно, потому что он сокрыт внутри чувственного; равным образом и начало умного огня недомыслимо, потому что он сокровен в умном. Впрочем, чувственный огнь – одного естества с чувственным, а огнь умный не одного естества с умными (душами), ибо Творец не одного естества с тварью. Следовательно, умный огнь гораздо более сокровенен в умном, чем чувственный в чувственном.

Порассмотрим же, братие, и поисследуем самих себя до точности, есть ли в нас печать Христова, и по указанным выше признакам постараемся определенно узнать, есть ли в нас Христос. Если мы не восприняли еще Христа, не имеем еще печати Его и не видим, чтобы были в нас те признаки, о которых мы сказали, но паче видим все противное тому, то есть что и мир прелестный живет в нас, и мы, к несчастию, живем в нем, что высоко ставим временные блага мира, а в скорбях, находящих на нас, изнемогаем, при бесчестиях печалимся,

а при честях, богатстве и наслаждениях мирских и плотских радуемся и веселимся; горе нам по причине зловредности, коею страдаем, горе нам по причине неведения и омрачения, покрывающего нас, горе нам по причине окаянства и нечувствия, кои возгосподствовали над нами! Всецело ниспали мы долу, к земному, мирскому и чувственному. Поистине бедны мы и пренесчастны, далеки будучи от жизни вечной и Царства Небесного, потому что не стяжали еще в самих себе Христа, но имеем еще в себе мир живым, поколику живем в нем и мудрствуем земная. А кто таков, тот явно враг есть Богу, потому что пристрастие к миру есть вражда на Бога, как говорит божественный апостол: *не любите мира, ни яже в мире* (1 Ин. 2, 15); *ибо любы мира сего вражда Богу есть* (Иак. 4, 4). Нельзя Богу работать и по человеку жить.

Истинно говорю вам, братия мои, что ничего нет лучше в мире, как не иметь ничего от благ мира сего и ничего не желать лишнего, кроме необходимо потребного для тела. Необходимо же потребны для тела хлеб, вода, одежда и кров, как говорит божественный апостол: *имуще пищу и одеяние, сими довольни будем* (1 Тим. 6, 8). Если же понуждаемся в чем-либо больше этого, Тот, Кто даровал нам несравненно большее и *исполняет всякое животно благоволения* (Пс. 144, 16), всеконечно подаст и это нам, верующим и уповающим на Него. Только оставим все греховное и нечистое пред Богом, как то: тщеславие, зависть, ненависть, вражду, лукавство, ропот, ложь, неправду, лихоимство, брань, поно-

шения, оклеветания, пересуды, гордыню, человеконенавидение, злокозненность и все другое, чему научил диавол человеческий род. Ибо из-за всего этого и повелел нам Бог не любить мира, ни яже в мире. Не с тем повелел Он это, чтоб мы без разбора ненавидели творения Божии, но для того, чтоб через это отсекали мы поводы ко грехам. Сего-то ради и возненавидим, наконец, мир и все то, что ненавидит Бог, потому что все это пагубно для души.

Блага мира сего суть препоны, кои не допускают нас возлюбить Бога и благоугодить Ему. Кто, любя славу и честь от людей, возможет иметь себя меньшим всех и уничиженнейшим, быть нищ духом и сокрушен сердцем, воздыхать и плакать о грехах своих? Кто может, любя богатство, всякие вещи и стяжания, быть милостивым и сострадательным, а не жестокосердым и зверским паче всякого зверя? Кто может, будучи тщеславен и горд, быть свободен от зависти и соперничества? И тому, кто предан плотским страстям и валяется в нечистых удовольствиях, возможно ли быть чисту сердцем или узреть Бога, создавшего его? Куда ему узреть Его?! Можно ли также быть миротворцем тому, кто отчуждил себя от Бога и не слушает блаженного Павла, который говорит: *по Христе убо молим, яко Богу молящу нами, молим по Христе: примиритеся с Богом* (2 Кор. 5, 20). То есть вместо Христа, Который был послом, посредником Бога Отца к людям, чтоб они примирились с Богом, мы – апостолы, принявшие посольство и вместо Христа ставшие посредниками

Бога Отца к вам, вместо Христа и Отца Его умоляем вас: примиритесь с Богом. Ибо всякий преступающий заповеди Божии есть противник Богу, воюющий против Него. А такой как может быть миротворцем других? Хотя бы и случилось ему примирить иных между собою, не может он устроить этого примирения так, чтоб оно благоугодно было Богу. Когда он враг сам себе и Богу, можно усомниться, чтоб те, которые примиряются при посредстве его, так же, как и он, не были врагами Богу. Кто враг кому-либо, тот не сумеет другим посоветовать что-либо угодное врагу своему, не сумеет он научить их творить волю врага своего, когда сам состоит противником воли сей.

Итак, братия мои возлюбленные, возненавидим мир и яже в мире. Ибо какое общение нам, христианам, с миром и с тем, что в мире? Возлюбим же от всей души то, что любить повелевает нам Бог. Возлюбим нищету духовную, т. е. смирение, возлюбим непрестанный денноощный плач, от которого ежечасно произрождается радость душевная и утешение изливается на тех, кои любят Бога. От плача водворяется и кротость в тех, кои подвизаются во истине. Которые плачут, те также алчут и жаждут правды и всеусердно ищут Царствия Божия, превосходящего всякий ум человеческий. И не это только, но и то, что иной делается милостивым и чистым в сердце, полным мира и миротворцем, также мужественным в искушениях, бывает от непрестанного плача. Плач производит в нас ненависть и ко всякому злу. Им воз-

жигается в душе и Божественная ревность, которая ни на минуту не дает человеку покоя, но не допуская его склоняться на зло со злыми, устремляет на все доброе, исполняя вместе с тем душу мужеством и силою к претерпению всех искушений и скорбей.

Потечем же, братие, потечем со всем усердием, пока достигнем нетленного и всегда пребывающего блага, презрев блага мира сего, кои тленны, преходят, как сон, и не имеют в себе ничего постоянного и твердого. Солнце и звезды, небо и земля, и все прейдет для тебя, и останешься ты, человек, один с делами своими. Что из того, что видим мы в мире сем, может принести нам пользу в час нужды смертной, тогда, как отходим мы отселе и переходим в иную жизнь, оставляя мир и все мирское здесь, что и само в скором времени прейдет и ктому (впредь. – *Ред.)* не будет? Пусть оно не тотчас еще прейдет, но что пользы от того для нас, когда, преселяясь инуды (в другое место. – *Ред.),* оставляем все то здесь? Тело наше остается мертвым в земле, и душа, изшедши из тела, не может уже без него смотреть на здешнее, ни сама быть видима от кого. Там ум ее обращается только на то, что невидимо, никакого более попечения не имея о том, что в мире сем. Она вся бывает тогда в другой жизни: или для Царства Небесного и славы его, или для муки и огня гееннского. Одно что-либо из этих двух приемлет она от Бога в вечное наследие, соответственно делам, какие наделала в мире сем.

Бежим же от прелестей мира сего и его обманчивых радо-

стей и утешений, и к единому устремимся Христу, Спасителю душ наших. Его возревнуем постигнуть, и когда постигнем, припадем к стопам Его и облобызаем их со всею теплотою сердечною. Ей, умоляю вас, восподвизаемся теперь, пока еще мы в настоящей жизни, познать Его и узреть Его. Ибо если здесь сподобимся мы познать Его чувством души своей, то не умрем, смерть не возобладает нами. Не будем дожидаться узреть Его в будущей жизни, но здесь, в этом мире, поподвизаемся узреть Его. Святой Иоанн Богослов говорит: *О сем разумеем, яко пребывает в нас, от Духа, Егоже дал есть нам* (1 Ин. 3, 24). Итак, которые из вас делом показали твердую и несомненную в Него веру, обдумайте хорошенько, что я сказал, и, разобравши то со тщанием, посмотрите, есть ли в вас Христос, чтоб не обмануть самих себя, думая, что имеете в себе Христа, тогда как ничего не имеете, и не отойти из сей жизни пустыми, не имея Христа, и не услышать оный страшный глас Господа: возьмите, что мнится имети сей лукавый, и отдайте имеющему большее. Тогда восплачете и возрыдаете, и скорбеть станете бесполезно бесконечные веки. Но да не будет сего с нами, паче же да соделаемся достойными узреть Господа в сей жизни и, когда умирать будем, иметь Его в себе, чтобы с Ним пребывать в другой жизни и радоваться с Ним в Царствии Его. Аминь.

Слово четвертое

1. О том, что смерть души есть удаление из нее Духа Святого, жало же смерти сей – грех; и что смерть и тление тела есть уподобление смерти и растлению души.

2. И о том, какие признаки мертвости и живости души.

3. О том, каким образом бывает отъятие тления и смерти; и о том, что смерть ныне не истреблена, а попрана и сделана ничтожною.

4. О том, как после смерти прославляются телеса почивших святых; также о воскресении и праведном Суде Божием.

1. Как тело умирает, когда отделяется от него душа, так и когда от души отделяется Дух Святой, душа умирает. Жало смерти сей есть грех, потому что смерть и тление суть порождения греха. Душа через грех умерла для вечной жизни, отделившись от Духа Святого и от Царства Его. Видишь ли, какую имеет связь душа с телом, что телу невозможно жить без души? И опять, как душа удаляется и оставляет тело, с которым была вместе и посредством которого обнаруживала свою силу и деятельность? Видя сие, помысли, что подобным образом и первозданный человек был соединен со Свя-

тым Духом Содетеля всяческих Бога; но будучи прельщен лукавым диаволом и злоупотребив данным ему от Бога самовластием, сделался преступником заповеди Божией и тотчас лишился благодати Святого Духа, коею был осеняем. Вследствие сего душа замерла, а потом умерло и тело; и таким образом произошла смерь телесная, чтобы по смерти тела, которую видим, мы домышлялись о смерти души, которой не видим, ибо смерть и тление тела есть уподобление смерти и растлению души.

Впрочем, иное есть естество тела, и иное естество души. Естество души мысленно, а естество тела чувственно. И еще – тело прежде растлилось и потом умерло, потому что вышла из него душа, – что и есть смерть тела; но с душою не так было: она прежде умерла, потому что отошла от нее Божественная благодать, и потом растлилась. Растление души есть уклонение на распутия от прямого и правого мудрования – именно то, что растлилось правое мудрование и стало развращенным, воспохотствовав всего злого. Ибо когда правые помыслы развращаются, тотчас, как терния и волчцы прорастают в душе семена зла. Таким-то образом как в мертвом теле распложаются черви, так в душе оной, лишившейся Божественной благодати, будто черви расплодились – зависть, лукавство, ложь, ненависть, вражда, брань, злопамятство, клевета, гнев, ярость, печаль, месть, гордыня, спесь, тщеславие, немилостивость, лихоимство, хищение, неправда, неразумная похоть, шепотничество, пересу-

ды, завиствования, спорливость, поношения, осмеяния, славолюбие, клятвопреступничество, клять-бы, богозабвение, дерзость, бесстыдство и всякое другое зло, Богу ненавистное, так что человек перестал уже быть по образу и подобию Божию, как создан вначале, а начал быть по образу и подобию диавола, от которого всякое зло.

2. Как душа, разумная и мысленная сила, сочетавает воедино тело, состоящее из многих частей, как то: плоти, костей, нервов, жил, кожи и прочего, что все дивно связует она собственною силою и содержит добре в полной гармонии, так что они одна другой помогают и одна другую поддерживают, связуемы будучи одною душою, а когда душа выходит из тела, тогда все эти части тела, теряя связь, распадаются и подвергаются истлению, так и благодать Святого Духа сочетавает душу саму с собою Божественною своею силою и животворит ее, как бы душа души, многие и разные помышления ее и пожелания сводя к единой воле Божией, в чем и состоит истинная ее жизнь; а когда благодать Святого Духа отделяется от души, тогда все ее помышления и пожелания разливаются и растлеваются. Итак, если возможно, чтобы какое-нибудь тело человека без души стояло в гармонии и своем чине, то возможно, чтоб и душа человека стояла, как должно, в своем чине, с отличительными чертами разумности, без благодати Святого Духа. Но то невозможно, а это еще невозможнее. Напротив, как человек, души не имеющий, мертв в порядке мира сего, так и тот, кто не имеет

благодати Святого Духа, мертв в порядке Божием, и никак не возможно, чтобы он имел жительство на небесах, потому что всякий мертвый (в каком-либо порядке) бездействен (безжизнен) в нем. Потому-то необходимо всякому человеку, верующему во Христа, креститься, чтоб быть Духом Святым воссоздану и обновлену, и стать новою тварью. Кто же не родится свыше, тот, как говорит Господь, не может внити в Царствие Божие и даже увидеть его, а кто видеть его не может, для того еще невозможнее получить его.

Вход в Царствие Божие дается не за одни добрые дела, но и за веру. Узрение его бывает через рождение свыше, а получение его – через добрые дела, совершаемые силою веры. Посему кто верует и крестится водою и Духом, входит в Царствие Божие, яко рожденный (в него и для него). И опять, кто родился свыше, зрит Царствие Божие и тогда уже, как включенный в число воинов и учеников (сынов) Царствия Божия, получает его за добрые дела, им творимые, каковых никто не может творить прежде, чем сделается он воином Царствия Божия. Ибо человеческое естество наше как на свет мира сего выходит причастным клятве Адамовой, так на свет Царства Божия выходит (из купели) причастным благословения Иисус-Христова. И если оно не сделается общницею Божеского естества Христова, если не примет благодати Святого Духа, не может ни подумать, ни сделать что-либо достойное Царствия Божия, не может исполнить ни одной заповеди, заповеданной нам Христом (чтобы быть сынами Царствия),

потому что Христос есть действуяй вся во всех, призывающих святое имя Его. Сего-то ради Бог человек бысть, да снидет в Него, яко в Бога, Бог Дух Святой, и да пребудет в Том, от Коего не отлучался, дабы потом через общение и соединение с Ним Божество соединилось с каждым человеком, общающимся с Ним и сочетавающим воедино, т. е. в волю Божию, все помышления и желания свои. Это и есть воскресение души в сей жизни. Ибо через общение, восприятие и причастие Богочеловека Иисуса душа опять оживляется и восприемлет первоначальное свое нетление силою и благодатию Святого Духа, приемлемого через общение со Иисусом, и проявляет признаки новой, полученной ею жизни тем, что начинает служить Богу в преподобии и правде пред очами Его, а не людей, как говорит апостол Павел: *кольми паче кровь Иисусова… очистит совесть нашу от мертвых дел, во еже служити нам Богу живу и истину* (Евр. 9, 14). Как, когда живо тело, явны бывают в нем действия души; так, когда жива душа, явны бывают в ней действия Святого Духа, как то: благость, вера, кротость, воздержание. Душа, через веру приявшая мысленную оную силу Святого Духа (которой лишился Адам через преступление заповеди и вследствие того подвергся уклонению на распутия от правых помыслов, до невозможности право понимать что-либо), видит и разумеет, что добродетель собственно не что иное есть, как исполнение воли Божией, как и все любители истинной мудрости, учители и проповедники пришествия Христова и ве-

ры в Него говорят, что добродетель собственно есть то, чтоб всякий человек, верующий во Христа, творил только волю Божию, а в отношении к благам настоящей жизни был как мертвый; так чтобы только в делах по исполнению велений Божиих и познаваем он был живым, и в этом только кругу обнаруживал движение и энергию. Это и есть признак, что душа жива.

3. А после, по воскресении, и тело восприимет нетление, которое душе Бог даровал теперь, оживотворив ее в настоящей жизни. Таким образом по беспредельной милости Божией открывается некое великое изумительное Домостроительство Божие: душа воскрешаема бывает в настоящей жизни, а тело умирает, и приговор Божий: *земля еси и в землю пойдеши,* не отменяется; в общее же воскресение воскрешено будет и тело и восприимеет также нетление. Смерть не отменена и не оставлена бездейственной в настоящей жизни, а только попрана и бывает презираема, потому что если бы она теперь же была отменена, то люди не умирали бы более.

Поелику христиане после Креста и Воскресения Христова удостоверены, что, умирая, преходят от смерти в живот и в радость сопребывания со Христом, то вожделевают паче смерти. Ибо если Дух Христов есть жизнь души, то какая польза получившему Его жить в этом мире и через то устраняему быть от той радости, которая подается сопребыванием со Христом? Счастливы те, которые, уверовав во Христа, умерли тотчас, как окрещены, потому что умерли облекшись

во Христа и пошли в другую жизнь, нося оное царское одеяние Божества Христова. Но более счастливы и блаженны те, которые пожили здесь после Святого Крещения и, будучи облечены в оное царское одеяние, как во всеоружие Божие, вступили в брань с врагом нашим диаволом и вконец победили его со всеми его кознями и злоухищрениями, благодаря за эту победу бывшего с ними Христа и даровавшего им ее, – и уже потом, после сей победы, умерли, потому что пожили, подвизаясь во славу Христа, Который возлагает сей добрый подвиг на всякого верующего в Него. То и слава Христова, чтобы христиане, воюя с демонами, не были побеждаемы (а побеждали), имея с собою непобедимого Христа. Ибо в каждом христианине Христос есть воюяй и побеждаяй, и Он же есть призываяй Бога, и моляйся, и благодаряй, и благоговеинствуяй, и ищай с молением и смирением, – все это действует Христос, радуясь и веселясь, когда видит, что в каждом христианине есть и пребывает то убеждение, в коем удостоверительно исповедуют они, что Христос есть действуяй все сие. Почему всякому христианину относительно всех добрых дел, какие делает, надлежит исповедать, что их совершает Христос, а не он; кто же не так помышляет об этом, тот всуе есть христианин.

Люди для того рождаются в мир сей, чтобы прославлять и благодарить Бога, зная, что всякое добро от Него. И опять по труде и подвиге, подъятых в сем месте озлобления, на которое родились, умирают по определению Божию, чтоб упоко-

иться от трудов с надеждою, что некогда имеют воскреснуть и жить жизнью непрестающей, без всякой печали и лишений. Ибо хотя Христос, с ними всегда сущий, есть трудяйся в них, но и они, при всей немощи своей, большой подъемлют труд, чтоб только удержать с собою Христа. Потому что все хитрости и все козни диавола обращены на то, чтоб соблазнить их отторгнуться от рук Христа и в самопрельщении расположить их говорить или хотя думать, что это-де мы сами по себе и своим поспешеством породили такое и такое благое помышление, или сказали такое и такое разумное слово, или сделали такое и такое доброе дело, хотя бы то и самое незначительное. И вот против этого-то великий у христиан постоянно обращается подвиг!

Всякой богобоязненной душе два великие предлежат подвига: первый – чтобы получить благодать Святого Духа, потому что и возможности нет вступить кому-либо на путь спасения и тем паче шествовать по нему, если не получит он наперед таинственной благодати Всесвятого Духа; второй, более тяжкий, – чтоб не лишиться сей благодати, получаемой со многими потами и трудами. Это лишение благодати случается по следующей причине. После того, как благодать Божия долгое уже время пребывает в душе, сшествуя ей путем спасения, поднимается против нее сильная и тягчайшая брань, подобная той, какую изображает пророк Давид, взывая к Богу: *Господи, что ся умножиша стужающии ми? Мнози востают на мя, мнози глаголют души моей: несть*

спасения ему в Бозе его (Пс. 3, 2, 3), т. е. что спасение твое совершается не силою Бога твоего, но твоею мудростью и твоею собственною силою. Если согласится душа на такое внушение, благодать отходит от нее. Но если она, отвергнув такое внушение, начнет с Давидом взывать к Богу: Ты, Господи, заступник мой и помощник, Ты – слава моя, и возносяй главу мою, Ты Божественною благодатию Твоею совершаешь во мне спасение мое, а не я, – благодать Божия пребудет с нею. И этот-то второй подвиг, после первого, в коем получается благодать Святого Духа, великий подвиг, чтоб не лишиться Божией благодати, полученной уже, предлежит душе до последнего нашего издыхания. Она, вместе с блаженным апостолом Павлом, много потрудившимся, должна велегласно в слух Ангелов и человеков взывать: *не аз, но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. 15, 10), – я не сделала никакого добра сама от себя, но благодать Божия, которая со мною. Потому что и апостолы, и пророки, и мученики, и иерархи, и преподобные, и праведные, – все исповедали такую благодать Святого Духа и ради такого ее исповедания, с помощью ее, подвизались добрым подвигом и течение свое совершили. Это и была та вера, которую они соблюли, т. е. они веровали, что победительницею великих многочастных и многообразных затруднений, какие они встречали в жизни, при такой немощи человеческого естества, какую они в себе видели, была благодать Божия, которую они имели всегда присущей в себе. Уверовав – в начале, что это так есть и долж-

но быть, они испытали сие потом на деле и познали добре; познав, возблагодарили Бога, так устроившего; возблагодарив, исповедали; исповедав, увенчались; увенчавшись, прославились, имея в себе знамения обожения, поколику соделались причастниками Божеского естества и через то богами по благодати, которые, яко боги, имеют всегда пребывать с Богом в будущей жизни.

Люди для того и рождаются на свет, чтобы прославлять Бога, так как они суть мыслящие и разумные существа. Они одни из всех видимых тварей могут познавать, величать и благодарить Творца Бога. Рассматривая тварь, они дивятся Творцу и, познав Его величие, недомыслимое и беспредельное, покланяются Ему, чтут Его и благоговеинствуют пред Ним, а при этом стараются жить во истине и правоте, как благоугодно Богу, представляя боговедение истинным свидетелем богоугодной жизни и благочестия и, наоборот, богоугодную жизнь и благочестие свидетелями боговедения. Ибо кто имеет боговедение и знает Бога, тот, без сомнения, и почитает Его, и служит Ему, т. е. верует и покланяется Ему, яко Богу, и живет богоугодно; *всякий же человек согрешаяй не виде Бога, ни позна Его,* как говорит Иоанн Богослов (1 Ин. 3, 6). И так есть воистину. Ибо кто знает Бога, естественно, и почитает Его, и благоговеинствует пред Ним; а кто благоговеинствует пред Ним и боится Его, тот может ли забыться до того, чтоб позволить себе сделать что-либо неугодное Богу, когда знает, что Бог везде есть и все видит? Да уверится же

всякий человек грешный, что он *не виде и не позна* Бога и что если он умрет в этой тьме и в этом неведении, то воскреснет потом не для чего другого, как для вечного мучения, вечного потому, что там не будет более смерти, чтоб пресечь это мучение. Тот же, кто увидел и познал Бога и через то не позволяет себе легкомысленно и бесстрашно вдаваться в грех, и тем показывает, что он не только боится, но и любит Бога, – такой человек, если проведши всю жизнь богоугодно, прейдет в другую с надеждою и чаянием воскресения мертвых, воскреснет к радости неизглаголанной, для которой одной и рождаются, и умирают люди. Рожденные для такой радости, если презрят ее и проведут жизнь во тьме и неведении Бога, по воскресении будут претерпевать двоякое мучение, и то поминая, что были рождены для неизглаголанной радости, и то, что презрели ее по легкомыслию и потеряли по своей вине.

Посему всякий человек, рожденный в мир сей, тем паче христианин, пусть не думает, будто родился для того, чтоб наслаждаться сим миром и вкушать его радости, потому что если б этот был конец и эта цель его рождения, то он не умирал бы. Но пусть содержит в мысли, что родился он, во-первых, для того, чтоб быть (начать существовать) из не сущего, каким был, во-вторых – для того, чтоб подобно постепенному возрастанию телесному возрастать мало-помалу и возрастом духовным, и добрым подвигом восходить в то священное и боголепное состояние, о котором говорит блажен-

ный Павел: *дондеже достигнем вси. в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13); в-третьих – для того, чтоб сделаться достойным обитать в небесных селениях и быть вчинену в сонм святых Ангелов, и петь с ними победную песнь Пресвятой Троице, Которая как одна дает ему бытие, одна же благодатию Своею дарует и благобытие, т. е. то показанное священное боголепное состояние При всем том, однако ж, люди не только не направляют дел своих к той одной цели, для которой родились людьми, т. е. чтоб, достигнув меры возраста исполнения Христова, соделаться богами по благодати, а напротив – делают все противное тому, и делают с большим усердием, всякими способами предаваясь грехам, чтоб в конце всего вверженным быть в вечное мучение, для которого мы не рождаемся в мир сей. Ибо вечный огнь адский уготован диаволу и прочим демонам, а мы рождаемся для того, чтоб обрестись достойными Бога, когда умрем. Достоин же Бога вот кто: правый, истинный, кроткий, благий, сострадательный, милостивый, щедрый, добрый, долготерпеливый, незлобивый, человеколюбивый. Но таким ни один человек не может быть, если не соделается причастным благодати Божией по вере во Христа; так что если кто не таков, то явно, что он или не верует во Христа, или кажется только верующим, будучи невером в самом деле. Ибо кто истинно верует во Христа, тот или уже сделался таковым, как мы сказали, или всяким образом подвизается быть таковым, помощью благодати Божией, без коей ни-

кто не может не только быть святым, но и взыскать того.

4. Душа, сподобившаяся стать причастницей Божественной благодати, будучи сама освящена, по естественному последствию освящает и все тело свое, потому что союзя и содержа тело, она находится во всех членах его; почему и благодать Святого Духа, как усвояет себе душу, так усвояет и тело ее. Впрочем, пока душа находится в теле, Всесвятой Дух не проявляет в этом теле всей славы своей; потому что настоит необходимость, чтоб душа до конца жизни показывала сама доброе произволение свое, т. е. последует ли она, как должно, благодати Святого Духа. Но когда придет конец и душа отделится от тела, тогда, поелику кончен уже подвиг (состязание, как на ристалищах) и душа, одержав победу, исходит из тела в венце нетления, как добре совершившая подвиг свой, тогда, говорю, благодать Святого Духа и в теле души сей проявляет свою освящающую силу, от чего кости голые и целые мощи святых источают исцеления и врачуют всякие болезни. Кода душа отделится от тела со смертью его, тогда она одна, без участия в сем тела, начинает пребывать со всем Божеством, то есть с Божественной благодатию, и сама бывает бог по благодати; тело же остается одно без души только с Божеством и проявляет для людей Божественную силу в чудесах (не через душу, а прямо от Божества). Тогда ни душа в действиях своих не может встречать препятствий от связности телом, будучи отделена от него, ни тело из-за души не бременится уже лишениями в удовлетворении сво-

их потребностей, т. е. ни алчбою, ни жаждою, ни чем другим подобным. Но поелику оба они, и душа, и тело, освободились от всякой нужды и всякого искушения, каким подвергались по причине взаимного союза, то и Божественная благодать, как в той, так и в другом действует без всякого препятствия, так, как бы всецело Божиими стали и душа, и тело, быв усвоены Божеством ради богоугодного жития, какое провели они в мире, когда находились оба вместе.

Во время же всеобщего воскресения и тело примет нетление, какое даровал уже Бог освященной душе. Ибо, по слову святителя Григория Богослова, как в этом мире душа была участницею в тяготах и прискорбностях тела, по причине тесного их союза, так и тогда телу передано будет от души обрадовательное состояние, которым она обладает. Тогда душа поглотит собою все тело и будет едино с ним, и дух, и ум, и бог по благодати, и все тленное и смертное тогда пожерто будет животом. Ибо как в Адаме плоть завладена была тлением по причине греха, а из-за плоти и душа сделалась некоторым образом земною в своих действиях и, предавшись всецело земному, погрузилась в такое богоневедение, что иные не знали даже, есть ли Бог: так, наоборот, во время воскресения имеет быть все противоположное сему, силою Святого Духа, по благодати Бога воплощенного; тогда плоть поглотится душою силою Святого Духа, душою, которая пребывала уже поглощенною Богом, истинным животом, так, как бы вся душа имела всего Бога и во всем явен был уже

только Он один. Просто скажу, боголепная благодать воскресения покажет тогда, т. е. в будущем веке, все наше противоположным настоящему, противоположным тому состоянию, в коем находимся и в коем жительствуем в настоящей жизни; и как в настоящей жизни смерть по причине греха взяла силу и власть и все поглощает, так в будущей она праведно изнеможет и будет сама поглощена благодатию. Смерть, попранная теперь и посрамленная Воскресением Христовым, тогда, после всеобщего воскресения, совсем будет упразднена, как говорит божественный Павел: *последний враг испразднится смерть* (1 Кор. 15, 26). Теперь, в настоящей жизни, смерть в своем находится времени и есть (для всех) наказание за первое Адамово преступление (для грешников), пресечение грешности (для праведников), упокоение от священных подвигов; но в будущей жизни, как упразднится жизнь мира сего, так и смерть престанет наконец и будет упразднена; тогда, как рождаться не будут люди и жить по образу настоящей жизни, так и умирать не будут, как теперь, и смерть упразднится. Но будет тогда другая жизнь неизреченная, и другая смерть, тягчайшая и горчайшая теперешней, т. е. вечное мучение. Ибо которые не соделаются здесь причастными Христу или обесчестят сие причастие Христу противною тому жизнью, т. е. не поживут по Христу, все такие находятся в опасности подвергнуться там неотменимой уже каре тягчайшей смерти. В этом мире Бог (воплотившись) пришел уничтожить приговор смерти, которая была легчайшим

наказанием; но там, в другой жизни, где не будет более настоящей смерти (которая бывает великим неким утешением для тех, кои находятся под мучительным гнетом, потому что умерши они освобождаются от него), там какое другое может быть уврачевание (от смерти второй, которая будет смерть без прекращения жизни)? С другой стороны, в этом мире, от Адама до Христа Господа, не было ни одного человека полно спасенного (а только в надежде), потому что все были причастны прародительскому греху (искупление от коего еще только ожидалось). А ныне, по совершении воплощенного Домостроительства Господа нашего, многие бывают сообразными Христу (истинно спасенными). Потому тем, которые будут осуждены в другой жизни, не останется уже никакого утешения и никакой надежды спасения, потому что могли и они, подобно тем, быть сообразными Христу и не восхотели. Так и для ангелов падших и сделавшихся демонами нет милости, потому что, когда большая часть Ангелов, соблюдши волю Божию, пребыли в чине своем, могли и они соблюсти ее, но не восхотели.

О, когда бы и нам соделаться сообразными со Христом, да сподобимся получить жизнь вечную во Христе Иисусе Господе нашем, Коему слава, честь и поклонение со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

Слово пятое

1. Что есть самовластие, которое даровал Бог человеку в начале?
2. И после падения что осталось в человеке от сего самовластия?

1. Видим, что человек, через преступление заповеди Божией сделавшись тленным и смертным, естественно алчет, жаждет, хочет спать, утомляется, чувствует холод и зной; потому невольно ест, пьет, спит, отдыхает, одевается и раздевается, хотя бы и не хотел того, и ни одного нет человека, который бы мог вытерпливать алчбу и жажду и прочее исчисленное пред сим, разве только с великим самопринуждением и самостеснением. Так и чувство потребностей сих бывает у человека, и удовлетворение их совершается им не по воле его, естественно. Бывает и здесь нечто по воле, но не многократно и не надолго. Святые Божии, по воле своей, нудили естество свое и лишениями смиряли тело, постясь, бодрствуя, подвергаясь холоду и зною и утомляя себя самоохотно; но их укрепляла благодать Божия, и они сильны были справлять это. Итак, если все это бывает невольно с человеком, как дело естества, то в чем же усматривается самовластие человека? Ни в чем другом не усматривается сие самовластие, как в том, чтобы иметь ум свой всегда возвыша-

емым и прилепляемым к единому Господу Богу, Спасителю нашему многомилостивому.

Если самовластие усматривается в том, что во власти нашей, то, само собою, в чем нет власти нашей, в том не усматривается и самовластие. Но воля и хотение предводительствуется самовластием сколько в отношении к тому, что во власти нашей, столько же и в отношении к тому, что не в нашей власти. Только в отношении к тому, что во власти нашей, для успеха к хотению прилагается труд, потому что в настоящей жизни ничто из того, что в нашей власти, не может быть совершаемо без труда; и в отношении к тому, что не в нашей власти, воля ограничивается одним пожеланием, а труд тщетен. (Можно пожелать не спать, но, как ни трудись, не выдержишь бессония.)

Итак, поелику я самовластен и хочу потому быть и свободным, то самовластно ли поработился я оным страстям, коими побеждаем есмь и преодолеваем, будто по воле своей, или я поработился им не самовластно, а по некоей необходимости и насилию?

Страстей два рода: страсти естественные (телесные) и душевные. Естественные страсти непреложны, и человек порабощен им по естественной необходимости, не само-охотно. Так ем, потому что естественно алчу; пью, потому что жажду; ложусь спать, потому что дремота клонит; одеваюсь, потому что мне холодно; раздеваюсь, потому что мне жарко, и прочее. Делать или не делать так не зависит от самовластия.

Ибо если б это зависело от самовластия, то, когда бы я долгое время не удовлетворял сих потребностей, пребывая без пищи и пития, без сна и прочего, не испытывал бы в теле своем истощения и расстройства. Но поелику испытываю это, то и удовлетворяю им, хотя бы и не хотелось.

Итак, эта часть не в руках самовластия; но не в руках ли самовластия душевные страсти? Главнейшие между всеми страстями душевными страсти суть гнев и похоть. Если я, находясь в гневе неразумном и в похоти несмысленной, желаю победить гнев и похоть, а между тем почти всегда бываю побеждаем ими, то, очевидно, я порабощен им. Но если и не всегда и не вконец бываю побеждаем ими, но все же побеждаем иной раз, то поелику побеждаем бываю, все же, значит, я порабощен им. Тот же, кто порабощен неразумному гневу и похоти несмысленной, как может сказать, что он самовластен?

Если же кто скажет, что как случается с каждым человеком, что он упадет и встанет, так бывает и со мною в отношении к страстям: иногда я бываю побеждаем этими страстями, а иногда побеждаю их; из чего следует заключить, что иногда я бываю в рабстве у них, а иногда свободен от этого рабства; о, какой стыд тому, кто говорит, что самовластен, и хвалится тем, и в то же время без стыда признается: ныне предаю себя в рабство страсти, а завтра явлю себя свободным от нее, и это страждет он всю свою жизнь, так что таковой есть рабо-свободь, то есть и свободный и раб!

Итак, что же сказать нам о самовластии? То, что человек был самовластен тогда, когда был свободен от греха; как же скоро продал он свободу свою, то вместе с свободою потерял и самовластие и стал рабом греха. Но кто раб, тот уже не самовластен: пусть он был свободен, но как только поработился, стал раб. Бог никого не создал рабом, а всех свободными. Только в отношении к Себе Он сотворил их рабами, поколику даровал им и самое бытие; но и то, чтобы был кто рабом Ему, не хочет Он, чтоб был по принуждению и насилию, а произвольно: подобно тому, как иной бедный и ничего не имущий, когда удостоится сделаться царским служителем, радуется и веселится, что именуется и есть раб царя, – так и Бог хочет, чтоб человек был рабом Его по своей воле, и радовался и в великую славу и честь вменял именоваться и быть рабом Божиим.

2. Раб, как только узнает о ком, что он может его освободить, всеконечно прибегнет к нему, припадет к стопам его и со слезами начнет умолять и всячески убеждать его, чтоб взнес за него цену его и освободил его. И очевидно, что у раба от прежнего его самовластия ничего не осталось, кроме одного желания и искания свободы. Но и это станет он делать тогда лишь, когда тяготится слишком игом рабства; если же случится ему в рабстве иметь покой и не встречать тяготы, то он и свободы не захочет.

Приложим это к нашему слову. Господь говорит в Святом Евангелии: *аще вы пребудете во словеси Моем... уразумеете*

истину, и истина свободит вы (Ин. 8, 31, 32). Три предмета усматриваются в слове Господа: пребывание в слове Его, познание истины и освобождение истиною, а не самовластием. Вот освобождение; где же раб? Вслед за приведенными словами говорит еще Господь: *всяк творяй грех раб есть греха* (Ин. 8, 34). Вот и раб, настоящий раб, не имеющий самовластия, как мы сказали о рабе. Несколько ниже опять говорит Господь: *аще убо Сын вы свободит, воистину свободни будете* (Ин. 8, 36).

Поелику Бог истинен есть и неложны уста Его, изрекшие сие, то кто посмеет утверждать, что раб греха самовластен, когда каждый раб, пока пребывает в рабстве, не имеет никакого самовластия? Это сказал Господь нам, а Павел апостол велиим гласом на всю вселенную вопиет: *окаянен аз, кто мя избавит от тела смерти сея?* (Рим. 7, 24). Но само собою разумеется, что когда освобождает кто кого, освобождает, конечно, от рабства. Почему тот же апостол говорит в другом месте: *свободою убо, еюже Христос нас свободи, стойте* (Гал. 5, 1), чем показывает, что освобожденные освободились от рабства, в коем находясь, не были самовластны.

Того, что сказали мы, достаточно к показанию, какое самовластие осталось в нас после того, как мы сделались рабами греха, именно, что оно хранится лишь в нашем желании освобождения, а не в чем-либо большем. Почему нам надлежит приносить Христу сие желание, соединяя с ним и ду-

шевную заботу, сердечное искание, не через добрые дела, а через одну веру, дабы Христос, давший Себя в искупление за души наши, увидел, как всею душою, всем помышлением и всею крепостию желаем мы и ищем освободиться от злого тиранства греха, и освободил нас от него Божественною благодатию Своею. Между людьми никого нет свободного и самовластного, кроме одного Христа; а Он потому таков, что есть Бог и человек. С того времени, как Адам стал рабом греха, все люди, до скончания века, рабы суть, кроме тех, которые освобождаемы бывают Христом, как написано: *первый человек от земли перстен,* а далее: *яков перстный, такови и перстнии. Вторый человек Господь с небесе;* а потом: *яков небесный, тацы же и небеснии* (1 Кор. 15, 47, 48).

Что это за перстный человек? Это блудник, лжец, злой, лукавый, лицемер, нелюбовный, злопамятный, лихоимец, хищник, неправедный, тщеславный, гордый, самомнительный, который, будучи таким же, как и все люди, думает о себе, что он не знать как выше их. Что это за небесный человек? Это святой, преподобный, праведный, как и Господь наш Иисус Христос. Ибо как естественный отец рождает себе чад по себе, так и второй Отец, Христос, по Себе же рождает Себе чад святых, праведных, свободных и самовластных, как Сам Он, Отец их. Таковы признаки самовластия, как то, что сказали мы о перстном, служит признаком несамовластия. Из сего *явна суть,* скажем словами возлюбленного Иоанна Богослова, *чада Божия и чада диавола* (1 Ин.

3, 10).

Поелику таким образом только в желании нашем сохранилось самовластие наше, то нам надобно, во-первых, возжелать освобождения от рабства, потом взыскать освободителя нашего Христа, а когда найдем Его, припасть к стопам Его и испрашивать у Него себе свободы, ибо никого нет свободного, кроме Христа и свободника Христова. Христос милует нас и спасает от рабства, просвещая ум наш, да ясно зрит, или познает правое и святое, и силою нас снабжая избегать непотребного и творить потребное. Ибо и то, чтобы зреть правое, не в нашей состоит власти; но как для того, чтоб видеть нам видимое, потребен для нас свет солнца, так для того, чтоб видеть нам духовное, потребен для нас свет Христов, который, просвещая нас, снимает повязку тьмы с очей ума и дает ему ясно видеть правое и богоугодное. А затем преисполняет нас силою, коею, освобождая нас от страстей, дает нам свободу верно следовать познанной святой воле Его. Се свобода о Христе Иисусе Господе нашем, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово шестое

1. Что в теле болезнь, то в душе грех.

2. Как имеем мы чувство телесное, так надобно, чтоб душа имела чувство духовное и чувствовала как болезнь свою, так и здравие.

3. Кто не имеет чувства духовного и не чувствует, больна ли душа его или здорова, тот еще не христианин, хотя и называется христианином, ибо прямой плод веры христианской есть здравие души.

1. Что болезнь в теле, то грех в душе. Когда тело заболит, больной ни о чем уже другом не заботится: ни о богатстве, ни о славе, ни об утехах, а все об одном уврачевании тела и восстановлении здоровья. Так и когда душа болит грехом, надлежит всю заботу обращать не на другое что: ни на богатство, ни на славу, ни на удовольствия, а на одно уврачевание болезни душевной и возвращение душе здравия. Что же скажу я, всеокаянный, в оправдание свое в день Страшного Суда, если тогда душа моя окажется больною многими и различными болезнями? Почему не приложил никакого попечения о здравии души своей, а всю жизнь свою трудился и хлопотал только о богатстве, славе и удовольствиях?

2. Причина этому, кажется, та, что не знает грешник о болезнях души своей и не чувствует в настоящей жизни, какое

зло причиняют они душе; не зная же и не чувствуя сего, обманывается и, полагая, что у него все хорошо, нисколько не беспокоится о здоровье души своей. И не потому ли грешник, т. е. больной душевно, горд бывает, что бесчувствен есть и не чувствует зла, причиняемого ему грехами? И еще что? Чем более кто бесчувствен, тем более гордится, как говорит и божественный Давид: *гордыня ненавидящих Тя взыде выну* (Пс. 73, 23). Будучи же горд, он и мысли не допускает, чтобы был болен, и ненавистью отплачивает тому, кто стал бы говорить ему о его болезни или предлагать врачевство, тогда как настоящий христианин, чувствующий раны и болезни души своей, ищет врача и охотно подчиняется его врачеванию. Когда тело наше заболевает, мы чувствуем боль и, чувствуя ее, ищем врачевства, да уврачуемся. Если бы не имели мы чувства, то не чувствовали бы и боли; если бы боли не чувствовали, не чувствовали бы потребности и во врачевстве. Тому же следовало бы быть и в душе, т. е. чтоб она своим духовным чувством чувствовала свою духовную болезнь. Но бывает иначе – не чувствует. Не чувствуя же болезни, не тяготится ею и не ищет врачевства. Оттого грешник, не чувствуя боли в душе, живет себе весело и не печалится о грехах. Плача достойное состояние, ибо пока он таков, неисцелим и, как неисцелимый, – погибший, ненавистный Богу и святым Ангелам.

Посему надлежит нам, сколько можно, позаботиться о том, чтобы прийти в чувство душою своею, возболезновать

о грехах своих и взыскать Врача душ и телес, Господа Иисуса Христа, и, припадши к Нему, умолять Его, да исцелит болезни души нашей. Эти болезни души суть похоти богатства, славы и удовольствия; по причине коих люди бывают гневливы, досадительны, неподвижны на добро, празднолюбивы, лихоимны, хищны, неправедны, тщеславны, горды, завистливы, человеконенавистны, мстительны. Что скажешь ты о всем этом?! Малы эти болезни душевные и ничтожны?! И благословно душе, верующей во Христа, не чувствовать их и не печалиться о них? Не должно ли, напротив, плакать и рыдать, и жалобные испускать вопли, чтобы Врач наш, видя сие, сжалился над нею и дал ей и увидеть, и восчувствовать болезни свои? Ибо пока не увидит она их и не восчувствует, не может уврачевать ее и Сам всемогущий Врач. Да и что есть уврачевание души? Есть дивное некое изменение души, по коему уврачеванная душа те похоти злые, которые прежде были ей так вожделенны, начинает считать мерзостью и заразою и за это ненавидит их, не сама по себе, а благодатию исцелившего ее Врача, Коего и благодарит она потом всегда и о Коем велегласно проповедует всем, взывая: *сия измена десницы Вышняго* (Пс. 76, 11). Но чтобы пришел Врач, надобно призвать Его; чтобы призвать, надобно увидеть болезнь и почувствовать ее.

3. Как внешнее свое состояние человек сознает и чувствует, именно: слаб ли он или крепок, здоров или нездоров, счастлив или несчастлив, обиду терпит или благодеяние по-

лучает, – как все это он знает и чувствует, так всякий христианин должен видеть и чувствовать свое внутреннее состояние: здоров ли по душе или болен, счастлив или несчастлив, благоденствует или страждет. И если не чувствует он этого внутренно в себе самом, то всуе носит имя христианина; и хоть именуется так, но на самом деле не таков. Ибо если бы он был истинным христианином и имел общение с Владыкою Христом, то был бы причастен и живота Его и света, так как Христос есть Живот и Свет. Следовательно, и видел бы себя, и чувствовал все свое, потому что видеть и чувствовать есть естественные свойства живых, так что у кого нет этого, тот мертв. Таким образом, кто не видит и не чувствует душевно добра и зла, которое прибывает в него и выбывает из него, тот еще мертв и не просвещен лучами умного Солнца правды. Да потщится же таковой наискорейше потещи и припасть мысленно к Иисусу Христу, умоляя Его сжалиться над ним, оживить его и просветить, дать ему прийти в чувство и познать состояние свое; и потом от Него единого да взыщет спасения себе. Ибо бесчувственного человека не может спасти и Сам Бог, могущий все творить.

Человек создан состоящим из двух естеств, мысленного и чувственного, души и тела. Почему потребовалось для него и двоякое врачевство после того, как он впал в великую болезнь после великого здравия, какое имел прежде. Болезнь есть потеря здравия, и возболевший по преступлении человек возболел естеством. Болезнь же, в естество внедрившая-

ся и ставшая естественною, непременяема, как естество. Суди теперь, сколь великая потребна сила, чтобы пременить больное естество в здравое, когда это есть то же, что поставить его выше естества, как оно есть в нем, в настоящем своем состоянии? Для указания сего-то и дано нам Богодухновенное Писание, которое есть для нас врачебная наука.

Врачебное искусство, врачующее тело человеческое, никак не может уврачевать первоначальную коренную болезнь, т. е. тление, но употребляет всякие свои способы лишь на то, чтобы врачевать вторичные болезни, когда естественно-больное тело выходит и из этого естественно-болезненного своего состояния и впадает во вторичную какую-либо болезнь, в водянку, например, или в горячку; это врачевание происходит не от букв, какими прописывает врач врачевство, а от употребления того, что им прописывается; прописываются же им разные вещества, которые при различной врачевательной силе и действенности все однородны, однако же, с заболевшим телом, чтоб могли воздействовать на это тело и врачевать его.

Итак, если врачебное искусство, истоща все способы врачевания и все употребив врачевательные вещества, доходит лишь до того, чтобы врачевать вторичные болезни тела и поставлять заболевшее тело только в предшествовавшее сей болезни состояние, которое есть естественно болезненное состояние тления, то где взять силу к врачеванию сей последней, коренной болезни? Она – выше естества. Чтоб уврачe-

вать больное человеческое естество и восстановить в нем истинное, свойственное ему по первоначальному его устроению здравие, для сего потребна сверхъестественная и пресущественная сила. Какая же эта сверхъестественная и пресущественная сила, могущая возвратить нам первоначальное здравие? Это есть Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, Который, чтоб уврачевать подобное подобным, благоволил воспринять человеческое естество здравое. И вот, когда кто верою прилепляется ко Христу, тогда Христос сочетавается с ним и Божеством, и здравым Человечеством и через такое единение восстановляет в нем первоначальное истинное здравие.

Но как при врачевании тела на восстановление здравия в нем действуют не буквы, коими прописывается врачевство, а сила прописанных веществ, так и в отношении к врачеванию души оздравление ее и спасительное на нее воздействие совершаются не буквами Божественного Писания, а силою Христа, Который прописан в Писании. *Не в словеси бо Царствие Божие, но в силе* (1 Кор. 4, 20). Ибо все Божественное Писание, Ветхое и Новое, руководит естественно больное человеческое естество к Иисусу Христу, Который есть единственный Врач душ и телес наших. Кто остается непричастным Его Божественной благодати, тот остается и неуврачеванным; а кто причащается Его благодати, у того душа перестает уже быть больною. Ибо плод веры нашей христианской есть здравие души. Затем Бог соделался человеком, чтоб ду-

ша через Него могла воспринимать здравие свое. Следовательно, у кого душа не здрава, тот еще не стал христианином настоящим. Здоровою же душа делается силою Божественною и светом благодати, даруемой Христом за веру. Душа невидима, и не видно, здорова она или нет, не только для других, но нередко и для нее самой. Но есть видимые знаки, по которым для всех явно бывает ее состояние. Укажу на самый видный, на упорядочение и исправление пяти чувств – зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания. Когда кто держит их в порядке и владеет ими разумно – явно, что душа его в своем чине, здорова, и человек тогда является настоящим разумным животным и действует по разуму и рассуждению, а не как животные несмысленные, состоящие во власти у своих чувств. Владение пятью чувствами будто есть очень простое дело; но я тебе скажу, что кто властвует над пятью чувствами, тот властвует над всею вселенною и над всем, что в ней, ибо у нас все бывает от них и через них. Но кто таков, тот сам властвуем бывает от Бога и всецело покорствует во всем воле Божией. Так Царство Божие водворяется и первоначальный чин восстановляется, ибо человек вначале определен был царем мира. В сем черта образа Божия и подобия. Таким образом, кто не властвует над пятью чувствами, тот не бывает по образу Божию и подобию; и хотя бы он всю мудрость мира поглотил и знал все сущее, о нем неложен приговор: *приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс. 48, 13). Он живет на похуление Бога, Создателя всяческих,

как написано: *имя Божие вами хулится во языцех* (Рим. 2, 24). И Христово имя похуляется таковыми, и вера христианская поношается от неверных, которые говорят: если бы Бог христианский был истинный Бог, то христиане не были бы таковы же, как и мы; между тем, многие из них живут гораздо хуже нас, в неправдах и срамных похотях.

Нас же да просветит благодать Христова, да подаст здравие душе нашей, и да даст нам силу держать в своей власти пять чувств и жить достодолжно, чтобы славилось имя Божие через нас. Ему слава и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово седьмое

1. Бог, по чрезмерной любви Своей к людям, подверг их разным лишениям в жизни сей.

2. Бедность есть благодеяние Святого Бога.

3. Кто хулит бедность, тот отрицается христианства и не хочет быть христианином.

4. Необходимость настоит, чтобы христиане имели скорби и беды.

1. Человеколюбивый Бог благоволил быть такому порядку, чтобы человека, отпадшего от благодати Его, окружали многие страхи, разные неприятности, скорби и беды. Оставил Он его быть обременяему всем этим, со всех сторон беспокоиму и бориму даже от себя самого. Причина, почему Он так устроил, предивна, исполнь любви и благости. Как какой-нибудь богатый-пребогатый человек, имея сына возлюбленного, по великой своей к нему любви не хочет, чтоб он искал где-либо на стороне или от другого кого получал потребное себе: пищу, питие, одежду, обувь или другое какое утешение и упокоение, но желает, чтоб все это он получал от него одного, отца своего, дабы через это всегда находился подле него и упокоевался на коленях его; и если случится как-нибудь, что этот сын убежит от него и у другого кого пожелает получать потребное себе, то отец так все устрояет, чтобы сын или совсем нигде ничего не находил, или находил

с большим трудом и потом; мало того, он еще всем, находящимся под его властью, повещает, чтоб, коль скоро увидят сына его шатающимся там и сям вдали от него, гнали его и всякие причиняли ему неприятности, дабы он и нехотя, поневоле воротился к нему, много любящему его отцу, не находя себе нигде покоя; таким же образом и Бог поступил с отпадшим человеком, устроив, чтоб он не находил себе покоя в настоящей жизни в вещах мира сего и через то вынуждаем был опять возвращаться ко всеблагому Богу, Господу и Владыке всяческих, Отцу, Промыслителю, Упокоителю, Искупителю и Спасителю, и всегда находиться при Нем, дабы таким образом и человек находил успокоение, и Бог, Отец его, имея при Себе его, сына, радовался о нем.

Прежде преступления человек находился в полном счастье, всякое имел утешение и жил во всегдашней радости в раю, без скорби и печали, даже не зная, что такое есть печаль. Но забывшись по причине этого самого великого счастья, пришел он к похотению того, что было выше меры его и выше силы его, восхотел быть Богом по внушению диавола. За это, тотчас, как только и делом покусился на то, что получить было для него невозможно, потерял то великое счастье и упокоение, какое имел, стал беден и пришел в столь же великую нищету, сколь великое имел прежде богатство, восприяв таким образом наказание за возгордение, коим подвигшись, дерзнул он покуситься на то великое и отважное покушение, как будто пресытился он тем счастьем, какое да-

ровал ему Бог, и, брезгуя им, восхотел высшего.

Сделавшись так бедным, стал он, по причине нужд и недостатков, поднимать всякие труды и хлопоты, но, не находя при всем том потребного столько, как бы ему хотелось, то подавляем был скорбью, печалью и унынием, то на большие напрягался усилия, чтоб достигнуть довольства и обилия, сбросив томившую его тяготу скудости. По этой же причине иной делался вором, явным или тайным, иной разбойником, насильно отнимающим чужое, иной лихоимцем, неправедным обманщиком; отсюда же зависть, предательство, клевета, враждование, споры, суды, наветы, ложь, клятвопреступничество, убийство. И Самого Бога забыли, Который на настоящую жизнь в виде временного наказания определил бедность, заслуженную роду человеческому преступлением Адамовым. Действуя так, они, можно сказать, идут против Бога, когда во что бы то ни стало усиливаются сделаться богатыми и всем обилующими, несмотря на Божие присуждение нам скудости на настоящую жизнь. Сделавшись богатыми, являются они гордыми и тщеславными. Далее же что последует? Вот что: Бог гордым противится; и последняя их зрят туда же, куда попал отступник от Бога – диавол.

2. Итак, знать надлежит относительно скудости во всем, что Бог праведно наложил ее на нас как временное наказание, и потому претерпевать ее с благодарением, да привлечем на себя благоутробие, милость и попечение Божие. *Егоже бо любит Господь, наказует,* да смирится наказательною

скудостью и далек будет от гордости, *биет же всякаго сына, егоже приемлет* (Евр. 12, 6), болезнями и скорбями, чтоб к Себе его притянуть и иметь всегда с Собою, и за труды и подвиги, с благодарностью переносимые, увенчать его венцом терпения и сделать сыном приятным. Преступление Адамово последовало не от другого чего, как от того, что он имел все блага в изобилии без труда. Почему Бог за преступление определил нам в поте лица своего снедать хлеб свой, пока умрем. Если же для настоящей жизни на всех людей наложена скудость как естественное временное наказание, то всеми неправдами усиливающийся убежать из-под него попадет под вечное наказание. Потому что избежать скудости в настоящей жизни едва ли возможно без хищения, неправды и лихоимства; к тому же счастье и богатство естественно порождают гордость, источник всякого греха, а гордого, стремглав низвергши долу, берет в свою власть срамота, т. е. начинают господствовать над ним плотские страсти – порождения его неразумия и растления в нем здравого смысла.

3. Посему христианин, который всячески хлопочет и усиливается избыть от скудости, очевидно, не хочет быть христианином истинным, потому что истинному христианину нельзя быть без лишений и нужд. Сын Божий и Бог, соделавшийся человеком для восстановления естества человеческого, не благоволил тотчас отменить первое наказательное определение, т. е. нужду во всем и смерть, наложенные на Адама и род наш за преступление заповеди; ибо и то, чтобы

нам в поте лица снедать хлеб свой, и то: *земля еси и в землю пойдеши,* пребывают и навсегда пребудут в роде нашем до скончания века. Но что сделал и делает Господь наш Иисус Христос? – То, что верующих в Его вочеловеченное Домостроительство делает причастниками Своей силы, яко Бог сил, и Своей премудрости, яко Бог премудрости, и через то, не отменяя делом первого определения, отменяет тем, что отъемлет силу его, воодушевляя верующих благодушно переносить всякого рода лишения и скорби, Сам первый подъяв их до бесславной смерти на кресте и сделавшись для нас в этом образцом и примером. Вследствие сего видим, что и апостолы, и все истинные христиане, приемля от благодати Христовой силу, с радостью переносят всякие скорби и искушения и приносят Богу достойные плоды с великим терпением. Почему ни мученики не просили Христа избавить их от терзаний и мучений, ни подвижники не искали освобождения от трудов и потов подвижничества, но те и другие умоляли лишь даровать им терпение и с этим терпением подвизались подвигом мученичества и подвижничества, чтоб в будущей жизни восприять награду за труд свой.

4. Итак, для всякого благочестивого неизбежны скорбь, теснота и лишения; и это не к ущербу, а к усилению и возвышению его благочестия. Пока не испытает кто искушений, не может понять и познать сокрытой в них сладости и силы для жизни по Богу. Когда же испытает их и познает сие, то не может не благодарить испытующего его Господа. И когда

освободится от них, не за то одно благодарит Избавителя, что освободил, но и за то, что даровал испытать через них. Не испытавший искушений бывает неискусен в жизни и к богоугождению не так рачителен. А испытавший их и освободившийся от них горит духом к Богу и все-усердно благодарит Его. Конечно, бывают усердные к Богу и благодарные и из тех, кои не испытывают искушений, но не с таким жаром, как те, кои и испытывают их, и избавляются от них. Посему крайне потребно и спасительно христианину подпадать искушениям, скорбям, теснотам и лишениям, да познает на себе многопомощную силу Божию и Бога да благодарит от всей души, от всего помышления и всею силою. Кто живет покойно и не имеет искушений, тот подвержен двум невыгодам: первая – что не так усердствует к Богу и не от всей души благодарит Его, а вторая – что ум его неизбежно вдается в суетные попечения и заботы. Может быть, и Адам не так бы легко прельстился, не послушал бы злого совета диаволова и не восхотел бы быть богом, если бы поусерднее благодарил Бога, когда был окружен величайшим оным упокоением и неизреченною радостью. Так-то сколько потребно для нас дышать воздухом, столько потребно благодарить Бога, в самых искушениях, скорбях и лишениях, каким подвергаемся, идя путем богоугождения. Будем же, братия мои, и мы благодарить Бога о всем и безропотно претерпевать всякое искушение и скорбь, во Христе Иисусе Господе нашем, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово восьмое

1. Удерживать в уме читаемое в Божественном Писании есть действие силы Божией.

2. О молитве и чтении.

3. Как надлежит христианину молиться?

1. Учащийся, если не удерживает в уме своем и не помнит того, чему научают его, никакой не получает пользы от учения. Знающий грамоту и читающий, если не понимает читаемого, есть то же, что неграмотный. Читающий и понимающий, если не может удерживать в уме своем того, что вычитал и понял, никакой не получает пользы от чтения. В отношении же к Божественному Писанию то, чтобы читать оное, в нашей состоит власти, а то, чтобы понимать читаемое, и от нас самих зависит, и не от нас. От нас зависят старание и внимание, какие надлежит иметь при чтении; то же, чтобы понимать читаемое, есть дело благодати Божией. Но то, чтобы удерживать в уме и помнить понятое, есть дело единой благодати Божией. Почему немного таких, которые удерживают сие в уме, как и вообще спасаемых избранников немного. – Чтение научает человека тому, что руководит его к Богу и делает Божиим; а молитва делает то, что Бог милосердствует к человеку и просвещает ум его, чтоб понимал и помнил прочитываемое. То, что написано об иных мирских делах, читающие могут понимать и сами, но вещей Божественных

и спасительных никому невозможно понять или помнить без просвещения от Святого Духа.

2. Тому, кто научился молиться как должно, не столько потребно чтение, потому что его душу исполняет Божественным светом и Божественно изменяет благодать Святого Духа. Но тот, кто предпочитает больше сидеть за чтением, нежели научаться молиться как должно, находится в прелести и сам себя отдаляет от спасения; лучше же сказать, таковой бесчувствен, хотя и говорит, что прочитал все Писание и всегда имеет его на языке. Не может быть, чтобы плод земной созрел без теплоты солнечной. Пусть семя прозябнет во время зимы и весною прорастет и даст ствол; но если все время будет стоять пасмурное и холодное, то никак не созреет плод его. Это будет произрастание ни к чему не гожее и бесполезное; лучше бы ему совсем не прорастать. Таким же образом и тот, кто не согревается теплотою умного Солнца – Христа Господа, посредством молитвы, как должно совершаемой, не может получить зрелого плода духовного, т. е. сладости и пользы от чтения своего.

Много потребно времени и труда, более мысленного, чем телесного, на то, чтобы сначала научиться молиться как должно, а потом, научившись, продолжать молиться. Почему и апостол заповедует нам воспевать и петь Богу всегда сердцем, а не устами одними (Еф. 5, 19). Поелику уста говорят от избытка сердца, то надобно так устроиться, чтоб и молитва, устами произносимая, произносима была от избытка

сердца. А это бывает, когда в нас сердце чистое созидается, Божественный дух правый обновляется и восприемлется радость спасения Божия, каковая радость рождается от общения и причастия Христу, а утверждается потом благодатию Духа Владычнего, по слову пророка, который сперва сказал: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей,* а потом: *воздаждь ми радость спасения Твоего и Духом владычним утверди мя,* чтоб духи злые ни с какой стороны не могли своими искушениями и прилогами колебать движений и помышлений душевных. Когда душа будет в состоянии молиться показанным способом, тогда возможно, чтобы от таинственных лучей Божественного просвещения, нисходящих в молящегося во время молитвы и ради молитвы, созревало, т. е. было в сладость приемлемо и пользу приносило то, что он вычитывает и понимает. Кто не делает таким образом, тот ничего как должно не понимает из читаемого, не чувствует сладости от того и никакой не получает пользы.

3. Молиться Богу весьма хорошее дело и великую приносит пользу молящемуся. Если великая бывает польза от собеседования с земным царем, то сколь большая должна быть от собеседования с Царем Небесным посредством молитвы? Как никто не смеет приблизиться к тому, кто беседует с царем земным и пресечь беседу, которую он ведет, так и демоны не дерзают приблизиться к тому, кто с Богом беседует. Напротив, великий вред бывает от того, если кто не молится

Богу, ибо душа такого оставляется лишенной Божия просвещения, Божественной силы и покоя от демонских искушений; и демоны непрестанно возбуждают в ней непотребные движения, похоть нечистую, позывы на блуд, неправду, тщеславие, гордость, самомнение. Как для тела необходимо потребен воздух, чтоб дышать, так для души потребно непрестанное памятование о Боге, т. е. молитва. Но опять, если кто молится Богу просто как попало, будто мимоходом, без страха, какой надлежит иметь тому, кто предстоит пред Богом, пред Коим трепещут Херувимы, для того не только это никакой не приносит пользы, тот не только несет ущерб, о коем сказано выше, но терпит несравненно пагубнейший вред, гнев Божий, отвращение Божие, изгнание Божие. Ибо как телохранители царские тотчас восхищают от лица царева и выгоняют вон того, кто стоит пред царем небрежно, без страха и благоприличия, и царь не воспрещает им этого, так и Ангелы Божии отторгают от лица Божия и от взора Его и вон изгоняют ум того, кто стоит пред Богом и молится Ему небрежно, будто с презорством, без благоговения и благонастроения, и тогда тотчас схватывают его демоны с дерзостью и насилием и кружат его, где хотят, по местам срамным и нечистым, или по делам злым, или по вещам суетным и бесполезным. И ни сам страждущий сие от демонов не чувствует того, ни Бог не сжаливается над ним и не освобождает его от сего, за то что тот презрел Его и преступил заповедь Его, которая повелевает: *работайте Господеви со страхом, и ра-*

дуйтеся Ему с трепетом (Пс. 2, 11). Потому гораздо лучше бы было для такого, если б он совсем не молился, потому что демоны ни за какие грехи не овладевают душою с таким тиранством, как за презорство к Богу. И земной царь должникам своим и тем, которые в чем-либо погрешают пред ним, терпит, а для тех, которые презирают его, бывает тяжким и страшным отмстителем. Почему нет большего греха, как молиться Богу с презорственным небрежением.

Бог бестелесен и невидим; почему и служить Ему надлежит не телесно только и не видимо только. Служить Богу только телесно и видимо есть дело несообразное, как говорит и пророк Давид: *аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо, всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.* Сокрушение же сердца бывает в уме и помышлении, а ум наш и помышления наши невидимы. Итак, будучи обязаны воздавать Богу невидимому невидимое служение, мы должны служить Ему умом и помышлением. Это и есть подобающее и сообразное служение – Невидимому приносить невидимое и Мысленному мысленное. Но потом уже и вместе уже с этим надлежит приносить и видимое, с душою и телесное, да угождение Богу от нас будет всем существом. Бог *ни от рук человеческих угождения приемлет* (Деян. 17, 25). Если и приемлет Он телесные и чувственные приношения, то знать надлежит, когда и как приемлет, именно: когда они приносятся от чистого сердца.

Молитва и пение Божественных псалмов не что иное есть, как беседование с Богом, в коем мы или умоляем Его, да дарует нам, что сообразно Богу даровать человекам, или прославляем Его за все творения, сотворенные Им, или воспеваем чудеса Его, какие от века по временам творил Он во славу Свою, во спасение людей и в воздаяние и наказание неправедных и злых, – или возвещаем промыслительные действия Его, кои по Домостроительству Своему совершает Он таинственно и сокровенно, – или величаем великое таинство вочеловечения Сына и Слова Божия, а именно: как Сын Божий, не отлучаясь от всего прочего творения, отлучился в пренепорочное чрево Приснодевы Марии и соделался человеком, родился, воспитался и явил нам житие и жизнь Божественные, распялся, умер и воскрес из мертвых, даровав через то и роду человеческому надежду воскресения и жизни вечной, и вознесся, яко Человек, на небеса, чтоб ниспослать на верующих в Него от единого Бога Отца исходящего Духа Святого, Которого от начала имел первый человек и лишился за неверие свое, когда не поверил словесам Божиим. Ибо то и было последней целью воплощенного Домостроительства, т. е. для того и воплотился Сын Божий, Бог Слово, и соделался человеком, да приемлют как душу благодать Святого Духа души тех, кои веруют в Него яко Бога и человека, т. е. во единого Христа из двух естеств, нераздельных и неслиянных, Божества и Человечества, и да являются таким образом возрожденными, воссозданными и обновленными че-

рез Святое Крещение и соделоваются тем, чем был первый человек прежде преступления, освящаясь благодатию Святого Духа в уме, совести и во всех чувствах так, чтобы после сего совсем не иметь уже растленной падением жизни, которая могла бы увлекать вожделение души к плотским и мирским похотям.

Если теперь тот, кто должен в молитве своей беседовать к Богу о всем вышесказанном, вращая то в уме своем день и ночь, если он, положим, и долгое время проговаривает все это языком только, а умом не знает, что говорит, то не является ли он потерявшим смысл? Но всячески явно, что он не соделался еще верным, еще не вошел в содружество с Богом. Ибо верным именуется и есть тот, кому вверена и кто имеет благодать Святого Духа; благодать же сия просвещает ум, собирает его в себя и сосредоточивает, да разумеет, к Кому беседует и о чем беседует. Следовательно, кто не так действует в молитве, тот не имеет благодати Святого Духа, неверным пребывает и далеким от Бога.

Итак, прежде всего надлежит сделаться верным и с Богом примириться и содружиться, испросив у Него отпущение всех прежних грехов, словом, делом и помышлением соделанных. Душа, с Богом примирившаяся и содружившаяся, бывает кроткою, смиренною и сокрушенною. Это и служит признаком примирения и содружения с Богом. Ибо Бог обыкновенно эти первые дает дарования верующим, т. е. кротость и смирение. Душу же кроткую и смиренную уже не

борют демоны, как прежде, ни сластолюбием, ни сребролюбием, ни славолюбием; и таким образом через эти два дарования Христовы душа обретает покой и не бывает смущаема никакими чуждыми и неуместными помыслами. Таковая душа и молится как подобает, т. е. со страхом, благоговением и вниманием, а не одними устами. И это невозможно ни для какого человека: ни для мирянина, ни для монаха, ни для отшельника, ни для клирика, ни для диакона, ни для священника, ни для архиерея, если душа каждого из них не соделается причастницею Святого Духа по мере веры их во Христа, ибо *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). Истинно кланяющиеся Богу, Духом кланяются и Духом молятся. *А где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17), свобода от демонов и от всех страстей, всеваемых ими в душу: от ненависти, печали, смущения, малодушия, злонравия, злобы, неверия, гнева и падкости на всякое самоугождение; и те, кои обладаются ими, пусть они будут постники, безмолвники, долгопевцы псалмов, толкователи Божественных Писаний, излагатели правых догматов, учители и проповедники церковные, пусть именуются высокопреподобными, многоучеными и всесильными, не имеют части со Христом, истинным Светом, *просвещающим всякаго человека,* от своего злого произволения *грядущаго в* истинный *мир* добродетелей, ибо тьма не имеет никакого общения со светом.

Каковой свет да сподобимся получить и мы о Христе

Иисусе, Коему подобает слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцом и Животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово девятое

1. Самый большой грех есть молиться без страха Божия, без благоговения и внимания. Допускающие его не ведают как должно Бога.

2. Для того, чтобы познать Бога, потребен Божественный Свет.

3. Всякий человек грешит умом, словом и делом. Чтоб охраниться от грехов, надо прежде всего уврачевать ум.

1. Нет греха больше, как молиться без страха Божия, без внимания и благоговения. Кто молится или поет псалмы просто как попало, с небрежностью и презорством, тот явно не знает, что такое есть Бог, не знает и небрежничает. Почему Бог, от Коего исходят и отпущение грехов и всякое благо, хотел бы помиловать и его, но не может, а паче гневается. Лучше такому совсем не молиться, чем так молиться, т. е. устами только. Душе не свойственно молиться устами, а умом, и тот, кто поет псалмы и молитвы творит, а ум его не заключает себя в молитву, которую он говорит, делает дело несообразное, почему подвигает на гнев Бога, Которому молится. Как ум видит и ум слышит, так надобно, чтобы ум же и молился посредством уст. Кто совсем не молится, тот не исполняет своего долга и остается должником Богу; но когда-нибудь он опомнится и может испросить себе отпущение

долга у Бога, Коему должен. Тот же, кто молится кое-как, с небрежностью, подвигает на гнев Самого долгов решителя Бога, Коему молится, ибо таковой устами Богу молится, а ум с бесами ведет беседу. От кого же после сего ожидать ему милости?

Итак, надобно с устной молитвой молиться Богу и умом. Но поелику невозможно, чтобы с устами и ум молился, если не получит он прежде просвещения и воздействия Святого Духа, то прежде всего другого надобно попещись о том, чтобы приять просвещение и благодать Святого Духа, дабы не молиться устами только и через то не быть в опасности вместо получения милости от Бога подпасть гневу Его. Ибо нет другого греха, который бы так много прогневлял Бога, как тот, когда кто устами молитвы Ему творит, а умом помышляет неуместное и срамное. Таковой ум еще не возобладан Христом и не хочет быть обладаемым от Него; и поелику не хочет, чтобы царствовал над ним Бог, есть враг Царя Христа (Лк. 19, 14).

2. Итак, не подобает молиться Богу без страха и благоговения. Кто не имеет страха и благоговения, пусть испрашивает прежде всего света страха Божия, да ведает, пред сколь страшным Богом предстоит он и молится, чтоб удостоиться за то получить просимое. Ибо кто познает, коль страшен есть Бог, тот преисполнится и страхом Божиим, и страх Божий научит его достодолжной молитве. Кто ж не познал сего, тот во тьме и не умеет молиться как должно. Пока солнце еще не

воссияло и тьма покрывает землю, кто может видеть хорошо вещи? И тот, кто прошел грамматику, риторику и философию и обогатился познанием всего сущего, не может без света прочитывать книг, в которых содержатся такие учения, а новоначальный, который только приступил к такому учению, что может увидеть без света или чему может научиться? Ничему. Таким же образом и душе всякой потребен сокровенный свет Божественного ведения, да видит и познает, и постигает силу и значение Божественных словес псаломских. Ибо сей сокровенный свет Божественного ведения есть некая мысленная сила – властная, которая окружает и собирает подвижный ум, отбегающий обычно туда и сюда, в то время, когда слушает или читает Божественные оные словеса, и держит его в себе, да внимает тому, что читает или слушает. Если же не войдет в кого сей Божественный Свет, то он устами будет произносить или читать молитву и ушами слушать, а ум его будет оставаться бесплодным; и не только это, но он не будет стоять на одном, а будет кружиться там и сям и помышлять о том, о чем не подобает, держа притом ту мысль, будто ему неотложно необходимо обдумать то, о чем думает, и позаботиться о том, в чем прельщается, не понимая, что состоит в сие время рабом мысленного тирана – диавола, и им мысленно влачим бывает туда и сюда. Тем-то и бедственна и пагубна эта болезнь, что тогда как враг мой влачит туда и сюда мой собственный ум, я думаю, что все эти кружения моего ума, все эти заботы и попечения суть мои

собственные и неотложно необходимы для меня. Вот первая и величайшая из всех болезней душевных, для уврачевания которой, яко первейшей, худшей и сильнейшей всякой другой болезни душевной, надлежит нам подвизаться до пролития крови. Ибо она препятствует нам молиться как должно и не позволяет молитве нашей восходить прямо к Богу; она есть большая и крепкая стена, которая мешает уму нашему приближаться к Богу, Который есть везде сый и вся исполняяй. Сие омрачение души есть начало кромешной тьмы адской, и если не разгонит его Христос во всяком подвизающемся о спасении своем, то никто не узрит Господа. Почему и Давид говорит: *Богом моим прейду стену* (Пс. 17, 30). И Христос Господь, прогоняющий сию тьму, возвещает: *Аз есмь свет миру* (Ин. 8, 12). Если не будет развеян и изгнан из души сей мрак прежде всякого другого зла, то тщетна вера всякого такого христианина, тщетно именуется он именем верующего, тщетны посты его и бдения, тщетно трудится он, вопия в псалмопениях своих.

3. Если камни нападают в какой-либо тесный канал или трубу и загородят их, то нельзя вынуть того камня, который на самом низу, ни того, который на средине, ни даже того, который близко к первому, если наперед не вынешь этого первого, а потом по порядку и другие. Это же самое бывает и с людьми. Тремя образами грешат люди: умом, словом и делом. Первый грех, грех умом, есть причина и всех тех грехов, в каких грешат словом и делом, ибо не ум заканчивает

грех, а слово и дело заканчивают, что изобретает ум. Итак, из этих трех, чему прежде и более всего необходимо быть уврачевану от Христа? Очевидно первому, т. е. уму. Ибо когда уврачуется и освятится ум, когда придет он в доброе состояние и не будет сносить, чтоб сказано или сделано было что-либо Богу неугодное, тогда душа будет охранена и от всякого другого греха. Итак, сколько сил есть, надлежит нам подвизаться, да освятится Христом ум наш, восприяв благодать Святого Духа. Для этого одного Христос, будучи Бог, соделался человеком, для этого распялся, умер и воскрес. Это, т. е. освящение ума, и есть воскресение души в настоящей жизни, вследствие коего можно сподобиться и будущего воскресения телом к славе и блаженству.

Потщимся же прежде всего исправить ум свой, чтоб он стоял (трезвенно в себе), когда молимся или читаем и изучаем Божественные Писания. Ибо если не исправим ума, все другое тщетно и душа наша никакого не восприемлет преуспеяния. Многие, именующиеся христианами и не сущие таковыми воистину, не зная, что носят в душе своей эту великую и страшную болезнь, впадают в тщеславие и самомнение, думают, что они выше других братий, гордятся и превозносятся над однородными себе и презирают их, когда эта болезнь равняет их со всеми, ибо она обща всему роду человеческому, как общи всем тление и смерть. Эта болезнь нередко скорее врачуется в простейших и неученых, нежели как в ученых и умудренных наукою. Если скорее врачу-

ются сии простейшие, то, очевидно, они лучше умудренных и ближе к Богу, Коим прежде познаваемы бывают и просвещаются, а потом сами Его познают. Впрочем, и каждому, по мере исправления ума его, дается мера ведения или познания как самого себя, так и Бога, т. е. поколику исправляется, освящается и просвещается ум каждого, потолику он познает себя самого и Бога, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово десятое

1. Бог не немощным создал в начале человека, так, чтобы он согрешил по немощи, как теперь грешит.

2. Иное есть грех Адама, а иное прочие грехи, коими грешим мы ныне.

3. Что вам даровано от Христа, и что есть грех?

4. Того ради Бог соделался человеком, да упразднит дела диавола.

1. Рассудив о грехе, коим согрешил Адам, когда находился в славе и наслаждении райском, никто не найдет, чтоб он сделан был по необходимости или немощи, или по какой-либо благословной причине, а лишь по одному презрению заповеди Божией, по неблагодарности и отступничеству Адама, какое показал он в отношении к Богу, Создателю своему. Впрочем, для него дано Богом место покаянию, да обрящет прощение, по двум следующим причинам: первое – потому что он не сам по себе надумал злое, но был прельщен и введен в заблуждение советом диавола; второе – потому что был облечен плотию, ибо Адам, яко тварь, был удобопременителен, но не мог впасть в совершенное отступничество от Бога, как диавол и последовавшие ему демоны, не имевшие плоти. Тем большая оставлена человеку надежда помилования теперь, когда он обложен естественной некоей немощью, ка-

кую восприяло человеческое естество по падении и по причине коей грешит. Но это не может оправдывать его грехов, а должно лишь к тому побуждать, чтобы с чувством благодарения Богу за дарование места прощению скорее прибегать к Нему и испрашивать у Него прощения и силы – прощения того, в чем согрешил, потому что хотя он грешил по человеческой немощи, но ему надлежало противостоять греху до смерти; силы, чтоб, восприяв от Бога силу благодатию Христовой не согрешать, а делать одни добрые дела, Богу угодные.

2. Никто из нас никогда не согрешал и не может согрешить, как согрешил Адам, потому что никого не было и нет во всем ему равного, кто бы т. е. был подобно ему безбеден, беспечален, свободен от всякой естественной нужды. Ибо посмотри, какое наказание положено Адаму и роду его за преступление заповеди в раю – алчба, жажда, озябание во время зимы, озноение во время лета, отсюда потребность пищи, пития, одежды и крова, для чего труд, преутруждение и поты на всю жизнь. Далее же что последует? Нетерпеливость по причине всех показанных нужд и противление определению Божию. Ибо всякий человек, рождающийся в настоящую жизнь, не зная, что все такие временные наказания наложены на весь род человеческий за преступление праотца нашего Адама, не с благодарностью их принимает, а дерзко ропщет по причине их и, желая найти успокоение от нужд своих, лихоимствует, ищет стяжевать более потребно-

го, похищает чужое, неправдствует. И вот это-то наши суть грехи, т. е. что не сносим терпеливо временных Божиих наказаний и не благодарим за них, но, надымаясь, будто враги Богу, идем некоторым образом наперекор Божественному оному определению, которое гласит: *в поте лица твоего снеси хлеб твой;* все силы напрягаем, чтоб найти упокоение, и не находим, потому что нет возможности ускользнуть нам от трудов, и потов, и этой подъяремности нужде, что бы мы ни делали. Потому счастлив тот, кто с благодарностью претерпевает эти временные наказания, исповедуя, что праведно осужден на них за прародительский грех. Ей, почиет он от трудов своих. Ибо по причине этих наказаний всеблагой Бог даровал людям смерть, чтобы почивали от них на время переносящие их с благодарением и потом были воскрешены и прославлены в день Суда через нового Адама, безгрешного Иисуса Христа и Бога, *Иже предан бысть за прегрешения наша и воста за оправдание наше* (Рим. 4, 25).

3. Бог, пришедши в мир и соделавшись человеком, принес людям следующие два великие блага – соединил естество Божеское с естеством человеческим, чтобы человек соделался Богом и в этого человека, соделавшегося Богом по благодати, таинственно вселялась Пресвятая Троица. Тот же, кто сподобился столь великих даров, как может после сего грешить, как говорит Иоанн Богослов и евангелист: *всяк рожденный от Бога греха не творит... и не может согрешати, яко от Бога рожден есть* (1 Ин. 3, 9)?

А грех что есть? Злые помышления, слова и дела. Итак, ничего такого не может допустить в себе тот, кто истинно сподобился благ Божеского вочеловечения, не может допустить никогда, и если допустит хоть немного раз, перестанет уже быть таковым. Кто помышляет иногда доброе, а иногда злое, кто ведет речи иногда добрые, а иногда злые, кто делает иногда добрые, а иногда худые дела, тот подобен человеку, который иногда идет в храм Божий, а иногда в капище идольское, иногда Богу покланяется, а иногда демонам. Может ли же быть таковым тот, в ком вселился Бог?

Посему-то христианину надлежит всегда и помышлять, и говорить, и делать одно доброе: ибо, как говорит Господь: *домразделивыйся на ся, не станет* (Мф. 12, 25). Но и то надлежит всегда памятовать, что невозможно, чтобы всегда были добры помыслы (от которых обыкновенно рождаются подобные им слова и дела), если в ум не вселится прежде Христос Господь, о чем и должно нам подвизаться, сколько сил есть, т. е. чтоб в ум наш вселился Христос Господь.

4. Иоанн Богослов говорит: *сего ради явися Сын Божий, да разрушит дела диаволя* (1 Ин. 3, 8). Дела же диавола суть всякий грех – зависть, ложь, лукавство, ненависть, вражда, злопамятство, клевета, гнев, ярость, гордость, тщеславие, немилосердие, лихоимство, хищение, неправда, похоть злая, спорливость, бранчливость, задорность, пересмешки, клятьбы, богозабвение, бесчеловечие и всякое другое зло. Итак, тем, кои именуются христианами и делают такие дела диаво-

ла, что пользы от того, что они именуются христианами, когда явление Сына Божия не разрушило в них этих дел диавольских? Если кто скажет, что некоторые из таковых изъясняют Божественные Писания, богословствуют, проповедуют православные догматы, да ведает, что не в этом состоит дело Христово. Иоанн Богослов не говорит: *сего ради явися Сын Божий,* да богословствуют и да православствуют некоторые, но *да разрушит дела диаволя.* Относительно же таковых скажу, что прежде надобно очистить сосуд от всякой скверны и потом влагать в него миро, чтоб иначе не осквернилось само миро и вместо благовония не исходило от него зловоние. Сын Божий и Бог Слово не для того соделался человеком, чтоб только веровали во Святую Троицу, прославляли Ее и богословствовали о Ней, а для того, чтобы разрушить дела диавола.

В ком из принявших веру Христову разрушены будут дела диавола, тому можно вверять и тайны богословия и православных догматов. Те же, в коих не разрушены такие дела и кои оказываются опутанными в них к бесчествованию и похулению Бога, те по существу дела стоят еще на одной линии с язычниками, которым воспрещено и возбранено даже входить в храм Господень и молиться в нем Богу, а не только читать Божественные Писания и изъяснять их, как написано: *грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя, восприемлеши завет Мой усты твоими? Ты же возненавидел еси наказание и отвергл еси словеса Моя вспять* (Пс.

49, 16, 17).

Кто не принимает к сердцу законов Божиих, тот ненавидит наказание (неучение – *Ред.)* и исправление, внушаемое словесами Господа, и затыкает уши свои, чтоб не слышать слова Божия, которое возвещает о будущем Суде и воздаянии грешникам, или о неугасимом огне гееннском и прочих муках адских, или о вечном осуждении, от которого не может уже убежать никто из тех, кои однажды подверглись ему. Кто не старается всеми силами иметь заповеди Божии всегда пред очами своими и соблюдать их, но, презирая их, предпочитает противное им и производит то в дело, тот завергает слова Божии вспять. Поясню это следующим примером. Когда Бог ясно повелевает: *покайтеся, приближися бо Царство Небесное* (Мф. 4, 17), и еще: *подвизайтеся внити сквозе тесная врата* (Лк. 13, 24), а слышащий это не только не хочет каяться и понудить себя идти тесными враты, но проводит все дни жизни своей в великом нерадении, прилагая к прежним грехам каждый час другие, и тело свое покоит и утешает больше, чем потребно, и даже больше, чем пристойно, – что и служит признаком широкого и пространного пути, ведущего в пагубу, а не тесного и прискорбного, вводящего в живот вечный; то не очевидно ли, что таковой завергает вспять, т. е. презирает словеса Божии и творит свои хотения или, лучше сказать, хотения диавола? Да и святой Давид так изображает завергающего слова Божии вспять: *аще видел еси татя, текл еси с ним, и с прелюбодеем участие*

твое полагал еси. Уста твоя умножиша злобу, и язык твой сплеташе льщения. Седя на брата своего клеветал еси и на сына матере твоея полагал еси соблазн. Сия сотворил еси, и умолчах, вознепщевал еси беззаконие, яко буду тебе подобен: обличу тя и представлю пред лицем твоим грехи твоя. Разумейте убо сия, забывающии Бога, да не когда похитит, и не будет избавляяй (Пс. 49, 18–22).

Видишь ли, как таковой забыл Бога и достоин приять большее наказание, чем безбожники, совсем Бога не ведающие? Ибо познавши Бога, как говорит апостол, он не как Бога славит Его, но паче поносит Его, делая дела диавола. Почему есть враг Божий, хотя и кажется вернейшим учителем Божественных догматов и православного богословия. Впрочем, и это, чтоб таковой верно возвещал Божественные догматы и богословствовал, невозможно. Ибо как возможно, чтобы право и чисто умствовал тот ум, который омрачен оскверненной совестью? Только тот, кто разрешился от дел диаволих и всегда содержит в памяти Бога, может верно возвещать тайны Божии, как не вяжемый более делами диавола, от коих когда бы избавиться и нам всем и улучить Царствие Небесное, во Христе Господе нашем, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово одиннадцатое

1. Пишет сие слово святой отец к одному ученику из мирян и научает, как должно чтить святых отцов духовных.

2. Что должно делать, чтоб найти настоящего духовного отца?

3. И нашедши его, как должно к нему относиться?

1. Возлюбленный мне в Господе! Я принял тебя на лоно свое, когда ты пришел ко мне; с теплым усердием преподал тебе истинное учение, с немалым трудом возообразив тебя во образ Христов через покаяние, и возродил чадом духовным с великим терпением, многими попечениями и каждодневными слезами, хотя ты не знал ничего из этого, испытанного мною ради тебя. Это и не дивно. И дети, находясь в утробе, нимало не чувствуют печалей матери своей, ни болезней, какие терпит она во время рождения их. Но когда родятся, естественно хватаются за груди матерние, насыщаются молоком, исходящим из них, и, питаясь таким образом, мало-помалу растут, и тогда уже познают матерь свою, родившую их, и начинают почитать ее и любить чрезмерно; и хоть она бьет их, хоть бранит, они все к ней бегут с полною любовию; не могут они подумать, чтоб она ненавидела их и отвращалась от них душою своею, но что бы она им ни дела-

ла, думают, что делает то для того, чтоб научить их разуму. Также и отца своего наконец познают они и начинают отличать от других, почитать и слушаться, не по естественному только закону, но и по законам, которые даровал человеколюбивый Бог.

Таким образом, родители являют подобающее о детях попечение, а дети воздают родителям благорасположением и покорностью достодолжное и, живя с ними, бывают научаемы наказанием и учением Господним. Но если родители не оказывают должного попечения о детях, не учат их разуму, не внушают им добрых правил, то души детей всеконечно взысканы будут от рук их. И напротив, если дети по дерзости и бесчинству будут презирать родителей своих, не станут слушать наставления и исполнять повеления их, то хоть и не будут они преданы за то на временную смерть, как определяет ветхий закон, но несомненно преданы будут огню вечному и тьме кромешной. Об этом явно возвещает нам все Богодухновенное Писание, и мы, будто глухие, не слушаем того, а если и слушаем, не исполняем, как будто и не слышали.

Таковым я не имел и не имею никакой охоты говорить что-либо или писать, особенно слыша, что Господь и Бог наш сказал ученикам Своим: *аще Мене изгнаша, и вас изженут* (Ин. 15, 20), и опять: *аще господина дому веельзевула нарекоша, кольми паче домашния его* (Мф. 10, 25). Но как, несмотря на то, Он все же послал их к нам, языкам, говоря: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Свя-*

таго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам (Мф. 28, 19, 20), и потом присовокупил еще к сему: *иже веру имет и крестится, спасен будет; а иже не имет веры, осужден будет* (Мк. 16, 16); то я расположился написать любви твоей на память, что для тебя благопотребно и полезно. И это потому особенно, что преодолевает меня, как отца чадолюбивого, крепкая к тебе любовь, не дозволяя мне сносить, чтоб ты, духовный сын мой в Господе, проводил жизнь свою так, как живешь. Теплое к тебе расположение нудит меня снизойти к тебе и пред очи твои предложить истину Божию, хотя, пиша, напишу то же, что каждый день читаешь ты сам и что соблюдать заповедует нам Божественное Писание.

Может быть, ты спросишь меня: если ты обещаешься сказать мне, что я уже знаю и чему учит нас Божественное Писание, то для меня достаточно этого последнего, для чего еще и ты хочешь писать мне о том же? На это послушай, сын мой, вот причина или, лучше, причины, побудившие меня писать к тебе. Делаю это я, во-первых, для того, да не буду осужден, как осужден был оный раб лукавый, который скрыл талант господина своего, и да не услышу и я, когда в день Суда взыщет отчета от меня Владыка мой: *рабе лукавый и ленивый, подобаше тебе дати сребро мое торжником, и пришед Аз взял бых свое с лихвою* (Мф. 25, 26, 27). Во-вторых, для того, чтоб оставить тебе, сыну моему возлюбленному, то, что имею тебе сказать как наследие: все это идет от отцов и праотцев наших духовных, но принято прежде мною и

передается тебе; не задерживаю, прими отцовское наследие; мне же, как чадо благодарное, воздай, если рассудишь, вящею любовию. В-третьих, для того, чтоб показать тебе, сыну моему искреннему, сколь великое богатство духовное предано мне духовным отцом моим, породившим меня через покаяние благодатию Духа Святого, чтоб, не зная сего, ты как-нибудь не стал презирать меня, духовного отца своего, как бедного, ничего не имущего и ничего не стоящего, подумав, что не наследовал от меня никакого ценного наследия. В-четвертых, и это важнее всего, для того, чтоб, презрев меня, ты не оказался виновным на Страшном Суде Господнем, если Богу благоугодно будет твое уничижение меня и слова моего вменить в уничижение Себя и слова Своего. В-пятых, для того, чтоб и другие услышали слово истины, как теперь, так и после, и плод принесли потом, кто тридесять, кто шестьдесят, кто сто, если примут его в сердце свое, как семя; если же не примут его, чтоб мне остаться неповинным в крови за души их.

И в духовных вещах бывает так же, как в чувственных. Каждый из принявших богатство от предков оставляет потом одним наследство, другим дары, как то: детям, друзьям, слугам, а сверх того, во исполнение заповеди Божией, раздает из имения своего бедным, сколько хочет; и каждый из получивших что-либо дает отчет, как распорядился тем, что получил. Таким же образом и получившие духовный дар от Бога долг имеют неоскудно передавать его прежде других де-

тям своим духовным, потом друзьям, знаемым и слугам, а далее и сторонним, богаты ли они или бедны, слово ли премудрости кто получил, или слово разума, или дарование исцелений, или предстательство о душах, или силу помогательную, или рассуждение управительное. И всякий из тех, которые учат или делают что-либо для других, пусть ведает, что никто из них не будет похвален и не получит воздаяния за то, что делает, но строго будет истязан, осужден и наказан за все, что пропустит сделать.

Итак, не принимай ты, прошу тебя, диавола, когда он придет и начнет внушать тебе, будто я пишу это тебе напоказ, из человекоугодия. Сам ты знаешь очень хорошо, что тот, кто действует в таком духе, не только губит мзду свою, как торгующий Словом Христовым и продающий его, но и будет предан на мучение там, где плач и скрежет зубов. Знай же при сем, что вместе с ним будут осуждены и те, которые осуждают его, ибо слышишь, что говорит Господь: *не судите, да не судими будете. Имже бо судом судите, судят вам: и в нюже меру мерите, возмерится вам* (Мф. 7, 1, 2). Об этом подумывай, брате мой, вспоминая притом и слово апостола, который говорит: *повинуйтеся наставником вашим и покаряйтеся: тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще: да с радостию сие творят, а не воздыхающе: несть бо полезно вам сие* (Евр. 13, 17), и слово Господа, Который каждодневно взывает к нам во Святом Евангелии: *иже вас приемлет, Мене приемлет* (Мф. 10, 40), и: *слушаяй вас, Ме-*

не слушает: и отметаяйся вас, Мене отметается (Лк. 10, 16), и ревнуя о спасении своем со страхом и трепетом, слушайся меня и внимай слову моему. Пусть не говорит тебе помысл твой, что это сказано только об апостолах и что их одних обязаны мы слушать, но вонми, что опять говорит к ним Христос Господь: *яже вам глаголю, всем глаголю* (Мк. 13, 37). Кому это всем? Тем, которые имеют уверовать в Меня посредством учения вашего и будут хранить заповеди Мои так же, как и вы.

Вонми, прошу тебя! Владыка наш Бог, избрав Себе учеников и апостолов, открыл им и вверил все тайны Своего Домостроительства, сокровенные от века, потом даровал им Духа Святого и послал их, говоря: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. 28, 19, 20). Апостолы, *изшедше,* учили и проповедовали слово Божие, и многие народы уверовали во Христа, и церкви верующих учредились в городах. Когда какой-нибудь апостол, учредив где-либо церковь, имел намерение оставить тамошних верующих, чтоб идти в другие места, города и селения, то рукополагал для них вместо себя епископов и иереев и их оставлял им учителями, отцами духовными и руководителями. Эти опять, приближаясь к смерти, избирали на такое служение других достойных, рукополагали их и оставляли вместо самих себя. Так шел, по преданию, такой порядок, пока до нас дошел, и законоположение такое действием Святого Духа соблюда-

ется даже доныне. Равным образом, через посредство этих же лиц дошли до нас и все предания и учения, которые апостолы приняли от Владыки всех и Бога нашего. Но как стадо Христово размножилось и народ верующих стал бесчислен, то благодать Духа Святого устроила, чтоб к архиереям и иереям прибавлены были еще и игумены и другие духовные отцы (из иночествующих), которые делами показывают твердую веру во Христа, истинного Бога нашего, имеют в себе благодать Святого Духа, чтоб и они сопастырствовали вместе с теми и содействовали во спасение тех, которые желают спастись.

Если теперь кого-нибудь из этих пастырей наших: архиереев, иереев, учителей, игуменов и отцов духовных, которые хранят учения и предания святых апостолов и преподают нам, если кого-нибудь из таковых мы дерзнем как-нибудь презреть и преобидеть, или не принять в дом свой и слова его не послушать, вменяя его ни во что, то не самого ли Павла, не самого ли Петра и не весь ли хор апостолов изгоним мы в таком случае? А кто их изгоняет, не оказывает ли презрения к Самому Господу нашему Иисусу Христу и Отцу Его? Ибо мы чтим апостолов не просто как людей, но потому, что они пришли и проповедали Сына Божия, на землю сошедшего, да спасет род наш, и потому, что Им были посланы соделать нас сынами Богу по благодати, наследниками вечной жизни и причастниками неизреченных благ, посредством проповеди Евангелия и Святого Крещения. Если бы не вручил им

Господь преподать нам все сие, они и не преподали бы и были бы, таким образом, как и все прочие человеки.

2. Поэтому надлежит нам со всем усердием, тщанием и вниманием, со всей бдительностью и многими молитвами блюстись, чтобы не напасть на какого-либо прелестника или обманщика, или лжеапостола, или лжехриста, но обрести руководителя истинного и боголюбивого, который имел бы внутрь себя Христа и точно знал учение, правила и постановления святых апостолов и догматы святых отцов или, лучше сказать, который бы знал волю и тайны Самого Владыки и Учителя апостолов Христа. Такого учителя надлежит нам взыскать и обрести, который сначала слышал бы все это в слове и научился тому со слов, а потом научен был всему таинственно и воистине Самим Утешителем Духом через деяние и опыт; так чтобы и он сподобился услышать от Самого Христа Господа, научившего апостолов: *вам дано есть разумети тайны Царствия Небеснаго* (Мф. 13, 11). Если взыщем, конечно, и найдем: ибо не неправеден Бог, и не радуется Он о погибели человеческой, но как написано, *тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 16). Если Он на смерть предал Сына Своего Единородного, да мы спасены будем через Него, то возможно ли, чтобы, когда мы просим Его послать нам или, лучше, явить нам какого-либо истинного раба Своего, который поруководил бы нас в деле спасения и научил знать волю Его, возможно ли,

говорю, чтобы Он скрыл от нас такого человека и лишил нас через то неложного руководства? Нет, нет! Это никак невозможно. Сему веровать да научит нас случившееся с сотником Корнилием. Он был муж *благоговеин и бояйся Бога со всем домом своим, творяй милостыни многи людем и моляся Богу всегда.* За это сподобился он того, что *увидел в видении яве, яко в час девятый дне, Ангела Божия сшедша к нему и рекша ему: молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память пред Бога. И ныне посли во Иоппию мужей и призови Симона, нарицаемаго Петра: сей странствует у некоего Симона усмаря, емуже есть дом при мори* (Деян. 10, 2–6).

Видишь ли, как хорошо я сказал, что надлежит нам употребить все усердие и тщание, чтоб обрести истинного ученика Христова? И заметь при сем, что говорит Писание: Корнилий муж *благоговеин и бояйся Бога со всем домом своим.* Не себя только одного держал он в страхе Божием, но и всех, живущих в доме его, научил бояться Бога. И *сие добро есть и приятно пред Богом* (1 Тим. 2, 3), да печется всяк не о том одном, что ему собственно полезно, но и о том, что полезно всем, живущим вместе с ним. Таким образом, сотник оный, прежде чем научен был апостолами, уже исполнял заповедь апостольскую, которая повелевает: *никтоже своего си да ищет, но еже ближняго кийждо* (1 Кор. 10, 24). Творил он также и милостыни многи, и Богу молился день и ночь; и, таким образом, прежде, чем уверовал, явно исполнял заповедь Господа нашего и Бога, которая повелевает: *бдите*

и молитеся, да не внидете в напасть (Мф. 26, 41), и еще: *просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам* (Мф. 7, 7). Видишь, что делал этот не верующий еще во Христа и почти язычник? Не слышал еще он слова благовестия, а уже усердно исполнял заповеди евангельские, прежде чем научен им был от кого-либо. Просил он посредством благоговеинства и получил; искал посредством милостыни и нашел; толкал посредством поста и молитвы, и отверзалось ему. *Посли,* – говорит, – *во Иоппию, и призови Симона, нарицаемаго Петра.* Се чудный дар! Се дивное облагодетельствование! *Иже странствует у некоего Симона усмаря, емуже есть дом при мори.* Видишь, как Ангел открыл ему не только имя руководителя, но и имя того, кто странноприял его, даже место дома, в коем он нашел себе пристанище? И это сделал Ангел для того, чтоб Корнилий не обманулся и не призвал другого кого вместо Петра, и не попал на волка вместо пастыря.

Если и ты хочешь показать себя истинным, верным и избранным учеником Христовым, живи такою же жизнью, делай такие же дела, припадай к Богу в молитвах своих таким же образом, и Он отверзет очи души твоей, чтоб и ты увидел такого человека, как Корнилий увидел Ангела. Подражай хоть неверному ты, провозглашающий себя верным, язычнику и ненаученному ты, именующийся чадом христианства, воспитанный в учении апостолов и высокоумствующий, когда услышишь глумления невежд. Подражай сотнику

ты, пользующийся властью только в доме своем, и всячески попекись исправным явить хоть себя самого и этих немногих, сущих под тобою и во власти твоей. Если же ты презираешь эти дела, находящиеся во власти твоей и в произволении твоем, нерадишь о заповедях Божиих, тебе ведомых, не печешься об исполнении их и не ревнуешь о том, чтоб явить исправным себя самого и тех, кои под властью твоею, то скажи мне, как Бог покажет тебе учителя, который научил бы тебя совершеннейшему и высшему? А если Бог не покажет тебе его, как можешь ты сам найти его или узнать? Как примешь его без сомнения, как святого? И как получишь потом (за такое приятие) мзду праведного и святого? Нет, нет! Нельзя сему быть. Только тем, которые бывали усердны к Богу и, заботясь о спасении своем, начинали сами от себя делать все способствующее сему спасению, сколько то было для них возможно, взыскивали Бога и делали всякое добро, только таким как всегда являл, так и теперь являет Бог апостолов, пророков, праведных и святых, и они узнавали их и принимали, яко таких, и честь им воздавали, как учителям благочестия и посланникам Божиим. Почему и слова их соблюдали, как законы Божии, и мзду получали в меру тех, коих принимали. И ныне, если обретутся где-либо таковые, приемлемые и приемлющие, всеконечно и ныне сии последние приемлют мзду в меру первых.

А тех, которые презирают других и, думая о себе, что они крайне мудры, пребывают в беспечности и нерадении и не

просят Бога, как Корнилий и подобные ему, в усердных молитвах, с милостынями и постом, особенно ныне, когда мы все почти, с мальства научаясь у пророков и апостолов воле Божией и всему душеспасительному, думаем, что уже не имеем более ни в чем нужды, – таковых, говорю, Бог оставляет пребывать в том самопрельщении, в которое впали сами по своей вине. Они, будучи омрачены тьмою своих страстей, похотей и пожеланий и ходя в сей тьме, как в глубокой ночи, на таких же и учителей попадают. И естественно. Потому что властитель тьмы имеет, конечно, у себя учеников и слуг таких, которые ходят в сей тьме; на них-то попадают подобные же им и принимают их с радостью, находя их по мыслям себе, и учатся у них тому же, что сами наперед предызбрали и что порешили делать на пагубу себе. И кто не знает, что диавол с самого начала поднял против пророков лжепророков, против апостолов – лжеапостолов, против святых учителей – лжесвятых и лжеучителей, и что он всеми мерами подвизается прельщать нерадивых лжесловием, чтоб низринуть их в ров пагубы? От таковых предостерегает нас и апостол, говоря: *молю вы, братие, блюдитеся от творящих распри и раздоры, кроме учения, емуже вы научистеся, и уклонитеся от них. Таковии бо Господеви нашему Иисусу Христу не работают, но своему чреву: иже благими словесы и благословением прельщают сердца незлобивых* (Рим. 16, 17, 18). Итак, те, которые желают избежать таковых, как завещает апостол, должны для сего удаляться от дел тьмы, ибо пока кто пора-

бощен таким делам и ходит во тьме, дотоле не может он избежать таких учителей и не может прийти на свет учителей истинных.

И ты, духовное чадо мое в Господе, слыша Божественное Писание, которое говорит: *горе, иже мудри в себе самих и пред собоюразумни* (Ис. 5, 21), со страхом и трепетом внимай тому, что здесь изрекается, ибо слово это к душевному спасению. И если хочешь улучить истинного учителя, мужа святого и духовного, не рассчитывай, что можешь узнать его сам собою, своим рассмотрением, потому что это невозможно. Но прежде всего другого, как я сказал уже, подвизайся в добрых делах, в милостынях, в пощении, молитве и молении непрестанном, да будет тебе помощником и содействователем в этом Бог.

2. Коль же скоро с помощью Божией, по благодати Его, сподобишься найти такого, покажи к нему крайнее внимание и всякое ему благоугождение, великое смирение и благоговение, высокое почитание и веру чистую и несомненную. Чего ради? Ради того, чтоб, к несчастью, не заслужить тебе иначе вместо мзды казнь и муку. Ибо о таковых сказал Спаситель наш и Бог: *иже вас приемлет, Мене приемлет* (Мф. 10, 40); *отметаяйся же вас, Мене отметается* (Лк. 10, 16). Итак, надлежит нам принимать таковых, как Самого Христа, ибо то, что бывает оказываемо им, возносится к Самому Владыке Христу и Богу нашему, и Он Себе то присвояет и на таком имеет счету, как бы Он Сам лично принимал все

то, как, напротив, и то, что бывает оказываемо лжеучителям, возносится к самому антихристу, и которые их приемлют, приемлют самого диавола. И пусть никто не отговаривается, что не знает таковых, говоря: «Как могу я распознать их? И я человек, а никто из людей не знает, что кроется у другого на душе, кроме духа, живущего в нем». Никто не бери этого изречения в благословный предлог, ибо если бы невозможно было распознавать таковых, Господь не дал бы такой заповеди: *внемлите от лживых пророк,* т. е. берегитесь от лжеучителей, *иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы,* и не приложил бы вслед за сим: *от плод их познаете их* (Мф. 7, 15, 16).

Если теперь Господь наш Иисус Христос истинен, как воистину есть истинен, то очевидно, что мы можем распознавать таковых из того, что они говорят и что делают. Итак, покажем наперед плоды истинного Святого Духа, тогда объявятся сами собою и плоды противоположного Ему духа злого; а по плодам этим мы очень хорошо можем потом распознавать, какие учители суть истинные, святые и праведные учители и какие не таковы, а лишь притворяются таковыми. Я ничего не буду говорить от себя самого, но все со слов Спасителя и святых апостолов Его, коими попытаюсь удостоверить твою любовь, что указываемые мною признаки истинных и ложных учителей истинны и удобопознаваемы для нас.

Слушай же, что говорит Господь наш Иисус Христос: *блажени нищии духом, блажени плачущии, блажени кротции*

(Мф. 5, 3–5). И опять: *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас и молитеся за творящих вам напасть* (Мф. 5, 44). Слово праздное да не исходит из уст ваших. *Глаголю вам, яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день Судный* (Мф. 12, 36). И еще: *аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3). В другом месте говорит Он опять: *о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13,35). Еще: *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единаго Бога, не ищете?* (Ин. 5, 44). *Яко всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется* (Лк. 18, 14). Не говорит, что вознесен будет мирскою славою, но дает обетование, что он будет возвышен таинственно духовным некиим изменением. Вот что в слух всем нам каждодневно взывает Господь наш и Владыка Христос. Послушай теперь, что говорит и апостол Павел: *плод духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22, 23). И опять: *любы не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своих си, вся покрывает, вся терпит, любы николиже отпадает* (1 Кор. 13, 5–8).

Послушай также и Иоанна Богослова, который говорит: *не любите мира, ни яже в мире: аще кто любит мир, несть любве Отчи в нем* (1 Ин. 2, 15). И еще: *всяк ненавидяй брата человекоубийца есть: и весте, яко всяк человекоубийца не имать живота вечнаго в себе пребывающа* (1 Ин. 3, 15).

Сего ради явлена суть чада Божия и чада диавола (1 Ин. 3, 10), т. е. из любви и ненависти. Любящий Бога любит и рожденных от Него, т. е. братий своих, а ненавидящий кого-либо из братий своих, сей от диавола родился, и любви Божией нет в нем. По таким признакам умеющие рассуждать могут различать, кто сыны Божии и кто сыны диавола; и плоды святого и всеблагого Духа суть те, какие мы указали выше.

Надлежит теперь нам показать и плоды злого духа, чтоб, зная их, вы могли различать свет от тьмы, сладкое от горького, добро от зла. Внемлите же опять, что говорит Господь и Бог наш: *не может древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити* (Мф. 7, 18). И опять: *благий человек от благаго сокровища сердца своего износит благое: и злый человек от злаго сокровища сердца своего износит злое* (Лк. 6, 45). Еще: *иже аще разорит едину заповедий сих малых и научит тако человеки, мний наречется в Царствии Небеснем: а иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем* (Мф. 5, 19). А о книжниках и фарисеях что говорит Он? – *Связуют,* – говорит, – *бремена тяжка и бедне носима и возлагают на плеща человеческа, перстом же своим не хотят двигнути их. Вся же дела своя творят, да видими будут человеки: расширяют же хранилища своя и величают воскрилия риз своих: любят же преждевозлегания на вечерях, и преждеседания на сонмищах, и целования на торжищах, и зватися от человек: учителю, учителю* (Мф. 23, 4–7).

Итак, когда увидишь, что кто-либо делает такие дела, заботливо ищет славы человеческой и беззаботно преступает заповеди Божии, чтоб угодить людям, то знай, что это прелестник, а не истинный учитель. И апостол говорит: *идеже в вас зависти и рвения и распри, не плотстии ли есте?* (1 Кор. 3, 3). Плотской же и *душевен человек не приемлет яже Духа Божия, юродство бо ему есть* (1 Кор. 2, 14). Но кто не приемлет Духа Святого, тот явно и не имеет сего Духа в себе; а кто Духа Святого не имеет, тот и не Христов, как утверждает тот же Павел, говоря: *аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов* (Рим. 8, 9).

Слышал, кто Христовы и кто антихристовы? – Можешь отсюда наверное заключить, что внимательные легко могут распознавать добрых и злых. А невнимательные не только других людей, но и самих себя не знают. Ибо когда кто так опутывает себя заботами и хлопотами о житейском, как бы был бессмертен в этом мире, день и ночь занят бывает одними мирскими делами и всякие изобретает способы, как бы побольше разбогатеть, и при этом строит дома добрые и многоценные, набирает множество слуг, коней и мулов, накупает серебряных сосудов, златотканых одежд, дорогих ковров и всякое другое доставляет себе плотское наслаждение и успокоение, то скажи мне, можно ли показать, что такой знает самого себя? – Нет, чадо мое духовное, нет, наверное не знает он ни себя самого, ни того, что делает. Знает он себя лишь настолько, чтоб сказать, что это он, а не другой кто; но дела

его показывают, что он не знает, что он такое есть, не знает своего душевного состояния и не понимает, что делает. Он так живет, как бы был бессмертен; устами говорит: мы нынешни, а не завтрешни; и тут же на деле заготовляет всего так много, что того не израсходуешь и в десятки лет; гласно исповедует, что блага мира сего ничто, а между тем за маленькую какую-либо и ничтожную вещь заводит споры и ссоры с братиями своими; философствует, что он пыль и прах, а между тем всегда одевается пышно, показывая тем, что он гораздо выше всех других людей; слышит Божественное Писание, которое говорит: *горе сластолюбствующим и ласкосердствующим на постелях мягких* (Иез. 16, 49; Ам. 6, 4), а сам со всей заботливостью назирает, чтобы кровать его была самая великолепная, постель самая пышная и стол обиловал всякого рода дорогими яствами. И это выказывает он не только пред подобными ему мирянами, но и пред монахами, бывающими у него, которые не только не дивятся всему этому, а напротив, жалеют о тех, кои имеют то, и оплакивают их неразумие, видя, как они величаются тем, от чего следовало бы им наипаче приходить в стыд, именно: что, тогда как братия их бедные или, лучше сказать, Сам Христос, алчут и жаждут, они всячески утешничают и, что еще хуже, не чувствуют, что, поступая так, они свидетельствуют о себе, что суть немилосердные лихоимцы и онеправдователи бедных. Скажи же мне теперь, можно ли согласиться, что такой человек знает самого себя, знает, в каком состоянии находится

по душе и каким страстям порабощен? Никак нельзя. Нет, не знает он себя, хоть и может ему казаться, будто знает. Но тот, кто не знает самого себя и своего состояния, как может познать другого и страсти его? Как можно, чтоб слепой мог рассмотреть другого и познать, слепой он или видящий? Нет, нет; это невозможно.

Прибавлю к сказанному, сын мой и брат, еще и следующее, что если кто не позаботится наперед долгим молением, с милостынею, постом и бдением познать себя самого и свою немощность, то он не может познать и того, что без духовного отца, руководителя и учителя нельзя человеку соблюсти как должно заповеди Божии, жить вполне добродетельно и не быть уловлену сетьми диавольскими; а кто этого не познает, тому как избежать притязательного самомнения, что он не имеет нужды в научении, совете, внушении и помощи со стороны других? И остается он исполненным гордости, не сознавая, что ничего не знает, и пребывает во глубине неведения, или, вернее сказать, погибели. И этого самого не может он понять, что находится в числе гибнущих; так как это неведение то имеет свойство, что бывает каким-то густым покрывалом на умных очах души и не дает им видеть ясно истину, когда любит мир и вещи мирские. Ибо поколику ум удаляется от памятования о Боге, о смерти и о будущем Суде и не помышляет о благах, уготованных праведникам, и о муках, ожидающих грешников, – вечном огне, кромешной тьме и скрежете зубов, но всецело весь предан бывает забо-

там житейским и призрачным благам мира, богатству, славе, утехам, всему прочему, что в мире люди считают славным и светлым, – поколику, говорю, ум предан бывает всему такому, потолику он более и более грубеет, расстраивается, омрачается и некоторым образом весь покрывается непроницаемым покровом; следствием чего бывает выпадение из круга его познания заповедей Божиих и совершенное о них забвение. Почему и святой Давид, после того, как, согрешивши, испытал такое зло, обратившись к Богу в покаянии, умолял Его, говоря: *открый очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего* (Пс. 118, 18).

Видишь, как закрыты были очи его? Видишь, как вопиет он к Богу, чтобы Он открыл их? Делай то же самое и ты, сын мой, и Господь не презрит прошения твоего, если восшлешь его к Нему от всей души твоей, но услышит тебя и откроет очи души твоей. И тогда, как только прозришь ты, прежде и в начале всего познаешь самого себя и состояние свое, а потом и все другое, что тебе потребно знать. Следствием этого будет то, что ты от всей души начнешь почитать несравненно высшими себя и святыми не только благочестивых и добродетельных людей, но и всякого вообще человека, большого и малого, праведного и грешного, даже тех, которые грешат явно. И сие да будет тебе и всякому другому явным знамением, что ты получил отпущение всех грехов твоих, если придешь в эту меру и достигнешь этого доброго состояния. Ибо святое смирение на этой мере находится, и тому, кто дости-

гает сей меры, оно первым даром дает то, чтоб он думал, что из всех людей никого нет грешнее и ничтожнее его, и чтоб всем чувством души, с полным убеждением, одного себя почитал грешным и верил, что он один имеет погибнуть и быть преданным на вечные муки.

Итак, чадо мое возлюбленное и брат мой, восподвизайся стяжать такое смирение и не-говори: «Это невозможно для меня», ни опять: «Это идет к одним монахам, анек тем, которые живут в миру». Ибо Христос заповеди Свои определил вообще для всех и ничего не законополагал особо для монахов и особо для мирян. И праотцы, бывшие прежде закона Моисеева, и те, которые жили после него, исполняли эту заповедь (о смирении). Слушай, что говорит Иов: *мню себе землю и пепел* (Иов. 42, 6). И Давид: *аз есмь червь, а не человек* (Пс. 21, 7). Видишь словеса смирения? Видишь душу, которая почитает себя презреннейшей паче всякого человека, большого и малого? Подражай же и ты покаянию Давида, и стяжешь смирение его. Покаянием разгоняется облак неведения, покрывающий ум, и снемлется покрывало, лежащее на нем. Когда же размрачится ум, тогда познаем и самих себя, и состояние свое, каково оно: увидим еще раны и скверны души нашей и затем начнем не только мудрствовать и говорить смиренно, но станем стыдиться и солнца, и звезд, и всех тварей Божиих, созданных ради нас, стыдиться оттого, что прогневали Бога, создавшего все сие ради нас, и погрешили против Него, преступив не одну, а все заповеди

Его. Оттого не будем сметь поднять глаза свои, чтоб посмотреть на эти твари, и станем почитать себя недостойными того, чтобы вкушать от плодов земли, сами на себя произнеся определение, что праведно будет умереть нам от алчбы и жажды. Не будем сметь также взглянуть и посмотреть на икону Христа Господа и святых Его, сознавая себя скверными, нечистыми и многогрешными. Будет нам казаться, что самим иконам стыдно от нас и дел наших; оттого не будет у нас доставать смелости приблизиться к ним и приложиться; крайне стыдно нам будет к чистому и святому прикоснуться нечистыми и оскверненными устами своими. Даже в храм Божий намереваясь войти, будем чувствовать, как объемлют нас страх и трепет, сознавая, что входим недостойные, боясь, как бы не разверзся пол храма и не низринул нас живых во ад.

Сему и большему сего всегда будет поучать нас святое смирение и, изменяя нас, переустроям и претворяя, до того проникнет все естество наше, что потом мы, хоть бы и хотели, не возможем уже подумать или сказать о себе что-либо великое и высокое. Это святое смирение удостоверит нас и в том, что без учителя не возможем мы научиться никакому добру; и тем, которые вопросят нас, говоря: *разумееши ли, что чтеши?* оно научит нас отвечать: *како могу разумети, аще не кто наставит мя?* (Деян. 8, 30, 31). Оно научит нас не вступать без проводника на стезю, которой не ведаем. Оно возвестит нам, что, желая каяться, мы не должны

приступать к Богу без посредника и руководителя. Поелику если оно побуждает нас стыдиться неба и земли и всякого творения Божия, сущего в них, со страхом благоговеинствовать пред иконою Спасителя и святых Его, не сметь взирать на сии иконы или, приблизясь, лобызать их; не тем ли паче заставит оно нас не приближаться без посредника к Самому Творцу и Владыке всяческих Богу? Ибо хотя Он и человеколюбив, но много радуется о нашем смирении и сокрушении и очень хвалит, когда кто почитает себя недостойным приблизиться к Нему сам собою, без посредника.

Другим образом (так можешь убедиться в этом). Владыка наш и Бог, желая научить нас, что к Богу приближаться надлежит нам с помощью какого-либо посредника и поручителя, Сам как во всем прочем показал нам пример и образец, так и в этом Сам был первым Посредником и Ходатаем человеческого естества, принесши оное в Себе Отцу Своему и Богу. Потом поставил служителями сего посредничества и ходатайства святых апостолов Своих, которые и приводили ко Владыке Христу всех уверовавших в Него. Апостолы опять из числа сих уверовавших избирали достойнейших и их рукополагали в преемников себе – быть служителями того же посредничества. Эти опять (избирали и рукополагали) других, а сии – следовавших за ними. И таким образом этот чин преемственно соблюдается даже доныне. Бог не хочет, чтоб мы преступали и попирали такое Его установление и предание, но желает, чтоб мы жили по тому чину, какой

Он определил для нас. Почему Господь и Спаситель как о Себе со Отцом говорит: *никтоже может приити ко Мне, аще не Отец пославый Мя привлечет его* (Ин. 6, 44), и опять: *никто-же приидет ко Отцу, токмо Мною* (Ин. 14, 6); так установил, что никто не приходит к вере во Святую и Единосущную Троицу, если не будет каким-либо учителем научен догматам веры, также никто не бывает крещаем и никто не причащается Божественных Таин сам собою без иерея. А кто не окрестится и не будет причащаться Пречистых Таин, тот не получит живота вечного, как Сам Господь опять определяет, говоря: *иже веру имет и крестится, спасен будет: а иже не имет веры, осужден будет* (Мк. 16, 16); и: *аще не снесте Плоти Сына Человеческаго, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе* (Ин. 6, 53). Итак, поелику без Святого Крещеная и без причащения Божественных Таин ни один христианин не может сподобиться жизни вечной, а таинства сии преподаются нам не через апостолов святых и не через святых отцов, бывших после апостолов, а преподаются через тех освященных лиц, которые теперь существуют и живут среди нас, то очевидно, что мы не можем и не должны отчуждаться от их посредничества в деле нашего спасения.

Так Бог определил; и чтоб тебе охотнее было подчиняться тому закону, содержи в мысли, что что преподавали верующим отцы, жившие в оные времена, то же самое преподают и нам наши отцы духовные: те крестили водою и Духом, то же делают и эти ныне; те преподавали Тело и Кровь Христову,

то же самое преподают нам и эти. И как у тех, которые тогда крестили и причащали, ничего не было лишнего против нынешних, так у тех, которые теперь крестят и причащают нас, ничего нет недостающего против прежних. Учили те вере во Христа и во Святую Троицу, Единосущную и Нераздельную, т. е. во Отца, Сына и Святого Духа, тому же самому учат и нас ныне духовные отцы наши. Итак, явно из этого вкратце (не пишу всего, чтоб не удлинилось крайне слово мое), что что тогда делали для верных апостолы и чему учили их, то же самое делают и для нас ныне отцы наши духовные, – разумею, архиереи и иереи, – точь-в-точь тому же, без малейшего недостатка и ущерба, и учат нас они и наставляют, как и те. Если же они в сем отношении ничем не разнствуют от апостолов, то они суть сыны апостолов и апостолы для нас, и те, которые не приемлют их и слов их не слушают, да слышат, что говорит Господь наш Иисус Христос к подобным лицам: *Аминь глаголю вам: отраднее будет земли Содомстей и Гоморрстей в день судный, неже вам* (Мф. 10, 15; 11, 22). Ибо что сказал Он апостолам: *иже вас приемлет, Мене приемлет* (Мф. 10, 40); и еще: *слушаяй вас, Мене слушает: и отметаяйся вас, Мене отметается; отметаяйся же Мене, отметается Пославшаго Мя* (Лк. 10, 16), – то относится и к подобным им, преемникам их, и тем, которые теперь живут, и тем, которые будут жить после них. И следовательно, те, которые не приемлют и не слушают их, а отметаются, не приемлют и не слушают Самого Христа Господа, а отметаются

Его. Отметаясь же Его, они отметаются и Бога Отца, пославшего Его.

Знаешь, конечно, сын мой возлюбленный, что ныне, во времена сии, никто ни из мирян, ни из монахов, ни из иереев или архиереев не почитает, не любит, не боится и не приемлет никого, как апостола Божия и ученика Христова, по любви Христовой, или по заповеди, или вечных ради благ, обетованных нам; но все мы друг друга презираем и друг друга охуждаем, – монахи осуждают монахов, иереи архиереев, миряне всех их, и между собою один другого, и никто совершенно не держит в уме, что Церковь Божия, какою была в древние времена, такою пребывает и ныне, и как тогда Бог определил для нее первее апостолов, второе пророков, третье учителей и прочих, перечисляемых святым Павлом, так и ныне они же пребывают в лице преемников своих, предстоятелей Церкви, чтоб всякий принимал иных как апостолов, иных как пророков, иных как учителей. Мы же все это совсем позабыли и один над другим возносимся без меры. Того, кто вчера окрестил меня, освободил от греха и порчи душу мою, исполнив меня благодатию Святого Духа, причастил Пречистого Тела и спасительной Крови Господа нашего Иисуса Христа и соделал меня сыном Богу (что другое больше сего делали тогда для христиан и апостолы Христовы?), на этого самого ныне я посмотреть не хочу и не приветствую его, потому что считаю это стыдом для себя; не выхожу встретить его, когда он идет ко мне, чтобы почтить его и

принять приветливо, но говорю слуге своему с досадою: чего он там хочет? скажи ему, что господин твой занят и не имеет времени принять его. Не говорю уже о том, что еще хуже и непочетнее этого делают не только монахам, но и иереям те самые, которые исповедаются у них и поверяют им души свои. Бывает, что иной только что изберет кого-либо себе в духовные отцы и учители посредством исповеди у него, и не спустя несколько времени, а тотчас же, как назовет себя духовным ему сыном, начинает высказывать гордость пред сим духовным отцом своим и вместо того, чтобы быть духовным чадом и учеником, становится отцом духовным и учителем и начинает читать уроки отцу своему духовному, противоречить ему и уничижать его, если случится, что он скажет ему что-либо не по нраву его; а пройдет сколько-нибудь времени, он и совсем забывает, что есть у него духовный отец и учитель. Если же духовный отец сам ходит к нему, но не творит воли его и не поблажает желаниям его, или, лучше сказать, не падает и сам вместе с ним, чтоб вместе с ним и погибнуть, то он оставляет его и находит другого, который бы последовал его плотским пожеланиям.

Таким образом, все духовное у нас, как и сам ты видишь и знаешь, ныне в беспорядке находится, расстроено; чин и предание апостольское забыты и заповеди Христовы оставлены. И это бедственное зло живет в нынешнем роде, при всем том, что все мечтают о себе, что они достаточно изучили Божественное, знают заповеди Божии и могут рассудить,

что и как подобает им творить. И еще вот что: думая, что все нынешнее священство есть совокупность лиц недостойных и грешных, они держат, однако ж, убеждение, что благодать Божия действует и через них, недостойных; но, веруя, что, несомненно, получают дары Святого Духа как залог вечных благ, обетованных нам, посредством Таинств, совершаемых сими лицами, они, однако ж, отворачиваются от иерея, через посредство коего дается им это, и презирают его как грешника, недостойного священства. Так же относятся они и к духовникам своим: думают, что посредством исповеди у них они получают отпущение грехов своих, а их самих считают лишенными всякой добродетели, не имеющими никакого дерзновения пред Богом, и ставят их на одну линию со всеми другими людьми. Так вот в каком состоянии находятся у нас почти все: думают, что и они получают или, лучше сказать, похищают все те духовные дары, которые Бог даровал апостолам, апостолы же передали тем, которые уверовали посредством их во Христа, а достойной чести и веры тем, через которых подаются им сии дары, не воздают: каковую честь вначале апостолы воздавали Владыке Христу, апостолам – потом ученики их, а этим те, которые состояли под ними; они же питают дерзкую уверенность, будто Бог не требует от них, чтоб они воздавали ее и ныне архиереям, иереям, игуменам и духовникам своим. Будучи крещены младенцами, они полагают поэтому, что не виновны бывают, когда не воздают потом чести тому, кто крестил их, и не благогове-

ют пред ним, как пред духовным отцом своим. Мечтается им также, что, выучив начатки христианских догматов еще в детстве, они знают достаточно для благочестия и что потому Бог не взыщет с них за то, что они презирают учителей благочестия и не хотят более ничему научаться у них. Кажется им, что они довольно благочестивы и ведут жизнь более исправную, чем многие другие, почему надеются, что будут оправданы ради этого одного. Еще – сказать на духу грехи свои, исповедаться в них и получить разрешение от духовных отцов своих, этого, им думается, достаточно для спасения, и не нужно уже потом им ни веры более иметь к сим отцам, ни чести им воздавать, ни благоговения оказывать, какое подобает им как преемникам апостолов, посредникам и молитвенникам за них пред Богом.

Таким-то образом вся вселенная ныне преисполнена этой прелестью и этим злом. Одной этой заповеди нарушение и презрение все вверх дном переворотило в Церкви Божией, повергло ее самую долу. В такое бесчиние и смятение пришла Церковь, что нигде почти не видно приличного ей благоустроения и признака не найдешь, чтоб это было благообразно сочетанное Тело Владыки. Будто мы не имеем главы Христа Господа, будто мы не братья по духу, связанные друг с другом и сочетанные благодатию Святого Духа, что не допускаем, чтоб каждого из нас в своем чине поставляли и благоустрояли первостроители Церкви Божией?! От этого мы разделены и рассеяны, как бездушные частицы како-

го-либо вещества (как песок). Так много поработились мы пожеланиям своим, так сильно возобладали над нами похоти сластолюбия! Будучи увлечены ими к угождению себе лишь, мы раздробились, и от взаимной неприязни и гордости отвратились и отдалились друг от друга, и потеряли таким образом отличительную черту и знамение веры нашей, то есть любовь, о коей сказал Господь: *о сем разумеют вси, яко есте Мои ученицы, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 35).

Если же потеряли ее, то напрасно именуемся христианами.

Скажи мне, прошу тебя, – когда мы не любим духовных отцов своих, доставивших нам столь великие блага, что через них Бог делает нас сынами Своими по благодати, сопричастниками славы Своей и наследниками вечного блаженства, – когда, говорю, мы не любим их, не почитаем и не прославляем как должно, как должен быть чтим человек Божий, посланный к нам от Бога, – кто может поверить нам, что мы имеем любовь к прочим братьям, нашим ближним? И кроме сего, если тех, коих имеем ходатаями пред Богом и молитвенниками, кои прияли от Бога власть – давать нам разрешение во всех грехах наших и примирять нас с Ним, если, говорю, не принимаем мы их с полным убеждением и верою, как святых, но смотрим на них, как на грешников, – как можем мы надеяться, что нам даровано через них совершенное отпущение грехов? Ибо Господь говорит: *по вере ваю буди вама* (Мф. 9, 29). И точно, по мере веры нашей, насколько

веруем в них, так получим и отпущение грехов наших. К тому же, если верно слово, сказанное Господом: *приемляй вас, Мене приемлет,* и: *отметаяйся вас,*

Мене отметается; то недоумеваю, как те, которые не держат в уме своем убеждения, что мы должны не только любить всех людей, особенно же братий по духу, но еще должны принимать кого-либо из нынешних духовных мужей как апостола Христова, чтобы через посредство его принимать Самого Христа, и всякое его слово должны исполнять, как бы оно исходило из уст Самого Христа, – как, говорю, и каким другим способом таковые могут принять Христа или стяжать Его внутрь себя? А между тем, многие из нас даже не знают иерея, крестившего их; мы же, знающие их, отвратились от них и презрели их, как я сказал выше; а иные даже не знают, крещены ли они. – Если же этого не знаем, то как можно допустить, что имеем веру, или даже считать нас крещеными? Я этого не понимаю: отца духовного мы не познали, а если и познали, то не чтим его, как отца; учителя, который учил бы нас благочестию, не озаботились приобресть; а если и приобрели, то не делаем ничего по тому, как он нас учит, но ходим и действуем, как воле нашей угодно. Что можно сказать больше этого – не знаю и не нахожу, за что и за какую вашу добродетель мог бы я назвать вас христианами?

Бедный и несчастный человек! Чего ради не чтишь ты духовного отца своего, как апостола Христова? – Не вижу, говоришь, чтоб он исполнял заповеди Божии, потому и не чту

его. Но это пустой предлог. Ибо, скажи мне, сам-то ты лучше его исполняешь их, что так смело презираешь его и осуждаешь? – Но хотя бы ты и действительно исполнил все заповеди, и тогда не следовало бы тебе осуждать его и презирать, и отвращаться от него, укоряя его в нерадении о добром житии, а напротив, надлежало бы и тогда любить его и почитать за те блага, которые даровал тебе Бог через посредство его, и делать его участником в твоем телесном, чтоб таким образом хоть сколько-нибудь воздать ему за то духовное добро, которое он доставил тебе, дабы не только сохранить дарованное тебе через него от Бога, но и приумножить то таким образом действования. Теперь же, как сам видишь, за неверие, неблагодарность и оставление духовного твоего отца и учителя ты не только сгубил все, полученное тобою через него, но изгладил то самое, по чему ты – христианин – и лишился Христа Господа. Ибо предположи в уме своем, что царь земной прислал к тебе какого-либо из самомалейших слуг своих, одетого бедно, в ветхие рубища, не на коне, а на плохом ослике или даже пешком, но который принес тебе грамоту за царскою печатью, написанную собственноручно царем, и в этой грамоте царь провозглашает тебя братом своим и другом и обещает спустя несколько времени сделать тебя соучастником с собою в царствовании, увенчать главу твою царским венцом и облечь тебя в царское одеяние, – скажи мне, как бы ты отнесся к этому слуге? Принял бы его и почтил как царского слугу, и ради таких великих и истинно

царских обещаний и такой светлой славы, тебя ожидающей, возрадовался вместе с ним, облагодетельствовал его по силе своей и наобещал благодетельствовать и после всегда – или презрел бы его и отослал с пустыми руками и бесчестием, по тому одному, что он одет в бедные одежды и пришел пешком?! Если предположим, что ты презрел бы его таким образом и царь узнал об этом, то похвалил бы он тебя за это или бы укорил и осудил? Если бы сам ты был этим царем, то не почел ли бы укором и бесчестием себе такого презрения, оказанного слуге твоему?

И этого поношения его не признал ли бы поношением себе? Конечно, так бы было. Ты так разгневался бы на него, как бы он тебе самому оказал презрение, как бы в лицо тебя укоряя, что имеешь таких слуг, и сказал бы: кто поставил его судьею над слугами моими? Не слугу моего он укорил, что по своей небрежности носит он такие бедные и испачканные рубища, а меня самого, что я немилосерд и держу слуг в таких лохмотьях. Таким образом, ты раскаялся бы, что наделал таких обещаний этому презрителю слуги твоего ради сего самого презрения, и, верно, не принял бы его, когда бы он пришел к тебе, за то, что он, дерзкий, восхитил собственный твой суд и осудил слугу твоего, которого судить ему неуместно.

Обсуди все это в себе самом, чадо мое духовное и возлюбленное, и, в совершенстве уразумев настоящий порядок вещей, постарайся быть истинным христианином не словом

только, но и делом. Приобрети себе духовного отца, приобрети учителя, посредника и ходатая пред Богом. Прилепись к нему с любовию и верою, со страхом и желанием и будь с ним, как бы был с Самим Иисусом Христом, да сподобишься через посредство его соединиться с Христом и сделаться сопричастником и сонаследником вечной славы и Царствия Его, чтоб воспевать и славить Его со Отцом и Святым Духом, в бесконечные веки веков. Аминь.

Слово двенадцатое

1. Кающийся во грехах своих никакой не получит пользы, если не взыщет приять от Христа Господа и врачевство той немощи своей, по причине коей грешит.

2. Что бы ни делал человек в настоящей жизни, всуе делает, если то не способствует к здравию его душевному.

3. Как грех бывает по воле нашей и без воли нашей?

1. Хорошо плакать и печалиться о грехах своих и молить Бога об отпущении их. Но никакой от этого не будет пользы, если Господь наш Иисус Христос не уврачует тех немощей кающегося, по причине коих он грешит как бы нехотя: ибо если он не исцелится от них, то нельзя ему удержаться от грехов. Почему всякий кающийся на то одно должен обратить весь свой подвиг, чтоб быть уврачевану от Христа Господа, освятиться и приять силу к исполнению воли Божией и заповедей Его. Ибо кто не уврачеван Христом Господом, тот иногда грехи делает, увлекаем будучи на них своею немощью, а иногда с большим трудом и стеснением исполняет какую-либо заповедь, но такому какая польза? Подобен он тому, кто строит и опять разоряет построенное. Почему всякая настоит необходимость, чтоб уврачевана была немощь наша Христом Господом, Который единый есть истинный Врач,

пришедший на землю для уврачевания немощей наших, по причине коих грешим. Он есть Агнец Божий, вземляй грех мира, который и есть немощь поврежденного естества нашего. Ибо после того, как Адам преступил заповедь Божию и изгнан был из рая, всякий человек стал немощен и болезнен. И эти немощи, поелику находятся как в естестве, так и в произволении нашем, суть какие-то странные: иногда кажется, что они от естества суть, а иногда – от произволения.

Немощи, о коих говорю я, суть следующие: всякий человек немоществует и не может иметь чистой любви, не может не завидовать, не поносить, не осуждать, не презирать, не пересмеивать, не говорить лжи, не гневаться, не похотствовать благ мира сего, которые видит, не тщеславиться, не любоимствовать. Будь он благоразумнейший между благоразумными, мудрейший между мудрыми, мужественнейший между мужественными, честнейший между честными, будь он всех других лучше и совершеннее; но коль скоро немощь естества нашего пребывает в нем (неуврачеванною), неизбежно, что он или целомудрия не сможет сохранить, или не одолеет себя, чтоб простить тому, кто погрешил против него в чем-либо, или не находит в себе добрых расположений: милостыню подавать и Бога всегда благодарить, вообще воздерживаться от всякого зла и делать всякое добро. Наблюдающему не может не быть явным, что все такие немоществования зависят иногда от самовластного произволения, а иногда от насилия со стороны естества. Впрочем, не все люди в равной степени

немоществуют, но иной больше, а иной меньше.

Такие-то немощи необходимо уврачевать в нас. Но прежде всего необходимо взыскать врача, который бы уврачевал их. Почему святые отцы предали нам, христианам, чтобы мы всегда так молились Богу, взывая к Нему с сокрушенным сердцем: «Призри на нас, Господи, по милости Твоей, и уврачуй немощи наши имени ради святого Твоего». То есть воззри на немощи наши и уврачуй их благодатию Твоею, да будет славимо имя Твое, что Ты милостив и благостынен, и единый еси Врач, и да не хвалится никто сам о себе, когда уврачеван будет, но о Враче своем да хвалится, и Его да благодарит день и ночь от всего сердца своего, истинно смиренномудрствуя. И вот, в ком уврачеваны будут таким образом немощи его, тот и стал христианином (настоящим), а у кого есть еще какие-нибудь из тех немощей, о коих мы сказали, явно, что он еще не уврачеван. И это страждет он или от неведения, или от неразумия, как такой, который не знает, что говорит к Богу, когда молится, и какие немощи уврачевать просит Бога. И если умрет он неуврачеванным, то вечно будет плакать о том в аде, не чая когда-либо освободиться от огненного жжения оного. Сего-то ради надлежит нам горько плакать о том жалком состоянии, в какое мы пришли. Люди-христиане да взывают день и ночь: *призри, Господи, и уврачуй немощи наши.* Но и Господь не может уврачевать их, если они не знают, что это за немощи, о коих они просят, при всем том, что их так много и так они разнообразны. Вот

причина погибели, по коей гибнет столько христиан, богатых и бедных, властителей и простых, юных и старых, монахов и иереев. Одно врачевство от всех вообще этих немощей – причастие Божественного естества или приятие Божией благодати. Если христианин не приимет Божественной благодати и силы по мере веры своей, то хоть он бдения совершает, хоть спит на голой земле, хоть поет псалмы день и ночь, молится и постится, все же он остается неуврачеванным и находится вне части Христовой, как и неверные.

2. Какие бы добрые дела ни делал, какими бы подвигами ни подвизался и ни утруждал себя в настоящей жизни всякий человек, мудрый или не мудрый, сведущий или не сведущий, рассудительный или не рассудительный, ученый или не ученый, богатый или бедный, – если это не способствует к оздравлению души его от немощей ее, суетно все сие и бесполезно для него, и оставляет душу вне Царствия Небесного, ибо в Царствие Небесное приемлются только здравые души, не имеющие никакой немощи. А немощи эти, нами прежде указанные, эти непотребные стремления плотских похотей, эти пристрастия к земным и мирским вещам, богатству и славе суетной, никакая душа не может уврачевать в себе и стать здравою ни сама собою, ни с помощью другого какого человека. Только Господом нашим Иисусом Христом они могут быть уврачеваны, как написано: *Той недуги наша прият и болезни понесе* (Мф. 8, 17). Ибо если бы человеческие души, не говорю язычников и безбожников, хоть бы самых

иудеев, веровавших в Бога истинного, могли удобно возненавидеть мирские похоти и плотские наклонности и таким образом избегнуть миродержателя диавола (ибо он посредством этих страстей стяжал себе державу смерти), то не было бы никакой нужды благому, благоутробному и человеколюбивому Богу соделоваться человеком, распинаться и по смерти нисходить в преисподняя земли, то есть во ад. Но в том и дело, что возненавидеть мир и все мирское и плотское никто не может, если не сделается причастником Божественной благодати и не получит силу на то от Господа Иисуса Христа. А кто, Божественною силою Христовою укрепляем, не возненавидит прежде, от всего сердца своего, всего мирского и плотского, тот никак не может исполнить заповедей Христовых, или, как написано, всегда уклоняться от зла и творить благое.

Посему всякий, верующий во Христа, прежде всего другого да просит у милостивого Бога благодати и силы возненавидеть мир и все мирское, все страсти и похоти плотские, а после того как возненавидит их, над тем да трудится с теплою верою, чтоб достигнуть мертвости их, каковая мертвость Христова есть, как говорит апостол Павел, что он *мертвость Господа Иисуса всегда в теле своем носил* (2 Кор. 4, 10). Таковые-то прошения и бывают благоугодны Богу, и Он благоволительно слушает их, как удостоверяет святой Иоанн Богослов: *яко аще чесо просим по воли Его, послушает нас* (1 Ин. 5, 14). Ибо этого только и хощет Бог, чтоб ис-

кали у Него люди, т. е. того, что ведет человека к вечному спасению. Почему пусть никто из людей ни о чем другом не заботится и ни на что другое не иждивает трудов своих в настоящей жизни, как только на то, чтоб душа его в последний час смерти оказалась здравою и свободною от всякой мирской и плотской страсти. Так-то необходимо, чтобы душа сделалась здравою от всякого недуга своего, и тогда, как сделается она здравою, может послужить Богу досто-должно, исполняя Божественные заповеди Его, и явиться непостыжденною, когда предстанет пред Страшное Судилище Христово. Если же не сделает она этого, т. е. не послужит Богу и не исполнит заповедей Его, хотя не в большой мере, то, конечно, и в день Суда окажется она нездравою от страстей и будет за то ввержена в огнь гееннский, который поглотит ее в своей пещи неугасимой и будет жечь вечные веки. Ибо огнь гееннский не может жечь никаких других, а только тех, которые оставили неуврачеванными души свои в настоящей жизни и так, неуврачеванными, перешли и в другую жизнь.

3. Грех совершается и по воле нашей, и не по нашей воле. Ибо грех всегда является пред нами только как некая обманчивая приманка. Но как только душа человека наклонится мысленно ко греху, тотчас подскакивает к ней тиран и насилователь душ, который всегда стоит позади ее и зорко смотрит за движениями ее, подскакивает и тащит ее на совершение греха делом, так что очевидно, что грех бывает и по воле человека, и не по воле его: бывает по воле его потому, что ум

сам склоняется на грех; бывает не по воле его, потому что, когда слагается он совершить грех делом, то на это бывает влеком и нудим диаволом.

Посему-то Премудрость Божия, Господь наш Иисус Христос, подсекает самые корни и зачатки грехов, когда заповедует во Святом Евангелии Своем, чтобы никто не допускал порочных пожеланий и даже очами не воззревал с похотением, потому что когда душа дойдет до вожделения греха, то неудобь ворочается назад, неудобь удержаться ей от дела, по причине толкания на него от демонов, совершающих это быстрее мгновения ока. Таким образом, душе всячески надо стараться не допускать приближаться к себе демонам, а этого достигать не может она никаким другим способом, как только тем, чтобы не склоняться на похотения греха, во Христе Иисусе, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово тринадцатое

1. Врачевство, врачующее душу, одно, а не много их.
2. Четырьмя образами грешат люди.
3. Спасение всех в единой воле Божией; человек же не имеет в себе ничего, чем бы сам мог спастись.

1. Душа наша проста и несложна; потому, когда возболезнует, одно врачевство врачует ее. Но тело, будучи сложено из многих и притом неодинаковых частей, которые и сами составлены из четырех стихий: земли, воды, огня и воздуха, когда занеможет, имеет нужду, как сложное, в разных врачевствах и притом составленных из разных трав. Это хорошо истолковали и внешние мудрецы эллинские, тоже говоря, что если бы тело человеческое было единично, т. е. просто и несложно, то одно было бы и врачевство для него, но, будучи сложено из многих частей, имеет нужду и во врачевствах многих и многосложных. А душа, говорю я, напротив, будучи невещественна, проста и несложна, когда занеможет, одно врачевство врачует ее, а не многие. Какое же это врачевство? Дух Святой, благодать Господа нашего Иисуса Христа, как говорит апостол: *идеже Дух Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17). Надлежит потому всякому христианину посредством покаяния, милостыни и всякой другой добродетели, сколько сил есть, подвизаться не о чем другом, как о том,

чтобы приять действо благодати Святого Духа, силою коего и начнет он жить жизнью истинно по Христу. Ибо нет другого способа, искусства и метода к тому, чтобы христианин жил по Христе, кроме восприятия свыше силы или благодати Иисус-Христовой.

2. Человек грешит четырьмя образами – волею, неволею, в ведении и неведении. Волею, т. е. самоохотно, грешит он, когда, зная наверно, что зло есть зло и что в его состоит воле сделать его или не сделать, делает его самоохотно. Неволею, т. е. без желания, грешит он, когда бывает вынуждаем к тому какой-либо необходимостью, и делает зло, не желая его, как, например, иные мученики отрицались от Христа по причине нестерпимых мук, каким их подвергали. Бывает, что иной и другим образом, не зная и не желая, делает зло, когда, например, пустив стрелу, чтоб убить какого-либо зверя, убивает человека, не желая того. В ведении бывает грех, когда душа знает, что известное дело есть грех, но, будучи немощна и расслаблена нравом, делает его, не имея силы противостоять брани и восставшему сильному влечению на грех, делает грех, склоняясь на него и вожделевая его будто помимо своей воли. В этом-то случае особенно и познается верующими сила Христова, именно: когда возмогают они не делать по внушению возненавиденных ими похотей, тогда познают, что имеют благодать Христову. В неведении бывает грех, когда кто делает что худое, не зная, что оно худо, но полагая, что оно хорошо.

При этом заметить надлежит, что грехов волею бывает немного, и они, так как большею частью бывают очень явны и неотразимо теснятся в сознании, бодут, как остны (орудия для побуждения рабочего скота. – *Ред.),* того, кто делает их, и подвигают его на покаяние. Прочих же грехов, т. е. грехов неволею, в ведении и неведении, бывает очень много, даже без числа; но они все почти малопамятны и скоро совсем выпадают из сознания и того, кто их делает, несмотря на свою многочисленность, не бодут и не подвигают на покаяние, так как он и не почитает их грехами, и не думает об них. Посему об этом-то наипаче и надлежит нам молиться, чтобы Бог даровал нам и познать их греховность, и восчувствовать, ибо то, что мы не помним и не чувствуем их, не делает нас безвиновными в них, а между тем диавол большую часть людей ввергает в гордыню по причине неведения их, потому то есть, что не сознают их, не думают, что они значат что-нибудь, но вменяют их ни во что: каковые люди, несмотря на то, что говорят, будто мудры суть, оказываются буиими (глупыми. – *Ред.)* и неразумными, поелику не познали, что спасение всех стоит на единой милости Божией.

3. Ни один человек не имеет в себе ничего благословного, чем бы мог спастись, ни праведный, ни грешный. Ибо Сам Бог говорит: *помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю* (Рим. 9, 15). И Давид исповедует сие, взывая к Богу: *Господи, Боже спасения моего* (Пс. 87, 2). В чем спасение то? В том, чтобы стать причастником святости Божи-

ей, а это состоит в воле Божией, – то, то есть, чтобы Он преподал святость Свою тем, которые управляют сердца свои к Нему и никакой кривости не имеют в помышлениях своих, коих души *уверишася* (Пс. 77, 37), т. е. стали верными Богу и словесам Его; поелику, по пророку, *правоты* видит *лице* Божие (Пс. 10, 7). Люди видят видимое, а Бог видит и сокровенное. *Уготовайте путь Господень,* – говорит Писание, – *правы творите стези Его* (Мф. 3, 3). Эти стези Божии суть души человеческие, когда они правы бывают, т. е. когда исповедуют свое неведение, ненаучение и ненаказанность (ненаученность, неопытность. – *Ред.),* свое недостаточество на добро и падкость на всякие грехи, когда не хотят жить лицемерно, иными быть по внутреннему своему устроению и иными казаться пред людьми, и принимать честь от людей, а не от Бога, потому что Бог, испытующий сердца, ненавидит такие души, как сущие от части диаволовой, ибо диавол так делает, что, будучи врагом, принимает вид друга и, будучи тьмою, представляется светом.

Поелику спасение всех в едином Боге, то да уготовит каждый себя самого и да приложит труд стать правым, чтоб соделаться достойным милости Божией, потому что кто прав, тот истинен; кто истинен, тот смирен, а кто смирен, тот один и достоин милости. Бог, Который есть сущая Истина, не может миловать того, кто неправ, так как таковой не истинен. Итак, не докучай Богу в молитве милость к тебе явить, прежде чем сделаешься правым, ибо невозможно, чтобы Бог соединился

с душою лукавой и развращенной; милость же Божия в том и состоит, чтобы причастился кто святости Божией. И если препобеждаешься лукавым диаволом, властителем зла, и не имеешь силы быть правым, понуди усердною молитвою своею благость Божию даровать тебе силу сделаться прежде правым, чтоб сего ради оказаться достойным и великой милости Божией, т. е. приятия святости Его. Эта святость вражду полагает между тем, кто освящается, и между грехом, иначе: делает освящаемого врагом всякого греха. Ибо кто любит Бога, тот любит и то, что Ему благоугодно, и отвращается от того, к чему не благоволит Бог. Но неблагоугодное Богу, само собою разумеется, приятно диаволу. Почему всякий человек, который неправ (и следовательно, не любит того, что благоугодно Богу), есть друг диаволу и враг Богу. Таковому какая надежда спасения?

Итак, тем, которые делают зло, которого могли не сделать, и не делают добра, которое могли делать, нет спасения, пока они таковы. Но и о тех, которые делают добро, нельзя еще сказать, что они по тому самому имеют уже в себе самих все, чем устрояется спасение. Они только сделали все, что должны были сделать, подобно тому как всякий раб делает, что должен делать, чтоб не быть биту. Если случается, что домовладыка поблагодарит такого раба, то благодарит его по доброте своей. Но если какой раб загордится, говоря, что он так хорошо делает свое дело, то бывает бит за то самое, чтобы помнил, что он не мог сделать ничего больше того, что дол-

жен был сделать, – так что, если хочет такой раб (исправный во всем), чтоб господин его благодарил его, то должен всячески смиряться и говорить: я сделал только то, что должен был сделать, и если бы не сделал того, то был бы бит как раб неключимый. Так и всякий христианин, делающий все достодолжное, не может ожидать за это себе ничего. Но хорошо бы было, если всякий возжелавший творить волю Божию мог творить ее; а то со всяким нередко бывает, что не может он сделать то, что желает, и делает то, что ненавидит, потому что мудрование и похотение плоти противляются ему. Как после этого можно говорить: только возжелай спасения и спасешься? Спасение не от естества; почему не видим, чтоб кто-либо когда-нибудь спасся сам собою. И Бог говорит: *Аз Бог, и несть разве Мене спасаяй* (Ис. 43, 11). *Ибо вси согрешиша и лишени суть славы Божия* (Рим. 3, 23). Как же можно спастись кому-либо самому собою?

Но если покаются теперь в один день тысячи тысяч и мириады мириад грешников и, обратясь ко Христу Господу, содружатся с Ним, соединятся и освятятся святостью Его, то тотчас познают восприняое от Него освящение, коим устрояется спасение, ощущая присущую им некую Божественную силу. Ибо Христос Господь для всякого верующего в Него бывает силою рассуждения, мощью разума, крепостию мудрости, державою правды, основою любви к Богу и людям, действом всякой святой заповеди и воли Божией, неким разумным и в природу обратившимся отвращением и возне-

навидением всякого зла и греха, всякой похоти и лукавства. Христос Господь есть надежда наша и мир наш. Без Господа Иисуса не только никто не может делать добро, но и всякий бывает отдален от Бога. Одного только требует Господь от всякого верующего в Него: того, чтоб он всецело вверил себя Ему – Христу Господню, т. е. чтоб имел полную на Него надежду и питал непоколебимую уверенность, что только силою Христовою, а не своею собственною, может кто спастись. И такой только есть настоящий христианин, кто полную надежду возлагает на одного Христа, что Он один все в нем исправит и уврачует его и по душе и по телу. Когда же потом за сею верою, имеемою с разумом, последует и дело, тогда рождается любовь ко Христу, т. е. когда кто самым делом получит то, чего надеялся, от Христа, и почувствует то, тогда возлюбляет Его. Ибо человек благодетельствуемый не может оставаться бесчувственным к благодеянию и, естественно, начинает любить благодетеля, помимо даже воли своей. Потом, когда преуспеет он в любви к Благодетелю своему, находит и самого Благодетеля внутри себя самого, потому что и Он вполне вверяется и входит в того, кто возлюбил Его.

Но диавол, что сначала сделал с человеком, то покушается делать и теперь со всяким начинающим каяться, внушая ему: нет спасения тебе в Боге твоем (Пс. 3, 3), т. е. что спасение бывает не силою Бога твоего, а твоею собственною. И горе тому, кто поверит ему! Враг хочет сим способом обнажить

душу от благодати Божией, чтобы потом уловить ее и поглотить, как волк ягня. Посему-то всегда надлежит умом возревать к Богу, от Коего единого приходит всякая помощь, чтобы ум сей просветился мысленными лучами Света Божия и, сделавшись обоженным, стяжал и своего рода неизменяемость, дабы не возвращаться на зло. Тогда-то наконец становится он властителем земли, так что не смеет уже более приближаться к нему никакое земное похотение, но все земное трепещет пред ним и боится его, не ради его самого, а ради Бога, страшного самим Херувимам, Которого он всегда имеет присущим в себе и от Коего отлучиться мыслью и отдалиться желанием и чувством не позволяет он себе ни на одно мгновение. Богу благодателю нашему слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Слово четырнадцатое

1. Чего требует Бог от христианина?

2. Какой вред потерпел и терпит человек от диавола, а не знает того?

3. Все люди недугуют душою и не понимают того.

4. Надобно им познать недуги свои, чтоб взыскать врача.

5. Лукавый диавол свои искушения как приманку какую полагает пред людьми.

6. По какой причине не все христиане преуспевают в добродетелях?

1. Бог от всякого христианина прежде и во главе всего требует, чтоб он всегда исповедовал прежние грехи свои, дабы, помня их во всякое время, он всегда имел самоуничиженное и смиренное мудрование и не презирал других. Во-вторых, требует, чтоб он каялся пред Ним и молился Ему о всем, в чем грешит каждодневно, волею или неволею, в ведении или в неведении; ибо невозможно, чтобы человек провел хоть один день без того, чтоб не впасть в какое-либо согрешение, большое или малое, потому что грех бывает и словом, и делом, и помышлением. Как эти – дела, слова и помышления, быстро чередуются или действуют совместно в продолжение дня, то и не усмотришь, как погрешишь не в одном, так в

другом. Но кто погрешает, тот и падает; падшему нет оправдания, но спасается он по единому беспредельному благоутробию Божию. В-третьих, поелику грехи бывают по причине немощности мысли и душа посему имеет нужду в укреплении свыше, надлежит христианину всегда умолять Бога, да дарует ему духовную силу, которая есть сокровенная благодать Господа нашего Иисуса Христа, укрепляющая ту душу, которую присещает, и просвещающая ее, да зрит зло как зло и добро как добро, и, вспомоществуемая сим просвещением и сею силою, да ходит безопасно среди сетей мира сего лукавого, не будучи уловляема ими. Человек страдает некою сокровенною болезнью великою и неудобь познаваемою, которая так велика и так чрезмерна, что подобной никогда не было и никогда не будет. Почему необходимо было Самому Богу прийти, чтоб исправить и уврачевать ее. При всем том, однако ж, люди не знают о том и живут в совершенной беспечности, нисколько не печалясь из-за болезни сей по причине нечувствия своего. Ибо кто знает сию болезнь, тот и чувствует ее; кто чувствует, тот болит о том душою; кто болит, тот ищет оздравления и всячески старается уврачеваться от болезни той.

2. Но что это за болезнь? Послушай: диавол, по обычаю своему, всегда подбирается к душе странным неким образом и неудобь распознаваемым, с тем чтобы, будучи всегда близ ее и не отдаляясь от нее, возмущать и перебуровливать все ее стремления, движения и помышления, т. е. и мысленную,

и желательную, и раздражительную силы души, и направлять их на то, что ему угодно. Этим способом он всех нас завлекает в сети свои и забирает в рабство себе и в волю свою, – а мы того и не знаем; и, что хуже всего, диавол, употребляя сию тактику непрестанно и сделав нас страстными и непотребными, убеждает нас думать и говорить, что этот наш недуг (смятение и буровление внутри), которым мы вводимся в страсти и держимы бываем в них, есть свойство естества нашего, а не дело бесовских козней[1]. Иных же он убеждает думать, что злые дела, какие они делают по действу его, суть исправности и добродетели, и хвалиться ими. Но это есть уже совершенная мертвость души, ибо кто хвалится злом, тот нимало не чувствует (тлетворного действия его), а это свойственно лишь мертвому. И вот отчего висит над родом человеческим опасность быть осужденым вместе с диаволом и прочими демонами, а он того не знает.

3. Человек, который был прежде здоров и заболел, знает и понимает, что есть болезнь и что здоровье. Но если случится кому с самого рождения быть больному, то ему трудно бывает понять, что такое здоровье. Так и душа, которая всегда недужна и страждет болезнью страстей гнева и похоти и других многих и разнообразных, которые рождаются от этих двух как главнейших, гнева, говорю, и похоти, не знает, бедная, и не понимает, что это суть болезни, и не видит, как

---

[1] То же говорил и святой Макарий Великий. (Добротолюбие. В русском переводе. Т. I. С. 146.)

мысленный тиран ее, диавол, прикрытый сим ее неведением, подседает к ней посредством означенных страстей и день и ночь осечает ее злыми помыслами. Не видя же сего, не понимая и не чувствуя, она не чувствует нужды и во врачевании и не ищет его. Можно ли же надеяться, что она когда-нибудь уврачуется, находясь в таком положении? Кто не хочет оздороветь и не ищет оздравления, как может уврачеваться? Или как станет искать врачевания тот, кто не знает, что болен, и не понимает, в чем состоит его здоровье; а того, кто объясняет ему это и истолковывает, гонит прочь? Поступая так, он показывает, что не имеет нужды в оздравлении.

4. Таков недуг наш, и от недуга этого нет другого врачевства, кроме единого, о коем я помянул. Ни Ангел, ни ходатай, ни мудрец, ни книжник и никакой совопросник века сего не мог и не может уврачевать сего недуга нашего. Для сего потребно было Богу соделаться человеком, чтобы человеческое естество соединилось с Божеством и в Нем обрело действеннейшее врачество, сильное уничтожить в нас всякое нестроение, растление и смерть, и чтобы непобедимая и непреоборимая сила Божества врачевала немощного человека и укрепляла его Божественною благодатию, так чтобы мысленный растлитель наш, диавол, не смел более приближаться к нему и искушать его посредством страстей. Ибо со времени преступления Адамова растлились все естественные силы человеческого естества, то есть ум, память, воображение, воля, чувство, которые все совмещаются в трех ча-

стях души – мысленной, раздражительной и пожелательной. Растлились, но не уничтожились. Почему человек может умствовать, но не может умствовать правильно; может желать, но желает несмысленно; может раздражаться (прямее бы – энергичествовать), но раздражается неразумно. По сей причине все, что он думает и придумывает, что загадывает и предпринимает, к чему сочувствует и от чего отвращается, все это криво, косо, ошибочно.

5. Искушение, каким искушает нас диавол, бывает двух родов. Как птица, свободно летающая на крылах своих, чтоб найти себе пищу, бывает обманываема птицеловом, простирающим по земле сети свои для ее уловления, тем, что простерши сети свои по земле, он кладет поверх их приманку, которую видя, птица слетает вниз, чтоб поклевать, и тут запутывается в сети и попадается в плен; тогда приходит и птицелов, берет ее, держит в руках своих и делает с нею, что хочет; так и диавол, зная, что ум человеческий находится в непрестанном движении (парит), подкрадывается к человеку невидимо, кладет пред помыслом его какую-либо сласть, как приманку, а под сластью простирает, как сеть, грех, который вместе есть и рука диавола невидимая и скрытная; потому что без греха нельзя диаволу схватить душу человека. Когда успеет он приманить душу приманкой сласти, тотчас опутывает ее сетями и схватывает. Первым делом его тут бывает завязать ей глаза, т. е. омрачить ум, чтоб она не увидала света и пути и не убежала; и это со всем тщанием делает он до

тех пор, пока она, привычкой к сласти и долговременным пребыванием во грехе, совсем не предастся в волю его и не сделается во всем ему подручною и возлюбленною рабою. После сего она и сама не захочет уже бежать от этого господина своего, к которому привыкла и который так утешает ее и насыщает всякими сластями, пока совсем не растлит ее этими нечистыми и зловонными яствами своими. Когда же увидит он, что она совсем растлилась, тогда направляет ее на всякого рода непотребства, грехи и злодеяния. Но птицелов не может стянуть птицы с воздуха на свою приманку; а диавол, если найдет душу обнаженною благодати Божией, может подвигнуть стремления и пожелания души на сласть и склонить ее на свою волю. Почему и сказал я, что искушения диавола бывают двух родов: первое – приманка сластью, какую полагает он пред помыслом; а другое – раздражение похотей, коим понуждает он душу воспохотствовать сластей, и склоняет ее на свою волю.

Душа, которая подчинится таким образом и столь много диаволу, не может ничего более для себя делать, как только, познав, в какую ниспала глубину зол и как воля ее связана чужими узами, вопиять, как из чрева адова, и призывать Бога, сходившего в преисподняя земли, прийти к ней и освободить ее. Это одно может она делать; но разрешить себя от уз и убежать не может, как не может убежать тот, кто закован в железные кандалы и содержится в темнице под крепкими запорами. Может, говорю, она призывать имя Иисуса Хри-

ста, да послет Он ей помощь; и когда укрепится таким образом через призывание Иисуса Христа (ибо Он есть единственный освободитель душ наших) и восчувствует, что получила помощь от Бога, тогда может и убежать из-под ига диаволова и из уз греха. Но, убегая от диавола, ей следует прибегнуть к какому-либо економу благодати, т. е. к духовному отцу, чтоб лукавый диавол не нашел ее опять неохраняемою и не похитил. Этим отцом духовным она будет обучаема и упражняема в том, что ей потребно думать, пока, наконец, она сделается способною носить всеоружие Божие, т. е. Божественную благодать, и с нею противостоять всем козням диавола, всем этим началам, властям, миродержителям тьмы века сего, духам злобы. Ибо душа, соединенная с плотию, не может одна, голая, противоборствовать таким сильным и столь многим врагам, если не будет облечена во всеоружие Божие, как и воин, даже самый мужественный, не может без оружия противостоять врагам, нападающим с копьями, мечами и щитами, и если выступит против них, тотчас будет поражен насмерть.

6. Как тело человека, сложенное из разных частей, сочетавает душа и не дает ему рассыпаться, когда же выйдет душа из тела, оно разлагается и истлевает, потому что тогда разрешаются все связи его, и то, что было прежде смерти соединено и сгармонировано, является разъединенным и разложенным; подобное сему бывает и с душою, когда удалится из нее Божественная благодать (которая есть душа души нашей и

до преступления Адамова была соединена с нею, как душа соединена с телом, и содержала ее в единости и гармонии помышлений, которые по преступлении рассеялись по бесчисленным направлениям), – Божественная, говорю, благодать Святого Духа, которую опять подает Святое Крещение приемлющим, по уверовании и оглашении, сие Божественное таинство, – чего не знает и понять не может вся внешняя мудрость эллинов. Ибо как всякий человек уверен, что душа есть та сила, которая приводит в гармонию и сочетавает в единое стройное целое разные части тела, так всякому христианину крещеному должно содержать всегда в уме, что не другое что, а только благодать Всесвятого Духа, которую приял он через Святое Крещение и новое рождение, она одна соединяет, сочетавает и сдерживает нерассеянными неисчетные и многообразные движения и помышления души (если это есть в нем).

Это собрание воедино помышлений душевных есть и именуется жизнью души, какую дарует ей Бог. Но как иные забывают и пребывают в беззаботном непомышлении о том, что тело их состоит из многих и разнообразных частей, почему подлежит и недугам многим, и что в союзе и гармонии содержится оно душою, так что, когда бывают здоровы и не чувствуют никакой болезни, величаются тем (как бы это было не дар Божий, а нечто их собственное), так подобному неправомыслию подвергаются и некоторые из тех, кои сподобились приять Божественную благодать, когда, не внимая

себе и не содержа в уме и помышлении сие великое таинство Божественной благодати, ими полученной (и держащей в союзе и гармонии разнообразные помышления и стремления души), склоняются к гордому о себе помышлению. За это разгордение они впадают в *суд диаволь* (1 Тим. 3, 6), обнажаются от Божественной благодати и ниспадают в состояние худшее, нежели в каком были до крещения. И только те из них, которые, уразумев, какое великое потерпели они зло, прольют много горьких слез о том, чтоб опять приять Божественную благодать, после многих трудов и потов сподобляются снова сей великой Божией милости.

Впрочем, надлежит нам и то знать, что Бог, всеблагий и человеколюбивый, не от всех добродетелей обнаженным оставил человеческое естество по падении; почему и среди самых неверных народов проявляются некоторые естественные добрые качества, и иные являют кротость, другие сердоболие, те любовь, а эти другие какие-либо душевные доброты. Сделал это всеблагой Бог для того, чтоб человеческое естество не всякого лишено было пособия, но чтоб в этом имеемом находило помощь к стяжанию и того, чего в нем недостает. Однако ж никак не возможно, чтоб некрещеный достиг когда-либо совершенства добродетелей.

Итак, поелику некоторые христиане забывают о таинстве благодати Всесвятого Духа, полученной ими во Святом Крещении, имеют, впрочем, как мы сказали, некоторые естественные добродетели в помощь и пособие недугующему

естеству, но не помня о полученной ими благодати, не стараются с помощью сей Божественной благодати Всесвятого Духа стяжать и прочие добродетели, которых не имеют, а довольствуются одними от естества получаемыми добродетелями, гордятся ими и презирают тех, которые их не имеют, не обращая внимания на те, которые те имеют и которых они сами не имеют; то благоутробный и человеколюбивый Бог не дает таковым горделивым благодати на стяжание и прочих добродетелей, да не впадут в суд диаволь. Ибо если они не возымеют добродетелей, то осудятся, как недобродетельные; а если стяжут их благодатию Всесвятого Духа и возгордятся, яко самодобродетельные, и хвалиться ими станут, как бы не свыше от Бога получили их, а имели их (если и предположим, то возымели) от своих трудов и усилий, то осуждены будут вместе с диаволом. Почему всякий добродетельный христианин, яко сокрушенный и смиренный, так да верует, что благодать Всесвятого Духа живет в нем и совершает все добродетели, а не он сам. Таковой воистину есть и праведно именуется духовным человеком, поколику вседействует в нем Дух Святой, о Христе Иисусе Господе нашем, Коему слава и держава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово пятнадцатое

1. Есть семь классов лиц, для которых потребна молитва Церкви о спасении их.

2. Те, которые молятся Богу, а между тем сами не знают, о чем просят, не бывают услышаны.

3. Всуе трудятся те, которые не молятся в духе.

1. Есть семь классов лиц, о спасении коих потребна молитва Церкви: погибшие, плененные, заблуждшие, уязвленные, падающие, восставшие, шествующие. Есть еще и восьмой класс – совершенные, которые, задняя забывая, все в предняя простираются. Каждый из этих восьми классов имеет нужду в особой молитве Церкви Божией о спасении его: *погибшие* имеют нужду в молитве о том, чтобы их взыскал и обрел вездесущий Бог, для Которого явны и ад, и пагуба; *плененные,* т. е. порабощенные (страстям и диаволу), – чтоб их освободил Божественною благодатию Своею Тот, Кто все содержит и над всем господствует, потому что такого рода порабощенник не может освободиться сам собою; *заблуждшие* – чтобы просветила их Божественная благодать и направила на путь истины, как учит и псалом: *настави мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истине Твоей* (Пс. 85, 11); *уязвленные,* т. е. сокрушенные, – чтобы их уврачевал и поднял с одра Господь, потому что ни один из уязвленных не может

исцелиться и стать на ноги собственною своею силою; *падающие,* т. е. те, которые впадают в грехи, – да укрепит их великомощная десница Всевышнего Бога, чтоб они не падали; *восставшие,* т. е. те, которые перестали грешить, – да утвердит их Божественная благодать, чтоб они не низвергались более в ров сей; *шествующие,* т. е. те, которые подвизаются в добродетели, – да шествуют без преткновений, и Ангел Господень да устраняет камни и препятствия с долгой и тесной стези добродетелей, чтоб им не подвергаться более по причине их крайним бедам и опасностям; восьмой же класс, то есть *совершенные,* – чтоб не гордились и не думали о себе, что они лучше других, но скорбели и сокрушались, чувствуя, что они ниже всех, и сознавая, сколь многого еще недостает им до той истинной высоты, которая выше всего. Дело совершенных, как говорит апостол, есть – *к намеренному тещи к почести вышняго звания:* ибо сказав сие, он присовокупил: *елицы совершенни, сие да мудрствуим* (Флп. 3, 14, 15).

2. Итак, сам ли кто восхощет, по любви Божией, или упрошен будет другими помолиться о каком-либо из показанных восьми классов, пусть позаботится сделать молитву свою сообразною с каждым из них, чтоб не потрудиться понапрасну, испрашивая того, что не сообразно с тем или другим. Ибо в таком случае как можно, чтоб услышал его Бог? – Один из отцов Церкви нашей так поучает настоятеля (обители)[2]: не неради молить Бога о тех, кои крайне нерадивы, но проси

[2] Лествичник в Слове к пастырю.

Его не о том, чтоб Он помиловал их, потому что это невозможно, пока сами они сидят в бездействии и с места не двигаются, – а о том проси, чтоб Он просветил их, пробудил от усыпления и сделал рачительными.

Кто станет кормить грубою и тяжелою пищею дитя, еще отдоеваемое грудьми, тот не оживлять его будет, а расстраивать его жизнь и убивать. Равным образом кто стал бы отдоевать мужа совершенна, был бы бессмыслен и бессмысленного отдоевал бы. Так и здесь всему свой чин и свое время. Ибо Бог есть Бог порядка и мира. Правда, что большей частью не имеют ведения о сказанных восьми классах людей; но всячески необходимо, чтобы тот, кто молится, просил у Бога того, что потребно тому, о ком он молится. Так и Христос Спаситель молился ко Отцу Своему, говоря: *не якоже Аз хощу, но якоже Ты.*

Если кто молится о себе самом и просит, например, об избавлении от тления и смерти, пусть послушает наперед и разузнает, что такое есть тление и что жизнь, и тогда уже просит Бога об освобождении от тления и смерти, имеет ли он дерзновение к Богу или не имеет. Ибо кто испрашивает что-либо, тот должен знать, что испрашивает, и ясно то представлять, чтоб, когда получит, возблагодарить Подателя и всегда пребыть Ему благодарным. Если же кто, молясь, сам не знает, чего испрашивает, то как узнает он, что получил просимое, и, следовательно, как станет благодарить Бога, Который подал ему то? А не возблагодарив, повинен бу-

дет осуждению, как неблагодарный. Кто говорит: освободи меня, явно находится в плену и состоит в рабстве; также кто говорит: избавь меня, конечно, сидит в темнице и заключен в узы. Но если те, которые говорят такие слова, говорят их так себе, просто как попало, по обычаю (потому холодно и безучастно), не сознавая беды, в какой находятся, и не чувствуя тесноты, рабства, темницы и уз, то кто их станет слушать? Равным образом и те, которые день и ночь взывают к Богу: Господи, спаси мя! Господи, избави мя! Господи, изми мя! но не знают беды, в которой находятся, не чувствуют ни горечи рабства, ни мрачности темницы, ни тяготы уз, даже не сознают, что попали в крайнюю беду, несут иго рабства, заключены в темницу, закованы в железа, – таковые никогда не были, не бывают и не будут услышаны от Бога.

Посему необходимо нам наперед послушать обо всем этом, поучиться тому и познать то от тех, которые знают то, и потом уже молиться о том Богу. Если неудобно найти таких знающих вблизи, поищем их со тщанием вдали; если же и в других местах не видно будет таковых, обратимся с молитвою к Богу, чтоб Он Сам невидимо показал нам и беду, и плен, и рабство, и узы, в каких находимся; и когда познаем, сколь великое во всем этом зло, тогда начнем и вопиять к Нему со слезами, гласом велиим, чтоб сжалился над нами и явил милость Свою к нам, не достойным никакой милости, и спас нас, освободил и избавил. И невозможно, чтобы Бог помиловал нас другим способом или путем. Ибо и человек,

имеющий возможность оказывать милость, не может оказать ее единородному с собою человеку, если не знает, что ему потребно и чего он ищет. Бог, конечно, все может, но не может Он солгать, ни отрещися Себя Самого; почему не может помиловать того, кто не кается, ни дать тому, кто не просит, ни поруководить к обретению того, кто не ищет, ни отверзть двери милосердия тому, кто не ударяет в них; равно не может Он дать и тому, кто хотя и просит, но зле просит, ни помиловать того, кто сам не милует другого, хотя и вопиет он: Господи, помилуй мя. Ибо Бог сколько всемогущ, столько и праведен; могущество Его с правдою и милость с весом и мерою. Итак, необходимо, чтобы человек наверное познал, что может Бог сделать для него, и тогда испрашивал то у него, да получит.

(И то еще надлежит иметь в рассуждении, что если дать что-либо человеку не вовремя, то такой дар не в пользу будет, а во вред.) Но если плотской отец не может дать чаду своему смертоносной снеди, просимой им, тем паче не дает чего-либо такого человеку Бог, Который говорит: *еда забудет жена отроча свое?.. Аще же и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе* (Ис. 49, 15), и опять: *вопросите Мене о сынех Моих и дщерех Моих* (Ис. 45, 11). Итак, поелику Он считает людей сынами Своими и дщерями, то как возможно, чтоб Он подал им что-либо смертоносное, хотя бы они сами испрашивали себе того у Него долгое время, с воздыханиями и слезами? Бог подаст христианину, если просит, следу-

ющие великие и высокие дарования, коих сам собою никто стяжать не может, именно: сердце сокрушенное и смиренное, трезвенное и целомудренное, покаянное и плачущее, – подаст ему память о смерти и будущем суде, мудрость и разум – понимать Божественные Писания, смысл боятися Бога, силу молиться со страхом, благоговением и благодарением, – подаст непорочность, кротость, терпение и благодушие. Кто получит все сказанное, тот возымеет и освящение и здравие души своей; а здравие души есть: не жаждать никакого греха и ничего из того, чего жаждет мир, т. е. ни денег, ни сласти плотской, ни славы и чести человеческой. И Бог не может уврачевать кого-либо и даровать ему здравие, прежде чем получит он и возымеет показанные выше дарования (ибо это было бы не вовремя). Если б и оздоровел кто душою прежде получения тех дарований, то у него нельзя отрицать возможности воззреть на славу человеческую (несмотря на его уверенность, будто здрав есть и не подвержен душевной болезни) и впасть в сеть диавола, то есть в гордость. *И будут последняя человеку тому горша первых* (Мф. 12, 45). Ибо гордость есть из всех грехов самый большой грех, так как от нее уже пошли все другие и она стала началом и причиной всех грехов, как говорит Писание: *начало греха гордыня* (Сир. 10, 15).

3. Господь сказал самаряныне: *жено, веру Ми ими, яко… грядет час, и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною. Дух есть Бог: и иже кланя-*

ется Ему, духом и истиною достоит кланятися (Ин. 4, 21, 23, 24). И апостол говорит: *Бог не в рукотворенных храмех живет, ни от рук человеческих угождения приемлет, требуя что* (Деян. 17, 24, 25). Бог не имеет ни в чем недостатка и нужды. Он преисполнен всякого блага; и не только люди, но и самые Ангелы от полноты Божией приемлют, и все они имеют нужду в неоскудевающем и преисполненном всего Боге, Которого и благодарят, воспевают, славят, не сами собою делая это, но благодатию, от полноты Его приемлемой, будучи подвигаемы и укрепляемы на то, чтобы благодарить, воспевать и славить Бога, Владыку и Творца своего. Итак, какие же это суть истинные поклонники? Те, которые не ограничивают своего служения Богу каким-либо местом, но служат и покланяются Ему в духе. Когда Господь говорит, что дух есть Бог, то не другое что сим показывает, как то, что Он бестелесен. Итак, надлежит нам бестелесному Богу приносить служение нашим собственным бестелесным естеством, то есть душою. Ибо бестелесный Бог может благоугождаться только умом и чистой мыслью. Поелику, по слову Господа, пришел уже и ныне есть тот час, когда Богу покланяться надлежит в духе и истине, то возможно ли ныне служить Ему в преподобии и правде иначе как не умом и мыслью? Но знать надо, что ум наш и мысль наша не могут достодолжно покланяться Богу, если не будут прежде очищены силою веры во Христа Спасителя, если прежде Сам Господь не уврачует их, не исцелит и не изведет на свободу, так

что пусть иные люди подвизаются в добрых делах и думают, что все творят во славу Божию, но если ум их не уврачеван Христом, не исцелен, не изведен на свободу таинственно и мысленно, тщетно и бесполезно все, что они ни делают, – и посты, и бдения, и молитвы, и милостыни, и всякое злострадание, и даже совершенная нестяжательность. Они еще не покланялись Богу духом, каковое поклонение и есть единое истинное. А где нет истины, там все прочее ложь и прелесть, неведение Бога и непонимание жизни во Христе. Там жизнь заблудная, где не живут по неложному Христу.

Итак, те, у которых ум еще не исцелен, если хотят поклоняться Богу духом, должны наперед всякий употребить подвиг, чтоб стяжать сие великое благо, т. е. Божественную благодать, благо, для которого и Христос распятие подъял и смерть. И пусть они не отступают от труда, делая со усердием все, что может подвигнуть благоутробие Божие на подаяние такого дара. Ибо это есть избавление, которое послал Бог людям Своим через Иисуса Христа Господа. Это есть великая милость, это есть очищение, это есть разорение средостения великого преграждения. Это есть воскресение души, бывающее прежде общего воскресения тел. Это есть нетление и вечная жизнь, примирение и содружение Бога с человеками. Это есть исправление вселенной, от Бога бывающее, которое не подвижится.

От этого происходит то, что иной, последнейший из всех и раб всем, бывает первым. От этого бывает иной нищ духом,

т. е. смирен, которого есть Царствие Небесное; бывает чист сердцем, который узрит Бога; бывает миротворцем, который наречется сыном Божиим. Вот какое дивное и великое благо должен позаботиться стяжать христианин немешкотным и неутомимым трудом!

За этим же что последует? Последует то, что стяжавший такое дарование, имея ум свой здравым и совершенным, ясно созерцает и *разумеет* все *чудеса от закона* Божия (Пс. 118, 18), так как открылись очи его благодатию Христовою. Таковой совлекается образа человека перстного, т. е. ветхого Адама, и облекается во образ Человека Небесного, т. е. Христа. Ибо как человеком соделался Сын Божий и Бог Слово, и есть Он Богочеловек, то, *как человек,* передает Он человеческую добродетель и человеческое восстановленное естество однородным Себе человекам, именно тем, которые приняли Его, как и Адам передал растленное человеческое естество происходящим от него человекам, так что причастники Иисусовы бывают небесными человеками, как причастники Адамовы – людьми перстными.

И опять, *как Бог,* от Божества Своего передает тем, кои восстановились и исцелились силою Его вочеловечения. Ибо нет возможности, чтоб кто-нибудь приблизился к Святому и Чистому Богу, если прежде не освятится он, не очистится, не сделается добротным благодатию Христовою и, таким образом, не станет богат по благодати. Святые отцы наши и положили такое определение, что никому невозможно спастись

иным образом, если не соделается он богат по благодати во Христе Иисусе, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово шестнадцатое

1. Кто истинный христианин?

2. Христианин, который любит славу, или удовольствия, или деньги, не истинный христианин.

3. Христианам необходимо нести чувствительные лишения и подвиги, чтоб освободиться от сих страстей.

4. Всякое доброе дело надобно делать с той целью, чтобы приять благодать Христову и святость.

5. Молиться со вниманием есть дар Божий.

6. Грешники – враги Богу, от которых Он отвращается.

1. Истинный христианин есть тот, который искренно исповедал пред Богом и Ангелами во время крещения своего, что отрекся диавола и всех сатанинских дел его и дал обет служить Христу Господу, исполняя все святые заповеди Его, и таким образом сподобился таинственно приять благодать Божию сокровенную и ощутить ее в духе, т. е. сознать духом, что приял ее. Как только получит кто благодать, тотчас отвращается от плотских стремлений, начинает ненавидеть мирские похоти и благодатиею Божиею становится неподдействен им и мертв для них; отчего Божественные заповеди Христовы исполняет со всякою радостью и усердием, а к какой-либо сласти плотской, или к стяжаниям, или к чести и

славе не лежит уже у него душа, как бы он находился вне тела и вне мира, как говорит Господь: *от мира несте* (Ин. 15, 19). Будучи же так соединен с благодатию Всесвятого Духа, он радуется всегда и поет: *Аз же возвеселюся о Господе, возрадуюся о Бозе Спасе моем* (Пс. 103, 34; Лк. 1, 47).

2. И другим каким-либо способом никому невозможно сделаться истинным христианином. Эти три – сластолюбие, сребролюбие и славолюбие – порабощают человека диаволу. И христианин, предающийся плотским сластям, уже не Христов есть раб, а раб греха и диавола; также христианин, обладаемый сребролюбием и любящий деньги, уже не христианин, а идолопоклонник, как говорит божественный Павел; равно и тот, кто любит славу человеческую, не христианин есть истинный, а некий изрядный воин диавола. Кто обладаем или каждою из сих страстей, или одною какою из них всецело, тот не имеет общения с Богом – Пресвятою Троицею, Отцом, Сыном и Святым Духом, хотя бы он постился, совершал бдения, спал на голой земле и всякое другое нес злострадание, хотя бы имел всезнание и мудрость. Для сего потребно ему прежде в духе освобождену быть от сих страстей Христом Господом, Который говорит: *аминь, аминь глаголю вам, яко всяк творяй грех, раб есть греха. Раб же не пребывает в дому вовек* (Ин. 8, 34, 35). Дом сей есть Царствие Небесное. Видишь страшное определение Спасителево?! *Аще убо Сын вы свободит, воистину свободни будете,* – присовокупляет к тому Господь (Ин. 8, 36). Итак, когда осво-

божден будет кто от оных трех страстей, тогда да поет, тогда да покланяется, славя Бога, тогда да молитвы деет, как соделавшийся уже истинным христианином и рабом Христовым. Великой сподобляется он милости. Ибо, воистину, кто порабощен трем оным тиранским страстям или хоть одной из них, тот хотя бы и хотел, не может сам освободить себя от них, потому что освобождение сие в руках Иисуса Христа, Сына Божия и Царя, по власти, какую получил Он от Бога Отца Своего через крест и смерть, Им подъятые, как Сам удостоверил Он по воскресении: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мф. 28, 18).

3. Прибегнем же к Освободителю всех, Христу Господу, яко к единому власть держащему, всякие употребляя меры к тому, чтоб сподобиться освобождения от тех трех страстей; станем поститься, молиться, подавать милостыни, чтоб увидел Бог, как искренно желаем мы свободы себе и усердно ищем ее, делая такие дела ради нее, и, увидев то, даровал нам желанную свободу Он, желатель милости. Признак такой свободы есть ненависть к тем страстям – такая, что свободившийся от них гнушается ими как мерзостью, которая отвратительнее для него всякой вещественной мерзости. Итак, доброе дело есть петь, молиться, поститься, совершать бдения, подавать милостыни, держать себя в уничижении, стать нищим любве ради Христовой. Однако же видим многих из братий наших, которые тщетно трудились и трудятся, совершая такие дела. И причина этому явна. Что бы ни делал

кто, делает то для известной цели. Поелику все человеческое естество, по преступлении первой заповеди, стало естеством тленным и смертным и по сей причине слабым и немощным, падким на всякое зло и неразумие, то как возможно, чтоб оно одно, само собою, освободилось от растления в помыслах своих, когда это растление стало в нем некоторым образом естественным? – Но как может оно освободиться? – Если будет поститься, совершать бдения, молиться, поднимать всякий труд и подвиг, раздавать имение свое бедным с тою одною целью, чтоб сподобиться освобождения от оного растления в помыслах силою Господа нашего Иисуса Христа, единого Освободителя, Который затем и в мир пришел, чтобы взять грехи мира. И кто постится, молится, трудится и всякое другое делает добро с той целью, чтоб освободил его Христос, тот всеконечно будет освобожден, и познает Освободителя своего, и возблагодарит Его, смирится и покорится пред непобедимою силою Христа Господа. А кто не жительствует жительством по Христе с такой целью, тот тщетно протрудится и перейдет в другую жизнь бедным и несчастным христианином.

Надобно вам и то знать, что весь подвиг диавола и демонов его и все козни, какие строят они всякому христианину, обращены на то, чтоб сеять между христианами непонимание сего и неведение о сем, чтоб они не знали показанной цели, но держали в мыслях, что могут спастись сами, посредством тех добрых дел, какие делают. Демоны нередко даже

содействуют и молитвам, и милостыням, и постам, и бдениям, и всяким другим добрым делам, чтобы делающие их делали без означенной нами цели, держа, однако ж, в мысли, что делают настоящее добро, и через то оставались не уврачеванными от Христа. Ибо неотложен тот закон Христов, что Сам Христос не может уврачевать того, кто не познал своей болезни, не знает врача и не ищет его.

4. Итак, доброе есть дело, как мы сказали, пост, милостыня и прочее; хорошо и скорбеть о грехах как своих собственных, так и братий своих, также плакать с плачущими и радоваться с радующимися; но все эти добрые дела, достохвальные и дивные, ни к чему не служат и пропадают даром, если тот, кто делает их, не соделается причастным святости Божией, ибо все добрые дела для этой цели должны быть делаемы, как говорит апостол о тех, которые сподобляются быть наказываемы Богом, как сыны, что Бог наказует их *на пользу, да причастятся святыни Его* (Евр. 12, 10). Если же кто не причастен святыни Божией, то тщетен труд его, тщетна и вера его, особенно когда возможности нет творить сии добрые дела достодолжно, по закону и заповеди Божией, без помощи Иисуса Христа, Бога нашего; а тот, кто незаконно подвизается, не венчается, как определяют Божественные законы. Закон же есть, чтоб дела эти делаемы были втайне, со всяким охранением и блюдением, пред лицом единого Бога, так чтоб и левая рука не знала того, что делает правая.

Что же это правое и что левое? Слушай. Правое есть, ко-

гда христианин исполняет то, что заповедал Христос в следующих словах: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должни бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10). Но возможно ли, чтоб нашелся когда-нибудь кто такой, который сотворил бы все, что должен был сотворить? Пусть и сотворил кто или все, что должен был сотворить, или часть того, кто мог когда-либо творить то один сам собою, своею собственною силою, не будучи наперед подкреплен таинственно Божественною силою Христовою? Кто делает какое-либо добро без Христа, увы ему и делу его! А левое есть, когда кто, делая то, что должен делать, думает, что достоин за то у Бога всякой чести. Такой никогда не причастится святыни Божией даже после таких подвигов и таких потов, и горе ему после смерти!

Какие же есть признаки, которые показывали бы, что получил кто благодать Божию? Когда кто безгневен, не осквернен плотскими сластями, тих и кроток, имеет смирение вместе с незлобием и состраданием, с любовию к ближним чистою и нелицемерною и верою в Бога несомненною и твердою, так чтоб о нем можно было сказать: *верова Богови и вменися ему в правду* (Рим. 4, 3). И кто не имеет таких признаков благодати Христовой, тот без сомнения все дела свои делает, да славим будет человеками. Пусть говорит он, что не ищет славы человеческой, но, будто и нехотя, он бывает падок на нее. Ибо где нет Христа, там демоны, а где демоны, там правые помыслы извращаются и растлеваются. Как во

время ночи летают нетопыри, пищу себе ища, так и демоны вместе с перваком своим, начальником тьмы, диаволом, во время настоящей жизни, растленной и омраченной, рыщут и по земле, и по воздуху, и по всем местам, сущим под небесами, в одно мгновение переносясь с места на место; ибо демоны по естеству суть мысленные твари. Это всякий может понять, судя по тому, как действует собственный наш человеческий ум, который, когда видел что однажды, – будь то и далеко и раскинуто на большом пространстве, – обегает то мысленно в одно мгновение, при всем том, что связан плотью. Вот почему невозможно бывает истинному христианину возводить ум свой к Богу, размышлять о Божественном, беседовать с Господом Всеблагим и посредством такой святой памяти и умной молитвы принимать от Бога просвещение и облистание, если он не запечатлен благодатию Святого Духа. Как только увидит диавол, что ум (дух) христианина не имеет печати благодати Божией и наг от нее, а между тем желает прейти мысленно воздух и востечь ко Всевышнему Богу, чтоб беседовать с Ним посредством молитвы и молить Его о грехах своих, – без страха становится против него на дороге, по которой он восходит, и как бы так говорит ему: «Куда это ты идешь, несчастный? Как смеешь проходить по местам, в моей власти находящимся? Я властитель тьмы, я получил имя миродержителя и состою главою тех, которые умствуют о мирском и мудрствуют по-мирски. Я князь растленного мира сего, воздушный царь, сатана. Ты не вышел

еще из-под моей власти, еще не переставил тебя Христос из *области сатанины к Богу* (Деян. 26, 18). Почему, как мой подданный, ты должен помышлять о моем и искать моего. Мое же вот что: плотская похоть, неправда, злоба. Я прежде все это тебе показывал и доказывал, как это хорошо; и ты видел, что так есть, вкусил, испытал и усладился. А теперь куда идешь? Куда тебе взойти на небо? Оставайся здесь – долу, в мирских нечистотах и грехах». Посему-то и написано: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3).

5. Можно положить, что христианин не должен молиться и славословить Бога, если ум его наперед не запечатлеется и не освятится Божественною благодатию, чтоб не оказаться ему внешно предстоящим Богу, мысленно же творящим дела диавола, как слуге его, по каковой причине он делается паче нечистым и за каковое дело паче насиловать начинает его враг, наводя его на многое зло то посредством гнева, то посредством похоти плотской, на кои устремляется он с большею неудержимостью. Если кто, войдя во врачебницу, чтоб получить уврачевание, по своему неразумию худшими и опаснейшими делает там раны свои, то, конечно, гораздо лучше бы совсем не входить ему в нее. Но опять, как же тебе оставаться без молитвы?! Тесно от обоюю. Восприими же тщание, возьми на себя подвиг наперед исправить и уврачевать ум свой, чтоб не быть в опасности ниспадать в худшее, если будешь петь, славословить Бога и молиться, не ис-

правившись и не уврачевавшись наперед. Ибо невозможно, чтобы нечистый ум предстоял Богу, хотя и видно, что иной предстоит Ему телом и молится устами. Да и вообще никакой нет возможности истинно славословить Бога самому от себя, но благодать Христова, вселяющаяся в нас, она славословит и песнословит Бога, и молится в нас.

Люди, когда ведут между собою беседу, знают, о чем идет речь: и те, которые говорят, знают что говорят, и те, которые слушают, понимают что слышат. И было бы явное неразумие не иметь должного внимания, когда беседует кто с другим. Но если, предстоя пред Богом, беседуя к Нему и молясь, не внимаем тому, что говорим, то какую можем мы питать надежду спасения, даже и тогда, когда кто долгое время проводит в молитве своей и славословит Бога днем и ночью с таким неразумным невниманием, и думает, что молится и славословит Бога как должно? Ибо хоть такое надлежит нам оказывать внимание, когда беседуем с Богом, какое имеем, когда ведем речь с людьми о делах мирских и суетных. Из сказанного всякий понять может, что значит, что диавол мысленно кружит ум человека, страдающего этой нелегкой болезнью. Почему и надлежит таковому прежде всего всякое тщание привнесть о душе своей, стараясь доставить ей духовное врачевство и исцеление, чтоб Иисус Христос, единый Врач душ и телес, увидев такое его тщание и труд, уврачевал столь великую его немощь. И если не сделает он так, то тщетно и бесполезно поет он псалмы и прочитывает молитвы к

Богу. Посему, кто молится невнимательно, пусть восстенает и восплачет, что так делает, и исправится, и думать забыв, что когда-нибудь маливался. Если же не восплачет и не восскорбит он о своей невнимательности, то какая ему надежда спасения?

6. Слово Писания говорит: *не красна похвала во устех грешника* (Сир. 15, 9). И говорит это оно не о безбожниках и неверах (ибо как невер станет молиться Богу, Которого не знает?), а о том, кто знает Бога и верует в Него, только нечестив есть по причине злых дел своих и враг Богу по причине грехов. Как хороший, благообразный и красивый предмет привлекает очи людей посмотреть на него, а предмет безобразный и отвратительный заставляет обращать глаза в другую сторону, чтоб не видеть его, так и похвала, славословие и молитва грешника заставляют Бога отвращать очи Свои от него, чтоб не видеть его, потому что он устами только молится, а умом и сердцем беседует с предметами грехов своих и страстей, кои как прежде господствовали над ним, так и теперь крепко держат его в руках своих. Ибо невозможно, чтоб, творя молитвы к Богу, не помышлял кто о неуместном и срамном, если не содружился он прежде с Богом посредством покаяния и исповеди. Содружение же Бога с душою есть сокровенное посещение ее Богом. И признаком того, что благодать Божия посетила душу, служит то, если она молится со страхом и благоговением, стоит на молитве благочинно и великое имеет внимание к тому, о чем молится. Ибо

никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым (1 Кор. 12, 3). Почему те, которые не молятся таким образом, еще далеки от Бога, будь они иереи и духовники, будь учители народа и посредники его пред Богом. Если солнце, будучи тепло, естественно согревает того, кто сидит под лучами его, то как бы Богу, Который Свят есть, не освящать тех, которые беседуют с Ним посредством молитвы? И, однако ж, не бывает так, и отчего? Оттого, что те, которые сидят на солнце, знают, что за тем и сели, чтоб согреться, почему и приноравливают себя так, чтобы почувствовать теплоту его; а те, которые молятся без внимания, сами не знают, о чем молятся и чего просят, т. е. стоят к Богу не как следует; почему Бог и не дает им ничего и не даст, хоть бы они сто лет молились таким образом.

Итак, поелику тщетно трудятся те, которые поют и молитвы творят, не быв наперед освящены благодатию Божиею; то надлежит им пойти к учителям благоговейным и духовникам опытным и научиться от них, как надо молиться и чего просить должно в молитвах. Если же не захотят поучаться тому и не научатся, то будь они мудры, будь невежды, кончат жизнь нечистыми и оскверненными. Бог не слушает тех, которые не знают, чего просят. Почему, чтоб и нам не пострадать так же и не остаться навеки нечистыми, позаботимся от сего часа научиться, как должно молиться и чего испрашивать у Бога, чтоб молитва наша была благоприемлема Богом, во Христе Иисусе Господе нашем, Коему слава, честь и по-

клонение вовеки. Аминь.

Слово семнадцатое

1. Какое бы ни сделал человек добро, ему же самому бывает от того благо.

2. Как узнать, принял ли Бог наш пост, молитвы и милостыню?

3. Как должно петь и молиться?

4. Освящение и свобода даются душе посредством веры.

5. Душою псалмопения должно быть смиренномудрие.

6. Чем погашается благодать Божия?

1. Брате! Когда слышишь, что святые отцы говорят нам, чтоб мы постились, или подавали милостыню, или другое какое делали добро для Бога, держи в мысли, что так говорят они по снисхождению к нашей немощи, ибо Бог никакой не имеет нужды в каком-либо нашем добре, яко вседовольный и ни в чем не скудный. Какие бы добрые дела ни делали мы в настоящей жизни, все они обращаются нам же во благо, а Богу они ничего не дают и Он никакой в них не имеет нужды. Кто постится, злостраждет, совершает бдения, подает милостыни, тот делает все это, чтоб обрести благоволение и милость у Бога. Ибо если на поприще настоящей жизни, мрачном и полном греха, не станем мы произвольно утеснять себя постами, бдениями и другими злостраданиями и не ста-

нем оказывать милостивости к другим людям, то и Бог не захочет помиловать нас и простить нам грехи наши. Кто сам немилостив к другим, как может ожидать себе милости от праведного Бога? Кто, творя грехи, не сокрушается о них и, Бога не боясь, не кается в них, не утесняет себя за них постом и бдениями и не молит о них Бога, тот не жди прощения от милостивого и благоутробного Судии Бога. Итак, не думай никто, будто творит какое-либо добро для Бога, но – для собственного своего спасения.

Кто так умствует и такое держит убеждение, что добрые дела творит для своего спасения, тот никак не будет делать какое-либо добро напоказ людям, но все будет делать, да видим будет единым Богом, ведающим сокровенности сердца. Христианин, подвизающийся в добрых делах, если не держит в мыслях своих, что этим не имеет он намерения одолжить чем-либо Бога, то губит труд свой. Как солнце никакой не имеет нужды в человеке и не требует от него какого-либо себе услужения или одолжения, но паче само всем вообще людям служит и всех их одолжает тем, что свет разливает по лицу земли, согревает плоды и способствует к созреванию их, поддерживает жизнь людей и всего рождаемого на земле, между тем как никто никогда не говорил, не может теперь и не возможет когда-нибудь сказать, что он услужил или услуживает чем-либо солнцу; таким же образом и Бог не хочет никакого услужения и нужды не имеет, чтоб кто-нибудь услуживал Ему. И пока кто думает, что услуживает чем-либо

Богу, до тех пор знай, что не положил еще он начала вступлению своему на путь спасения. Таковой, пусть он постится, ночи проводит без сна и несет другие лишения, пусть пост и молитвы деет, пусть творит милостыни и другие добрые дела, пусть проповедует слово Божие и учит истине, никогда не будет иметь части с Богом. Ибо кто делает такие добрые дела, тот должен делать их для того, чтобы обрести милость у Бога, а не для того, чтобы услужить Богу. *Вси бо,* – как говорит божественный Павел, – *согрешиша и лишени суть славы Божия, оправдаеми туне благодатию Его* (Рим. 3, 23, 24), когда, конечно, взыскивают и молиться начинают, да обретут милость и да отверзется им дверь благоутробия Божия для получения помилования о Христе Иисусе Господе. Ибо и при этом все же совершенно необходимо просить, искать, толкать, так что кто не просит, не ищет, не толкает, тот, по определению Вседержителя Христа, не обретет и не получит милости Божией, и не отверзется ему дверь благоутробия Божия. Имеяй уши слышати, да слышит!

2. Итак, кто совершает посты, молитвы и милостыни (ибо при посредстве этих трех содевается у христиан спасение), пусть не смотрит на дни своего пощения, ни на труд бдения и молитвы, ни на количество милостыни, не смотрит т. е. на то, как много раздал на милостыню, или как долго не спал и стоял на молитве, или сколько дней пропостился, а о том одном помышляет, принято ли все сие Богом. Если принято, то будет послана ему и Божественная благодать; а когда по-

лучит благодать Божию, то найдет себя сокрушенным, смиренным, себе внимающим, умиленным и кающимся о всех худых делах, какие наделал прежде. И тогда – посредством такого устроения внутри познает он, как велика немощь его и как непотребны и срамны грехи его, сознавая, что одним неразумным животным они свойственны, душе же разумной непристойны и далеки от человека, имеющего ведение. Такова первая благодать и первое просвещение, подаемое душе от Бога! Пришедши в такое чувство и познавши, что таковы именно грехи ее, душа начинает ненавидеть их и отвращаться от них как от вещей, достойных всякой ненависти и отвращения. И се настоящий путь спасения! А кто не знает себя и не чувствует, в каком бедном находится он состоянии (и не ищет того), у того попусту пропадут посты и милостыни, какие совершает. Ибо жертва, Богу приятная, есть только дух сокрушен, и только за такую жертву подается отпущение грехов, как для такой жертвы бывают и пост, и молитва, и милостыня. Вот таинство христианской жизни, и вот как должен поступать всякий христианин! Посты, молитвы, милостыни, произвольная нищета, спание на голой земле и все другое, что ни делает человек, должен он делать для того, чтобы содружиться с Богом. Если же все такое не ведет его к сему содружению, то какая от того польза?

3. Душа, с Богом содружившаяся, бывает кротка и смиренна, и когда молится, помышляет, что стоит пред лицом Бога, и не позволяет себе блуждать туда и сюда; так что душа,

которая не в таком находится состоянии, еще не содружалась с Богом, еще находится под властью диавола, хотя поет и молитвы деет. Итак, надлежит, чтобы душа, при молитвах и псалмах паче и прежде всего искала содружения с Богом. Если же она не содружена с Богом и не ищет такого содружения, то другим каким-либо способом спасения себе чаять не может. Те, которые поют псалмы и молитвы деют, а с Богом не содружены (и не ищут того, и не для того поют и молятся), находятся в самопрельщении и тщетно на воздух вопиют, подвигая Бога на негодование и гнев. Ибо таковые, молясь устами Богу, умом помышляют о том, что принадлежит к области врага Его, диавола, и Бог за это отвращает от них лицо Свое.

4. Итак, освящения души и ее избавления не дают посты, молитвы и милостыни одни сами по себе, но прежде сих добродетелей подает их вера в Бога, когда кто уверует, что освятить его и избавить может только Христос Господь. Видимое свидетельство сего и действие имеем мы в Таинстве Пречистого Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа Вседержителя, Который повелевает *сущим во узах: изыдите, и сущим во тме: открыйтеся* (Ис. 49, 9). Пречистые Таины сии соединяются с душою и телом причащающегося достодолжно, и сочетавают, и содружают его с Богом. Когда же кто содружится таким образом с Богом посредством веры и Святых Таин, то возможно ли ему более оставаться рабом диавола и нечистым? Возможно ли, чтобы продолжал грешить

таковой, пока помнит он такие великие благодеяния ему Божии и к Богу прилепляется? Грех бывает по лишении Божией благодати и освящения. Лишение сие причиняется гордостью; гордость происходит от забвения Бога; забвение Бога – от небрежения об освящении, которое даровал Бог, и об угождении Богу, Подателю его. Забудет кто Бога, Который освятил его, перестанет помнить, Кто есть освятивший его и хранящий в нем сие освящение, и впадет в самомнение, будто все то у него есть от него самого. За это отходит от него Божия благодать; тут подходит враг с искушением, увлекает, и вот грех, а за грехом и пагуба. Все от того, что забыл Бога, перестал благодарить Его и смиряться пред Ним. А это коль великое есть нечестие и коль великая неправость! Упал кто-нибудь в море. Если другой кто избавит его от беды сей и выйдет он из глубины морской живым, будто из мертвых воскреснет, то какое благодарение будет он иметь к своему избавителю и какое пред ним смирение! То же и здесь. И кто таков, того Бог никогда не оставит, как говорит пророк Давид: *во смирении нашем помяну ны Господь* (Пс. 135, 23).

5. Душою псалмопения должно быть то, чтобы поющий смиренномудрствовал и все то делал, что ведет к смиренномудрию. Но что есть смиренномудрие? То, чтобы познать и сознать свою человеческую немощь.

Но чтобы познал и сознал кто человеческую немощь, сие бывает не иначе, как от просвещения, свыше Христом Господом посылаемого тем, которые веруют в Него. И другим

каким-либо способом познать самого себя и сознать свою немощь нет никакой возможности. Почему святые отцы говорят, что кто не крещен, тот и не просвещен. Как око ничего не может видеть без света, так и душа не может увидеть свою немощь, если не будет таинственно просвещена Христом. А как совершается такое просвещение? В неверных, как мы сказали, верою во Христа Спасителя и Божественным Крещением; а в уверовавших, которые, ослепнув после Святого Крещения, не видят своей немощи и оттого гордятся и беззаконнуют, ибо Давид святой говорит: *гордии законопреступоваху до зела* (Пс. 118, 51), а в других местах говорится: *Господь гордым противится* (Иак. 4, 6); *начало греха гордыня* (Сир. 10, 15); *начало гордыни человеку отступление от Господа* (Сир. 10, 14), – в таковых просвещение души совершается возобновлением таинства веры во Христа, т. е. приведением на память всех необходимых членов веры и оживлением веры в них (ибо если б они сохранили первую веру, то не ослепли бы). Когда обновят они, таким образом, в памяти все члены веры, станут содержать их в мысли с живою в них верою, то всеконечно и просветятся, увидят бедственность своего положения и суд Божий сознают, а от сего, видя, сколь срамны и злы дела, которые они наделали, и сознав, каких безмерных мучений они достойны, покаются от всей души своей и от всего сердца своего. (Срамные дела суть все сласти и похоти плотские, а злые суть любоимание, неправда, коварство.) Поелику же всякий кающийся смиря-

ется, то ради сего Бог дает благодать Свою ему, яко смиренному, чтоб ненавидел и похотные, и злые дела и всегда помнил немощь свою, и, помня ее, сострадал подобострастным себе человекам и был снисходителен к немощам их, никого не осуждая во грехах их, чтоб был кроток и терпелив и обретал покой в душе своей. Дошедши до сего, начнет уже он петь Господу песнь нову, хвалу Богу нашему, т. е. начнет приносить благодарение Богу от чистого и сокрушенного сердца, потому что чистое сердце и есть сердце сокрушенное и смиренное. А всякое другое псалмопение, кроме такого, тщетно есть и бесполезно. Тому, кто не таким образом поет, невозможно беседовать с Богом посредством молитвы, хоть бы он трудился над этим много и долго; но устами будет он петь и произносить молитвы, а умом будет помышлять о том, что преогорчает Бога и подвигает Его на гнев. Как чувственные и видимые твари имеют нужду в свете, чтобы быть явными, так и все умные твари имеют нужду в умном свете, чтобы быть умно зримыми и познаваемыми. И как никто из произведших множество изделий не может сказать, что произвел их ночью и без света, так и тот, кто ведет жизнь, Богу угодную, не может сказать, что ведет ее без умного света. Если дерзнет кто сказать это, то явный он лжец и сын диаволь. Таковой никогда не познавал себя и немощи своей и совсем не вступал на путь Божий. Почему и написано: *хваляйся, о Господе да хвалится* (2 Кор. 10, 17).

6. Тебе же, брате мой, свыше просвещаемому Христом,

подобает внимать себе, чтоб не забыть когда-либо о немощи своей и не подумать, что сущее в тебе просвещение, приходящее в душу твою свыше от Христа, есть твое собственное дело, по тому поводу, что оно сокровенно и ты не видишь, когда и как оно приходит. Знай, что как только возмечтаешь ты, что оно есть собственное твое дело, есть плод твоего ума и твоих усилий, тотчас оно скроется от очей твоих и оставит тебя опять во тьме. Бог невидим и просвещает невидимо, без того, чтоб ты видел то; познается же сие просвещение от действий его, как и Бог невидимый познается от дел Его. Если находишь себя сокрушенным и смиренным, знай, что ты просвещен, и насколько смиряешься, настолько в тебе есть и света; ибо, как сказали богомудрые отцы, преспеяние души есть преспеяние ее в смирении. Степень самопознания и боговедения определяется степенью смирения и кротости. Душа, сподобившаяся Божественного присещения, т. е. Божественного просвещения и тишины, бывает мирна и безмятежна. Погашается же такое просвещение немилосердием, осуждением братии и злопамятством. Ибо кто обрел спасение по благоутробию и милости Божией, тот собственною своею милостью и благоусердием к братиям сохранит сие спасение в себе самом, по слову Христа Спасителя, Который говорит: *имже судом судите, судят вам; и в нюже меру мерите, возмерится вам* (Мф. 7, 2). Посему и прежде получения милости Божией надлежит миловать ближнего, и опять, сподобившись получить сию милость, надо миловать

его. Кто уврачеван и оздравел от великой и неисцелимой болезни душевной, по единому Божию призрению, тот радоваться должен и веселиться, и всею душою и всем помышлением своим благодарить Бога, явившего к нему такую милость и исцелившего его, должен быть кроток и смирен, дивясь явленной ему Богом великой милости, и, преисполнен будучи весь благостью и милосердием, быть всегда к подобострастным себе людям сострадательным и милостивым, никого не презирать, перед всеми вообще быть смиренным, со всякой радостью. Так грешник, силою Христовою избавленный от тяготящих его страстей, должен радоваться и веселиться о спасении Христовом. Если же он, получив такое избавление и исцеление, станет гордиться, то, ведь диавол близ и орудия страстей все еще в нас суть, удалится опять благодать Христова, и диавол, пришедши, возмутит помыслы его и направит его делать телом дела худшие прежних. От таковых деяний да избавит нас Господь наш Иисус Христос, Коему честь и поклонение вовеки. Аминь.

Слово восемнадцатое

1. Вера в семи значениях употребляется.
2. Через веру сподобляется человек благодати Божией.
3. Невозможно без веры угодить Богу.

1. Вера есть, когда верует кто в непостижимого Бога, из не сущих приведшего в бытие небо, землю, море и все видимое и невидимое творение. Такую веру имели все древние пророки и праведники, от Адама до воплощенного Домостроительства Владыки нашего Христа. После же того, как воплотился Христос, вера есть веровать во Отца, и Сына, и Святого Духа, в едино Существо и три Лица, и в великое таинство воплощения Христа, т. е. что Сын и Слово Бога и Отца, не отделившись от Отца, сошел с небес и воплотился от Духа Святого и Марии Приснодевы, и соделался совершенным Человеком, из тела и души разумной, соединенных с Божеством; что в одном и том же лице был Он Бог и Человек, с двумя совершенными естествами – Божеством и Человечеством, соединенными нераздельно и неслиянно; что Он волею пострадал и распялся, и погребен был также волею, и что когда во время смерти отделилась душа Его от тела, Божество не отделялось ни от души Его, ни от тела; что Он в третий день воскрес и через сорок дней вознесся на небеса, яко Человек, и сидит на Престоле Божества Своего

с Плотию Своею, воспеваемый со Отцом и Святым Духом всеми Небесными воинствами; что все сии таинства воплощенного Домостроительства Христова совершены были для того, чтоб верующие в Него опять облеклись в Духа Святого, Которого совлекся первозданный Адам, когда сделался преступником заповеди Божией, а это для того, чтоб, быв усилены благодатию Духа Святого, исполняли они заповеди Божии и побеждали диавола и всех невидимых демонов, ибо без Святого Духа никто не может ни греха избежать, ни исполнять заповедей Божиих, ни отражать власть и силу, какую возымели над нами демоны.

Вера есть еще, чтоб верил кто изреченным в Божественных Писаниях обетованиям благ тем, кои исполняют заповеди Божии, и угрозам вечными муками тем, кои нарушают их. Вера есть еще, чтоб верен кто был всему Божиему, догматы ли то или заповеди, или, лучше сказать, верен был благодати Святого Духа, почему всякий христианин и называется верным. Вера есть еще, чтоб вверил кто себя Самому Богу и от всей души на Него единого возлагал все свое спасение. Вера есть еще, чтоб уверен был кто, что Бог делает все, что благоволит благость Его, и был убежден, что Он делает сие наилучшим образом. Вера есть еще, чтоб уповал кто на великую и непобедимую силу Вседержителя Бога и дерзал о ней, так чтоб повелевал, и горы передвигались бы; до каковой веры весьма немногие достигают, как и написано, что не у всех есть такая вера (2 Фес. 3, 2). Невозможно

спастись никому, кто не имеет непостыждающей и твердой веры во Христа Господа, кто не верит без раздумывания словесам Божиим, кто не имеет любви к Богу и людям, любви, от благой совести бывающей, в силу коей (благой совести) рождаются смирение и милостивость.

2. В силу веры, прежде всякой другой добродетели, приходит благодать Божия, как основание всякой добродетели, и уже помощью благодати Божией всякая добродетель устанавливается в сердца и бывает действенною; так что всякая добродетель, не от благодати Божией бывающая, вменяется у Бога не в настоящую добродетель, потому что такая добродетель не Божия. Бывает, что и демоны наводят на иные видные добродетели, научая людей казаться целомудренными, милостивыми, кроткими и держа их через то в высокоумии и гордости. Приходит же благодать Божия в человека, хотя нечистого и скверного, но имеющего сердце истинно благопризнательное; а истинная благопризнательность есть, чтоб сердцем признавать, что благодать есть благодать. И невозможно, чтоб получивший благодать был как должно благопризнателен и благодарен, если не признает прежде величие благодати, им полученной. Те, которые не сознают, сколь велика благодать, ими полученная, не дорожат ею.

Итак, знать нам надлежит, что благодать Всесвятого Духа приходит в каждого, верующего во Христа, не за добрые дела, какие он делал прежде (если бы приходила за добрые дела, то не была бы благодать, а уплата за дела), но приходит

она от Бога за веру, приходит прежде всяких добрых дел, и уже на ней, как на твердом основании, устрояются добрые дела, которые только помощью благодати и являются совершенными; так что дела, которые бывают без благодати Всесвятого Духа, Бог ни во что не вменяет, как бы их совсем не было. Добро уже не добро, коль скоро оно не добре будет сделано; но невозможно добру быть добре сделану без благодати Христовой. Если бы было это возможно, Бог не пришел бы на землю соделаться человеком, чтоб даровать такую благодать человекам, помощью коей единой всякое добро может быть добре делаемо. И блажен человек, который познал, что помощью благодати Христовой всякое добро может быть добре делаемо; окаянен же тот, кто не познал сего; всуе держит таковой веру Христову.

Вот отчего большая часть людей, когда поют псалмы и молитвы деют, устами только произносят псалмы и молитвы, а ум их ведет беседы с бесами, потому что это они, бесы, веземлют ум его и кружат его в помыслах суетных, мирских, плотских, злопамятных, чтоб добро, молитва и псалмопение не были делаемы добре, т. е. надлежащим, Богу угодным образом. Не очевидно ли из сего, что добро не может быть добре делаемо без благодати Христовой? Если же невозможно добру быть добре делаему без благодати Божией, то каким истинным добром может хвалиться человек, якобы оно было его собственное дело? Никаким. Потому-то истинные христиане, яко сознающие, что ничего доброго не имеют в се-

бе от себя, но все от благодати Божией, бывают всегда смиренны и сокрушенны, что и служит признаком истинных христиан. А высокоумие, заносчивость, тщеславие, дерзость, гордость, славолюбие и показное смирение, бывающее славы ради людской, суть признаки не истинных христиан.

3. Так, вера и добрые дела суть две вещи, которые неразрывно связуются между собою. Вера бывает для добрых дел, но добрые дела справляются не для веры, а посредством веры. Без веры никто не может делать истинно добрых дел и угодить Богу, потому что ради веры приходит благодать Господа нашего Иисуса Христа в того, кто уверовал в Него. По мере веры, какую кто являет, подается и благодать. У кого велика вера, тому подается и благодать великая; у кого мала вера, мала и благодать. Но и то надлежит помнить, что вера одна, будь она истинная и православная вера, не принесет никакой пользы тому, кто так верует, без добрых дел. Явлением веры служит сила, исходящая от веры; силы же явлением служит ревностное делание заповедей Божиих и богоугодных дел. Ибо живо-действование (энергия) происходит от силы, коею обладая может кто делать что-либо.

Итак, поелику невозможно угодить Богу без веры (благоугождается же Бог добрыми делами), то явно, что вера дает силу творить добрые и богоугодные дела по воле Божией. Вера же здесь в отношении к тому, что я говорю, разумеется не та только, чтоб веровать во Христа и во все словеса Его, но паче та, чтоб дерзать о Христе и в сердце носить удосто-

верение, что силою Христовою можем и от зла освободиться, и всякую добродетель совершить, как исповедал и святой апостол Павел, говоря: *паче всех потрудихся: не аз же, но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. 15, 10).

Итак, кто не сподобился получить благодать Христову и познать ее умно присущею в душе своей, тот тщетно носит имя христианина, он одинаков с неверными. Он может думать, что избег от всякого зла и проходит всякую добродетель, но поистине лжец есть и притворщик. Пусть и трудится таковой, но тщетен труд его. Пусть раздал он все имение свое бедным, постится, совершает бдения, спит на голой земле, молитвы деет, вопия: Господи, помилуй! Но если он не носит в сердце убеждения, что благодать Божия, за веру подаемая, есть милость Божия, и не сию единую благодать прежде всего другого ищет получить, если у него и в мысли не было, что только ради получения сей благодати раздал он имение свое и всяким подвергает себя лишениям и злостраданиям; если не с тою целью подвизается он, чтоб или получить благодать в первый раз через крещение, или, если имел ее и она отошла по причине греха его, возвратить ее опять через покаяние, исповедь и самоуничиженное житие, а подает милостыни, постится, совершает бдения, молитвы деет и прочее не с этою одною целью и не на сей один конец, но думает, что совершает славные добродетели и ценные сами по себе пред Богом добрые дела, то тщетно он утруждает и измождает себя.

Эта-то, о коей помянул я, цель и есть от начала мира сокровенное таинство христианства, явившееся в последние времена (Кол. 1, 26). Ее разумеет Павел, когда говорит о Боге, что Он *всем человеком хощет спастися и в разум истины приити* (1 Тим. 2, 4). Ибо познание истины не что иное есть, как сия самая благодать. Она есть *истина,* которая *Иисус Христом бысть* по Святому Евангелию (Ин. 1, 17). И невозможно христианину обрести милость у Бога, если не познает сей благодати. Ибо как Христос не мог творить знамений и чудес для неверов, так не может Он никого и из тех помиловать, которые, хотя веруют в Него, но не познали прежде, что благодать Христова, Им и через Него подаемая, она самая и есть милость и спасение. Никому невозможно другим образом спастись, если не получит Божественной благодати, имеющей обожить его или соделать богом по благодати. Расположимся же, братие, и мы на этот один конец делать все дела свои, т. е. чтоб получить и познать Божию благодать и милость о Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава и держава, со безначальным Его Отцом, и Всесвятым Его Духом, во веки веков. Аминь.

Слово девятнадцатое

1. Душа очищается посредством веры и исполнения заповедей Христовых.

2. Облекается она свыше сходящею силою Духа Святого и сподобляется зреть Бога.

3. Желающим получить благо от Бога надлежит с радостью терпеть всякую скорбь, злострадания и искушения, их встречающие.

4. Всякому надлежит рассмотреть себя, достоин ли он внити в Царствие Небесное.

1. Ум, соединившийся с Богом верою, познавший Его деланием добродетелей и сподобившийся зреть Его созерцанием, видит дивные и преславные чудеса. Он весь освещается и становится как свет, хотя не может понять и изречь то, что видит. Ибо сам ум тогда есть свет и видит Свет всяческих, т. е. Бога, и Свет сей, который он видит, есть Жизнь и дает жизнь тому, кто его видит. Ум видит себя совершенно объединенным с сим Светом и трезвенно бодрствует. Сознает он, что свет сей внутри души его, и изумляется; изумляясь же, видит его, как бы он был вдали от него; потом, пришедши в себя, опять находит свет сей внутри; и таким образом, не находит ни слов, ни мыслей, что сказать и что подумать о свете том, им видимом. Кто, слыша сие таинство, не удивит-

ся и, удивляясь, не прибегнет ко Христу? Кто не пожелает и себе узреть сии чудеса Божии? И кто не возлюбит Того, Кто дает нам такие преславные дары без цены?

2. Потщимся же, братие мои возлюбленные, приобрести Христа и узреть, коль дивен Он есть в красоте и сладости Своей, Сам Он говорит: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцом Моим; и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21). А далее прилагает: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидема и обитель у него сотворима* (Ин. 14, 23). Сей любящий Бога и заповеди Его соблюдающий облекается свыше сходящею силою Святого Духа, Который не является чувственно, в виде огня, и не приходит с великим шумом и дыханием бурным (это совершилось только на апостолах – для неверующих), но зрим бывает умно, как умный свет, и приходит с тихостью, принося обрадование, – что есть отсвет первого оного вечного Света и отблеск непрестающего блаженства. Как только воссияет сей свет в духе, тотчас исчезает всякий нечистый помысл, изгоняется всякая страсть душевная и всякая немощь телесная получает уврачевание. Тогда очищаются очи сердца – ум и мысль, и зрят Бога, как написано в Евангелии о блаженствах. Тогда душа, как в зеркале, видит все, даже и малейшие, свои прегрешения и приходит в величайшее смирение; помышляя же о величии оной славы, исполняется всякою радостью и веселием и, дивясь неожиданно увиденному

чуду оному, проливает обильные слезы. Так, наконец, совершенно изменяется весь человек и познает Бога, сам прежде познан бывши от Бога. Одна эта благодать Всесвятого Духа делает то, что человек начинает презирать все земное и небесное, настоящее и будущее, радостное и скорбное. Она делает его другом и сыном Божиим и богом, насколько сие вместимо для человека. О, сколь величественны дарования Божии!

Все почти стыдятся людей немощных и бедных, – царь земной и смотреть на них не хочет, вельможи отвращаются от них, богачи презирают их. Если случится как-нибудь встретить таковых на пути, их обходят, внимания не обращая на них, как на ничтожности, и никто на мысль даже не принимает, чтоб было хорошо войти с ними в сообращение. А Бог Всеблагий оставил сильных, мудрых и богатых мира и избрал немощных, немудрых и бедных по великой и неизреченной благости Своей. И кто доволен к тому, чтоб за одно это достойно возблагодарить Его?! Сей Бог, Коему служат тьмы Ангелов, Который *носит всяческая глаголом силы Своея* (Евр. 1, 3), величия славы Коего никто стерпеть не может, Сей Самый Бог благоволил соделаться и отцом, и братом, и другом таких отверженных, и принять плоть человеческую, чтоб стать подобным нам во всем, кроме греха, и сделать нас причастниками и наследниками Своей Славы и Царства Своего. О, сколь велика и богата благость, сколь неизреченно снисхождение к нам Владыки нашего Бога!

Но чего же ради, братие, мы не прибегаем к сему благоутробному Богу, так много нас возлюбившему? Чего ради не отдаем жизни своей на смерть за любовь Христа и Бога нашего, за нас умершего? Разве не видим, как многие люди, по пристрастию к благам тленным, переносят большие труды, подвергаются великим опасностям, уезжают в далекие места, оставляя жен и детей и всякие житейские утешения, и ничего не ставят выше и краше того, что вожделели, и покоя себе не дают, пока не достигнут цели своей? Но если эти ради временных и тленных благ поднимают такой подвиг и для получения их подвергают опасности и душу свою, и жизнь свою, то не всячески ли подобает нам предать на смерть и души свои, и телеса свои любви ради к Царю царствующих и Господу господствующих, Творцу, Вседержителю и Властителю всех тварей? – Сам Он говорит во Святом Евангелии Своем, что погубивший душу свою, т. е. уготовившийся пожертвовать жизнью Мене ради и ради Евангелия, или мертвою соделавший душу свою к миру и не обретающий ее занятою какой-либо похотью плотскою, таковой спасет ее, а обретающий душу, т. е. жалеющий предать жизнь свою за Меня или находящий душу свою занятою чем-либо грешным, погубит ее.

Так говорит Бог Вездесущий и все содержащий! Куда же убежим мы, братие, от лица Его, или куда уйдем? Взойдем ли на небо, там обретем Его; снидем ли во ад, и там присущ Он; внидем ли во глубины морские, и там не убежим от дер-

жавной руки Его, но Его же десница будет держать и души, и тела наши. Итак, братие, поелику не можем мы противостать Господу, ни убежать от лица Его, приидите, сделаемся лучше рабами того Бога, Который нас ради человек бысть, зрак раба приял и умер по любви к нам. Приидите, подклонимся под крепкую и непобедимую руку Христа, источающего жизнь вечную и бессмертную и пребогато ею исполняющего тех, кои взыскивают ее в Нем, благодатию Всесвятого Духа. Приидите, взыщем Христа, в Коего облеклись было мы во Святом Крещении, но злых ради дел своих опять совлеклись Его. Когда мы крестились, были еще несмысленными младенцами и по возрасту, и по уму и не понимали, коль великое получили освящение; потом же хоть и познали сие, но, увлекаемые юностью, осквернили себя грехами своими, потеряли благодать Святого Крещения и продолжаем каждодневно сквернить и души, и тела свои, преступая заповеди Божии. Возвратим же себя опять в прежний чин покаянием, которое теперь осталось единственным путем к нашему спасению, и положим в сердце все-усильно трудиться в делании всякого рода добрых дел, о коих знаем, что они угодны Христу Господу, да запечатлеемся опять печатью Духа Святого и поживем прочее время жизни нашей непорочно, имея Христа Спасителя всемощным пособником себе, от Коего вследствие сего получим и ту милость, что сделаемся достойными познать тайны Бога нашего, сокровенные от век и от родов.

3. Если желаем достигнуть того, что возлюбила душа

наша, т. е. благодатных от Бога благ, и, будучи человеками, соделаться земными Ангелами; надлежит нам возлюбить также прискорбность и тесноту телесную, поднимать всякое злострадание и с радостью переносить искушения, в уверенности, что они принесут нам всякое добро. Что краше души, с разумом и рассуждением подъемлющей всякие скорби и злострадания, ради претерпения коих она имеет еще наследовать и радость всяческих? Что мужественнее сокрушенного и смиренного сердца, которое без труда побеждает всех демонов и совсем отгоняет их от себя? Что славнее нищенствования духом, доставляющего человеку Царствие Небесное, коему равноценного ничего нет и быть не может, ни в настоящей, ни в будущей жизни? Но и то, что не имеет кто более томящей о себе заботы относительно земного и временного, какое, думаешь ты, приносит ему ангельское состояние и какие вечные уготовляет блага? И то опять, что презирает кто все временное и тленное, и все почти необходимое для тела его, так что никогда не заводит споров и ссор из-за них, но всегда хранит мир и любовь в невозмущаемой тем душе своей, какого не достойно воздаяния, каких венцов и дарований? Поистине выше естества заповедь сия и исполнение ее паче слова и разума, потому что Христос бывает для такового все, вместо всего того, что презирает он. Слыша: Христос, не на одно голое слово обращай внимание и не смотри на малость речения, но помышляй о славе Божества Его, превосходящего всякий ум и всякое слово, помышляй о

красоте Его неизреченной, о милости безмерной, о богатстве недомыслимом, какое богатно со всякою щедростью подает Он таковым, и уразумеешь, что Его одного достаточно для них взамен всего прочего, так как они приемлют в себя Самого Бога, Источника и Подателя всякого блага. Посему-то никто из сподобившихся возыметь Христа не вожделевает уже ничего другого, и никто из насытившихся любовию Божией не имеет уже позыва любить что-либо другое здесь, на земле.

Поистине, братие мои, ничего в мире нет лучше того, чтоб не иметь ничего от благ мира сего, не желать стяжевать что-либо паче необходимых потреб тела и не замышлять покоить плоть свою и угождать ей, но одного желать – жить жительством духовным, *не творя* ни в чем *плотиугодия в похоти* (Рим. 13, 14). Необходимыми же потребами тела я называю хлеб и воду, одежду и кров, как учит апостол: *имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем* (1 Тим. 6, 8). Если потребуется что-либо и больше сего, то всячески, если веруем Богу и уповаем на Него, Он, подающий нам большее сего и промышляющий о всем сущем, подает нам это. Только оставим все другое, прившедшее в привременную жизнь нашу, – тщеславие, зависть, споры и ссоры, лукавство, ропотливость, клевету и все вообще, что ненавистно Богу и причиняет вред душе, и возлюбим от всей души то, что повелевает Бог, – нищету духовную, или смирение, и непрестанный деннонощный плач, от коего источается в душу каждый

час радость и утешение у тех, кои любят Бога. От этого плача порождается и кротость в тех, кои подвизаются во истине, от плача алчут и жаждут правды или всякой добродетели и всегда ищут Царствия Божия, превосходящего всяк ум человеческий; от непрестанного плача бывают и милостивы, и чисты сердцем, и миротворцы, яко мира исполненные, и благодушны в искушениях; от плача ненавидят зло; от плача возжигается в душе Божественная ревность, которая ни на минуту не дает ей предаться покою беспечности или вместе со злыми склониться на зло, но исполняет ее мужеством и силою претерпевать до конца всякого рода искушения.

4. Возненавидим же, возлюбленные братия мои, мир сей и все, что в мире. Зачем иметь нам общение с миром и с делами мирскими, когда Господь наш говорит нам в Святом Евангелии: *несте от мира* (Ин. 15, 19)? Потечем путем добродетели. Будем подвизаться, пока стяжем нечто от всегда пребывающего и нетленного. Ибо все вещи мира сего тленны и преходят как сон, и ничего нет в них постоянного и твердого; и солнце, и звезды, и небо, и земля – все преходит и от всего один человек остается. Что же теперь из этого видимого может послужить нам в пользу, в час нужды смертной, когда будем переходить из этой жизни к тамошнему пребыванию, в нескончаемом оном веке, а это все оставим здесь, и оно истлеет и прейдет? Хоть и не тотчас прейдет все сие видимое, но какая польза от него нам, когда мы необходимо разлучимся с ним, оставя здесь одно свое тело мертвое и

бесчувственное, и душа наша не будет уже иметь возможности видеть что-либо посредством тела сего, ни сама быть видима кем-либо, а будет с того часа внимать одному невидимому, вступив в иные соотношения и иные порядки жизни, чтоб или наслаждаться Царством Небесным и вечною славою, или наследовать геенну и огнь вечный? Одно что-либо из сих двух необходимо получить от Бога в вечное наследство соответственно делам, какие делает кто в жизни сей.

Сего ради, братия мои возлюбленные, возненавидим, умоляю вас, мир сей, убежим от прелестей его и от мнимых и лживых радостей жизни сей, и к единому прибегнем Христу, Искупителю душ наших, всячески стараясь обрести Его, вездесущего. Обретши же Его, припадем к стопам Его и облобызаем их со всею горячностью души. Ей, умоляю вас, потщимся узреть Его, пока еще живы. Ибо если сподобимся узреть Его здесь, то не умрем, и смерть не возгосподствует над нами. Не будем дожидаться – узреть Его в будущей жизни, а теперь восподвизаемся узреть Его. Мы знаем, говорит святой Иоанн Богослов, что имеем Бога в сердцах своих, по Духу, Которого прияли от Него (1 Ин. 3, 24; 4, 13). Итак, вы, показавшие веру свою в Него твердую и известную делами своими, обсудите со всем вниманием, что я сказал вам, и добре рассмотрите, не обманываетесь ли вы, думая, что имеете в себе Христа, тогда как ничего не имеете и находитесь в опасности перейти из сей жизни с пустыми руками, чтоб услышать страшный оный глас, глаголющий: возьмите, что

мнится имети раб сей лукавый, и дайте имущему большее (Лк. 8, 18; Мф. 25, 28). Тогда возрыдаете и восплачете, и вечную восприимете скорбь. Но да не будет нам – услышать таковой глас и пострадать что подобное, – нам, которые в час Божественного крещения отреклись диавола и всех дел его и сочетались Христу, дав обет хранить заповеди Его. Потщимся же сохранить Божественные заповеди и очистить сердца свои слезами и покаянием, да узрим Самого Христа – сей Свет Божественный, и да стяжем Его еще здесь, в настоящей жизни, во Обитателя в нас, да животворит Он души наши благодатию Всесвятого Духа и да питает их сладостию чаемых благ Царствия Своего. Аминь.

Слово двадцатое

1. Кто те, кои истинно любят Бога, от чего рождается любовь к Богу и чем обнаруживается?

2. Какие дела любви к ближним по Богу?

3. Любовь есть глава закона.

1. Удивляются некоторые, когда мы говорим, что не все христиане любят Христа. Но ведь любить Христа не что иное есть, как исполнять заповеди Его, как Сам Он сказал: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя* (Ин. 14, 21), так что христианин, не соблюдающий заповеди Его, когда говорит, что любит Христа, лжет. Ибо всякий отец, содержащий и воспитывающий сынов и дочерей своих и пекущийся о них, и всякий покупающий раба себе или принимающий наемника, конечно, для того желает иметь их, кормит и одевает их и доставляет им все нужное, чтоб они помогали ему и служили по дому. Но если он увидит, что никто из них не исполняет воли его и не исправляет порученного ему дела и служения, то будет ли он довольствоваться тем одним, что сын и дочь будут говорить ему: ты отец наш, а раб и наемник: ты господин наш? Конечно, нет. Так и Бог не довольствуется тем одним, что иной говорит, что любит Его, а заповедей Его не исполняет. Почему и говорит Он через пророка: *аще Отец есмь Аз, то где слава Моя? И аще Господь есмь Аз, то*

где есть страх Мой? (Мал. 1, 6). – Таким образом, христианин, не прославляющий Бога исполнением повелений Его и соблюдением заповедей Его, ничем не лучше неверных, если не хуже их.

Заповеди же и повеления Божии говорят: то-то делай, а того-то не делай; недостаточно лишь не делать зла, но надобно делать и добро. При этом необходимо нам знать и исповедать, что невозможно христианину не делать зла и делать всякое добро иначе, как силою Всесвятого Духа, подаемого от всей души уверовавшим во Христа и отрекшимся сатаны и всех дел его, и всего служения его, и всея гордыни его, и сочетавшимся Христу и соединившимся с Ним. Естество человеческое изменчиво и превратно; и одно Божеское естество непревратно и неизменчиво. Но христианин, делаясь Божественного причастен естества во Христе Иисусе Господе нашем через приятие благодати Святого Духа, превращается и изменяется силою Его в богоподобное состояние, делается богом по благодати, подобным Тому, Кто совершил в нем такое изменение, т. е. Христу Господу – Солнцу правды. Христианин предает всего себя Христу Господу, Христос же Господь производит в нем показанное изменение и делает его богом по благодати. Христианин не может сам собою произвести в себе желаемое изменение, и Христос не облагодатит его даром сего изменения, если он не предаст Ему себя от всего сердца своего. Почему который христианин не изменился сим благим изменением, пусть не осуждает в том есте-

ство свое, а свое произволение, что сам не хотел вседушно предаться Христу. Ибо апостол удостоверяет, что коль скоро прилепляется кто Господу, то бывает един дух с Господом (1 Кор. 6, 17). И Сам Господь говорит: *будите во Мне, и Аз в вас. Якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете. Аз есмь лоза, вы же рождие. И иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног, яко без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет* (Ин. 15, 4–6). – Опять: *будите в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей: якоже Аз заповеди Отца Моего соблюдох и пребываю в Его любви* (Ин. 15, 9, 10). И еще: *о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 35).

Как ученик грамматика, ритора, философа, поэта, художника и всякий другой ученик познается по учителю своему, так и христианин, ученик Христов, познается по Христу, Господу и Богу, доброму его Учителю, Который столько возлюбил нас, что ради нас соделался человеком и предал душу Свою во искупление нас. Посему, кто не имеет любви, как может тот быть признан учеником Христовым или христианином? Как, напротив, кто имеет сию любовь, пусть он не может поднимать великих подвигов и трудов, а стяжал только одну эту любовь, тот, по закону Учителя нашего Христа, востек на самый верх совершенства святых. Ибо так напи-

сано: *любяй брата закон исполни* (Рим. 13, 8); и: *не любяй брата своего, егоже виде, Бога, Егоже не виде, како может любити?* (1 Ин. 4, 20). Опять: *аще кторечет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть* (там же). Но слыша: *любовь,* да не подумает кто, что она есть дело удобосправимое. Заповедь о любви есть самая великая и важная. Почему Сам Бог от начала вложил в естество человеческое некую любительную силу, и естественно родители любят детей своих, родственники любят себя взаимно, и друзья любят друзей своих. Но эта естественная сила любви дана Богом в помощь разумному человеческому естеству, чтоб оно, пользуясь ею, востекало к (всеобщей) любви самоохотной и произвольной. Великая и совершительная, Богом данная заповедь любви изречена не о естественной любви, а о любви самопроизвольной.

2. Что заповедь любви есть величайшая заповедь и есть глава всех добродетелей, высшая всякой исправной жизни и всяких многотрудных дел, об этом послушай, что говорит апостол Павел – сии уста Христовы, там, где указывает, что без любви тщетны и бесполезны пять самых великих дарований, а именно: дары языков, пророчества, чудодейственной веры, милостынераздаяния и мученичества, и говорит: *аще языки человеческими глаголю и ангельскими, аще имам пророчество и вем тайны вся и весь разум, аще имам всю веру, яко и горы преставляти, аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам,*

ни кая ми польза есть (1 Кор. 13, 1–3). Потом, полагая, что иной, изумлен будучи такими словами, готов вопросить его, как возможно без любви явить такие великие деяния, он разрешает сие недоумение и говорит: *любы долго-терпит, милосердствует, любы не завидит, любы не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине, вся покрывает, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит. Любы николиже отпадает* (1 Кор. 13, 4–8). Этим он ясно показал, что говорящий языками может возгордиться, также пророчествующий и имеющий веру чудодейственную может востщеславиться, подающий милостыню может усладиться славою и честью от облагодетельствованных им, и предавший себя на мучения высоко о себе подумать. Но поелику слово свое окончил он так: *любы николиже отпадает,* то показал, что корень любви есть смиренномудрие, так как корень не имеет куда пасть, находясь всегда во глубине земли. Кто думает, что имеет любовь, а между тем не имеет долготерпения и милосердия, завидует и неуважителен бывает, гордится и бесчинствует, ищет своего, раздражается и мыслит зло, радуется неправде, а не радуется истине, не все покрывает, не всему веру емлет, не вся уповает и не все терпит, таковой не имеет любви и, говоря, что имеет ее, лжет.

3. Весь закон, данный от Бога людям, совмещается в любви, которая имеет две ступени, так как и закон двояк есть – Ветхий и Новый. Взошедший на первую ступень оставил

землю долу; а взошедший на вторую достиг и небес.

Ветхий закон говорит: *возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе* (Лев. 19, 18), а Новый говорит: люби и врага твоего (Мф. 5, 44), говорит еще: и душу свою положи за друга твоего. Итак, кто возлюбил врага своего, тот взошел на вторую ступень, или взошел на небеса. Напротив, кто не только преследует врага своего, но ненавидит и ближнего и делает зло тому, кто любит его, – таковой ниспал до самых преисподних земли.

Позаботимся же, братие, о стяжании совершенной любви, да улучим и Царствие Небесное во Христе Иисусе Господе нашем, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово двадцать первое

1. О милостыне: кто насыщает Бога, когда Он алчет, и напаяет, когда Он жаждет, и как потому можно совершать такого рода дела?

2. Не получает настоящей пользы тот, кто милует только бедных, а не милует и себя самого, оставляя себя в небрежении, обнаженным от всякого доброго дела и от благодати Божией.

1. Долг имеем все мы, люди, и верные и неверные, и малые и великие, большое иметь в настоящей жизни внимание и тщание; неверные, чтоб познать истину и уверовать в Творца и Устроителя всяческих Бога; верные, чтоб добре жительствовать и Богу угождать во всяком деле добром и слове благом, – малые, чтоб слушаться великих, Господа ради, – великие, чтоб иметь меньших как детей родных, по заповеди Господа, Который говорит: *понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25,40). Ибо Господь сказал сие не относительно одних бедных и тех, которые не имеют телесной пищи (как думают иные), но сказал относительно и всех других братий наших, которые не алчбою хлеба томятся, но алчбою слышания словес Господа и делания заповедей Его, так как заповедь Его есть жизнь вечная. Сколько душа честнее тела, столько же пища душев-

ная необходимее пищи телесной. И думаю, что Господь более о душевной пище сказал: *взалкахся, и не дасте Ми ясти; возжадахся, и не напоисте Мене* (Мф. 25, 42), нежели о телесной и тленной, так как Сам же Он говорил прежде: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя* (Ин. 4, 34). Воля же пославшего Его Отца есть спасение человеков. И поистине Христос алчет и жаждет, т. е. крайним и неудержимым желанием желает единого спасения всех человеков. Спасение же человеков есть удаление от всякого греха, какового удаления от греха невозможно справить без делания добродетелей и исполнения всех заповедей. Следовательно, когда исполняем мы заповеди Христовы, тогда питаем и насыщаем Христа, Господа всякой твари. И святые отцы наши говорят, что как злыми делами нашими питаются демоны и получают силу воевать против нас, а нашим удалением от зла они истомляются алчбою и обессиливают, так и Христос, обнищавший нашего ради спасения, питаем бывает нами, когда творим заповеди Его, и оставляется в алчбе, когда не творим воли Его. Это узнать и в этом удостовериться можем мы из самой жизни и деяний святых.

Оставлю прочих, ибо их много, паче песка морского, – сказанием об одном лице, об одной святой постараюсь удовлетворить любовь вашу. Без сомнения, вы слышали о жизни преподобной Марии Египетской, о которой не другой кто поведал, а сама она, равноангельная. В исповеди своей она говорила: я была крайне бедна; и хотя много раз иные давали

мне мзду за грех, но я не брала, не потому чтоб была богата, – я ничего не имела, – но чтоб таким образом привлечь к себе больше любителей. Когда взошла она на корабль, чтоб плыть в Иерусалим, то не имела, чем заплатить за место на нем и чем питаться во время плавания. Когда в Иерусалиме, дав обет Пречистой Богородице обратиться ко Господу, положила она удалиться в пустыню, то, получив от одного христолюбца две монеты, купила на них три хлебца, с чем и перешла Иордан реку, и пребыла с того времени в пустыне до конца жизни своей, не видев ни одного человека, кроме одного Зосимы. И вот она ни алчущего не напитывала, ни жаждущего не напаивала, ни нагого не одевала, ни странного не упокоивала, а паче делала все противное тому и многих ввергла в ров погибели, увлекая их на грех. Каким же теперь образом она имеет спасена быть и внити в Царство Небесное вместе с милостивыми, когда ни богатства не оставила, ни имения не раздала бедным, ни милостыни не подавала никакой, а паче была причиной погибели неисчетному множеству людей? – Так видишь ли, что если мы скажем, что милостыня творима бывает только деньгами и пищею телесною и что ею питаем бывает от нас Христос, и что только таким образом, т. е. телесно питающие, напаяющие и всячески упокоивающие Его, спасутся, а те, которые по бедности не делают этого, пойдут в муку, то из этого выйдет нечто, крайне неуместное, будут изгнаны из Царствия Божия многие святые. Но не так есть дело, не так.

Все вещи, сущие в мире сем, создал Бог обще для всех людей, как то: солнце, от коего получаем свет, воздух, коим дышим, пастбища для скотов в лугах и на горах и другое все обще всем, чтоб каждый пользовался тем на свою потребу, а не завладевал, как господин. Но привзошло в жизнь нашу, как тиран какой, любоимание и то, что Господь Бог дал обще для всех, разделило одним рабам своим, состоящим в его власти, иным – таким способом, другим – другим, обгородив участки оградами и башнями с вратами и запорами, а прочих всех лишило пользования благами, кои Бог дал обще всем. И говорит еще оно, развращенное: я госпожа всего и всем владею, все мое, а не обще, и спорит, будто оно никого не не оправдывает. А слуги и угодники этой тиранки, т. е. любоимания, бывают обыкновенно не господами и владыками тех вещей и денег, а их рабами и стражами. Как же теперь могут быть сочтены милостивыми, питателями Христа, делающими дело, достойное награды, те, которые малость некую иждивают из так зле собранных денег и вещей, или хоть и все раздадут бедным, по страху мук, или в надежде получить в тысячу раз больше розданного, или от стыда пред самыми теми бедными людьми, которых так много всегда презирали и обижали? Нет, не будут они сочтены милостивыми, ни питателями Христа, ни сделавшими дело, достойное воздаяния. Но, как я часто говорю, им надобно до конца жизни своей каяться, плакать и стенать, и прочие совершать дела покаяния за все вещи, которые они удерживали столько

времени в своей власти, не давая ими пользоваться братиям своим в нуждах их.

2. Каким же образом те, кои сделались нищими Христа ради, как Христос, богат сый, яко Бог, обнищал нас ради, – как они, не имея, что подавать в милостыню бедным, могут быть почтены милующими Христа, ради нас соделавшегося человеком, внемли добре, да уразумеешь. Бог соделался для нас бедным человеком; должен и ты, верующий в Него, быть подобным Ему, бедным. Бедным соделался Христос, чтоб тебя обогатить или чтоб передать тебе потребную часть от богатства благодати Своея. Для того принял Он плоть, чтоб ты мог сделаться причастником Божества Его. Итак, когда ты, достодолжно уготовившись, приемлешь благодать Его, тогда говорится, что тобою принят Христос. Почему когда ты алчешь и жаждешь по любви ко Христу Господу, тогда Он сию твою алчбу и жажду приемлет, как брашно и питие для Себя Самого. Ибо через сие и через подобные сему дела очищаешь ты душу свою и освобождаешь себя от тления и скверны страстей. Но Бог, восприявший тебя и Себе присвоивший все твое, т. е. все человеческое, всякое добро, какое делаешь ты для себя самого, почитает делаемым для Него, как бы Он Сам вкушал от плода его. В этом смысле слова Его к тем, кои милуют бедных, в отношении к тебе могут быть переложены так: понеже сотворил ты бедной душе своей, Мне сотворил. Иначе какими делами угодили Богу удалявшиеся в горы и жившие в пещерах? Никакими, кроме дел покаяния с

верою и любовью. Оставя мир весь, они последовали Христу и, прияв Его в себя, упокоивали, насыщали и напаяли Его в себе, посредством покаяния и слез.

И другим способом (объясню это). Все те, которые соделоваются сынами Божиими по благодати, через Святое Крещение, всеконечно суть последнейшие и беднейшие в мире сем, ибо ничего не хотят от мира сего. Познавши чувством души своей, что соделались сынами Божиими, они терпеть уже не могут никакого богатства привременного, ни украшаться какими-либо уборами тленными и маловременными, яко облекшиеся во Христа и имеющие сокровище на небесах. Да и какой человек, скажи мне, будучи одет в царское одеяние, согласится надеть поверх его какую-нибудь другую одежду, ветхую, изорванную и испачканную? – Но и те, которые не познали, что сделались сынами Богу, и обнажились от царского оного одеяния, а потом покаялись, взялись за подвиги, начали делать всякие добрые дела и таким образом возвратили себе благодать крещения, – и они являются облеченными во Христа, и они делаются сынами Богу, как бывает и через Святое Крещение. Которые же не делают ни того, ни другого (то есть не облекаются во Христа ни через крещение, ни потом через покаяние), те хотя бы всех голых в мире одели, что полезного для себя сделали бы, когда себя самих оставляют обнаженными от Божественной благодати?

Потом опять (то есть еще новое объяснение) – мы, крестившиеся во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, именуемся

братиями Христу, и есмы еще члены Его. Итак, если ты будешь честить, упокоивать и всячески утешать всех других, а себя – брата Христова и член Христов, – оставишь в небрежении и не восприимешь труда и подвига путем всех добродетелей востещи на верх совершенства жизни о Христе, а оставишь душу свою омраченною и оскверненною, – пусть валяется, как мертвая, в глубочайшей тьме греха, пусть алчет и жаждет от твоей лености и нерадения, пусть остается заключенною в теснейшей темнице оскверненного тела по причине чревоугодия и сластолюбия твоего, – скажи мне, прошу тебя, не брата ли Христова ты презришь таким образом? Не его ли ты оставишь алчущим и жаждущим, и в темнице валяющимся без всякого призору? Так вот – и по этой причине ты имеешь некогда услышать: не помиловал ты себя самого, – и не будешь помилован.

Если кто после сего скажет: поелику так есть дело сие, и нам не будет никакой награды за то, что даем мы бедным, то какая нужда и давать? – Да слышит таковой Самого Христа, имеющего судить его и воздать каждому по делам его, как бы Он так говорил ему: О, несмысленный! Что принес ты в мир сей? И сотворил ли ты что-либо из того, что видишь в нем? Не нагим ли вышел ты из чрева матери своей? Нагим выйдешь ты и из настоящей жизни и обнаженным от всего предстанешь ты пред Судилище Мое. За какие же это собственности требуешь ты от Меня награды? И какими это собственными вещами оказывал ты милость братиям своим,

а через посредство братий Мне, создавшему все не для тебя одного, но обще для всех? Или думаешь, что Я желаю сам чего-либо из этого или приемлю дары, подобно неправедным и сребролюбивым судьям людским? (По малосмыслию твоему можно ожидать, что ты и это подумаешь.) – Это все (то есть дела милосердия к бедным) заповедаю Я и повелеваю не потому, чтоб Я желал иметь какие-либо вещи от вас, но потому, что желаю иметь вас самих; не для того, чтобы взять что-либо из вашей собственности, но для того, чтоб избавить вас от осуждения, которому вы имеете подвергнуться из-за него. – Не подумай же, брат мой, что Бог беден и имеет нужду в нашем достоянии, чтоб питать бедных, и потому повелевает нам быть к ним милостивыми и, сколько сил есть, исполнять сию заповедь. Не так, брат мой, не так. Но человеколюбивый Господь то, что внесено в жизнь нашу диаволом через любоимание на погибель нашу, это самое хочет посредством милостыни обратить во спасение нам. Диавол усоветовал нам усвоять себе, считать своею собственностью и для себя сокровиществовать то, что Бог создал для общего всех людей употребления, чтоб через такое любоимание привить к нам два греха и сделать нас повинными вечному мучению: первый – грех бессердечия и немилосердия, а второй – грех упования на имущество свое, а не на Христа. Ибо кто имеет запрятанные деньги, тому невозможно веровать и надеяться на Бога. Это видно из того, что сказал Христос и Бог наш: *идеже есть сокровище ваше, ту будет и сердце ва-*

ше (Мф. 6, 21). Итак, пусть и раздаст кто бедным запрятанные у него деньги, ему не за что получать награду, напротив – он ответен за то, что неправедно заставлял их терпеть лишения доселе; и не только за это имеет он дать ответ, но и за тех, которые померли во время его жизни от алчбы и жажды, которых он мог напитать и не напитал: он запрятал достояние бедных и оставил их умирать от холода и голода, почему будет сочтен убийцею всех тех, которых мог он напитать и не питал.

Но Благой и Человеколюбивый Господь наш, желая избавить нас от такого осуждения, заповедал нам раздавать стяжанное и, чтоб заохотить к тому, изъявляет готовность снизойти сей нашей немощи любоимания и не подвергать нас осуждению за то, что удерживали принадлежащее всем, и не только это, но соглашается признать имение наше собственно нашим и за раздаяние его обещает воздать не десятерицею, а сторицею, – все для того, чтоб только расположить нас раздавать доброхотно, с веселым лицом. Сия доброхотность требует, чтоб мы не считали имения своего собственным, а думали, что его дал в руки наши Бог для призрения сорабов наших Богу – христиан, чтоб мы доставляли им нужное с радостью и готовностью, а не с печалью и как бы с некою нуждою и насилием.

И вот еще почему с радостью должны мы опорожнять свои сокровищницы, с таким тщанием набиваемые и с такой опасливостью хранимые, в надежде получить истинное обетова-

ние Христово, в коем обетовал Он за все воздать сторицей. Бог знает, что мы совсем завладены похотью любоимания и одержимы манией к богатству, так что нам расстаться с ним и отцепиться от него крайне трудно: отчего если случится кому потерять его по каким-либо причинам, то он не рад бывает и самой жизни. Зная сие, Он и употребил сообразное с нашей немощью врачевство, обещая воздать нам за то, что раздадим бедным, сторицею, чтоб только расположить нас к такому раздаянию и через то прежде всего избавить от осуждения за страсть любоимания, а потом отучить возлагать надежду свою на богатство и освободить души наши от тяжких его уз; по освобождении же от них дать нам простор беспрепятственно исполнять заповеди Христа Господа и работать Ему со страхом и трепетом, не с тем, чтоб Богу сделать какое-либо одолжение, но с тем, чтоб самим от Него получить сию самую милость и благодать – быть рабами Его и служить Ему истинно.

И другим способом невозможно нам спастись. Богатым прежде всего надлежит по заповеди отложить богатство свое, как тяжелую ношу, препятствующую вести истинную о Христе жизнь, а потом взять крест на рамена свои и последовать Христу Господу. Ибо нет возможности, чтоб понес ктолибо то и другое, т. е. и богатство, и крест. Но те, которые не связаны многоиманием, а довольствуются тем одним, что необходимо для поддержания жизни, нередко же и в этом терпят недостаток, – никакого не встречают препятствия, ко-

гда восхотят шествовать путем тесным и прискорбным; им нужно только приложить доброе произволение, чтоб тесное шествие их было богоугодным шествием, и продолжать его с терпением и благодарением, – и праведный Бог введет их в Царство Свое вечное и утешит всеблаженным в оном покоем.

Но если кто раздаст все имение свое бедным, а потом не станет бороться благодушно со всякого рода искушениями и скорбями, которые за тем последуют, и не будет переносить всего не только безропотно, но и с благодарением, – тот, не уразумев спасительности сделанного им шага, малодушием своим сам губит плод дела своего. Ведать нам надлежит, что как железо, крепко заржавевшее, не может быть отчищено и приведено в надлежащий свой вид, если не вложишь его в огонь и не обколотишь хорошенько молотами, так и душа, запятнавшаяся скверною греховною, не может иным образом очиститься и восприять прежнее свое благообразие, если не подвержена будет многим искушениям и не внидет в пещь скорбей. Посему-то и Господь наш Иисус Христос после того, как сказал: *продаждь имение свое и даждь нищим,* прибавил: *и ходи вслед Мене, взем крест* (Мк. 10, 21). Под крестом, который повелевается взять, разумеются здесь скорби, кои надлежит принимать благодушно и претерпевать с благодарением. Итак, никакой не получат пользы от раздаяния имения своего те, которые, раздав его бедным, не претерпят потом до конца искушений, скорбей и печалей Бога

ради. И Христос Господь не сказал: в раздаянии имений ваших *стяжите души ваши,* а – *в терпении вашем* (Лк. 21, 19). Что раздать имение свое бедным есть дело доброе и спасительное, это не требует доказательства; но одно это доброе дело не может сделать человека совершенным по Богу без претерпения искушений. Что так есть воистину и что так Богу угодно, послушай, что говорит Христос, – кроме слов Его к богатому, приведенных выше: *продаждь и раздаждь, – и ходи вслед Мене, взем крест,* где под крестом, как мы сказали, указывает Он на искушения и скорби. *Царствие Небесное,* – говорит Он, – *нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12), и ни одному верному нельзя войти в него другим способом, как тесными вратами искушений и скорбей. *Внидите,* – говорит, – *узкими враты* (Мф. 7, 13); что святые апостолы истолковали так: *яко многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). Дающий от имений своих бедным, а скорбей не претерпевающий, надеясь получить за то награду, великую испытывает радость и довольство, и от этого может случиться, что иногда впадет он в тщеславие и тем погубит мзду свою. А тот, кто, раздавая имение свое бедным, с благодарностью претерпевает все скорбное и безропотно переносит всякие искушения, которые его преследуют, который чувствует всю горечь и тяготу прискорбностей и, однако ж, хранит свой помысл твердым и непоколебимым, таковой и здесь, в настоящей жизни, и там, в жизни будущей, великое получит воздаяние, так как

он подражает страстям Христовым и, терпя, терпит Господа в дни скорбей и искушений, его теснящих.

Сего ради умоляю вас о Христе, братия мои, воcподвизаемся, по слову Господа нашего Иисуса Христа, внити в Царствие Небесное узкими враты, т. е. отсечением плотского мудрования и своей воли. Если не умертвимся плоти, ее похотям и желаниям, то не можем обрести покоя и свободы от злых дел, которая водворяется в нас благодатию Всесвятого Духа при усиленной с нашей стороны борьбе со страстьми и похотьми, к успешному ведению которой много способствует раздаяние имений. Когда раздаешь ты, брате, имение и деньги свои на бедных, делаешь доброе и богоугодное дело, но вместе с тем сам избавляешься от томительных забот и попечений об этих тленных вещах и ум твой успокоивается от неизбежных по поводу их развлечений. Хвалю тебя за такое доброе действование, что раздаешь привременное и тленное добро свое, чтоб получить вечное и нетленное. Но надобно еще отбросить и всякое мудрование плотское, как разбрасываешь ты достояние свое, и облещись в светлое одеяние благодати Святого Духа. А этому нельзя быть иначе, как всегдашним исполнением заповедей Христовых и перенесением скорбей. Когда душа находится под тяжестью скорбей и утесняема бывает искушениями, то подвигается на слезы, а слезы очищают душу и делают ее жилищем Всесвятого Духа. Почему я и твержу, что недостаточно для спасения только раздать имение свое; надобно еще, как разбрасыва-

ешь деньги свои, отбросить и всякое мудрование плотское и душу свою одеять благодатию Святого Духа; коротко выражаясь, надобно всего себя принесть в жертву Богу и душою, и телом: тело свое надо упражнять телесным деланием в подвигах добродетели, приобучая себя ко всяким прискорбностям ради Бога, чтоб благодушно претерпевать горькость поста, тяготу бдения, суровость воздержания и всякое другое телесное злострадание; а душу обучать страху Божию благоговеинством в духе, заставляя ее мудрствовать, что подобает мудрствовать, и всегда помышлять о том, что относится к вечной жизни, быть тихой, смиренной, кроткой, сокрушенной и умиленной, да плачет и слезы проливает день и ночь, испрашивая себе молитвою свет и благодать Святого Духа, обыкновенно приходящие в душу через посредство теплого покаяния, после того как очистится она многими слезами, без которых невозможно ни одеянию души убелиться, ни взойти ей на высоту созерцания. Ибо как обыкновенную одежду, когда она запятнается и испачкается, нельзя убелить иначе, как полосканием в воде и трением руками и ногами, так и одеяния души, когда она запятнается и осквернится грехами, нельзя иначе очистить, как многими слезами и терпением искушений и скорбей.

Итак, те, которые осквернили души свои беззаконными делами греховными и страстными движениями сердца и которые напечатлели в себе образы и подобия бессловесных похотей, да понудятся многими слезами очистить себя и

убелить одеяние души своей, потому что другим способом невозможно никому увидеть Свет, или Бога, просвещающего сердце каждого человека, грядущего к Нему путем покаяния. Только чистые сердцем зрят Бога, по слову Господа нашего. Почему умоляю вас, братия мои и чада, подвигнемся на труд содержать сердце свое чистым посредством добронравия и благих расположений, посредством хранения совести и всегдашнего исповедания сокровенных помыслов сердца. Если будем исповедовать их часто, а лучше если каждый день, с сокрушением и болезнованием сердечным, припоминая все и осуждая себя за все, делом ли сделали что худое, или умом помыслили недоброе, или слово сказали нехорошее, то через это стяжем покаянное и сокрушенное сердце; покаянное же такое сердце извлечет слезы из глубины души; а слезы очистят душу и изгладят все ее прегрешения. Когда же изгладятся все грехи слезами, тогда придет в душу вседействие Святого Духа и еще паче начнет напаять ее сладостью слез умиления, коими будет она мысленно питаться, крепнуть более и более и умножать плоды Духа, обильно принося их в должное время и заготовляя в них пищу себе на вечную и нескончаемую жизнь. Когда, добре подвизаясь, достигнет она в такую меру, тогда, наконец, содружается с Богом и делается жилищем Пресвятой Троицы, чисто зрит Творца своего и Бога, беседует с Ним непрерывно и некоторым образом выходит из тела своего и из мира сего, и восходит на Небеса Небес, воспаряя туда на крыльях любви Бо-

жией и упокоеваясь там от подвигов своих в Божественном некоем и беспредельном Свете, в сорадовании ей всех праведников и соликовании святых апостолов Христовых, мучеников и преподобных и всех Небесных Сил бесплотных.

К такому-то состоянию да устремимся и мы, братия мои, силою Христа Господа, чтоб не остаться позади отцов своих, но чтоб достигнуть в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, подвизаясь во всех добрых деланиях и в исполнении всех заповедей Христовых. Никакого нет к тому непреодолимого препятствия, если только захоти и за дело возьмемся как следует. Если устроимся так, как показано, прославим в себе Бога, и Бог порадуется о нас; и когда переселимся из жизни сей, Он милостиво примет нас и вселит в недрах Авраама, где упокоит и усладит сладостями Царства Небесного, каковое улучить буди всем нам благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово двадцать второе

1. Прежде надлежит нам получить благодать Христову и тогда уже проходить можем жизнь по Богу.
2. Каким образом сподобляются сей благодати?
3. Кто во грехе и кто во благодати? 4. Всякий грех от диавола, а добро от Христа. 5. Что есть глава добродетелей и что ноги их?

1. Говорит пророк Давид: *кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти, избавит душу свою из руки адовы?* (Пс. 88, 49). То есть кто, поживши в этом мире, не умрет? И кто, умерши, избавит душу свою от ада? – Никто. Если же это совершенно невозможно ни для одного человека и возможно только для одного Христа, – для чего и пришел Он на землю и соделался человеком, то всякому надлежит ни о чем другом подвизаться, как о том одном, чтоб понудить Христа Господа, желающего всех людей избавить от ада, да избавит и его, нудящего Его на сие. Чтоб был понуждаем от нас на сие Царь всяческих Христос, сего желает Сам Он, не для Его собственно какой-либо цели, а для нас же. Ибо кто спешит понудить Христа Господа избавить его, тот, очевидно, восчувствовал крайность своего положения, увидел причины его и возненавидел их, – и к единому Господу-Избавителю обращается всем сердцем. Сего-то ради восчувство-

вания крайности, необходимо всегда предшествующего понуждению Избавителя к избавлению, и желает Он, чтоб мы понуждали Его. Дело избавления есть дело первой для нас важности, а мы того не знаем, не держим в мысли и не чувствуем. Вот Он и хощет быть понуждаемым от нас и как бы насилие какое терпеть, чтоб расположить нас приходить наперед в чувство беды своей, того великого зла, какое терпим мы от греха, и той тирании и рабства, в каких из-за него находимся мы, и чтоб, когда освободимся от всего сего, великое изъявляли благодарение Богу, благоволившему избавить нас и оказать нам такое благодеяние, которого никто другой сделать не может.

Для сего (понуждения Господа) потребны молитвы, посты, милостыни, сокрушение сердца и всякое другое злострадание. По какой причине? Неужели Бог не может избавить нас от греха даром, без нашего к тому сотрудничества? Нет, – не потому. Но поелику это *даром* делается для всех христиан, когда они бывают крещаемы, а мы тогда не знали сей великой благодати Божией, потому что были младенцами, а потом не познали по причине юношеских стремлений, не познавши же и не восчувствовавши того, плотским предались влечениям, впали в грехи и потеряли ту первую благодать, то теперь необходим собственный наш труд, в противовес самоохотным грехам по благодати крещения, чтоб избавиться от грехов и опять восприять благодать Божию, нами потерянную. Итак, какой христианин желает теперь об-

лещись благодатною силою о Христе Иисусе для избавления от греха и исполнения всякой воли Божией, да покается и, понесши труды покаянии в посте, молитвах и других подвигах, да приступит с верою к строителям благодати Христовой, которые через возложение рук (разрешительное от грехов действие в Таинстве покаяния) разрешат его от всех грехов его и дадут ему опять восприять силу Божию на всякое добро, укрепившись которой, он возможет далее жить, как подобает жить христианину, и, живя так, знать и исповедать, что *благодатию Божиею есть, еже есть* (1 Кор. 15, 10), чтоб и паче опять не лишиться сей благодати и не остаться нагим и беспомощным. Ибо благодать Божия удаляется от христианина не по причине только греха, но и по причине непризнания ее, когда не признает кто, что от нее имеет все, что ни имеет. Это показывает и слово апостола, который говорит, что Бог *всем хощет спастися и в разум истины приити* (1 Тим. 2, 4), т. е. познать добре истину, потому что истина есть не другое что, как благодать Христова, для дарования нам коей и пришел Христос, распялся и умер.

2. Будучи Бог, и Господь, и Властитель всех тварей, Им созданных, не имел Он, однако, власти даровать людям такую благодать, потому что и праведен есть: *праведен Господь и правды возлюби* (Пс. 10, 7). Ибо несправедливо было, чтобы тот, кто по своему собственному желанию, без всякого насилия, а по одному уважению лжи диаволовой самовластно осквернил себя грехом и через то потерял благодать Бо-

жию и обнажился от оной, – несправедливо было, чтоб такой опять облечен был сею благодатию, не понесши наперед великого какого-либо наказания. Но где же было ему понести соразмерное преступлению наказание? И се Сам Бог, соделавшись человеком, принес Себя в жертву умилостивления, чтоб иметь власть опять даровать человеку такую благодать. Почему Христос по воскресении и сказал апостолам: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли. Шедше, научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. 28, 18–20). Посему же и имя Его нарицается у пророка Исаии – *Властелин* (9, 6), не яко Бог, но яко Бог и человек. Ибо яко Богу, как можно было Ему не быть властелином всех тварей, Им созданных? Но поелику Он яко человек принес Себя в жертву и Своею волею дал Себя во искупление рода человеческого, то и приял власть за такое великое дело, Им сделанное во искупление человека Пречистой Своей Кровью. Если Богочеловек Иисус предал Себя во искупление греха, то очевидно, что не было другого большего дара, чтобы дать ему, как отпущение греха Адамова. Вследствие сего, как тогда Адам, падши, совлекся умной благодати Божией, какую имел в себе, так теперь, кто крещается, опять облекается в оную благодать, как говорит апостол: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27).

Объяснив это, обращаюсь опять к прерванной речи о том, что надобно понуждать Господа, чтоб даровал нам что нуж-

но, и искать того у Него. С этим, мысленно и невидимо бывающим в душе, схоже то, что бывает с человеком видимо и чувственно. Человек рождается нагим младенцем, маленьким ребеночком, ни в чем не могущим помочь себе, и пока он отдоевается, мать сама исправляет все потребное для него; когда же начнет он приходить в разум, тогда ему показывают и научают его, как что может он и сам для себя делать, так как он может уже и сам находить и брать, что ему требуется; так и душа приходит на свет голою от всякой добродетели; коль же скоро приимет крещение, облекается во Христа, питается Им и научаема бывает искать того, что необходимо для ее спасения, и от сего времени уже, если не ищет, Христос не дает ей ничего, а если ищет, получает все, что ни взыщет. Только надлежит ей искать одного того, что сообразно со спасением ее. Прежде всего надлежит искать света, или умного просвещения, да видит все, как оно есть. Как только получит она такое просвещение, тут же увидит всю свою бедность и немощность и смирится, а смирившись, сделается тихою и кроткою без гнева, и таинственно научена будет от Христа заповедям Его, как говорит царь пророк Давид: *научит кроткия путем Своим* (Пс. 24, 9).

Таков закон жизни о Христе Иисусе, и кто наперед не облечется благодатию Христовою, а потом не устроится жить по Христу, тот тщетно трудится. Сколько бы он ни злострадал и сколько бы добра ни делал прежде получения благодати Божией, тщетен труд его. Ведь и евреи, и другие невер-

ные народы делают много подобного, потому что нет ни одного человека в мире, пусть он неверный и безбожник, который бы не делал какого-либо добра, будучи движим на то естеством. Итак, прежде всего надлежит подвизаться всякому о том, чтоб получить благодать Божию посредством веры и надежды на Христа Господа, посредством покаянья и исповеди, молитвы и возложения священнических рук, как мы сказали. Пусть взыщет опытного отца духовного, научится от него всему, касающемуся веры и требуемому ею, восприимет полное упование на Бога и покается во всех грехах своих, подъемля и достойные дела покаяния, т. е. сокрушение сердца и жаление о грехах, слезы и воздыхания от всей души, пост и всякое другое лишение телесное, милостыню и молитву, исповедует искренно все грехи свои пред Богом и приимет разрешающую молитву с возложением рук сего духовного отца своего. Без всего этого не придет благодать Божия сама собою на того, кто потерял ее, предавшись греху по крещении. Бывало, что некоторых посещала благодать Божия и без возложения рук священника, но то были исключительные случаи, не всем общие; но что бывает исключительно для некоторых, только немногих, того не признает общим для всех законом Святая Церковь.

3. Что грешил кто или грешит, это, конечно, есть великая беда, но еще не окончательно крайняя. То есть крайняя беда, когда кто не хочет поподвизаться, чтоб восприять благодать Господа нашего Иисуса Христа, потому что это значит

обречь себя на грех, а через грех и на пагубу. Ибо невозможно не быть в грехе тому, кто не имеет общения со Христом Господом, т. е. не имеет Божественной благодати. В том и праведность, чтоб иметь причастие и общение со Христом Господом. Кто не имеет общения с Господом Иисусом, тот никак не может быть чист от греха, а кто имеет общение с Господом Иисусом, над тем никогда не возгосподствует грех, так как христиане в Самом Христе живут, движутся и суть (Деян. 17, 28). Скажу кратко: тщетно именуется христианином тот, кто не имеет в себе благодати Христовой ощутительно, т. е. так, чтоб опытно знал, что имеет в себе таковую благодать. Кто не имеет таковой благодати, это явно бывает из неблагоговеинства и дерзости его в отношении к священному и Божественному, также из гневливости скорой, из мудрования его несмиренного, из тщеславия и другого подобного; как, опять, кто имеет ее, сие явно бывает из страха и благоговения его пред всем Божественным и из нрава его кроткого и смиренномудрого. Он знает, что ничего доброго не может справить сам собою, без благодати Христа Господа, Который соделался Человеком, как и мы, чтоб, вступая в сродство с Ним и благодать Его получая, мы могли проводить такую жизнь, какою жить подобает человеку. Впрочем, бывают и такие, которые проходят ангельскую жизнь, пребывая еще в мире сем с телом, когда весь Иисус Христос соединяется с их душою и телом и едино бывает с сими мужами духовными, так что и они могут говорить с божествен-

ным Павлом: *живу же не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20).

4. Все люди или плотски живут, или духовно. Кто мудрствует и действует духовно, тот есть и именуется верным. Ибо если бы не имел он благодати Всесвятого Духа, которую получил от Бога, быв признан верным, то не имел бы возможности мудрствовать и действовать духовно. А кто мудрствует и действует плотски, тот неверен и пуст от благодати Божественной. Ибо если бы не был он неверен, то не был бы пуст и наг от благодати Христовой и не был бы увлекаем от диавола действовать плотски. Ибо *творяй грех от диавола есть* (1 Ин. 3, 8). И потому те, которые делают зло, бывают обладаемы диаволом и явные показывают признаки, что имеют в себе и с собою главу всякого зла. Диавол, сей злой дух мысленный, невидимо действует на неверных и обнаженных от Божественной благодати. Почему люди, почтенные от Бога самовластием, не замечают, что бывают покорными слугами власти диавола и, им будучи влекомы на грех, думают, что делают зло самовластно и самоохотно, и таким образом служат у него посмешищем. Такое обманчивое думание есть одна из главнейших прелестей изобретателя всякого зла, диавола. Вся его злокозненность обращена на то, чтоб действовать властно внутри грешащих, а они чтоб думали, что делают грех по собственному произволению, а не по внушению и влечению от диавола. И успевает в этом до того, что те самые, которые им насилуются, слыша о том, говорят: но

что же сталось с самовластием и свободою человека, – потеряны? Да, потеряны, однако же не всецело; в нашей еще осталось власти познавать, в каком бедственном находимся мы состоянии, желать избавиться от него и искать Избавителя, подобно тому как больной, который лежит на одре, знает, что лежит в болезни, и желает подняться от нее, и хоть не может сего сделать сам собою, но имеет свободу искать врача, чтоб уврачевал его. Так бывает и с грешниками; почему Господь говорит: *всяк творяй грех раб есть греха. Раб же не пребывает в дому вовек: Сын пребывает вовек. Аще убо Сын вы свободит, воистинну свободни будете* (Ин. 8, 34, 35, 36). Поелику, таким образом, осталось в нас самовластия настолько, чтоб взыскать врача, прибегнем же ко Христу, да избавит Он нас от тиранства диаволова. А того, будто, когда делаем мы зло, нет в нас диавола, и не думай никто, и не говори. По мере зла, какое кто делает, имеет он и беса, или малого, или великого, или многих. Как, напротив, духовный человек, по мере добродетели своей, имеет и благодать Божию или великую, или малую, или преисполнен есть безмерно благодатию Христовой. Святому Писанию обычно разные дарования мужей добродетельных называть духами.

5. Все добродетели хороши, но надобно, чтоб они имели и голову, и ноги, подобно телу; и как телу нельзя быть без головы и ног, так и им. Ноги добродетели – смиренномудрие; а глава – любовь. И всякая добродетель, которая бывает без смирения и любви, бесполезна есть и тщетна. Сово-

купность добродетелей можно еще уподобить колонне, которой основанием служит смиренномудрие и верхом (капителией) любовь, которая есть Престол Божий. Под любовию находятся благоутробие, сострадание, милостивость, щедродательность, незлобие, великодушие, благотворительность и человеколюбие, которые вместе с нею человека делают богом по благодати. Окрест же смиренномудрия стоят послушание, терпение, признание человеческой немощи, благодарение Богу за все, все почитая благодеянием, коим Он благодетельствует нам, т. е. и десное и шуее, славу и бесчестие, здоровье и болезнь, богатство и бедность, и прочее. Там же, где есть благодарение, есть и зрение Бога, а кто зрит красоту Божию, как возможно, чтоб он не возлюбил Самого Бога, всякую красоту и доброту превосходящего, Источник всякой доброты? Кто же любит Бога, тот строго исполняет заповеди Его, из коих первой, после любви к Богу, стоит: да любим друг друга, и та первая не бывает без сей второй, как говорит Писание: *не любяй брата, егоже виде, Бога, Егоже не виде, како может любити?* (1 Ин. 4, 20). Таким образом, и смиренномудрие востекает к любви и блюдет ее, и любовь содержит смиренномудрие и утверждает его.

Смиренномудрие, как я сказал, есть как бы ноги, которые носят и голову, и все тело; а любовь есть как бы престол херувимский, носящий Бога, восседающего на нем, ибо на ней почивает Бог; сама же она в свою очередь носима бывает смиренномудрием, как ногами, вместе со всем телом

добродетелей. А произвольная нищета, пост, обуздание гнева и языка и всякой другой бессловесной похоти состоят под игом правды, которую должен строго соблюдать всякий благочестивый человек, чтоб не быть неправедным, и не только других не онеправдывать, но и себя самого. Ибо неправедно стяжевать излишнее паче вещей, необходимых для жизни; и из этих необходимых вещей стяжевать многоценные, тогда как можно обойтись малоценными, тоже несправедливо; равно и то, чтоб давать чреву своему более определенной пищи, есть неправда; предаваться гневу есть бессмыслие; разговаривать с необуздываемой дерзостью есть неразумие; неудержимо бросаться к похотям мирским есть бессловесие. Но опять и то надобно помнить, что не то есть добродетель, чтоб только не делать зла, хотя тот, кто не делает его, будет менее *биен,* сравнительно с тем, кто делает. Кто делает зло, *биен будет много;* и тот, кто не делает его, тоже будет биен за то, что не делал добра, но меньше. Напротив, тот, кто делает добро, будет осыпан милостями не в меру своего доброделания, потому что исполнял только должное, но в безмерие благоутробия и благости Божией. Ибо в законоположениях Христа Господа есть одно: *рабведевый волю господина своего, и не уготовав, ни сотворив по воли его, биен будет много* (Лк. 12, 47), и другое: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключимии есмы: яко, еже должни бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10). Восприимем же, братия мои, труд и подвиг, чтобы со всем тщанием

совершенно отсекать от себя всякое зло и исполнять все заповеди Христовы, да сподобимся непрестающих утешений в Царствии Небесном. Аминь.

Слово двадцать третье

Трем страстям бывают порабощаемы люди: сребролюбию, славолюбию и сластолюбию.

Всякий человек, рождающийся в мир сей, трем бывает раб страстям: сребролюбию, славолюбию и сластолюбию. Это потому, что он не знает или забывает, что мир сей есть место осуждения и праведного, но снисходительного наказания за первое преступление прародителя нашего, Адама, и что одна смерть есть упокоение от мучительных тягостей мира. Почему, не видя впереди смерти и думая, что только и жизни есть, что настоящая, он с самого начала сей жизни начинает собирать деньги и вещи, чтоб жить без бедности и печали; успевая же умножить со временем свое имущество, хочет быть почитаем и славим; а вместе с тем, как еще только приходит в возраст, взыскивает наслаждения удовольствиями, но как чувственный – взыскивает чувственного, как видимый – видимого, как временный – привременного. Ибо ограничивающийся видимым не станет воззревать в невидимое; как, наоборот, живущий в невидимом не подумает воззреть на видимое. Но всякий рождающийся в мир сей видимый, если не будет научен другим кем, не знает, что есть еще, кроме видимого, и невидимое; и не только этого невидимого не знает, но не знает видимого, не знает, что и сам он прехо-

дящ и привременен, и создан не для того, чтоб навсегда пребывать в этой жизни, а предназначен для другой, будущей и вечной жизни, в сем же мире находится для того только, чтоб воспитаться, предустроиться и приготовиться для той жизни – будущей.

Знать нам надлежит, что если случится кому быть пленену этими тремя страстями, то после, хоть бы и захотел, не может освободиться от них сам собою, но имеет нужду в высшей помощи и силе, чтоб избавиться от них: подобно тому как птица, попавшись в крепкие сети, не может высвободиться из них, сколько ни бейся она крыльями своими. Эти три страсти точно суть сети и тенета диавола, запутываясь в которые, попадает человек во власть его; и если кто умрет, будучи порабощен им, то пойдет прямо туда, где и диавол, поработивший его себе через них. *Имже бо кто побежден бывает, сему и работен есть* (2 Пет. 2, 19). Такую великую силу над нами имеют сии страсти и потому, что предметы их мы всегда видим пред глазами своими, и потому, что они кажутся крайне необходимыми в мире сем, и потому, что услаждают и сластью сей влекут к себе желания человека и, возбуждая в нем похоти, побеждают собою, а потом убеждают сего, побежденного ими, думать, что за тем только и родился он в мир сей, чтобы наслаждаться ими одними.

Случается, что иной с самого начала жизни не бывает увлечен этими тремя страстями; впрочем, до конца жизни не может и он сохранить себя непобежденным ими, но мало-по-

малу со временем побеждается и он, если не поспешит занять сердца своего ничем высшим и сладостнейшим. У христиан сие достигается тем, что они заранее облекаются во всеоружие Божие, сильное, разнообразное и многоприменительное, которое есть Сам Христос, от полноты Коего приемлют они умную некую силу и причащаются таким образом от Него животворящим душу причащением. Ибо которые во Христа крестятся, во Христа облекаются и начинают жить силою Его. Кто хранит сию благодать, тот силен бывает пребыть непорабощенным от тех трех страстей, ибо для него явны другие истинные блага, для которых он родился в мир сей; и не только явны, но он и вкушает их, и услаждается ими с такою сладостью, какой не доставляют и не могут доставить блага мира сего.

Если случится кому из христиан увлечься сими страстями и поработиться им, тому надлежит опять прибегнуть ко Христу Господу и умолять Его; надлежит представить и ходатаев за себя, ища не того одного, чтоб прощены были ему грехи сии, но паче того, чтоб избавиться от рабства сим страстям, так как сам собою он, хотя бы и хотел, освободиться от них не может. Вместе с тем, как освободится он от сих страстей, дано ему будет удостоверение, что и грехи его все, из-за них совершенные, прощены ему; и силу восприимет он, чтоб не падать более в подобные грехи. Такова сила веры нашей, таков закон жизни о Христе Иисусе! И это так непреложно, что Карфагенский Собор в 125-м правиле своем постановил:

«Аще кто речет, яко благодать Божия, которою оправдываются во Иисусе Христе Господе нашем, действительна к единому токмо отпущению грехов, уже содеянных, а не подает сверх того помощи, да не содеваются иные грехи, таковый да будет анафема».

Что же это за рабство и что за тирания сих трех страстей? Это сила некая диавольская, скрытная, незаметно действующая, которая приводит душу в такое состояние, что она страдает сими тремя страстями, а между тем думает, что они хороши, покоят ее и радуют, и избавляют от скорби и печали. Сама она не довольна к тому, чтобы понять скрытый здесь обман диавольский, если не будет просвещена свыше от Бога. С нею то же бывает, что с иною беременною женщиною, которой захочется поесть какой-либо смрадной и отвратительной пищи, которую она одна находит вкусной и приятной. Ибо диавол всячески ухищряется, чтоб не было признано, что это он все делает скрытно и посредством сих трех обольщает и обманывает человека, заразившегося ими, не знающего, однако ж, таинства христианства.

Таинство же христианства есть сие, что мысленная сила Божества Христова, или Божественная благодать, входит внутрь крещаемых душ веры ради, а не за добрые дела, и производит в них такое изменение, что они не имеют уже более любви ни к богатству, ни к славе, ни к удовольствиям, показывая сим, что если любили они их прежде, то не сами от себя, а по обольщению и действию диавола. В те

же души, которые бывают порабощены сим страстям после крещения, невозможно войти опять такой благодати Божией иначе, как посредством истинного покаяния, чистосердечной исповеди, многих слез и воздыханий из глубины души. Все сие опять возвращает благодать Божию в души, из коих она удалилась было, как говорит и святой Григорий Нисский: «Уканувшая слеза равносильна купели, и болезненное воздыхание возвращает[3] благодать, удалившуюся на время».

Тогда злые и нечистые бесы, производящие в душах эту бессмысленную и бессловесную любовь к тем трем страстям, втягивающие в нее и в ней держащие, не могши стерпеть мысленной благодати Всесвятого Духа, опять подаемой душам через Таинство покаяния, убегают, и христианин делом познает свободу, какую дарует Христос Господь прибегающим к Нему и ищущим у Него помощи, и не перестает уже благодарить Спасителя своего, благоволившего и на нем исполнить обетование Свое: *аще Сын вы свободит, воистину свободни будете* (Ин. 8, 36). Получив же такую свободу Христову и причастившись Божественных Таин Тела и Крови Его, бывает он потом едино с Господом; и освятившись таким образом, если имеет деньги, имеет их, как бы не имел, потому что начнет почитать их тем, что они есть, т. е. прахом земным, и если имеет славу, то и ее имеет, как бы не имел, и если имеет жену, имеет ее, как бы не имел, как внушает апостол: *да имущии жены, якоже не имущии будут… и*

[3] В *греч.* буквально: опять втягивает внутрь, как дышащий воздух.

требующии мира сего, яко не требующе (1 Кор. 7, 29, 31). И еще: *мне же да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа, имже мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14). Сказав: *имже мне мир распяся,* апостол показывает, что если бы не пришел Господь, не сделался человеком и не принес Себя в жертву за нас и если бы не благоволил Он так устроить, чтоб всякий верующий в Него, преисполняясь освящения через приятие благодати Его, освобождался от уз мира, то никто никогда и не освобождался бы от них, т. е. не освобождался бы от тех трех страстей, – ибо они суть узы мира, – и все бы погибали, ибо другого пути ко спасению нет и быть не может.

Кто не испытал того, что мы сказали, не знает того и не хочет познать, тот всуе почитает себя верующим во Христа, всуе носит имя христианина. *Христос ничтоже не пользует* его (Гал. 5, 2). Ибо в таком случае он еще хуже грешит и большую над собою власть дает диаволу, чтоб одолевал его. Тщетен пост его, потому что и при нем поднимаются против него страсти греховные и паче подавляют его. И когда поет он или молитву деет, диавол с большей дерзостью и насилием поемлет ум его от предстояния Богу, так как он обычно предстоит Богу без должного внимания, без страха и благоговеинства, – и заставляет его помышлять о вещах пустых, а нередко и срамных, и им более внимать, нежели молитвам, произносимым устами его. Опять, если милостыню творит он, пропадает она даром. Кто подает милостыню, а между

тем не видит, чтоб душа его была разрешена, имела покой и свободу от уз сребролюбия, славолюбия и сластолюбия, у того, очевидно, милостыня бесплодна, и попусту тратит он то, что раздает. Кто настоящим образом подает милостыню, тот за нее получает от Бога великую милость, которая есть здравие души; здравие же души что другое есть, как не свобода и покой от тех трех язв?

И Царствие Небесное из душ, отходящих из сей жизни и переходящих туда, те только принимают, которые оказываются здравыми. Врачебница для расслабленного и болезненного естества нашего устроена здесь, на земле, и корни (врачебные) Царства Небесного находятся здесь же, на земле. Но и врачебница, и врач, и врачевство – все Христос Господь. Почему, если здесь еще в настоящей жизни не внидет в душу Христос и не воцарится в ней, то не оздравеет она, и нет ей надежды спасения, заключен для нее вход в Царство Небесное. Надлежит человеку здесь, на земле, родиться свыше от Божественной благодати, и тогда возможет он увидеть Царствие Божие. Кто не видит в себе Царствия Небесного, то есть не видит, что в нем царствует Бог, тот не родился еще свыше от Божественной благодати, и надлежит ему всячески взыскать того, чтоб родиться свыше, да узрит Царствие Божие еще здесь на земле.

Смотри еще, какое различное бывает проявление владычества этих трех тиранических страстей: сребролюбия, славолюбия и сластолюбия. Ибо иной между людьми бывает

сребролюбив, иной славолюбив, а иной сластолюбив, и никого нельзя найти, кто бы один имел все эти страсти в превосходной степени, но обыкновенно всякий обладаем бывает преимущественно одною из них, имея в то же время по частичке и от других двух. Но это не мешает, однако ж, ему, угождая одной своей страсти, приносить ей в жертву другие. Так сребролюбец ради умножения стяжания презирает и славу, и удовольствия: славу презирает, когда, ни во что ставя стыд и срам, не колеблется извлекать выгоду из того, что срамно и всеми презираемо, и притом самым бесстыдным образом; удовольствия презирает, чтоб не иждивать на них денег, над коими трясется. Славолюбец для славы презирает и деньги, и удовольствия: деньги расточает без разбору, только чтоб его славили и хвалили; и в удовольствиях опять себе отказывает, чтоб не посрамиться и не подпасть осуждению и бесчестию. Сластолюбец для удовольствия презирает и деньги, и славу: деньги блудно расточает на утехи и удовольствия сладострастия; славу и честь охотно попирает, лишь бы удовлетворить срамной похоти и вкусить сей сласти низкой, какими бы бесчестными делами сие ни достигалось.

Заметь притом, что ни один из этих трех не хочет отвратиться от обладающей им страсти, покаяться и исправиться, страхом ли вечных мук станешь вразумлять его или представлять ему утешение Царства Небесного: он и над адом смеется, и Царство Небесное презирает.

И что еще бывает? Сребролюбец пересмеивает славолюб-

ца и сластолюбца: славолюбца за то, что не берется извлекать выгоду из вещей низких и бесчестных; сластолюбца за то, что на пустые и мимолетные сласти расточает имение свое и богатство. Славолюбец пересмеивает сребролюбца и сластолюбца: сребролюбца – за то, что без разбора берется извлекать выгоду из вещей низких и бесчестных; сластолюбца – за то, что бросает себя лицом в грязь из-за минутного удовольствия и покрывает себя бесчестием. Сластолюбец пересмеивает славолюбца и сребролюбца: славолюбца – за то, что из-за пустой славы, чтоб тень некая бесчестия не пала на него, отказывает себе в удовольствии и томит себя целомудрием; сребролюбца – за то, что мучит себя воздержанием и довольствуется малым, чтоб только не тратить бесполезных денег. Так каждый, обладаем будучи своим демоном, осуждает бесщадно других, не обращая внимания на свою страсть, чтоб на большую быть осуждену муку по двум этим причинам – и за то, что предается своей страсти, и за то, что осуждает других, когда сам виновен в подобном же.

Итак, помолимся Христу Господу, единой надежде нашей, да избавит Он нас от этих трех язв и да освятит чувства наши, чтоб, слушая Божественные словеса, научились мы бесстрастно смотреть на вещи и, собираясь вместе, беседовали о том более, что ведет к покаянию и сокрушению, а не к охулению других и осуждению. Ибо если не исцелимся мы от этих болезней душевных, то тщетна вера в нас, тщетно благочестие, тщетны пост, молитва и милостыня. Все это быва-

ет для здравия души нашей. Если же душа наша все остается нездравою, то к чему все это? И что за вера у нас во Христа? Ибо кто как должно верует во Христа, тот имеет жизнь вечную в себе, которая есть благодать Господа нашего Иисуса Христа. Кто же верует во Христа, а жизни вечной в себе не имеет, того тщетна и бесполезна вера. Да взыщет же таковой – восприять жизнь вечную, т. е. Божественную благодать, чтоб познано было, что истинно верует во Христа. Кто не имеет благодати Христовой, тот есть от части диавола, как неверный, потому что не есть от части Христа. Ибо как жизнь вечная, т. е. Божественная благодать, познается из веры, так и вера познается из восприятия жизни вечной. Каковую да сподобимся получить и мы еще здесь – в настоящей жизни, чтоб быть причастными оной и во веки веков, благодатию Господа нашего Иисуса Христа, в Которого веруем. Аминь.

Слово двадцать четвертое

1. Бог никого не создал быть рабом другого человека, тем менее демонов.

2. О бессловесном гневе и похоти и отчего подвергается им человек.

3. Как для телесного зрения потребны здравые глаза, соразмерное расстояние, чистый воздух и свет солнца, так и для умного зрения потребно все такое мысленно.

1. Премудрый и всеблагой Бог для бытия в мире сем создал отца и сына, но не раба и наемника. Ни первый отец наш не был рабом или наемником, ни первый сын. Ибо кому бы они были рабами и наемниками? Рабство и наемничество явились уже после: рабство произошло от вражды людей между собою, по коей начали воевать друг против друга и друг друга порабощать, а наемничество от бедности и недостатков, кои одолевать начали слабейших по причине жадности и корыстолюбия сильнейших. Таким образом, и раб, и наемник произошли от греха и зла, воцарившихся среди людей, ибо без насилия и бедности ни рабом никто бы не был, ни наемником. Кому придет желание быть ими, когда рабы и наемники не то делают, что хотят и что им нравится, но то, что хотят их господа? Причиною сего – диавол, злая умная сила, от Бога отступившая. Он развел злобу между

людьми и обольстил их полюбить ее. И вот они вооружаются друг на друга, думая, что удовлетворяют своим желаниям, и не видят, что тем диаволу работают и у него состоят в рабстве. Эти попрания друг друга, эти хищения и захваты и всякие неправды суть дела сего рабства. Вступившие в сей чин рабства делаются бесчеловечными, гордыми и совсем бесчувственными. Не чувствуют они никакого к другим сострадания, не чувствуют и своего бедственного положения, того, что состоят на работе и в рабстве у диавола. Не чувствуя же сего, не желают избавления; не желают, – и не ищут его. И все таковые, язычники ли они и безбожники, неверные или верные христиане, по причине сего рабства диаволу суть часть диаволова, далеко отверженные от Бога, не могущие пребывать в дому Его вовеки.

Великая потребна сила, чтоб освободить их из рук диавола, поработившего их и держащего в своем рабстве. И другой такой силы нет и быть не может, кроме единого Христа Господа, Который есть сила Бога и Отца. Итак, кого Он освободит, тот воистину свободен бывает, потому что бывает чист, целомудр, благ, праведен, благочестив, человеколюбив, благоутробен, милостив, кроток, сострадателен, воздержен, – словом сказать, бывает человеком, каким ему подобает быть. Те же, которые не таковы, суть или бессловесные животные, или демоны, хотя по внешности они православные христиане. Такие христиане паче повинны и тягчайшему наказанию; и Христос, пришедший избавить их от раб-

ства диаволу, ничтоже пользует им, не потому, чтоб Он не мог или не хотел избавить, а потому, что они сами не хотят быть избавленными и не ищут Его должным образом. Сие избавление одно и есть истинная свобода, получение которой превосходит всякую силу человеческую. Почему Христос, Бог сый, и восхотел соделаться Человеком, и для того одного умер, чтоб освободить людей от рабства диаволу.

2. Некоторые думают, что человеческое естество по природе страстно, по природе подлежит страстям, и в доказательство того указывают на гнев и пожелание. Но дело не так есть, как они говорят: ибо гнев и пожелание даны Богом естеству человеческому не как страсти, каковы они теперь, а как добрые расположения; и человек получил эти блага от благого Бога как признаки, показывающие в нем разумную тварь. Если гнев и похотение даны и бессловесным животным, то даны не в том же значении, как даны они человеку. И плоть человеческая есть плоть, но она не одинакового достоинства с плотями зверей и скотов несмысленных. Даны человеку гнев и пожелание, но ему дан и ум; и пока ум сей был здрав, пребывали в своем чине и эти движения, именно: пожелание устремлялось к мысленным благам Божиим и их вожделевало, а гнев (через раздражение, ревность) опять это же самое пожелание раздражал и приводил в напряжение, чтоб оно с большим рвением вожделевало оных благ Божественных и, мало-помалу востекая горе, приблизилось к Богу и Им услаждалось. Но поелику ум наш занемог и поте-

рял здравие, которое хранило его в должном порядке, и, как больной и поврежденный, вышел из своего чина и растлился, и стал, вместо того чтоб помышлять о небесных благах, помышлять только о мирском, то по сей причине вожделевает он того, что несообразно с ним, и гневается неразумно, и через то уподобляется зверям и скотам. Но христианин, который сделался здравым по уму благодатию Христовой, опять вожделевает только Божиих благ, для которых даны естеству человеческому и гнев (раздражительность, энергия), и пожелание. Тот же христианин, который не таков, еще не сделался христианином, и пусть он не обманывает себя.

Таким образом, гнев и пожелание не первоначально суть страсти, но стали таковыми вследствие потери умом нашим здравия. От этого гнев стал бессловесным и пожелание бессмысленным. Но как же это сделалось?

Душа, как умная сила, единична и проста и не сложена из разных частей, чтоб могла страдать вследствие какой-либо недолжной перемены в них, – как тело, сложенное из четырех стихий, по необходимости страдает от излишества или оскудения какой-либо из них сверх меры. Простая и несложная душа не может подобным образом заболеть и страдать. Как же заболевает она и страдает? От изменения ее помыслов и стремлений, когда, будучи умною силою, устремляется она к бессловесным пожеланиям и неразумному гневу. Это же от чего бывает? Это бывает от стороннего влияния. Есть иные мысленные силы, демоны, которые мысленно прибли-

жаются к душе и искушают ее, возмущая ее естественные движения, ибо она всегда находится в движении, будучи по естеству приснодвижна. Так, когда душа хочет зреть право, демоны наводят некий мысленный мрак и мешают ей зреть право и непогрешительно, но призраки и фантазии принимать за истину. Так же возмущают они и пожелания, обращая их на недолжное через прельщение призрачными благами. Так совершилось первое падение; так и теперь грешат и заблуждаются люди.

По причине преступления Адамова расстроились силы естества человеческого, т. е. ум, желание, чувство. Почему может он умствовать, но умствует неправо; может желать, но желаниями неразумными; может являть ретивость (гнев, раздражение, рвение), но бессмысленно. От сего мысли и помышления его, то, как он о чем думает и как что представляет, и то, что и как чувствует, все это криво и ошибочно. Враг наш, диавол, с клевретами своими – бесами, произведший первое падение, мысленно втесняется в сие наше внутреннее настроение, паче и паче возмущает его и, держа нас в нем, как в облаке каком мрачном, заставляет во всем творить его хотения на пагубу самим себе.

Врачует нас от такой болезни душевной всеблагодатная Господа нашего Иисуса Христа баня пакибытия, которая восстановляет в свой чин все способности души и, давая им достодолжное направление, исполняет силою следовать по нему. Чтоб видно было, как и куда следовать, для сего

в Евангелии и Апостоле прописаны законы и правила, по коим приснодвижная душа может приводить в гармонию и держать в чине и порядке все движения разнообразных сил своих, ясно усматривая, что право и что неправо во всех отношениях. После же того, как долгим опытом навыкнет она право зреть и право шествовать, отразив и далеко от себя отогнав диавола, докучавшего ей непрестанно своими превратными внушениями, т. е. после того, как уразумеет всякую истину и украсится всякою добротою, и будет всегда заниматься лишь подобающим ей и углубляться в то, – привлекает она наконец к себе Самого Законодателя Бога, и Он, пришедши, упокоевается в ней, исполняя оное предивное обетование Господа Спасителя, Который сказал: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидема и обитель у него сотворима* (Ин. 14, 23). И вот тайна истинной духовной жизни, которой не могла познать вся мудрость мира сего, по сей причине именуемая бессловесным пастбищем, ибо разумная пища души есть именно это благодатно-духовное таинство.

3. Каждому из нас надлежит знать Бога, самого себя и демонов: Бога знать, что Он есть Господь и Властитель всяческих и что един Он может спасти; себя знать, что бессилен в мысленной брани; демонов, что они суть тайные враги наши и что они воюют против нас посредством нас же самих, что очень странно.

Как для телесного зрения, для того, чтобы с верной точ-

ностью рассмотреть то, на что оно смотрит, нужны четыре вещи – здоровые, без всякого повреждения, глаза, целесообразное их движение и направление, соразмерное расстояние между ними и предметом, чистый воздух и свет солнца, освещающий наблюдаемое, так и для мысленного зрения душевного потребны: ум совершенный, целесообразное его движение и устремление или созерцание, как уздою, страхом Божиим удерживаемое на едином, чтоб не переходило от него к неуместным воображениям, и чистый мысленный воздух, который бы освещаем был истинным светом, просвещающим всякого человека, вступающего в мир добродетелей. Свет сей всюду проникает и везде светит, и нет никакой преграды, которая могла бы пресекать его освещение. При всем том, однако же, для душ неверных он не виден, и виден только одним тем, которые верны Христу. Верные же воистину души суть те, которые после Святого и Божественного Крещения ни в чем не преступают ни одной заповеди Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и могут потому с чистой совестью петь с Давидом, говоря: *ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех* (Пс. 118, 128). Таким образом, верность заповедям служит чертою разделения между верным и неверным. Ибо как в каждом исполнении заповеди Христовой видятся вера и исповедание Христа Господа, так во всяком нарушении заповеди Его находятся неверие в Него и отречение от Него.

Таким верным душам, всегда неуклонно исполняющим

повеления и законы Господа, Он, по мере веры их и по мере их Ему повиновения, дает чистое и верное умное зрение. Это зрение, о коем я говорю, есть знание, коим верно знают, что есть истинно добро и что не есть истинно добро, что есть истинно зло и что не есть истинно зло, чтоб не смотреть на пагубу душ, как на спасение, и на спасение, как на пагубу, или не почитать истинно злое истинно добрым, и наоборот, истинно доброе истинно злым; но чтоб как, когда видим золото рассыпанное, бежим подбирать его, и когда видим пропасть, бежим от нее, чтоб не упасть в нее, так и когда увидим в чем волю Божию, с желанием устремлялись к тому, и когда увидим грех, бежали от него, чтоб не пасть в него и не сокрушились кости наши, т. е. силы души нашей, и мы не сделались бессильными более стоять ни в целомудрии, ни в правде, но, падши, как немощные и расслабленные, не начали валяться в нечистотах и любостяжаниях, не чувствуя совсем беды своей и не скорбя о горестном состоянии своем, а паче радуясь тому, как несмысленные и потерявшие ум.

Ибо как для того, чтобы видеть видимые твари, потребен чувственный свет, так и для того, чтоб видеть мысленные вещи, потребен свет умный. Почему есть два светила, которые светят: светило чувственное и видимое – солнце, дающее свет для очей телесных, чтоб видели чувственное и видимое, и светило умное, Солнце Правды, Господь наш Иисус Христос, подающий свет умным очам душевным, чтоб мысленно видели мысленное и невидимое. И как если не вос-

сияет сие чувственное солнце, нельзя видеть, где гладкие и ровные места, где чистые пути, так и если не воссияет умное наше солнце, нельзя видеть стремнин зла и ровных путей правды, красящихся повелениями Божиими.

Посему, если какой христианин идет путем зла и делает все одни злые дела или большею частью злые, таковой еще не сделался христианином, ибо христианин, как только окрестится, тотчас исполняется Божественным светом, почему есть и именуется просвещенным. Просвещенный идет при свете и видит стремнины и преткновения, а кто не видит их – значит, не имеет света, не просвещен; как же можно почесть его христианином? Если он и говорит, что видит, то лжет. Если бы видел, не падал бы в пропасти зла. Видит и он, но видит, как непросвещенные, т. е. некрещеные. Ибо и эти различают добро от зла и, однако же, не избегают зла, потому что не видят ясно, в чем главным образом состоит добро и в чем главным образом состоит зло. Таким образом, кто не видит ясно и не смутно, что добро и что зло, тот еще не христианин.

Да восподвизается же таковой в стенаниях, слезах и пощениях, в покаянии и молитве прийти к истинному и совершенному Свету, просвещающему всякого человека, грядущего в мир добродетелей, чтоб Он, уврачевав умные очи его и укрепив естественные силы души, дал ему возможность право видеть *благую, угодную и совершенную волю Божию* и исполнять ее с великой готовностью и теплым желанием.

И вообще, которые не чувствуют умно богодейственной силы, приемлемой в купели Святого Крещения, которая именуется и есть баня пакибытия, истинного обновления и всецелого воссоздания падшего естества нашего, таковым потребно взыскать святых и просветительных мужей духовных, сделать им чистосердное исповедание, упросить их, чтобы научили их, что им должно знать и что делать как христианам, принять от них молитву (разрешительную на исповеди) и благословение с возложением честных рук их и таким образом восприять опять Божественную благодать (обновления). Ибо если естественные силы души не будут очищены от скверност и срамот, какими они завалены по причине грехов, и если не получат затем должного врачевания, преобразования и укрепления, то с ними нет никакой возможности исполнять волю Божию. Больное и немощное прежде должно быть уврачевано и укреплено, чтоб быть гожим на служение, потому что пока что больно, дотоле оно ни к чему не гоже.

От незнания того, о чем мы теперь говорили, многие христиане, несмотря на то что в великих подвизаются подвигах, все еще остаются немощными и больными, и, выходит, трудятся напрасно. Многие так и умирают неисправленными и неуврачеванными, и там, конечно, должны бывают испытывать огнь вечного осуждения, от коего да избавимся все мы благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Емуже подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцом и Пресвятым Духом, вовеки. Аминь.

Слово двадцать пятое

1. О страстном, неверном и лукавом или злом настроении.

2. В чем состоит единение Бога с сынами света, и как оно происходит?

1. Тьма, братия мои, никогда никакого не имеет общения со светом, но они противоположны. В начале, когда Бог сказал: *да будет свет,* то как только явился свет, тьма тотчас исчезла; и опять, как только скрывается свет, тотчас появляется тьма. Подобным образом неверие противоположно вере, неведение – знанию, ненависть – любви. Адам все время, как хранил веру, которую имел к Богу, находился в раю и в жизни бессмертной. Но когда развратился прелестью врага рода человеческого – диавола, и впал в неверие, то осужден был на смерть и изгнан из рая, – и вместо Божественного и духовного ведения воспринял знание плотское и страстное. Ибо когда омрачились умные очи души его, кои суть ум и мысль, тогда прозрел он плотскими очами и начал смотреть на видимое страстно. Если бы не отпал он от ведения и созерцания Бога, то не ниспал бы в это страстное знание, которое есть совершенное неведение истинного добра.

Те, которые находятся в прародительской тьме, с какою родились, т. е. в этом плотском и страстном ведении, и не

хотят богодарованными способами взойти к видению умного Света, т. е. к Божественному ведению, из которого ниспал Адам, почитают неприятелями и врагами себе тех, кои вновь рождаются духовно от умного оного света и ведут беседы о делах света, потому что такие речи сильно уязвляют их и ранят. Как луч солнца, входя сквозь какое-либо отверстие в темный дом, бьет некоторым образом будто стрелою ту тьму и разгоняет ее, так и слова богопросвещенного духовного и преподобного мужа бывают как бы мечом обоюдоострым для сердца человека плотского, причиняют ему боль и муку и подвигают на противоречие и ненависть к говорящему их по причине неведения и неверия слышащего. Если же кто из таких имеет еще высокое о себе мнение и почитает себя многознающим, хотя поистине ничего не знает как следует, то он и Ангела, если бы он сошел к нему с неба, прогонит. Хоть апостола увидит он, хоть пророка, отвращается от него как от заблуждающегося и других вводящего в заблуждение. О, какое безумие! Слепой почитает слепым того, кто видит, и поистине лжесловесник почитает лживыми слова духовного и божественного мужа. Слепой, когда кто ночью говорит ему, что теперь солнце не светит, или среди дня, что теперь не ночь, – не верит тому, а думает, что его обманывают или посмеиваются над ним, и сколько ни толкуй ему, что день светел, а ночь темна, как это и на деле есть, не может взять того в толк, потому что слеп и ничего не видит. Так и те, которые находятся во тьме страстей, у которых

ум омрачен неведением о вещах духовных, – или, прямо говоря, те, которые не имеют ума Христова (а умом Христовым я называю Дух Христов, то есть благодать Всесвятого Духа, просвещающую и подающую духовное Божественное ведение), почитают несмысленным того, кто имеет ум Христов, а того, кто не имеет ума Христова, т. е. Божественного оного ведения и сокровенной премудрости, почитают здравомыслящим, потому что обладает человеческим ведением и внешней мудростью. О таковых добре говорит пророк Давид: *вкупе безумен и несмыслен погибнут* (Пс. 48, 11).

Таковые извращают и вкривь перетолковывают все Божественное Писание по похотям своим, и некоторым образом растлевают его страстями своими, хотя при сем не Божественное Писание растлевается, а растлеваются они сами – кривотолкователи его. Итак, эти, не имеющие правого суждения о вещах, но омраченные страстями и по гордости не принимающие наставления от других, как возможно, скажи мне, чтоб они сами собою постигли и уразумели Божественное и духовное? Как слепой и не видящий света солнечного не может читать письмен, светом освещенных, так и тот, кто слеп умом и не имеет ума Христова, никак не может понять и уразуметь вещей, кои суть во свете Христовом, и хоть бы он тьмы раз перечитывал написанное о них в Божественных Писаниях, невозможно, как думаю, чтоб он усмотрел что-нибудь и что-либо понял в духовном, невещественном и световом, будучи сам овеществлен и омрачен. – И да не пре-

льщает вас кто-либо из таковых!

2. Бог Свет есть и сообщает от светлости Своей тем, с коими соединяется, по мере очищения их. И тогда погасшая лампада души, т. е. омраченный ум, познает, что зажглась и засветилась, потому что объял ее Божественный огнь. О, чудо! Человек соединяется с Богом духовно и телесно, потому что душа его при сем не отделяется от ума, ни тело от души. Так как Бог вступает в единение со всем человеком, т. е. с его душою и телом, то и сей соделовается тройственным – как бы триипостасным по благодати, – из тела, души и Божественного Духа, от Коего приял благодать. Тогда исполняется сказанное царем пророком Давидом: *Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго* (Пс. 81, 6). Сынове Вышнего – по образу, то есть, Вышнего и по подобию, так как сподобились быть порождениями Божескими от Божественного Духа.

К таковым пристойно сказал и всегда говорит Христос: «Будьте во Мне, да плод мног принесете» (Ин. 15, 4), – многим плодом называя множество людей, через них обретающих спасение. И еще говорит: «Розга, если не будет на лозе, изсыхает и в огнь ввергается. Будите убо во Мне, и Аз в вас» (Ин. 15, 6, 4). А что Христос пребывает в нас и мы в Нем, сему Сам Он учит, когда говорит: *яко-же Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут* (Ин. 17, 21). И желая полнее представить сие, снова берет слово и говорит: *Аз в них, и Ты во Мне, да будут совершени во едино* (Ин. 17, 23). Для большего же еще убеждения слушавших говорит и

сие: *и Аз славу, юже дал еси Мне, дах им, да будут едино, якоже Мы едино есма… да разумеет мир, яко… возлюбил еси их, якоже Мене возлюбил еси* (Ин. 17, 22, 23). Очевидно теперь, что как Отец по естеству пребывает в Сыне и Сын во Отце, так и те, которые, истинно уверовав, родились снова от Духа Святого и сделались братьями Христу и Богу по дару Его и сынами Божиими, пребывают в Боге и Бог в них, по благодати.

Которые же не сделались таковыми и всецело не изменились деянием, разумом и созерцанием, – такие как не стыдятся говорить, что они христиане? Как дерзают они отверзать уста свои и без стыда возвещать сокровенные тайны Божии? Как не стыдятся они ставить себя в число истинных христиан и духоносных мужей, не имея ничего в себе духовного, и не только радения, но и помышления о том не имея?

Как некоторые из таких не трепещут вступать на степень диаконства и иерейства и священнодействовать Пречистое Тело и Кровь Господа? Поистине недоумеваю. – Конечно, слепота ума и сопутствующие ей нечувствие и неведение, и рождающееся от них самомнение делают то, что такие попирают, как прах, истинное золото и многоценный камень, Господа нашего Иисуса Христа. Но горе таковым за эту их страшную дерзость, по коей осмеливаются они восходить на такие степени, с такой великой богонебоязненностью и небрежением о Божественных вещах, как будто малых и ничтожных, – и это для того только, чтоб казаться выше дру-

гих. И кто после сего будет называть их христианами?

Это сказали мы для тех, которые говорят, что знают все это, и думают о себе, что значат что-нибудь, тогда как ничего не значат, и как на картине представили им в настоящем слове, что такое суть истинные христиане, чтоб они сличили себя с этим первообразом и познали, сколь далеки они от истинных христиан. – Что же касается до вас, рабы Христовы, которые любите поучаться и всегда уготованным имеете слух, да слышите, – то Сам Владыка всяческих Христос во Святом Евангелии взывает к вам, говоря: *дондеже свет имате,* теките ко свету, *да тма вас не имет* (Ин. 12, 35): теките покаянием, теките стезями заповедей Христовых, теките, пока стоит время воссиявания сего света, прежде чем постигнет вас ночь смерти и отосланы будете в вечную тьму. Теките, ищите, толцыте, да отверзется вам дверь Царства Небесного, и внидете в него, обретши его внутрь вас самих, как говорит Господь: *Царство Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21). Ибо те, которые умирают, прежде чем стяжут Царствие Небесное, где и когда они обретут его, когда отходят туда, где всегдашняя тьма? – Итак, здесь, в сей жизни, повелено нам взыскать его и обрести, толкая в двери его посредством покаяния и слез. И если будем так делать, Христос обещает нам даровать сие Царствие; а если не станем так делать, не послушаем Владыки нашего Христа и не потщимся, пока еще находимся в жизни сей, принять от Него Царствие Небесное внутрь себя самих, то, когда отойдем ту-

да, услышим от Христа такие слова, которые Он праведно скажет нам: что ищете здесь то, что не хотели взять, когда Я давал вам то в свое время и в своем месте? Не умолял ли Я вас много раз: потрудитесь немного, и Я дам вам Царство Небесное, а вы не хотели и презрели его, предпочетши ему земное и тленное? Теперь же что ищете? Какими делами можете вы стяжать его здесь от сего часа и далее, когда теперь не время делания, а время воздаяния?

Сего ради прошу вас, братия мои, будем со всей готовностью и со всем тщанием соблюдать заповеди Христовы, чтоб сподобиться и жизни, и Царства вечного, и не услышать вместо того здесь, в настоящей жизни, такого присуждения: *иже не верует в Сына, не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем* (Ин. 3, 36), а в будущей такого приговора: *не вем вас, откуду есте, отступите от Мене* (Лк. 13, 27); но услышать утешительный глас: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25, 34). Исполнением заповедей Моих вы напитали, напоили и упокоили Меня, алкавшего, жаждавшего и искавшего спасения вашего, и пришли ко Мне, очистив сердца ваши от всякой скверны и нечистоты греха. Насладитесь же теперь благами Моими, наслаждением неизреченным, в коем жизнь вечная и бессмертная, которую да будет улучить всем нам благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава и держава, со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово двадцать шестое

О покаянии и против тех, которые криво толкуют следующие слова божественного Павла: ихже предуведе, тех и предустави, и прочее (Рим. 8,29 и др.).

От многих людей слышу, которые говорят, что поелику Бог, как говорит божественный Павел, предуведал имеющих спастися, и предопределил их, и призвал, и прославил, то какая мне польза поднимать всякий труд, показывать свое обращение и покаяние, если я не предуведан Богом и не предопределен, да спасен буду? – Таковым вот что надлежит сказать в ответ: – О братия мои! чего ради помышляете вы не то, за что спасены быть можете, а то, за что подлежите мучению? Зачем берете вы из Святого Писания лишь неудобопонятные слова, криво их толкуете и превратно понимаете, к погибели души вашей? Не слышите разве, как Сам Господь каждый день взывает: *живу Аз, не хощу смерти грешника, но еже обратитися нечестивому от пути своего и живу быти ему* (Иез. 33, 11)? Не слышите ли, что и еще говорит Он: *покайтеся, приближися бо Царство Небесное* (Мф. 4, 17)? – И опять: *радость будет на небеси о едином грешнице кающемся* (Лк. 15, 7)? Или, может быть, Он сказал где-либо – одним: вы и не кайтеся, потому что Я вас не приму, – а другим, т. е. предопределенным: вы кайтеся, потому что Я имею

вас предопределенными? – Нет и нет. Не сказал и никогда не скажет так Господь; напротив, каждый день в каждой церкви вопиет Он на весь мир: *приидите ко Мне, вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Приидите, говорит, обремененные грехами, к Тому, Кто вземлет грехи всего мира. Жаждущие спасения, притецыте к вечно биющему и неиссякаемому Источнику спасения. Исключил ли Он здесь кого-нибудь, и одного как предуведанного позвал, чтобы шел к Нему, а другого отогнал, как непредуведанного? Никак нет.

Потому, братия мои, не покушайтесь *непщевати вины о гресех,* не придумывайте предлогов к оправданию своего нерадения и своей поблажки грехам, и от слов апостола не берите повода к своей погибели; но все, и малые и большие, теките ко Христу Господу, вас призывающему. Блудный ли сын есть кто или мытарь, блудница или разбойник, или другое что бы то ни было подобное, Владыка Христос ни от кого не отвращается, но тотчас снимает с него ношу грехов его и делает его свободным от них. Как же снимает эту ношу? Так же, как некогда снял Он ее с расслабленного, говоря ему: *дерзай, чадо, отпущаются ти грехи твои* (Мф. 9, 2). С этим словом расслабленный тотчас облегчился от ноши своей, и тело его восприяло здравие. Итак, да прибегает к Нему всяк, кто хочет. Один пусть взывает: *сыне Давидов, помилуй мя!* И когда, услышав то, Он спросит: *что хощеши, да сотворю тебе,* пусть отвечает: *Господи, да прозрю,* – и тотчас услышит

от Господа: *прозри,* и – прозрит (Мк. 10, 48 и др.). Другой пусть говорит: *дщи моя,* душа, *зле беснуется,* и услышит от Него: *Аз пришед исцелю ю* (Мф. 15, 22; 8, 7). Если кто нерадив и не хочет сам о себе тещи ко Христу, по крайней мере, когда увидит Его идущим к Себе и посредством учителей и проповедников Евангелия говорящим ему: *гряди по Мне,* пусть идет вслед Его, подобно Матфею мытарю (Мф. 9, 9), оставя мытницу свою, т. е. любоимания. И я уверен, что Он сделает его из мытаря евангелистом. Хоть бы кто, подобно тридцативосьмилетнему расслабленному, долгие годы лежал на одре сластолюбия и беспечности, и увидит, что Владыка Христос – или мысленно воздействием благодати, или в лице какого-либо духовного мужа, – грядет к нему и говорит: *хощеши ли здрав быти?* – да восприимет тотчас слово с радостью и скажет: ей, Господи, хощу, но человека не имам, который вверг бы меня в купель покаяния; и если Господь скажет ему: *встань, возьми одр твой и гряди вслед Меня,* – да восстанет с готовностью и да грядет со тщанием по стопам Того, Кто так свыше воззвал его.

А если кто не хочет возлюбить Христа, как возлюбила Его блудница, или обратиться к Нему с теплым покаянием, как блудный сын, или притещи к Нему, как кровоточивая, то зачем еще *непщует вины о гресех,* – придумывает предлоги к оправданию своего греховлюбия, говоря, что которых предуведал Бог, тех и призвал? К тому, кто придумывает такие предлоги, праведно сказать можно: воистину Бог, все от

века ведущий прежде события, предвидел и тебя, что ты не захочешь послушать Его, когда Он позовет тебя, и не поверишь обетованиям Его и словесам; однако ж, несмотря на то, что знал сие, преклонив небеса, сошел на землю и соделался человеком по любви к тебе, – и теперь приходит туда, где ты живешь во грехах своих, каждодневно посещает тебя, иногда Сам в Своем лице через просвещение благодати Своей, а иногда через рабов Своих призывает тебя, чтоб восстал ты от падения своего и от греха, в котором валяешься, и последовал Ему, восшедшему на небеса, и вместе с Ним вошел в Царство Его; но при всем том ты не хочешь того. Итак, скажи же мне, прошу тебя, кто виновник твоей погибели и твоего непослушания. Ты – непокоривый и не хотящий последовать Владыке своему, или Он, создавший тебя и, несмотря на то, что, яко Всеведец, предвидел, что ты не послушаешь Его и пребудешь в своем жестокосердии и нераскаянности, все же позвавший тебя ко спасению? – Я уверен, что ты не решишься ответить, что Он виновник, а всячески сознаешься, что виновен во всем ты сам.

Предведение Божие не есть причина нашего ожесточения, а наша непокоривость. Бог все наперед знает и что было, и что есть, и что будет; все знает Он прежде события и видит то так, как бы оно было присуще и совершалось пред лицом Его, потому что все от Бога имеет свое бытие и существование и все прежде бытия находится в Его творческом уме, – первообразы всех вещей находятся там внутри. Но подобно

тому, как царь земной на зрелище видит и пускающихся наперегонки, и вступающих в борьбу, но не он бывает причиною ни победы тех, которые из них окажутся победителями, ни поражения тех, которые окажутся побежденными, а ревность и старание победителей бывает причиною победы, и леность и нерадение побежденных бывает причиною их поражения, так рассуждай и о Боге. Он, после того как почтил нас самовластием и дал нам заповеди, научающие нас, как бороться с мысленными врагами нашими, оставил в нашей уже власти – противоборствовать ли диаволу и его побеждать или предаваться беспечности и быть от него побеждаемыми.

Впрочем, и при этом Он не оставляет нас одних в борьбе, зная немощь человеческого естества, но Сам присущ нам бывает во время брани, вспомоществует нам, когда возжелаем бороться с врагом, и таинственно подкрепляет нас силою Своею, – так что более Он побеждает врага, нежели мы. Этого земной царь не может делать, потому что и сам, будучи человеком немощным и слабым, имеет нужду в помощи своих подданных. Но Бог, будучи всесилен и непобедим, вспомоществует тем, которые произволением своим хотят противоборствовать диаволу, и делает их победителями злого диавола. А тех, которые не хотят противодействовать диаволу и бороться с ним, Бог не принуждает, чтоб не нарушить самовластия разумного естества нашего, которое Он создал по образу Своему, и не низвести нас в чин бессловесных жи-

вотных.

Итак, Бог видит нас свободно действующими, подобно тому как земной царь видит подвизающихся на зрелище. Но земной царь не знает наперед, какие победят и какие побеждены будут, пока не увидит тех и других на деле в конце зрелища. Почему хотя и готовит наперед венцы, но не знает, кому их придется дать. А Царь Небесный прежде века знает и тех, которые имеют победить, и тех, которые имеют быть побежденными. Почему и сказал тем, которые просили, чтоб один сел одесную, а другой ошуюю Его во славе: *несть мое дати, но имже уготовася от Отца Моего* (Мф. 20, 23). Это самое знал и божественный Павел и праведно написал: *ихже предуведе, тех и предустави, а ихже предустави, тех и призва, а ихже призва, сих и оправда* (Рим. 8, 29, 30). Таким образом, не предведение Божие есть причина победы тех, которые имеют победить собственным произволением и рвением, или поражения и падения тех, которые имеют побеждены быть и пасть по нерадению и лености, но свободное произволение тех и других. – Ревность и мужество есть причина победы, а нерадение и разленение причина падения и пагубы.

Итак, когда предаемся мы нерадению и творим хотения плоти и мира, не следует нам говорить, что которых предуведал Бог и определил, те и спасутся, сами не понимая, что говорим. – Да, правду говоришь ты, что Бог предуведал, что ты будешь ленив, беспечен и нерадив, но не определил и не по-

становил, чтоб ты не имел власти покаяться, если захочешь, встать с одра беспечности и возревновать о спасении. Если будешь это говорить, то будешь тем утверждать, будто Бог лжив есть. Ибо когда Господь говорил: *не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мф. 9, 13), ты некоторым образом противное тому говоришь – тем, что не хочешь покаяться по злоумию своему, и через то как бы хулу изрыгаешь, будто неложный Бог изрек нечто ложное. Ты придумываешь такой предлог, что-де те, которые имеют покаяться, предопределены, – так те пусть и каются, которые предуведаны и предопределены; я же не из числа их. – О, горе душе, которая высказывает такие предлоги! Горе ей, потому что она хуже и самых бесов! Слыханное ли дело, чтобы бесы когда-либо произносили такое слово? Теперь уже нечего нам охуждать бесов, потому что вот и душа человеческая нашлась такая, которая изобретает злохуления, худшие бесовских.

Откуда же это ты, человече, узнал, что ты не из числа предуведанных и предуставленных – сообразными быть образу Сына Божия (Рим. 8, 29)? Скажи мне, кто сказал тебе это? Может быть, Бог открыл тебе то особо, или Сам от Себя прямо, или через какого-либо пророка, или через Ангела? Нет, говоришь, это я сам собою придумываю, что – ну-ка я не предуведан и не предуставлен быть спасенным, так весь мой труд и пропадет даром. – О, неразумный человек! – И почему бы тебе не держать лучше в уме своем, всею душою

твоею, того, что Бог послал Сына Своего единородного в мир и для тебя, для твоего собственного спасения, потому что предвидел и предопределил быть тебе братом и сонаследником Ему? А держа сие в мысли, не усердствовать и не ревновать возлюбить Его всею душою и исполнять заповеди Его? – Вот и был бы спасаемым. Уверовав так, как мог бы ты далее не веровать, что Тот, Кто тебя ради заклался на кресте, никогда не захочет оставить тебя, никогда не попустит погибнуть тебе? Или не слышишь, как Он Сам говорит: мать забудет порождение чрева своего, а Я не забуду тебя (Ис. 49, 15)? Если же ты сам себя делаешь недостойным Царства спасаемых и произвольно худыми делами отделяешь себя от спасаемого стада овец Христовых, сам и смотри, – никто другой не виноват в твоей погибели, кроме тебя самого.

Итак, братия мои, отринем всякое неверие, сомнение и леность, прибегнем ко Христу от всего сердца с непоколебимою верою и теплым расположением, как рабы, купленные бесценною Кровью Его; возблагоговеем пред сею Пречистою Кровью, данною в цену и искупление за нас; возлюбим Владыку нашего Христа, давшего ее для искупления нашего, и восприимем безмерную Его любовь, какую и имеет Он к нам, удостоверившись, что если б не хотел Он спасти всех нас, искупленных Честною Кровью Его, то не сошел бы на землю и не захотел бы быть закланным за нас. Ибо, как написано, желая всем спастися, соделал Он то, что соделал – и человеком стал, и распялся, и умер, – все для спасения всех нас.

Послушай Его Самого, что говорит: *не приидох,* говорит, *да сужду мирови, но да спасу мир* (Ин. 12, 47).

Адам, еще будучи в раю, был призываем Богом к покаянию, когда Бог сказал ему: *Адаме, где еси?* и: *кто возвести тебе, яко наг еси, аще не бы от древа, егоже заповедах тебе сего единаго не ясти, от него ял еси?* (Быт. 3, 9, 11). Но он не хотел покаяться, восплакать и взыскать прощения, а что делает? Выставляет жену причиною своего неразумия и греха, – за что со всею правдою изгоняется из рая. Поелику Адам не восхотел тогда покаяться, – и это по наущению злого духа, то Бог, пришедши на землю, всех потомков его призывает к покаянию, говоря: *покайтеся, приближися бо Царство Небесное* (Мф. 4, 17). *Приближися* – пред дверьми сердец ваших и уст ваших стоит. Отверзите верою сердца свои, и оно внидет внутрь вас. Тогда разверзется язык ваш и вы начнете петь: видехом свет истинный, обретохом веру истинную, прияхом Духа Святого, имеем, стяжали в сердцах наших сокрытую жизнь вечную. Припомни, как все было. Сперва позвал Бог иудеев, но они не захотели идти; потом стал звать через Сына Своего все языки (народы. – *Ред.),* и они послушали и притекли к Нему, – что и означает сказанное Им в притче относительно апостолов: *изыди скоро на распутия и стогны града, и нищия и бедныя и слепыя и хромыя введи семо* (Лк. 14, 21), – где под городом разумеется мир весь, под распутиями и стогнами роды языков, во всех странах живущие, под нищими, бедными, слепыми и хромы-

ми – ослепленные богоневедением и сокрушенные многими и разными падениями и грехами. Итак, всех призывает Бог от востока до запада, и иудеев, и эллинов.

Бог предвидел и упорство, какое имели показать иудеи неверием, и обращение, которое имели явить языки верою; при всем том от века предопределил, что все, которые захотят, иудеи ли то или эллины, все, которые захотят уверовать и креститься во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, и вкушать Пречистое Тело Сына Его, и пить Честную Кровь Его, – все такие будут оправданы и очищены от грехов и сделаются причастниками жизни вечной, как сказал Сам Владыка всяческих: *ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь имать живот вечный* (Ин. 6, 54). – Так вот, брате мой, предуведан и ты Богом и предопределен, и оправдан, и на жизнь вечную позван верою во Христа и Святым Крещением, и введен не в чувственный рай, в какой введен вначале первозданный, но на небо ко благам, сущим на небесах, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Трудись же теперь в добродетелях и храни заповеди Божии, или, лучше сказать, храни себя самого посредством заповедей, чтоб не преступить ничего из того, что заповедал тебе Бог, и не пострадать за то того же, что пострадал Адам, или даже большее того, теряя большие и небесные блага. Не предпочитай им ничего земного, и да не возобладает сердцем твоим никакое похотение вещей тленных и привременных, да не обнажишься от славы, коею прославлен ты во Христе, чтоб

некогда, как не имеющего одеяния брачного, не связали тебя по рукам и ногам и не ввергли во тьму кромешную, где плач и скрежет зубов.

Вера во Христа есть новый рай; и Бог от сложения мира провидел всех, которые уверовали и имеют уверовать в Него, коих и призвал, и будет призывать до скончания мира, призвав, оправдал и будет оправдывать, оправдав, прославил и будет прославлять, показывая их сообразными образу славы Сына Своего через Святое Крещение и благодать Святого Духа, таинственно соделовая их сынами Божиими и претворяя их в новых из ветхих и в бессмертных из смертных, с возложением на них и заповедей, подобно как возлагал на Адама. Таким образом, которые будут соблюдать заповеди до конца жизни, те восприимут потом и все блага, им предуготованные; а которые окажутся презрителями заповедей, нерадивыми и неблагодарными к Благодетелю своему, те ниспадут от благ тех, как ниспал и Адам из рая. И это построждут они не потому, что такими быть предопределил им Бог, а от своего собственного неразумия и злоумия. Посему Бог положил и среди сего рая, т. е. посреди сонма верующих, или посреди Церкви, спасительное древо покаяния, чтоб те, которые, по своему нерадению впадая в грехи, испадают от жизни вечной, опять посредством покаяния возвращались к сей жизни, еще в светлейшей и блистательнейшей славе. Ибо если б не благоволил устроить сие для нас человеколюбивый Бог, не благоволил т. е. даровать нам покаяние, то не спас-

ся бы ни один человек. Оставим же всякую другую заботу и одно восприимем попечение о том, чтоб достодолжно каяться, сколько достанет у нас сил на то, да сподобимся и настоящих, и будущих благ во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава во веки веков. Аминь.

Слово двадцать седьмое

Душеполезные наставления всякому христианину.

Возлюбленные в Господе братия мои! Послушайте, прошу вас, что, по долгу моему, каждодневно предлагаю вам в слове; с радостью примите подаемые мною вам наставления как душеспасительные, и позаботьтесь с усердием исполнить их для вашего же собственного блага. Посмотрите, как лживы и непостоянны блага мира сего, а между тем, как мало людей, которые бы не были ими увлекаемы! Как мало таких, которые бы ни сластолюбием не были порабощаемы, ни желанием славы людской не одолеваемы, ни сребролюбием не побеждаемы, ни терниями забот и попечений житейских не уязвляемы! И вот причина, почему так непостоянен и удобопревратен помысл человеческий! Он может установиться и стоять на одном только тогда, когда отвергнет все тленное, тварное и видимое, прейдет окружающую его тьму и срастворится с вечным, невидимым, постоянным и пребывающим. Ибо каково то, чем занят бывает помысл, таково бывает и состояние помысла; занимаясь постоянным, он постоянствует; занимаясь непостоянным, волнуется. Треволнения мира показывают, что блага его – не настоящие блага; а треволнения помысла дают разуметь, что состояние его – не достодолжное. Но каков помысл здесь, такова будет участь ду-

ши там.

Озритесь окрест и рассмотрите: все в мире сем треволненном начинает быть и престает, – здесь начинает быть, здесь и престает; но душа человеческая, яко сила, – единая между видимым невидимая, между телесным – мысленная, начиная быть здесь, не престает здесь, но преходит инуды, яко бессмертная. Пока она находится в теле сем, посредством тела видит и познает вещественное; но коль скоро отделится она от тела, в тот самый час отделяется она и от сношения со всем вещественным, перестает видеть то и помышлять о том, а вступает в соотношения с невидимым и мысленным и тем занята бывает. И если она сияет светом заповедей Христовых, то вступает в беспредельный свет всеблагого Божества и начинает вкушать великую и нескончаемую радость; если же окружена мраком прегрешений, то отходит – увы мне! – в нескончаемый мрак, растворенный с жгущим огнем.

Поелику все сие так есть воистину, и вы сами то признаете, то чего ради еще медлим мы с вами и не спешим избежать горькой оной темы? Чего ради говорим: горе сребролюбцам, славолюбцам и сластолюбцам, а не стараемся познать и восчувствовать, что и сами в таком же находимся состоянии, что и сами мы – и сребролюбивы, и сластолюбивы, и славолюбивы? Чего ради говорим, что воистину блаженны те, которые ищут Бога и всю надежду свою на Него единого возлагают, а своего собственного не чувствуем несчастья, как удаляющиеся от Бога и упования своего на Него не возла-

гающие? Чего ради думаете, будто веруете в Бога и исповедуете Его, а на деле не хотите Его знать и не верите Ему в словесах, которые Он говорит к нам? На что надеетесь вы, оставляя истинные и вечные блага и всецело предаваясь суетным и тленным?

Скажи мне, брате мой, как так говоришь: все это знаю я, знаю, что я смертен и что все видимое как тень преходит, что смерть безвестна и не имеет определенного времени, что слава праведных вечна и что стыд и мучение грешников нескончаемы, а между тем, говоря все это, не бегаешь зла? Если ты, как говоришь, видишь и знаешь все, то как спотыкаешься, будто слепой, и являешься на деле весь омраченным и бесчувственным душевно и телесно? Если знаешь, что добро, зачем делаешь зло, будто совсем безмысленный? Если знаешь, что все видимое как тень преходит, как не стыдишься рад бывать этим теням и сокровиществуешь тленное и привременное? О, возлюбленне! Или не замечаешь, что льешь воду в дырявый сосуд, как несмысленное дитя, а думаешь, что ты разумен? Великое зло, когда кто впадает в самомнение, думает, что знает, когда не знает, или что имеет, когда не имеет, ибо думая, что знает или что имеет, не заботится уже познавать и стяжевать и остается ни при чем.

О, человече! Веруешь ли ты, что Христос есть Бог? – Если веруешь, бойся Его и заповеди Его храни. Если не веруешь, то спроси самых бесов, и от тех самых, коим ты поработился и последуешь, познай, что нет другого Бога кро-

ме Его и что Он есть Властитель, Судия и Царь всяческих, есть Творец света и Господь жизни, есть Свет неизреченный и неприступный. В пришествие Его, от лица Его исчезнут враги Его и все не исполнявшие заповедей Его, как от солнца, когда оно восходит, исчезает тьма нощная. Он вечно пребудет с праведными и праведные с Ним, сподобившись блаженства созерцать Его, по мере веры, какую возымели к Нему; а грешники во время света покроются тьмою, во время прославления посрамлены будут, во время обрадования поражены будут скорбью и преданы мукам в нещадном жжении огнем, соответственно видам страстей их и грехов, тогда как праведники украшены будут венцами соответственно разным добродетелям своим.

Вот что нашел я в Божественных Писаниях и чему научился в них, и теперь для убеждения и вас в том же не отложил написать то по любви моей к вам! Я все изложил вам, не скрыл таланта, не позавидовал спасению вашему. От сего часа и далее всякий сам избирай, что ему угодно. Я исполнил долг свой в отношении к вам, о Христе Иисусе Господе нашем, Коему слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово двадцать восьмое

1. Всякий грех есть нечестие, и всякий грешник – нечестивец.

2. Христос умер, чтоб исцелить людей от грехов их.

3. Чтоб именоваться только христианами, это переходит к нам от предков наших и от рода христианского.

1. Беззаконник, противозаконник, грешник, нечестивец – все обще называются грешниками, но каждый из них имеет свое отличие. Беззаконник есть тот, кто не имеет закона (знать не хочет закона); противозаконник есть тот, кто делает что-либо не по законам, коим подлежит; грешник есть тот, кто делает добро не добре, или неправильно; нечестивец есть безбожник или многобожник, который неправо умствует о Боге. Писание Божественное нечестивыми называет еще и блудника, лихоимца, сребролюбца, славолюбца и всех тех, которые, порабощаясь подобным страстям, знают, что Бог, создавший очи, видит все, а живут все же с такою небогобоязненностью, как бы Бог не видел их. Если бы имели они страх Божий и благоговеинство пред Богом, Который везде есть и все видит, то не посмели бы презирать Его, греша пред Ним так, как бы Он не видел, как они грешат. Когда же они любят славу человеческую паче славы Божией и делают всякое зло, думая, что не видит их недремлющее око

Божие, то скажи мне, какой у них страх Божий и какое благоговеинство пред Богом, Которого трепещут и самые бездушные твари? – И святой пророк Давид, сказав: *погубиши вся глаголющыя лжу,* и проч., прибавляет: *по множеству нечестия (греч.* нечестий) *их изрини я, яко преогорчиша Тя, Господи* (Пс. 5, 7, 11), – показывая, что под нечестиями он разумеет грехи их, которые делали их преступниками заповедей Божиих, а не заблуждения их в веровании о Боге. Он же опять говорит относительно прелюбодеяния с Вирсавиею и убийства Урии: *беззаконие мое познах и греха моего не покрых, рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5). Видишь, как сердце Давидово, по его же сознанию, нечествовало пред Богом, когда он творил беззаконие? – Так нечествует и всякий христианин, когда грешит без страха Божия, бывая через то в поношение Христу. Посему некто из богоносных отцов и говорит: «Что пользы благочествовать верою и нечествовать жизнью?» То есть: что пользы веровать право, а жить беззаконно? – Положим, что какой-либо христианин есть изменник, скупец, обидчик, но верует право, – что пользы ему от веры, если он не делает ни одного из дел, приличных христианину, и ни одной не имеет добродетели из тех, которыми обнаруживается благочестие, но самых эллинов превосходит в нечестии, судя по грехам, какие он делает? Особенно когда еще худым примером своим причиняет он вред тем, с которыми сообщается, и бывает причиною похуления име-

ни Божия и укорения веры Христовой из-за худых дел его? Если, как говорит святой Иоанн Богослов, *сего ради явися Сын Божий, да разрушит дела диаволя* (1 Ин. 3, 8), то этот – верованием принявший явльшегося Сына Божия, а делами своими показывающий, что он связан делами диаволими, которые разрушил явльшийся Сын Божий, – не хуже ли он самих неверных и не нечестивее ли самых безбожников?

2. Когда слышишь, что Бог, создавший небо и землю, море и все прочее, видимое и невидимое, и самого человека, соделался человеком, не думай, что сие совершилось для другого чего, кроме как для того, чтобы возможно было Самому Богу подъять некиим образом смерть посредством человеческого естества, и после сего не ищи ничего более, как только узнать причину, для чего подъял Он смерть. – И вот слушай! Креститель Господень Иоанн говорит: *Се, Агнец Божий, вземляй грехи мира* (Ин. 1, 29). И пророк Исаия за много лет прежде преднаименовал Его Агнцем, влекомым на заклание, и именно за грехи наши (53, 7). Познай же из сего, что Бог воплотившийся подъял смерть ради греха, и именно того ради, чтоб благодатию Его могли не грешить более те, которые верою приемлют Христа яко Господа, ради избавления их от греха закланного, умершего и воскресшего тридневно от гроба. Отсюда очевидно, что те, которые грешат, еще не приняли Христа Господа, хотя и мнят, что приняли Его. Ибо если б они прияли Его, то Он даровал бы им, как говорит Иоанн Богослов, область быть чадами Божиими

(Ин. 1, 12), которые не могут грешить, так как написано, что *всяк рожденный от Бога греха не творит, яко семя Его в нем пребывает: и не может согрешати, яко от Бога рожден есть* (1 Ин. 3, 9), – и что *всяк согрешаяй не виде Его, ни позна Его* (1 Ин. 3, 6), – и что *творяй грех от диавола есть* (1 Ин. 3, 8), и что *явлена суть чада Божия и чада диаволя* тем, что *всяк не творяй правды несть от Бога* (1 Ин. 3, 10). И если тот, кто не творит добрых дел, несть от Бога, то тот, кто при этом творит еще и худые дела, откуда есть? – *Сего ради,* – говорит, – *явися Сын Божий, да разрушит дела диаволя* (Мф. 3, 10), которые если не будут в ком разрушены, от чего-либо другого нет ему никакой пользы.

3. Многие из тех, кои происходят от рода христианского, думают, что полезно для них именоваться христианами, и не знают, что это одно только имя, которое получают они от отца или от матери, или от отечества, и само по себе никакой не доставляет пользы. Тогда только, когда они и живут по закону Христову, становятся их собственностью и имя христианина, и вера христианская. Если же не живут они по-христиански, лучше бы им и не носить имени верующих во Христа или, лучше сказать, лучше бы им и не родиться. Ибо происходя от родителей христианских, они не могли не принадлежать к верующим во Христа, потому и лучше было бы им совсем не родиться, потому что, родясь между христианами и не имея в себе ничего христианского, они большему подвергнутся мучению, нежели нечестивые. Те, которые,

не происходя от рода христианского, принимают веру Христову, всякого сподобляются блага. Те же, которые, родясь от христиан, преступают закон Христов, бесчестят и Христа, и род христианский, и истинное благочестие наше. – Чего не буди с нами, родившимися от благочестивых родителей и воспитанными в благочестии христианском, но да соблюдается нами все, требуемое верою нашею, чтоб, живя по закону Христову, сподобиться нам Царствия Небесного, благодатию и человеколюбием Господа нашего, Коему слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово двадцать девятое

1. Кто ищет от Бога, а сам не знает, чего ищет, тщетно ищет.

2. Как молиться о Царствии Божием?

3. Душа, сподобившаяся Царствия, должна ощущать сие чувством и являть делом.

4. Кто лукавый, и как можно избавиться от рабства ему?

5. Каким образом совершается воскресение души?

1. Многие из христиан думают, что большую доставляют пользу душе, когда читают псалмы Давидовы с тропарями и совершают другие положенные молитвословия, тем самым, что прочитывают их, даже просто как случилось, и полагают, что славят таким образом Бога, а того не знают, что и Бога при сем прогневляют, и себе никакой не получают пользы, а напротив – грешат грехом великим. Кто языком только молится, того не слышит Бог, а не слыша – не даст просимого. Какая же польза от многих твоих молитвенных слов? Если алчущий и жаждущий придет к тому, кто может напоить его и накормить, но, обращаясь к нему с прошением, будет произносить невнятные только слова, то тот не только не удовлетворит его прошения, но прогонит его с гневом за то, что докучает, а не знает о чем. Так бывает и с молитвами. Бо-

гу внятны только те молитвы, которые когда произносит молящийся, понимает, что говорит и чувствует. Молитва же, языком только произносимая, без мысли и чувства, только прогневляет Бога.

2. И не только это потребно для успеха молитвы, но и то, чтобы приготовиться к получению просимого и с своей стороны употребить все зависящее от нас к стяжанию его. Так, кто говорит Богу в молитве: *да приидет Царствие Твое,* а не знает, как приходит сие Царствие, не зная же, не готовится к принятию его и ничего не делает, что требуется с его стороны к получению его; возможно ли, чтобы пришло к нему сие Царствие? Какая потому польза, что говорит он в молитве: *да приидет Царствие Твое?* Господь говорит в Святом Евангелии: *покайтеся, приближися бо Царствие Божие.* Итак, хочешь, чтобы пришло к тебе Царствие сие? Кайся. Если не покаешься, сколько ни говори: *да приидет Царствие Твое,* не придет оно к тебе.

Царствие Божие в нас есть, когда Бог бывает с нами в единении, благодатию Пресвятого Духа. Бог был в единении с нами от начала создания Адама; но когда праотец наш прельстился и согрешил, Бог удалился от нас, удалилось вместе с тем от нас и Царствие Его. Ибо невозможно, чтобы Всесвятой и Всеблагой Бог был в единении с тем, кто возлюбил грех и зло. Чтоб опять возвратился к нам Бог и опять пришло к нам Царствие Его, надлежало нам престать и очиститься от грехов. Но как мы не могли сего сами собою сделать, как из-

маранное платье не может отмыться само собою, и еще без воды, то пришел наконец Сам, могущий обмыть нас и очистить, чтоб очистить нас и, очистив, Богу открыть вход в нас и Царствие Его вселить в нас. Сие совершается в Таинстве Святого Крещения, а кто согрешит после крещения, в таинстве покаяния. И в том и в другом случае от тебя требуется покаяние. Когда исполнишь ты сие, тогда только и будешь ты готов приять дар, о коем молишься, говоря: *да приидет Царствие Твое.* И приидет, и воцарится в тебе Бог благодатию Своею, и исполнит в тебе и через тебя всякую волю Свою.

3. Над кем же не воцарился Бог и кто не испытывает умным чувством души своей, что Бог совершает в нем волю Свою через Иисуса Христа, тот напрасно трудится, напрасно и живет; над таким царствует еще прельститель диавол, а он того и не понимает. Если мысленная душа его не прияла еще умного чувства, через которое поняла бы, что пришло в него Царствие Божие, то ему не следует льстить себя надеждою спасения. Ибо разумная душа, над коею воцарился Бог, должна опытом познать благодать Божества, которое в ней царствует, и делом являть плоды Всесвятого Духа, т. е. любовь, радость, мир, долготерпение и прочее. Где царствует Бог, там уже нет места никакому действию работы диаволей, но все обращается на служение Богу.

4. Опять и те, которые говорят к Богу в молитве: *избави нас от лукаваго,* а не знают, кто такой лукавый и как бывают одержимы и обладаемы от сего лукавого, в чем состоят

узы его и та власть, которую имеет он над теми, коими возобладал, такие, как возможно, чтобы были избавлены Богом от лукавого? Ибо не зная сего, они не знают, чего просят у Бога; не зная же сего, не могут получить просимого, сколько бы ни твердили: *избави нас от лукаваго.*

Сей лукавый есть диавол, который смесил с естеством человеческим закон греха. Итак, все время, как мы подчиняемся и служим этому лукавому посредством злых дел, какие делаем, Благой Бог не имеет части в нас, и мы недостойны Царствия Его, – так что ложно называем мы Его Богом и Отцом нашим, когда имеем диавола властителем над собою, и отцом, и господом, и богом своим, коего и черты подобия имеем в себе, открывающиеся в злых делах наших, как говорит Господь к евреям: *вы отца вашего диавола есте, и похоти отца вашего хощете творити* (Ин. 8, 44). Ибо как сын подобен отцу, потому что сын не откуда есть, как из отчего естества, так и христианину надлежит иметь подобие Отцу своему, т. е. Христу, открывающееся обычно в плодах Духа Святого, и не иметь подобия лукавому диаволу посредством греховных страстей. Вот кто лукавый! Но надлежит также нам знать и то, в чем состоит властительство лукавого диавола и как он властвует над нами своим лукавством и прельщением, и как можем мы разрушить его властительство. Зная все сие, мы будем понимать, чего просим, когда молимся: *избави нас от лукаваго.* И услышаны будем. Избавит нас Господь от лукавого и всех дел его и всего служения его. Из-

бавив, разрушит властительство его в нас, а вместо его вселит Царство Свое.

Сие Царство Христово приходит только к тем, которые понимают, в чем оно состоит. Когда же оно придет и воссцарствует в них, тогда делает их равноангельными. Ибо как от преслушания первозданного Адама последовала на род человеческий клятва, за клятвою растление (расстройство естества), за растлением смерть, так от послушания второго Адама пришло на род человеческий вместо клятвы благословение, за благословением нерастление (оздравление естества), за нерастлением бессмертие, за бессмертием жизнь, подобная первоначальной жизни, от Бога и в Боге; а где Бог, оттуда бегут диавол и демоны его. Так освободился и избавился род человеческий от работы диаволу через Иисуса Христа. Таким образом, пока не освободился еще кто от диавола, пусть и не думает, что он настоящий человек; и лучше было бы ему не родиться.

Того, что иные не знают сами, чего просят у Бога, бывает две причины: или неведение, или нечувствие. Неоглашенный и ненаученный не понимает, что говорит, а бесчувственный и не чувствует, чего ищет. И какой из зажиточных подает милостыню тому человеку, который, прося ее, не знает, что бормочет, и презрительно относится к нему, и не раз уже доказал, что нисколько не чувствует оказываемой ему милости? Так и Бог не оказывает милости тем, кои в молитвах своих суть медь звенящая и кимвал звяцаяй. А от этого

крепнет царство диавола и расширяется властительство его над христианами, вследствие чего видим между христианами много лжецов, бранчивых, клеветников, клятвопреступников, завистников, скупцов, хищников, пьяниц, блудников, гордецов и подобных; много и таких, которые, скрывая свои пороки, лицемерно величаются тем, что суть христиане, тогда как по сердцу суть род лукавый, бесчувственный, неблагодарный, непримирительный, человеконенавистный, другоненавистный, братоненавистный, отцененавистный, чадоненавистный, за что все и сам Богу ненавистен. Горе таковым, когда и они поют псалмы Богу! Горе им, когда молятся! Горе, когда покланяются Богу! Горе, когда творят милостыню! Горе, когда приносят дары Богу! Ибо и песнь нечестивых мерзость пред Богом, молитва гневливого и злопамятного – смрадное зловоние, милостыня гордого – жертва пса, благотворение развратника и блудника – мзда блудницы, дар лихоимца – жертва нечистая и кровь свиная.

5. Спросит кто, что же делать таковым? Вот что надобно делать! Пришедши в чувство и познав свое недостоинство и окаянство, пусть раскается каждый из таковых от всей души во всех грехах своих и, притекши к отцу духовному, исповедуется ему во всем, взыщет у него оглашения словом истины и наставления, что надлежит всякому христианину знать и делать; и затем восприимет жизнь, какой подобает жить всякому истинному христианину. Взыщет пусть у него наставления о всем, а также и относительно молитвословий.

Относительно молитв пусть расспросит, что значит каждое слово, чтоб, когда станет молиться теми молитвами, понимать умом и чувствовать сердцем, что произносят уста. Так, поется в славословии: *Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение;* спроси и узнай, что слава Божия, что мир и благоволение в человецех. Слышишь: *Бог Господь – и явися нам:* спроси и узнай, какое это явление. Так о всем прочем спрашивай и узнавай.

Слава Богу есть делание и хранение заповедей Его; всякий христианин, который не славит Бога исполнением повелений Его и хранением заповедей Его, хуже неверного. Ибо так говорит Бог через пророка: *аще Отец есмь Аз, то где слава Моя? и аще Господь есмь Аз, то где страх Мой?* (Мал. 1, 6). *Мир* есть Сын Божий, пришедший на землю и вочеловечившийся. Через Него пришло и благоволение, или опочитие Бога в человеках, потому что Бог и Отец через воплощение Сына удовлился и опочил в человецех, и благоволил через Сына Своего опять примириться с человеком, ставшим было врагом Богу через грех, и опять исполнить его Божественною жизнью, которой лишился он через преступление, как говорит и апостол: *оправдившеся верою, мир имамы к Богу Господем нашим Иисус Христом* (Рим. 5, 1). *Той бо есть мир наш* (Еф. 2, 14), который нас *иногда сущих отчужденных и врагов помышленьми в делех лукавых, ныне… примири в теле плоти Его смертию Его, представити вас святых и непорочных и неповинных пред Собою: аще… пребываете в вере*

основани и тверди, и неподвижими от упования благовествования, еже слышасте, проповеданое всей твари поднебесней, емуже бых аз Павел служитель (Кол. 1, 21–23).

Христианин, который противится Богу и в борьбу с Ним вступает через преступление заповедей Евангелия Христова, есть враг и себя самого, и Бога; и иметь мир с Богом такому нельзя. Врагами и противниками Богу (хотя и именуемся верными и христианами) пребываем мы, доколе покорствуем и рабствуем страстям греховным. Ибо апостол говорит: *явися благодать Божия спасительная всем человеком, да отвергшеся нечестия и мирских похотей, целомудренно, благочестно и праведно поживем в нынешнем веце* (Тит.

2, 11, 12); так что кто не живет благочестно, тот то же есть, что всякий неверующий нечестивец, и кто не живет целомудренно и праведно, тот далек от явившейся спасительной благодати Божией. Как же можно полагать, что такой есть христианин, с Богом примиренный? Что имеет он рещи Богу, входя в храм Божий? Благодарение или прошение? – Если б стал изрекать благодарение, сам себя прельщал бы, потому что ничего не имеет, ничего не получил, и всуе его благодарение. Если бы стал изрекать прошение, то какое – когда сам себя не знает, ни беды, в какой находится? Он то же, что нехристь, неверный и безбожник. Он мертв, потому что не восприял еще силы Воскресения Христова. Когда поет он: *Воскресение Христово видевше* и проч., лжет, потому что лежит еще в мертвых и непричастен мысленного живоносно-

го окропления благодатию, сходящей от Бога, которая есть врачевство от душевной смерти и мысленное воскресение из мертвых.

Славное Воскресение Христово есть собственное наше воскресение, которое мысленно совершается и проявляется в нас, умерщвленных грехом, через Воскресение Христово, как гласит и песнь церковная, часто нами возглашаемая: *Воскресение Христово (в себе самих) видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу, единому безгрешному.* Христос никогда не падал в грех и никогда не изменялся в славе Своей. Препрославленный и Высший всякого Начала, и Власти, и Силы как умалился и умер ради нас, так и воскрес и прославился ради нас, чтоб сбывшееся в Его лице воспроизводить потом в нас и тем спасать нас.

Как тогда Он Сам, исшедши вне Иерусалима, пострадал, взошед на крест и пригвоздив на нем вместе с собою грехи всего мира, умер, сошел в преисподние страны ада, потом опять поднялся из ада, взошел в пречистое тело Свое и тотчас воскрес из мертвых, а затем вознесся на небеса со славою и силою многою и воссел одесную Бога и Отца; так теперь, когда мы исходим в сердце из мира сего и с исповеданием страданий Господа входим в гроб покаяния и смирения, тогда Сам Христос сходит с небес, входит в нас, как во гроб, соединяется с душами нашими и воскрешает их, явно в смерти пребывающих. Воскресение души есть соединение ее с жизнью, которая есть Христос. Как тело мертвое, если

не воспримет в себя живой души и не сольется с нею некиим образом неслиянно, не бывает и не именуется живым и жить не может, так и душа не может жить сама о себе, если не соединится неизреченным соединением и не сочетается неслиянно с Богом, Который воистину есть жизнь вечная. И тогда только, как соединится она с Богом и таким образом воскреснет силою Христовою, удостоится она узреть мысленно и таинственно-домостроительное Воскресение Христово. Почему и поем: *Бог Господь и явися нам. Благословен грядый во имя Господне.*

Кто же не восприял еще и не увидел воскресения души своей, тот еще мертв и не может покланяться достодолжно Господу Иисусу вместе с увидевшими Воскресение Христово, как говорит апостол: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3), и в другом месте говорится: *Дух есть Бог, и иже кланяется Ему, Духом и истиною достоит кланятися* (Ин. 4, 24), – т. е. силою Духа Святого и Единородного Сына, Который есть Истина. Мертв он, ибо не имеет в душе своей Бога, животворящего всяческая, и не сподобился благодати исполнения и над ним изреченного Господом обетования: Я и Отец Духом Святым приидем к тому, кто любит Меня и заповеди Мои соблюдает, и обитель у него сотворим (Ин. 14, 23). Христос приходит и пришествием Своим воскрешает мертвую душу, и дает ей жизнь, и дарует благодать видеть, как Он Сам воскресает в ней и ее воскрешает. Таков закон новой жизни о Христе

Иисусе, что Христос Господь благодатию Святого Духа приходит к нам и воскрешает умерщвленные души наши, и дает им жизнь, и дарует очи видеть Его Самого, бессмертного и нетленного, живущим в нас. Прежде же чем душа соединится с Богом, прежде чем узрит, познает и восчувствует, что воистину соединена с Ним, – она бывает совсем мертва, слепа, бесчувственна; но при всем том, что мертва, все же по естеству своему бессмертна. Сие страждет она от маловерия или безверия. Если б верила, что есть суд и мука вечная, не стала бы в суете иждивать жизнь свою, но бросила бы все и начала содевать свое спасение, и, начавши, дошла бы и до оживления и воскресения своего.

Впрочем, в нынешнее время большая часть христиан, кажется, находится в таком пагубном состоянии, в каком не находились даже языки, не слыхавшие имени истинного Бога; а между тем, думая о себе, что не мертвы душою, они живут в беспечности и не видят, несчастные, лежащих пред собою этих мертвецов, т. е. душ своих, какими изобразило их наше слово. Нет, не христиане такие люди, не христиане. И пусть они не обманывают себя. Они неверные, нечестивые, безбожники; и особенно если еще они монахи или священники. О, сколь велико снисхождение и долготерпение Твое, Христе Царю! Как не разверзется земля, чтобы поглотить нас! – Как осмеливается кто-либо из таковых входить в храм Божий, – и особенно во Святая Святых!

Пиша к коринфянам, апостол Павел говорит: *не льсти-*

те себе, ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни сквернители, ни малакии, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пияницы, ни досадители, ни хищницы, Царствия Божия не наследят. И сими убо нецыи бесте, но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего (1 Кор. 6, 9-11). Кто омылся, освятился и оправдался, тот или совсем неподвижим на такие злые дела, какие поминает здесь апостол, или неудободвижим. А кто удободвижим на них, тот явно опять осквернился, опять лишился благодати Святого Духа, полученной в крещении, опять потерял оправдание и по сей причине недостоин преступать порог храма Божия и входить в него.

Итак, кто видит, что он удободвижим на злые дела, и сознает, что обнажен от Божественной благодати, тот пусть позаботится о себе и о спасении души своей, убедясь из того, что находится вне спасительной силы христианства и что имя Христово не принесет ему никакой пользы, но что вместе с диаволом пойдет он в уготованный ему огнь адский. Если какой христианин не знает, что для спасения необходимо быть обновлену и воссоздану, войти в обоженное состояние благодатною силою и действом Христа Спасителя соделаться новой тварью и новым человеком, – для чего удомостроительствованы и вера, и Святое Крещение, – тщетно называется он христианином. Ибо если не совершилось еще в нем такое изменение, то все другое ни к чему не служит, тщетны

молитвы его, тщетны и псалмопения. От какового бедствия да избавит нас Господь, – Коему слава вовеки. Аминь.

Слово тридцатое

1. Сколько видов познания о Боге и какие они?

2. Нам надлежит знать, что есть Бог, но что Он есть, того не должно допытываться.

3. Чтоб быть христианином, надо веровать и креститься.

4. Кто называется и есть христианин, и кто называется, но не есть христианин?

5. Кто не творит воли Христа Спасителя, тот не христианин.

6. Неправедные христиане хуже евреев.

1. Есть пять видов познания о Боге. Первый, – что Бог не есть ничто из всего сущего, видимого или мыслимого; второй, – что всякая вещь, видимая или мыслимая, от Бога получила бытие и прежде того не существовала; третий, – что Бог все создал, приведши то из небытия в бытие, не потому, чтобы имел нужду в чем-либо из того, но по единой благости Своей, чтоб сделать твари причастными славы Своей, и силы, и благобытия; четвертый, – что Он естеством благ и хочет всякого блага и добра, и ненавидит всякое зло и всякий грех; пятый, – что добродетельная и богоугодная жизнь справляется силою Божией, и другим способом она справлена быть не может, если т. е. не посодействует и не поможет

сила Божия, все мысленно и невидимо объемлющая и содержащая.

Божество есть (сколько возможно о нем сказать человеку) единое существо и естество, пресущественное и преестественное, и три Ипостаси. – Ина есть Ипостась Отца, и ина – Сына, и ина Духа Святого. Едино Божество трех Ипостасей соединенных – Отца, Сына и Святого Духа, единого Бога, так что Бог ни едино есть (троичности ради лиц), ни три (единства ради существа), но вместе едино и три, то есть едино Божество и три Лица. Пресущественное Божество есть Ум, имеющий Слово и Дух. Отец рождает Сына и Духа Святого изводит. Когда Бог именуется Отцом, то разумеется вместе с Сыном и Святым Духом. Когда Сын именуется Богом, разумеется, яко Сын Бога Отца. Когда Дух Святой именуется Богом, разумеется, яко исходящий от Отца и не чуждый Сыну. Единение сие и различение непостижимы и неизреченны.

2. Нам надлежит знать только, что Бог есть; но доискиваться узнать, что есть Бог, это не только дерзко, но и бессмысленно и неразумно. Горшечник, делающий сосуды из персти, при всем том, что они одного с ним естества (ибо и он из персти), никогда не слышал, чтоб какой-либо сосуд из выделанных им начал расспрашивать и расследовать, что такое этот горшечник, выделавший его. Конечно, есть великое различие между горшечником и сделанным им сосудом, хотя они одного естества; но различие Бога от человека неизмеримо велико. Посему если Бог не есть ни что из всего су-

щего, видимого или мыслимого, то желающий исследовать и постигнуть естество Божие бессмысленнее горшечного сосуда. Дела Божии – небо, солнце, луна, звезды, земля, море, человек и все прочие творения свидетельствуют, что есть Бог, создавший их, и всякий рассудительный человек по ним может убедиться, что Бог есть; но что есть Бог, Которого ни один человек не видал и видеть не может, не должно нам исследовать, а лучше молчать об этом, поклоняясь единому Богу и веруя в Отца, и Сына, и Святого Духа, в едино естество и три ипостаси, и в великое таинство воплощенного Домостроительства, т. е. – что Бог Слово и Сын, единосущный Отцу, не отделясь от Отца, вошел в утробу Девы и воплотился, восприял Себе совершенное человеческое естество, пребыв непреложно Богом, и воплощенно родился от Приснодевы Богочеловеком, в двух совершенных естествах Божества и Человечества, соединенных неслиянно и неизменно; что потом Он волею пострадал и распялся, волею умер и погребен; что после того воскрес в третий день и наконец через сорок дней вознесся на небеса, яко человек, и сидит на престоле Божества Своего с плотию Своею, воспеваемый со Отцом и Святым Духом всеми небесными воинствами, – что все сие, нами сказанное, домостроительствовано для того, чтобы верующие во Христа через Него опять облекаемы были благодатию Святого Духа и с помощью ее верно исполняли заповеди Божии, побеждая диавола и всех слуг его – демонов. Ибо без благодати Святого Духа никому невозможно

не грешить, никому невозможно приступить к исполнению святых заповедей, и исполнять их, и свергнуть с себя власть и насильство, которое возымели над нами демоны.

3. И при этом (веруй), что нам надлежит креститься в Троицу единосущную, как и уверовали, по заповеди Господа нашего Иисуса Христа, данной Им апостолам: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. 28, 19, 20); что все если соблюдем, покажем любовь свою к Нему и через то сподобимся пребыть в Его любви, как написано: *аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей, якоже Аз заповеди Отца Моего соблюдох и пребываю в Его любви* (Ин. 15, 10). Ибо если не соблюдаем заповедей Его, то явно делаем противное тому и тем показываем, что не любим Бога, как говорит: *не любяй Мя словес Моих не соблюдает* (Ин. 14, 24), и опять: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя* (Ин. 14, 21), так что верующий во Христа ничем другим не может доказать сию веру, кроме исполнения того, что заповедано Им, и удаления от того, что Им воспрещено.

4. Хорошо веровать во Христа, но надобно веровать и Христу, ибо кто не верует Христу, никакой пользы не получает от того, что верует во Христа. Итак, надобно веровать во Христа, что Он есть Бог, единосущный Богу Отцу, воплотившийся ради нас, как мы сказали; но надобно веровать и Христу и всем словесам Его, веровать, что все то совершенно истинно, что ни сказал Он, истинны обетованные Им бла-

га, истинны и мучения, коими устрашил Он нас. Святые мученики веровали и в Него, веровали и Ему – в том, что Он сказал: *кто отвергнется Мене, отвергнусь и Я того,* и: *претерпевый до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 33; 22). Почему и претерпевали всякие мучения до смерти; иначе как бы они восхотели умереть, если б не веровали тому, что сказал Господь? И все, которые пожили преподобно и праведно, потому жили преподобно и праведно, что веровали обетованиям и угрозам Христа Господа. Кто, веруя во Христа, говорит, что верует и Христу, а между тем ни грехов не избегает, которые Он запретил, ни добрых дел не делает, которые Он заповедал, тот есть неверный, отвергающийся Христа, и к нему идет слово апостола: *преступлением закона Бога безчествуеши* (Рим. 2, 23). Если и говорит он, что верует Христу во всех словесах Его, потому что верует во Христа, но не может исполнять заповедей Его, потому что это требует подвига и большого труда и сопряжено с большими препятствиями, то он лжет, ибо все заповеди, какие повелел Господь соблюдать апостолам, а следовательно, и нам, мы можем соблюдать даже среди мира, но не хотим, потому что слабы в вере и любви ко Христу, не имеем твердой веры и горячей любви ко Христу, как подобает: иначе куда же мы денем изречение апостола, который говорит о Христе Господе, что Он *бысть нам и правда и освящение и избавление* (1 Кор. 1, 30), *Божия сила и Божия премудрость* (1 Кор. 1, 24)?

Сила Христова в верующих двояка бывает, так как и Сам

Он, хотя един есть лицом, но двойствен естествами, – есть Бог и человек. И как человек, нам односущный и однородный, дарует сердцам нашим такое состояние, какое должно иметь человеку, яко человеку. Для того человеку, общающемуся с Ним, Он дает дух покаяния, да будет сокрушен, смирен, внимателен, трезвен, умилен, чтоб не уничижать и не презирать его, когда он будет молиться с таким расположением, т. е. с сокрушением и смирением, о коих говорит пророк Давид: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19), ибо кто не молится с сердцем сокрушенным, тот бывает презираем и уничижаем от Бога. Когда человек, сделавшись таковым, станет молить Бога о добродетелях и взыщет их, то Христос дарует ему их, так как очевидно он является кротким и готовым к научению путям Господним, кои суть добродетели, – ибо только одни кроткие способны быть научаемы им, по слову Писания: *научит кроткия путем Своим* (Пс. 24, 9); и делает его таким образом (яко Бог) чистым, целомудренным, праведным, мужественным в искушениях, мудрым в Божественном, благоутробным, сострадательным, милостивым, щедрым, человеколюбивым, благим – настоящим христианином, носящим образ Христа и верным, коему вверяется благодать Всесвятого Духа, через которую и от которой и стяжевает он все означенные добродетели. Ибо только Богом делаются действенными в человеке добродетели, и он становится таким образом подобным Небесному Отцу своему, – что теперь не совсем явно, но во

всем свете откроется в будущем веке, как удостоверяет святой Иоанн Богослов, говоря: *ныне чада Божия есмы, и не у явися, что будем, вемы же, яко, егда явится, подобни Ему будем* (1 Ин. 3, 2), подобны т. е. Христу, Сыну Божию; ибо Царство Божие приемлет только тех, которые подобны Сыну Божию. – Подобие сие водворяется через исполнение заповедей Божиих; исполнение заповедей бывает от любви ко Христу, как говорит Сам Он: *любяй Мя, заповеди Моя соблюдет.* Кто исполняет заповеди Христа, тот бывает по подобию Его, потому что в нем воображается Христос, как говорит апостол Павел: *чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. 4, 19). Царство Божие не отверзается для того христианина, в коем не вообразился Христос.

5. Итак, христианин, который не творит воли Христовой, пусть не обманывает себя и не думает, будто имеет часть со Христом; ибо Сам Христос говорит: *не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное: но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех* (Мф. 7, 21). Если Сам Он говорит так, то как возможно, чтоб был настоящим христианином тот, кто не творит воли Его и презирает заповеди Его? Или с какою надеждою исповедует он Христа Господом и властителем своим, а не старается угождать Ему и служить? – Кто это исповедует Христа Господом и властителем своим, а между тем не творит волю сего Господа своего? Демоны не творят воли Его, при всем том, что знают

и исповедуют, что Он есть Бог; ибо говорят: *вем Тя, Кто еси, Святый Божий* (Мк. 1, 24; Лк. 4, 34). Так что один тот есть настоящий христианин, который не только исповедует Христа Господом своим, но творит и волю Его. Кто в сердце исповедует и имеет Христа Господом и Владыкою своим, тот подкрепляется силою призывания имени Христова на то, чтобы творить и волю Его. Если кто не подкрепляется таким образом, очевидно, что он исповедует Христа только устами, сердцем же далеко отстоит от Него. Ибо невозможно, чтоб кто-либо от всей души и от всего сердца исповедал Христа Господом и не был подкреплен на то, чтобы творить волю Его.

По мере веры нашей получаем мы и помощь, и живость на творение воли Христовой. Итак, кто творит заповеди Христовы, тот мерою деятельного исполнения их показывает и меру веры своей, потому что по мере веры получается и мера благодати, дающей силу на дела по заповедям. И наоборот, кто не творит заповедей Христовых, тот мерою бездействия в отношении к заповедям показывает и меру неверия своего, потому что по мере неверия лишается и благодати, и возбуждающей к делам по заповедям, и помогающей в них. Без Христа невозможно творить воли Христовой, как Сам Он говорит: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Итак, кто не творит воли Христовой, тот, очевидно, есть без Христа, и никакой не принесет ему пользы то, что исповедует Христа. Впрочем, от души исповедовать Христа и творить

волю Его кажутся только двумя делами различными; в существе же это одно и то же дело, а не два, и одно из них не может стоять без другого, хотя некоторые, не имея надлежащего о сем понятия, думают, будто одно из них может стоять без другого, тогда как апостол Иаков говорит: *вера, аще дел не имать, мертва есть о себе* (Иак. 2, 17); и Христос Господь взывает: *что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?* (Лк. 6, 46). – Истинно говорю вам, братия мои, что всякий человек, который творит грех, не есть раб Христов, но есть раб греха; раб же греха не имать пребывати вовеки в дому Бога и Отца. Там пребывает Сын и тот, кого Сын освободит от рабства греху. Дом Бога и Отца есть Царствие Его.

6. Итак, кто именуется христианином и, говоря, что исповедует Христа Богом и верует в Него, в силу одного такого исповедания думает, что есть христианин и имеет сподобиться Царствия Христова, тот обманывается. Ибо возможно ли, чтоб был христианином тот, кто каждый день или, лучше сказать, каждый час делами своими отрицается Христа, Которого на словах исповедует Богом? Послушай, что говорит апостол Павел о таковых: *Бога исповедуют ведети, а делы отмещутся Его, мерзцы суще и непокориви, и на всяко дело благое не искусни* (Тит. 1, 16). Кто не творит заповедей Христовых, пусть не думает, что не отрицается тем Христа. Нет, в каждом преступлении заповеди Христовой он отрицается Христа, как, наоборот, кто творит заповеди Христо-

вы, тот каждым исполнением заповедей исповедует Христа. Как те, веруя только на словах, отрицаются веры делами своими; так, наоборот, эти, делая дела, соответственные вере, подтверждают делами сими свое устное исповедание веры. Ибо они преисполнены страха пред Тем, Кого исповедуют Богом. И страх сей научает их не нарушать ни в чем даже малейшем познанной воли Божией, видит ли кто их или не видит. Многие, страха ради или стыда человеческого, или ради того, чтоб угодить людям, не делают зла, – что одно и то же, как бы они делали его; как, наоборот, которые делают добро по таким же побуждениям, то же, что как бы и не делали его. Кто делает добро в угоду людям или по другой какой страсти, непотребен пред Богом. Надобно во всяком добром деле, слове и помышлении иметь целью угождение Богу и славу Его, как учит святой апостол Павел, говоря: *аще ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (1 Кор. 10, 31). Если слово сие истинно и твердо, каково оно и есть воистину, то какое оправдание себе могут представить те, которые делают дела только напоказ пред людьми? Напоказ делали дела фарисеи, – и вот какое для нас определение изрек Господь наш Иисус Христос по поводу сего: *аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное* (Мф. 5, 20). То есть: если не перестанете вы делать дела напоказ, как делали фарисеи, и не будете делать их во славу Божию, то в Царствие Божие не внидете. Ты же вот о чем при сем помысли! Если

непревышающий правды фарисейской не внидет в Царствие Божие, то что будет с теми, кои больше имеют неправд или грехов, чем книжники и фарисеи? Участи таковых да избавит нас Бог и, научив нас делать дела единственно в угождение Ему и в славу Его, да сподобит Царствия Своего во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово тридцать первое

1. Два есть главнейших дела, из коих в одном пагуба, в другом спасение.

2. Гордость растет вместе с человеком.

3. Всякому необходимо сознать, что он ничто.

4. Главная черта христианина есть смирение.

5. Есть две жертвы, благоприятные Богу, без коих нет спасения.

6. Какой признак того, что приближается кто к Богу?

1. Два есть главнейших дела в настоящей жизни: одно есть величайшее добро, а другое – величайшее зло; первое, яко верховное благо, возводит человека на небеса, а другое, как крайнее зло, низводит его в преисподняя ада; то есть истина, а это ложь, то есть великое упокоение, а это – скорбь безмерная; первое есть верх разумности, второе – край безумия; первое родственно и свойственно человеку, второе – враждебно и чуждо; первое есть все прямота, второе – все кривость; первое – радость и веселие, второе – печаль и томление. Какие же это дела? Смирение и гордость: одно есть весь грех – это гордость; а другое – вся правда, – это смирение. Рассмотри грех, коим согрешил Адам, когда находился в раю, в славе и всяком наслаждении, и увидишь, что он согрешил не по какой-либо необходимости или немощи или

по какому-либо благословному предлогу, а по одному презорству к заповеди Божией, а это от гордости и неблагодарности к Творцу своему и Богу, доведших его до отступления (от Бога), в какое первым низвергся диавол по собственному своему произволению.

2. Надобно знать, что гордость рождается в душе человека от неведения себя самого, порождающего самомнение, по коему думают, что имеют нечто, тогда как ничего не имеют; и она растет вместе с возрастом человека. Почему нужно всякого человека, с мальства, прежде чем познает он что-либо другое, научать познанию себя самого: из чего он есть, что есть и чем покончит жизнь, т. е. что засеменяется он тленным нечем и невзрачным, образуется среди нечистот, растет подобно траве сельной, составляется из многих смешений удоборазлагаемых, что вся жизнь его есть борьба со смертью, а во внутренностях своих еще прежде смерти носит он то, что есть смрад и зловоние. Ибо кто не знает себя, что такое он есть, мало-помалу впадает в гордость и делается буиим и несмысленным. И что можно найти несмысленнее человека, который, будучи весь покрыт проказою, гордится потому только, что носит светлые и позлащенные одежды, хотя сам в себе срамен и полон безобразия? А когда выйдет он из ума по причине гордости своей, тогда делается орудием диавола во всех своих словах и делах и становится врагом Богу. Но что может быть бедственнее того, когда кто поставит себя врагом Богу? Ибо когда кто заболит телом, чувствует свою

болезнь и идет ко врачам; но кто заболевает душою, не чувствует своей болезни, а напротив, чем более разбаливается, тем более становится нечувствительным и потому не хочет идти ко врачам духовным. Таким образом, когда увидишь, что какой-либо человек гордится, знай, что по мере гордыни его он страдает и нечувствием душевным, и пожалей об нем, ибо кто болит и не чувствует, что болен, тот близок к смерти. Таков этот грех, ввергающий душу в смерть, ибо гордый есть больной бесчувственный, – который т. е. не сознает и не чувствует своей болезни, а это и есть смерть души. Случись, что кто-либо из таковых еще привык учить и вразумлять других, – то это уже законченный мертвец, для которого не требуется более врача.

3. Итак, необходимо учить и научить человека самопознанию, чтоб он знал себя и таким образом смиренномудрствовал. Смиренномудрие есть главным образом разумность. Как гордый неразумен и бессмыслен, так, напротив, смиренный разумен и смыслен. Поелику, таким образом, безумие и слепота гордыни так близки к людям и так сильны в них, то Всеблагой Бог определил, чтоб вместе с радостным находили на нас и прискорбности, чтоб через то научались мы смиренствовать, а не гордиться. Можешь удостовериться в этом от пакостника плоти, пособника сатанина, томившего апостола Павла, который чудеса творил и такою презельною украшался славою Божией. Почему нам надлежит благодарить Бога более за скорби, чем за утешение, и радоваться

прискорбному, как радуемся обвеселяющему. Итак, всякому человеку необходимо знать себя самого, что он – ничто. Того, кто не знает себя самого, что он ничто, не может спасти Сам всемогущий Бог, при всем том, что желает спасти его. И если бы кто принес Богу в дар весь мир (что, конечно, невозможно), а не думал о себе, что есть ничто, не может спастись никоим образом.

4. Итак, не требуется, чтоб человек взамен за душу свою дал что-либо другое, кроме познания себя, что он ничто. Только при этом способен он будет принесть Богу сердце сокрушенное и смиренное, – единственную жертву, которую всякому благочестивому человеку пристойно приносить Богу. Этой одной жертвы Бог не уничижит, зная, что человек ничего не имеет собственного, что бы мог принесть Ему, как говорит и святой Давид: *аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо: всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 18, 19). Этою жертвою спасались, спасаются и будут спасаться все цари, вельможи, благородные, низкородные, мудрые, неученые, богатые, бедные, нищие, воры, обидчики, лихоимцы, развратники, убийцы и всякий род грешников. Глубина смирения – сей спасительной жертвы – должна быть измеряема мерою грехов, т. е. по мере грехов, какие наделал человек, да будут у него и смирение с сокрушением. Но и самые праведники, и преподобные, и чистые сердцем, и все спасенные спасаются не иным чем, как этою жертвою.

И милостыня, и вера, и удаление от мира, и самый великий подвиг мученичества, и всякие другие жертвы возжигаются от воспламенения сей жертвы, т. е. сокрушения сердечного. Это такая жертва, для которой нет греха, побеждающего человеколюбие Божие. Для сей единой жертвы (чтоб была и сохранялась) бывают болезни, скорби, тесноты, самое падение, страсти душевные и сопутствующие им страсти телесные, – все для того, чтоб всяким богобоязненным приносима была Богу сия жертва. Кто стяжет сию жертву сокрушения со смирением, тому некуда пасть, потому что он имеет себя ниже всех. И Бог сошел на землю и смирил Себя даже до смерти не для чего другого, как для того, чтоб в верующих в Него созидать сердце сокрушенное и смиренное.

5. Две есть жертвы, которые приемлет Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа и за которые милует и всякого человека в отдельности, и весь мир в совокупности, – из коих одна есть Сам Господь наш Иисус Христос, Сын Божий и Бог воплотившийся, а другая – сокрушенное и смиренное сердце каждого верующего в Него. Итак, пусть кто заберет все свое имущество и раздаст бедным, пусть постится, совершает бдения, спит на голой земле, творит молитвы день и ночь, а не взыщет от Бога стяжать себе сердце сокрушенное и смиренное (ибо *всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов.* – Иак. 1, 17), никакой не получит такой пользы от трудов своих. Почему надлежит взыскать ту единую стезю, на которой стяжевается сердце сокрушенное и смирен-

ное, ибо кто стяжет такое сердце, тот будет шествовать по земле, как бы шествовал горе – в Царствии Небесном. И в последний час смерти сокрушенные и смиренные сердцем получают удостоверение, что помилованы милостивым Богом, отходят радуясь и веселясь. Так велик сей ни с чем не сравнимый дар Божий. Он есть основание восхождения по лествице добродетелей и нисхождения дара чудотворений и знамений, – есть воскресение душ, бывающее еще в настоящей жизни, прежде общего воскресения тел, – есть избавление, для которого Бог и Отец дал Сына Своего, чтобы всякий верующий не погиб, а имел жизнь вечную, и имея сию вечную жизнь, знал единого истинного Бога, и Его же послал Он, Иисуса Христа (Ин. 17, 3).

6. Истинное боговедение с богобоязненностью рождают смиренномудрый нрав, а смиренномудрие порождает нрав кроткий; кротость же и смирение, в нрав обратившиеся, приближают к Богу. Эти две добродетели слияны одна с другою и показывают человека богобоязненного, и по мере смирения и кротости, в какой имеет их богобоязненный человек, явно бывает, сколько близок он к Богу, как, напротив, гордость и гневливость показывают, как далек человек от Бога. Посему Господь наш Иисус Христос, Всевышний Бог, смирил Себя даже до крестной смерти, чтоб от Него заимствовали смирение все и верующие в Него и крестящиеся, вкушающие Тело Его и пиющие Кровь Его, каковыми таинствами подаются им бессмертие и жизнь вечная. Ибо таинственное

общение с Господом нашим Иисусом Христом, Богом Всевышним, приносит три действенные плода: жизнь, бессмертие и смиренномудрие. Жизнь и бессмертие действуются через смирение, и опять – вследствие жизни и бессмертия действуется смирение. Смирение требуется и прежде жизни и бессмертия, и после, и есть, таким образом, и первое и третье: первое – потому что есть причина прочих двух, то есть жизни и бессмертия; третье – как их объемлющее и удерживающее. – Итак, который христианин не стяжал себе смирения Христова, так чтоб оно составляло естественное как бы его свойство, ничего уже не получит от Христа, и Христос ничтоже пользует ему. Таковой не знает ни Бога, ни себя самого, ибо если бы знал, что без Христа невозможно сделать ничего истинно доброго и спасительного, то, конечно, смирился бы и как в царское одеяние облекся бы в смирение Христово, посредством коего христиане делаются царями, царствуют и господствуют над страстями и демонами силою Его. По мере истинного и совершенного смирения бывает и мера спасения. Родитель же и отец смиренномудрия есть ум, просвещаемый благодатию Христовой и помощью сего Божественного Света ясно видящий немощь свою, как, напротив, отец высокомудрия и гордости есть ум, покрытый мраком неведения, от какового мрака, о, когда бы избавиться и нам всем и, просветясь Светом Божественным, прийти в смиренномудрие благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава и держава, со безначаль-

ным Его Отцом и животворящим Духом, в бесконечные веки. Аминь.

Слово тридцать второе

Посланное к некоему брату христианину – о покаянии, где показывается, что надобно делать тому, кто после того, как впал в грех и приобрел злой навык, покаялся и положил начало исправлению.

От Божественных Писаний научены мы, брате мой, что не должно никогда, ни по причине множества грехов наших отчаиваться, ни опять слишком много полагаться на силу епитимий, возлагаемых духовным отцом за грехи наши; так что ни тому, кто встал от падения, т. е. престал от грехов, не следует слишком дерзать сего ради, ни тому, кто пал, не следует отчаиваться; но и кто много нагрешил, да дерзает о покаянии, и кто в небольшие впал погрешности, да не думает, что получит прощение грехов своих за одни свои добрые дела, но да явит и он покаяние, – и покаяние не то, которое объявляется словами или показывается постом, сухоядением, долулеганием и другими подобными лишениями телесными, хотя и это все идет к делу, но которое бывает в сокрушении и болезновании души и сердца, – каковое показал и пророк Давид, при всем том, что жил в мире и был обременен многими необходимыми заботами.

Ибо он, размыслив сам с собою, сколь благого и щедрого Владыку прогневал тем, что сделался преступником за-

поведей Его и оказался неблагодарным к Нему, забыв многие и неисчетные дары Его и благодеяния, всю жизнь свою болезновал о том душою и горькие проливал слезы, как сам удостоверяет в том. Он сам себя поражал чувствами своего несчастья и бедственного положения, сам себя всячески сокрушал и смирял, рыкая от воздыханий сердца своего, как нам каждодневно возвещают о том псалмы его! Такие скорбения причинял сам себе Давид, когда покаялся, несмотря на то что был царь и должен был заботиться о толиком народе, о жене и детях, о доме и царстве.

Что также сделали Манассия и все другие, покаявшиеся после него, о коих знаешь и сам ты, как то: Петр, верховный из апостолов, мытарь, разбойник, блудница? И что приводит многих, – что сделал блудный сын, иждивший отцовское наследие с блудницами и мытарями? За какие дела все эти получили прощение грехов своих? За посты ли свои или бдения? За милостыни ли, розданные бедным, или за другой, тяжелый для тела труд? Нет, не за это получили они прощение, а за искреннее раскаяние, за сокрушение и болезнование сердца, за слезы, излитые ими из глубины души по причине осуждения их совестью своею. Пришедши в чувство грехов своих, каждый из них осуждал и окаявал себя, и плакал от души, и за это получал прощение грехов своих.

Это же самое бывает и теперь со всеми, прибегающими ко Христу с теплыми слезами и истинным покаянием. И ни пред кем из таковых не заключает и никогда не заключит

человеколюбной утробы Своей благости человеколюбивый и всеблагий Господь. Прощение грехов каждого грешника не бывает за какие-либо дела, чтоб не возгордился кто по этому поводу, но по человеколюбию Божию и благодати.

Знать, впрочем, надлежит, что для получения прощения грехов требуется не только искреннее от всей души раскаяние в них, но еще и твердое намерение не падать более в те же грехи и не возвращаться вспять. И это требование не падать опять в те же грехи очень трудно нам соблюсти, если со всем рвением и усердием не окружим себя благопотребными охранами и не облечемся в духовные оружия, чтоб помощью их противостоять мысленным врагам нашим, демонам. Ибо как мы были уже завладеваемы врагом посредством грехов и, поработясь плотским сластям и страстям, подчинялись уже и служили диаволу, то всячески те же похоти и сласти и опять будут в нас подниматься, чтоб опять, как рабов бесчестных, увлечь нас с насилием на служение и работу врагу нашему, диаволу, и на убежание от работы Владыке нашему, Христу, через преступление заповедей Его и нарушение обетов, какие дали Ему в покаянии. Итак, чтоб не случилось нам пострадать что-либо такое, надлежит нам в помощь себе заимствовать из Святого Писания оружие против всякого врага, нападающего на нас, как учит нас примером своим божественный Давид, говоря: *сего ради ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех* (Пс. 118, 128). Похотению, возбуждаемому вражески-

ми помыслами, противопоставим память о смерти, Страшном Суде и нестерпимых муках ада; лености противопоставим усердие и ревность, чревоугодию – пост, сластолюбию – воздержание, многопитию – малопитие или непитие, жжению плоти – представление огня вечного; будем упражняться в частой и вседушной к Богу молитве, со бдением и пощением. Если будем так поступать против каждой страсти, нас борющей (не стану перечислять их, чтоб не удлинить слова), и стяжем противоположную каждой такой страсти добродетель, то наверное будем сохранены невредимыми и неуязвимыми от врага, потому что тогда добродетели те будут блюсти нас, как какие-нибудь сильные воины. Если б пресечение злого обычая и удержание себя от соответственных ему безместных дел можно было справить без потов и трудов, тогда одного этого удержания себя было бы достаточно для кающихся во спасение свое. Но дело не так есть.

В придаток к тому, что я написал тебе доселе, се пишу тебе на память и о том, что еще имеешь ты долг делать и хранить. Это вот что: когда совершается Божественная литургия и священник или диакон скажет: *елицы оглашеннии изыдите,* выходи из церкви и становись в нарфике (в преддверии храма), и не говори в это время ни с кем, но воспоминай о грехах своих и плачь; потом, когда кончится Божественная литургия, можешь опять входить в церковь. Когда придет вечер, после повечерия поди в какое-либо особое место и исполни такое молитвенное правильце: Трисвя-

тое; 50-й псалом, т. е. *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей; Господи, помилуй* – 50 раз; *Господи, прости мне грешному* – 50 раз; 6-й псалом, т. е. *Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеши мене; Господи, елика согреших словом, делом и помышлением, прости мне.* Приложи и 25 метаний (поясных поклонов). В среду и пятницу воздерживайся от мяса, сыра, яиц, рыбы, вина и масла, по правилу святых апостолов. В посты: святых апостолов, Богородичный Успенский и Предрождественский не ешь мяса, сыра и яиц, от прочего же вкушай в меру, с воздержанием. Молитвы, т. е. псалмы, как сказано, и поклоны исполняй в это время вдвойне. В великую же Четыредесятницу не разрешай на масло и вино, кроме суббот и воскресений, но потоми плоть свою по силе своей, как прилично христианам, желающим спастись; молитвенное же правило исполняй вдвойне и в Четыредесятницу, как назначено для других постов. Надобно еще тебе воздержаться от Божественных и Страшных Таин, т. е. не причащайся Пречистого Тела и Пречестной Крови Господа нашего Иисуса Христа; я же тебе советую, воздержись и от благословенного хлеба, или антидора. Все это верно соблюдай до тех пор, пока помысл твой и расположение твое не отложатся от злых дел греховных, пока не стяжешь твердого намерения никогда уже не оставлять добрых дел и добродетелей и совершенно не возненавидишь грех. Когда же увидишь, наконец, в себе самом, что достиг ты такого доброго состояния, т. е. что совершенно возненa-

видел ты грех, а в расположении делать добро утвердился, и когда притом через испытание удостоверишься, что решимость твоя воздерживаться от греха непреложна, тогда, брате мой, приступи к Божественным Тайнам с несомненною верою, что не простой хлеб и не простое вино вкушаешь, но причащаешься воистину Тела и Крови Божиих.

Поступив так, ты сделаешься причастником славы Христа Господа и посредством сих Таин получишь совершенное отпущение грехов, восприимешь в себя жизнь вечную и соделаешься сыном света и дня. Если же прежде исполнения всего сказанного, т. е. прежде чем покажешь достодолжное покаяние, дерзнешь ты причаститься Тела и Крови Христовых, то демоны, видя, как презрел ты Бога и причастился недостойно, все устремятся на тебя и, схватив тебя немилостиво и бесчеловечно, низринут опять в ров прежнего непотребства. Тогда вместо христианина сделаешься ты христо-убийцею и будешь осужден вместе с теми, кои распяли Христа, как говорит апостол Павел: *иже аще яст хлеб сей или пиет чашу Господню недостойне, повинен будет Телу и Крови Господни* (1 Кор. 11, 27), т. е. под такой же подпадет приговор, под какой и распявшие Господа.

Больше того, что уже написал, не буду тебе писать, боясь быть тебе в тягость. Ты же, брате, если сделаешь что и больше того, себе же принесешь пользу и душе своей уготовишь будущие блага. Что я написал, написал тебе делать то не в том смысле, что такие труды приносят очищение души

и оставление грехов, но в том, что сим образом удобнее тебе удержать в душе память о грехах своих и сокрушиться о них. Если бы я знал, что тем опечалю тебя, то и этого немногого не написал бы любви твоей. Я хочу от тебя только одного того, чтобы ты в сокрушении и болезновании о прошедшем отсек злой навык свой греховный и пресек безместные дела свои. Это отсечение и прекращение с сокрушением прошу тебя непременно соблюсти. И если тебе возможно соблюсти это без потов и других трудов, я удовольствуюсь одним этим. Пиши ко мне чаще о здравии твоем, чтоб я видел веру и любовь твою ко мне и теплее воспоминал о тебе, когда воздеваю к Богу руки мои, недостойный. Благодать Божия да будет с духом твоим. Аминь.

Слово тридцать третье

К причащающимся Божественных Таин. И кто причащается недостойно.

Как если бы какой человек, благородный и богатый, оставя протертую и обычную дорогу и уклонясь к местности пустынной и труднопроходимой, попал в руки разбойников, которые, схватив его, сняли с него хорошие одеяния, какие носил он, и одели его в рубища, пропитанные кровью и всякими нечистотами, и затем, оставя его с собою, заставили и его вместе с собою объедаться, напиваться и делать срамные дела, а также и разбойничать, как они, и он находил бы удовольствие в многоядении, что ни попадется, в многопитии и нечистых делах, а со временем, привыкши к их разбойническим обычаям, совсем остался у них, забыв и все родство свое, и прежнюю благородную и честную жизнь, по той причине, что совсем охладела в нем любовь, какую имел прежде, к честным и благочестивым нравам и обычаям; то же самое и еще худшее страждет и христианин, который, оставя путь, коим подобает шествовать христианам, уклоняется на распутия диавольские, когда т. е. он, скажем к примеру, оставя честную и трудолюбную жизнь, чтоб жить своим и довольствоваться немногим, возлюбит жизнь с мирскими утехами и для того начнет употреблять неправду, обиду и хищение,

а потом дойдет и до нечистых и срамных дел блудных. Не очевидно ли, что такой впал в руки демонов и обнажен ими от благодати Святого Крещения?

Явным же признаком того, что он обнажен от благодати Святого Крещения, служит его собственное признание, что никак не может пресечь и отсечь срамной похотливости своей и не может воздержаться, чтоб не удовлетворять ее срамными делами. И сколько у нас таких несчастных, которые тем несчастнее, что не сознают и не чувствуют своего бедственного положения?! А между тем, видим, что некоторые из них доходят до такого безумия, что дерзают причащаться Пречистого Тела и бесценной Крови Христовых. Какое бесстыдство и самозабвение! Горе священнику, который преподает таковому Божественные Тайны, горе и ему, причащающемуся их. Горе причащающемуся, потому что, причащаясь после срамных дел, не очищенных покаянием и епитимиями, он все больше и больше подпадает власти диавола, а наконец и совсем им завладевается; и Бог совершенно оставляет такого за его срамность и нечистоту, и особенно за его бесстыдство и дерзость, как пишет Святое Евангелие об Иуде, что как только причастился он поданного ему Христом Господом хлеба, сей Божественной Вечери, тотчас *по хлебе вниде в онь сатана* (Ин. 13, 27). Горе священнику, причащающему его, что удостаивает причастия недостойного и преподает Пречистое Тело и Честную Кровь Христа Спасителя тому, кто недостоин даже преступать порога храма Бо-

жия, с кем запрещено вместе вкушать и простую пищу всякому христианину, как законоположил святой апостол Павел, говоря: *аще некий, брат именуем, будет блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или досадитель, или пияница, или хищник, с таковым ниже ясти* (1 Кор. 5, 11). Видишь, что поистине даже не брат христианам такой человек, а только именуется так.

Преподающий такому Тайны праведно подлежит осуждению и за то, что через это он человека, грешащего по уклонению от правого помысла и по легкомысленной небрежности, делает совершенным врагом Богу.

Священник или духовный отец не должен преподавать такому Тайны, но должен подвигнуть его на покаяние словами кроткими и умилительными, помянув ему о тех страшных муках адских, которые непременно имеют испытать грешники; должен вразумить его и поруководить, как слепого, и попечалиться о нем, как бы о вышедшем из ума и страждущем от искушения и насилия диавольского, и помолиться Господу, да отверзет слух души его и поможет ему хоть немного прийти в чувство и познать нечестие свое, и опять через покаяние возвратиться в среду верных, потому что такой есть неверный нечестивец. Если бы имел он благоговение и веру ко Христу и исповедал сердцем, что Он есть Бог, *не хотяй беззакония,* к Коему *не переселится лукавнуяй, ниже пребудут беззаконницы пред очима Его* (Пс. 5, 5, 6), то убоялся бы и поостерегся с таким легкомыслием причащаться Пре-

чистых Таин Его, чтобы не поразил его за это невидимо меч ангельский.

Много есть таких в мире, которые стыда ради человеческого, чтобы не обнаружилось, что они недостойны, дерзают приступать к Пречистым Тайнам, сознавая, что недостойны; и если бы кто стал удерживать их от такой дерзости, на того серчают и бранят его, как человека тяжелого, а в чувство не приходят, не устыждаются и не сознают злоумия своего, но всячески противятся возбраняющим им Святое Причастие и во что бы то ни стало желают причаститься, или, лучше сказать, желают ввергнуть себя в конечную пагубу, в безнадежие и Божие отвержение. Следовало бы им послушаться того, кто возбраняет им недостойное причастие, и благодарить его, потому что он избавляет их от величайшей беды, больше которой нет и никогда не было, так как недостойно причащающиеся повинны бывают крови Христа Господа, т. е. будут осуждены вместе с Иудою и распинателями Господа. А что может быть хуже и тягчае, как подпасть такому же осуждению, какому подпадут распеншие Господа?

Надлежало бы для такого грешника всем братиям собраться воедино и со слезами молить Бога, да предаст Он его сатане во измождение плоти, да дух спасется в день Господень, как говорит божественный Павел (1 Кор. 5, 5). Предание сатане во измождение плоти, между прочим, означает и то, чтобы грешник наказан был разными телесными недугами, страданиями, ранами и болезнями неисцельными, дабы

уцеломудрился, пришел в чувство и раскаялся, и нехотя, будучи вынужден страданиями тела, и чего не хотел сделать будучи здоров, то сделал от болезни и мучений плоти. Ибо Бог, когда согрешит душа, наказывает тело, чтоб она, пришедши в чувство, покаялась и спаслась. Когда же таковой, покаявшись и исправившись, причастится Святых Таин, тогда святыня Божественного Причащения великую явит в нем силу и власть, сокрушит грех и душу его очистит от склонности и похотения, какие имеет он ко греху. Ибо как невозможно огню и воде вместе находиться в одном и том же сосуде, так невозможно вместе находиться в одном и том же христианине и Пречистому Телу Христову и мерзости греха.

Если любящий грех и недостойно причащающийся Пречистых Таин Тела и Крови Спасителя не подвергается тотчас вразумительным мучениям, то всячески не избежит вечных мучений там, где червь неусыпающий и огонь неугасающий. Итак, если таковой не боится вечного жжения и нестерпимых мук вместе с диаволом во веки веков, то пусть бесстрашно причащается. Если же боится, то лучше для него, воздержавшись некоторое время от Причащения Пречистых Таин, покаяться, поплакать пред Богом, потрудиться по силе своей над изменением произволения своего и пресечь злой навык свой греховный, и тогда уже причаститься без опасности для души своей; и ижденется из него сатана, который, живя в нем, насильственно подвигал его на распутство и всякую нечистоту. Ибо любящий срамные и безместные дела любит

их не сам от себя, но по действу сатаны, который прельщает сначала, отворив ему только дверь сладострастного стремления, чтоб он вложил туда лишь голову свою, т. е. положил только начало греху; но потом мало-помалу, с укреплением навыка греховного, и весь ходит он в него, завладевает всеми силами души, почивает в сердце его как на одре и действом своим возжигает в нем любовь к срамным делам, чтоб он предавался им с услаждением, подобно тому как бесноватые нередко едят кал свой с удовольствием и наслаждением. Это следует поиметь в мысли тому, кто по великому человеколюбию Божию, действом присещения Божия, получает некоторый отдых от сатанинских на грех влечений, чтобы прийти в себя и прибегнуть ко Христу, Который один силен и демонов изгнать, и всякую болезнь душевную и телесную уврачевать.

Подобает нам знать, что есть пять классов людей, которым воспрещается от святых отцов приступать ко Святому Причастию: первый – оглашенные, как еще некрещеные; второй – крещеные, но возлюбившие срамные и неправедные дела, как отступники от святой жизни, для коей крещены, как то: блудники, убийцы, лихоимцы, хищники, обидчики, гордецы, завистники, злопамятливые, которые все, будучи таковыми, не чувствуют, что суть враги Богу, и находятся в бедственном положении, почему не сокрушаются, не плачут о грехах своих и не каются; третий – бесноватые, если они хулят и поносят Божественное Таинство сие; четвертый – те, кото-

рые пришли в чувство и раскаялись, прекратили греховные дела свои и исповедались, но несут наложенную на них епитимию стоять вне церкви определенное время; и пятый – те, у которых еще не созрел плод покаяния, т. е. которые не дошли еще до решимости посвятить Богу всю жизнь свою и жить прочее во Христе жизнью чистой и безукоризненной. Эти пять классов очевидно недостойны Святого Причастия. Достоин же причаститься Пречистых Таин тот, кто чист и непричастен грехов, о коих мы сказали. Но когда кто-либо из таких достойных осквернится каким-либо осквернением, как человек, тогда, конечно, и он недостойно причастится, если не отмоет покаянием того, чем осквернился. Таким образом, и тот есть ядый и пияй недостойне, кто, будучи достоин, не приступил достойно ко Святым Тайнам. Буди же нам достойными быть и достойно причащаться Пречистых Таин, о Христе Иисусе Господе нашем, Коему слава в бесконечные веки веков. Аминь.

Слово тридцать четвертое

1. О словах апостола Павла: искупующе время, яко дние лукави суть (Еф. 5, 16).

2. Каким образом искупает кто разумно время настоящей жизни?

1. Душа, желающая поучаться в законе Божием день и ночь, ни от чего не получает в сем отношении столько пользы, как от исследования Божественных Писаний, потому что внутри сих Писаний сокрыты помышления благодати Святого Духа, каковые, быв постигнуты, производят в душе великое некое услаждение, которое возвышает ее над всем земным и мирским и возносит на небеса, располагая помышлять только о Божественном, его одного вожделевать и проводить жизнь ангельскую в этом мире. Посмотрим же, что возвещает нам апостол Павел в Посланиях своих, и исследуем до точности некоторые богодухновенные его словеса, да обогатимся сокровищами, сокрытыми внутрь их, и благодатию Святого Духа возвеселим духовно свои души. Какие же это апостольские словеса, кои намерены мы исследовать в настоящем слове? Те, в коих поучает нас святой Павел, говоря: *блюдите, како опасно ходите… искупующе время, яко дние лукави суть* (Еф. 5, 15, 16).

Если хотим как должно понять слова сии, то должны об-

судить их, взяв во внимание дела, кои видим в мире сем. Это поможет нам уразуметь их до точности. Видим, что торговец, земледелец, художник великое имеют усердие и прилежание к делу своему, потому что если кто из них понерадит о своем деле хоть немногое время, то потерпит большой вред. То же самое бывает в делах и подвигах духовных. Чтоб это лучше вам понять, рассмотрим подробнее предложенный пример. Положим, что когда все купцы спешат на какое-нибудь торжище, чтоб одно продать, а другое закупить и получить через то прибыль, иной из них, видя, как одни с большой поспешностью бегут впереди его, а другие догоняют сзади и перегоняют, едва передвигает ноги или сидит пред домом своим и зевает на торговцев, спешащих на торг, совсем не думая о торговле, или, еще хуже, предается забавам и винопитию, отлагая заняться торговлею день от дня. Теперь, прошу вас, скажите мне: те, благовременно поспевшие на торжище, поторговавшие на нем и возвратившиеся с немалой прибылью, не искупили ли времени своего? А этот, потративший его на пустяки, или, лучше сказать, продавший на дела бесполезные, не погубил ли напрасно своего времени? Предположим, пожалуй, что и он пошел вместе с другими на торжище; но когда те, имея с собою деньги, тотчас приступили к торговым сделкам и набрали себе потребных каждому товаров в полной надежде получить от продажи их большие выгоды, он, не имея при себя денег, там уже начал обращаться то к тому, то к другому, чтобы занять их и на-

купить себе товаров, но пока хлопотал о займе денег, торг кончился, и он остался ни при чем: не погубил ли он и в этом случае времени своего напрасно? Пусть взял он с собою и денег, но, пришедши на торг, вместо того чтобы заняться торговыми делами, начал шататься по кофейням, трактирам и балаганам, чтобы там попить, там поесть, там повеселиться, и зле растратил свои деньги на попойки и срамные дела. Не погубил ли и тут он времени своего напрасно, безумно растратив притом и деньги? Допустим, что он не делал ни одного из указанных нами противных дел; но если он, пришедши на торг вместе с другими купцами, протолкался все время по торгу из конца в конец, не начиная никаких торговых сделок, а лишь глазея и балагуря со знакомыми и незнакомыми, между тем как другие усердно обделывали свои дела, ни на что стороннее не обращая внимания, то когда по окончании торга все разошлись по своим местам, эти, так усердно хлопотавшие по своим делам и продажею приобретшие немалую прибыль, а на покупках надеющиеся получить еще большую, – не искупили ли времени своего? А он, прозанимавшийся сторонними вещами, не заботясь о торговле, не погубил ли времени своего, хотя там же был с теми купцами? Если также, когда другие торговцы, имея в виду прибыль, какую чают получить от торговли, не смотрят ни на отдаленность места торга, ни на трудности пути туда, ни на опасности от разбойников и ни на что другое подобное, но в надежде на прибыль со всею торопливостью спешат на тор-

жище, он, убоясь всего этого, не отправится туда, и даже после того, как другие, желая убедить его ехать с ними, пообещают ему охранить его от всех опасностей, страшащих его, не согласится на то, то эти, ездившие на торжище, поторговавшиеся там и получившие добрую от того прибыль, не искупили ли времени, а он, убоявшийся страха, где не было страха, не погубил ли его? – Подобное тому, что сказано нами в этом примере, случается и в духовной жизни, ибо бывает, что когда другие братия наши, христиане, со всем тщанием исполняют заповеди Божии и преуспевают в добродетелях со всем усердием и горячностью, мы проводим жизнь свою в нерадении и бездействии, не заботясь о таком исполнении заповедей и о таком преуспеянии в добродетелях. И явно для всех, что в таком случае те искупают время свое и великую приобретают пользу и прибыль для душ своих, а мы губим время свое и вместе с ним души свои.

2. Впрочем, если кажется вам благословным, исследуем еще получше смысл апостольского изречения, чтобы познать, как искупается время, и какое это время, и какие это дни лукавые, из-за которых долженствуем мы искупать время. Время купли для всякого человека есть время настоящей жизни, и дни настоящей жизни явно суть дни лукавые (злые) для тех, которые не пользуются ими как подобает. Всякий человек, живущий в настоящей жизни целомудренно, праведно и благочестно и мужественно, с благодушным терпением переносящий все притрудности и прискорбности иску-

шений и бед, причиняемых видимыми и невидимыми врагами, всякий такой мудро искупает время и успешно деет куплю, наперекор злым дням настоящей жизни. Чтоб это было более для вас ясно, возьму доказательство из того, что каждодневно происходит в настоящей жизни. Кто умеет хорошо торговать настоящей жизнью, тот, встретив скорби, поношения, бесчестия и осмеяния и зная, какую могут они принести пользу, и провидя великую от них прибыль, тотчас схватывает их и, возложив на рамена свои, течет с ними, радуясь, и таким образом вместо сребра одним терпением мгновенно искупает время, тогда как многие не успевают в этом, несмотря на то что постятся, проводят ночи без сна, спят на голой земле и подъемлют другие подвиги и труды в продолжение долгих лет. И скажу вам, что кто не умеет таким образом деять куплю, тот губит время спасения своего.

Если хотите, поясним дело и другим примером. Два человека насильно принуждаются каким-либо тираном преступить заповедь Божию. Один, убоявшись мук и истязаний, какими устрашал его тиран, убегает и скрывается; а другой мужественно противостоит искушению, претерпев все казни и терзания, или даже и смерть за заповедь Божию. Кто из этих двух искупает время? Тот ли, кто скрывается, убежав от страданий, или тот, кто покорно предает себя на страдания и мужественно переносит их, или даже и умирает за заповедь Божию? Очевидно, что кто претерпевает страдания и не бежит даже от смерти, тот искупает время; а другой те-

ряет вместе со временем и то, что было бы полезно для спасения души своей.

Итак, которые претерпевают в настоящей жизни скорби и искушения ради богоугодной цели, те покупают себе вечные блага и нескончаемое радование; через смерть телесную они покупают себе жизнь вечную и бессмертную вместе с бессмертным и вечным Богом. Как иной торговец, нашедши множество предметов многоценных, продаваемых, однако ж, за ничтожную цену, поспешно с радостью даст эту цену, чтобы поскорее завладеть такими драгоценностями, так и подвизающийся за заповедь Божию с готовностью и радостью решается на смерть, веруя несомненно, что покупает себе вечные блага этою смертью, которая в сравнении с ними ничто. Но животолюбцы, славолюбцы, плотолюбцы, сластолюбцы и богатстволюбцы не делают так; но когда бывают притесняемы каким-либо властителем, понуждающим их преступить заповедь Божию, не могут перенести гнева его и неприязни, бесчестия и ущерба, какими он угрожает им, и, несмысленно продав вечное и многоценное, покупают временное и тленное, и ничего не стоящее, спасение же свое, то есть жизнь вечную, теряют. Такие не как подобает деют куплю во время настоящей жизни, потому что предпочитают лучше покупать себе утешение на краткое время, какое имеют жить здесь, чтобы за то мучиться в беспредельные и нескончаемые веки.

Чтобы не пострадать и нам того же, будем, умоляю вас,

искупать время, пока еще стоит торжище настоящей жизни, потому что дни этой жизни крайне лукавы и каждодневно воздымают неисчетные волны сланого моря греховного, которые, обрушиваясь на нас, то исполняют души наши срамными движениями через сладострастие тела, то ввергают в печаль или в гнев, через врагов видимых и невидимых, и как тем, так и другим покушаются совсем удалить нас от Царства Небесного. Почему, искупая время жизни своей, со всею готовностью и рвением всецело предадим себя на одно делание заповедей Божиих и на одно стяжание всякой добродетели, да сподобимся преисполниться сокровищами благодати Святого Духа и безопасно войти в небурное пристанище Божие и в Царство Его. Таким образом избегнем мы лукавства дней сих и по миновании их не услышим оного страшного гласа, посылающего грешников в огнь вечный, уготованный диаволу и ангелам его.

Будем искупать разумность души нашей, научая ее презирать видимые и привременные блага и углубляться в размышление о благах духовных и вечных. Мудрования же плотского будем всячески бегать, потому что оно не угодно Богу и при нем нет возможности оторваться от наслаждения привременным и вознестись умом к небесному и вечному. Мудрование плотское тому, кто порабощен ему, не дает жить по Богу, но увлекает душу его к бессловесным стремлениям плоти и всего человека делает подобным неразумному животному.

Будем искупать делающую нас присными Богу правду со всяким благоговением и рассуждением, различая праведное от неправедного, предпочитая добродетель пороку и не давая места лукавому диаволу, уготовляющему погибель душе нашей. Будем всему отдавать подобающее: телу дадим пищи столько, чтобы живо было, и достаточное одеяние; душе же отдадим всю силу и все усердие, чтоб питать ее и очищать размышлением о Божественных вещах, молитвою и слезами, и чтением Божественных Писаний и таким образом сделать достойною восприять Божественный Свет Солнца Правды, Бога, Который и оправдает нас благодатию Святого Духа, и единением с Собою соделает праведными, достойными насладиться неизреченными благами Царства Его.

Будем искупать мужество душ наших через благодушное претерпение всяких искушений, по слову Господа, Который говорит: *в терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19), мужественным помыслом противостоя греху и бия врага нашего орудиями Святого Духа. Позлопостраждем, как добрые воины Христовы, в пощениях, бдениях, долулеганиях, в плаче, во вретищи и пепле, в покаянии и непрестанных к Богу взываниях, да приимем венец победы и воцаримся со Христом во веки веков.

Будем искупать целомудрие тела нашего всяким воздержанием и смирением, ибо борец, законно подвизающийся на поприще благочестия, от всего воздерживается, как говорит божественный апостол (2 Тим. 2, 3; 1 Кор. 9, 25). Если успе-

ем стяжать целомудрие, то избежим злого дня бессловесного похотения, которое воистину есть самый злой враг действенности Святого Духа, избежим осквернения души, причиняемого такого рода страстными движениями, избежим осуждения совести, нечистоты сердца, презрения и осуждения человеческого, и самого отвержения и гнева Божия.

Такою духовною куплею премного получим мы прибыли, если разумно будем вести торг во время сие, теча стезею настоящей жизни в правде и целомудрии и мужественно перенося тяготу и зной дня. Ибо если сим образом будем куплю деять во время настоящей жизни, оставив привременное тем, для кого оно вожделенно, себе же стараясь присвоить одно нетленное и вечное, то несомненно внидем в неволненное и небурное пристанище Царствия Божия, неся с собою все усокровиществованные дары Святого Духа, и не убоимся ни страшного оного гласа, отсылающего грешников в огнь вечный, ни горьких оных мук, так как будем иметь с собою многоценный бисер Духа, который обрели мы в период торгового времени настоящей жизни, продав все свои желания, мудрования, расположения и силы и купив его. – Да сподобимся и мы стяжать его во время настоящей жизни, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Кому слава и держава вовеки. Аминь.

Слово тридцать пятое

1. О словах: первый человек от земли перстен, вторый человек Господь с небесе (1 Кор. 15, 47).

2. Как совлекаемся мы перстного человека и облекаемся во Христа, и делаемся родственниками Ему и братиями.

1. И прежде богато угостил уже нас блаженный Павел трапезою Божественных словес и преобрадовал сердца наши; и теперь опять угощает нас другою трапезою тех же богодух-новенных словес, которая, быв преисполнена духовных брашен, питающих внутреннего человека и веселящих и укрепляющих сердце, живоносным хлебом Слова и радостотворным вином премудрости и боговедения, преисполнена еще и Божественной благодатию Святого Духа, наполняющей душу всякой радостью и веселием и располагающей ее, оставя земное, возноситься на крылах ума к небесному и к Самому Богу. Посмотрим же, какая это апостольская трапеза и какие на ней брашна? Но прежде исторгнем ум наш из земного и, как имеющие услышать Божественные глаголы, изострим внимание, чтобы со всем тщанием внимать изрекаемому, да достойно содружимся с Духом Святым, Который через апостола научает нас сокровенным тайнам Царства Небесного.

Вот что говорит он: *первый человек от земли перстен, вторый человек Господь с небесе.* Не оставь, возлюбленный, без исследования слова сего и не подумай, что оно удобопонятно. Оно содержит в себе глубокие мысли и требует великого внимания и исследования. Но уготовь слух твой к слышанию того, что будет говориться, и познаешь глубину таин Божиих, которые сокрыты в сем изречении.

Первый человек от земли перстен, вторый человек Господь с небесе. Яков перстный, такови и перстнии; и яков небесный, тацы же и небеснии (1 Кор. 15, 46–47). Первым и перстным человеком называет он Адама, как написано: *и созда Бог человека, персть взем от земли* (Быт. 2, 7), который после того, как был создан из земли перстным и приял духа жизни, именуемого мысленною душою и образом Божиим, введен был Богом в рай и получил повеление возделывать его и хранить, чтобы, пока будет соблюдать заповедь Божию, пребывать в нем бессмертно, сообращаясь с Ангелами и вместе с ними всегда славословя Бога, умно созерцая Его, приемля (мысленные) осияния от Него и слушая (когда потребно) Божественный глас Его; а в какой час нарушит заповедь Божию и снест от древа, от которого повелено ему не ясти, быть предану смертности, возслепотствовать очами души своей, совлечься одеяния Божественной славы, лишену быть сообращения с Ангелами и изгнану из рая, как он и потерпел все сие. Ибо когда он склонился на лукавые слова прельстителя диавола и преступил заповедь Божию, вкусив

от древа познания добра и зла, то праведно лишился всех оных благ, сделался глух (для духовного), чтобы нечистыми ушами не слышать более Божеских словес, кои слышат только одни достойные, и ослеп душевно, чтоб не видеть более оной славы неизглаголанной, так как самоохотно отдалил от оной ум свой и страстным вниманием впился в плод древа запрещенного, поверив змию, который сказал: *в оньже аще день снесте от него, будете яко бози, ведяще доброе и лукавое* (Быт. 3, 5). Этими словами обольстился перстный человек и, надеясь, что действительно станет богом, вкусил от древа познания. За это лишился он всех духовных и небесных благ, а вместо их получил пристрастие к земным и видимым тварям и стал, скажу опять то же, глух, слеп, наг, не сочувствен к тем благам, от которых ниспал, к тому же еще смертен, тленен и несмыслен, подобно неразумным животным, как говорит царь-пророк Давид: *приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс. 48, 13). Видишь теперь, от какой славы и какого блаженства в какое бесчестие, неразумие и тление низринулся человек? От сколь великого богатства в сколь великую пришел бедность? И мы еще не все сказали, что следует сказать. Итак, первый человек бысть от земли перстен и соделался (нравственно) перстным (плотяным) так, как мы сказали.

Теперь посмотрим и поучимся из Божественных Писаний, что есть второй человек, Господь с небесе? Сей есть Бог от Бога, безначальный Сын безначального Отца, Бестелесный

Бестелесного, Непостижимый Непостижимого, Вечный Вечного, Неприступный Неприступного, Не вместимый Невместимого, Бессмертный Бессмертного, Невидимый Невидимого, Слово Бога и Бог, Коим сотворено все и земное, и небесное. Будучи же таков и пребывая в Отце, и Отца имея пребывающим в Себе, не отделяясь от Него, сошел Он на землю и воплотился от Духа Святого и Марии Девы, и соделался человеком, подобным нам по всему, кроме греха, чтобы воссоздать и обновить того первого человека, а с ним и всех, от него рожденных и рождающихся, так как и они подобны ему, их породившему. Ибо как Адам, породивший их, по преступлении заповеди сделался тленным, смертным, слепым, обнаженным от божественного одеяния и бесчувственным, так и они все, рожденные от него, сделались всем тем, чем стал он, – перстными, то есть тленными, смертными, глухими, слепыми, обнаженными, бесчувственными, ничем почти не разнящимися от неразумных животных, или, лучше сказать, ставшими хуже их, так как они собрали в себя одних страсти каждого животного и держат их в себе самих. К тому же эти, рожденные перстными, ниспали в такое великое бессмыслие и в такое неведение Бога и заповедей Его, что ту честь, какую надлежит воздавать единому Богу, стали воздавать видимым тварям Его, и не только небо и землю, солнце, луну и звезды, огонь, воду и прочие твари обоготворили, но даже самые срамные страсти, и те обоготворили, и им, о бессмыслие, покланялись, как Богу. И какие страсти?

Блуд, прелюбодеяние, мужеложство, убийство и другое многое, сему подобное. Все это делать научил и склонил человека диавол, подчинивший себе через то весь род человеческий. Если и бывал в древнее время кто из бесчисленных тем людей, не всякую диаволю волю исполнявший, но всякий не тем, так другим грешил. Да и того одного, что всякий происходил от семени тех, кои согрешили вначале, достаточно было к тому, чтоб всякий предаваем был смерти и тлению и низводим во ад. И не было никого, кто бы мог избавить из рук его.

Но сжалился над нами Бог Слово, Творец наш, и как Сам Он весть, сошел на землю и соделался человеком, не по образу человеческого зачатия, но от Духа Святого и Марии Приснодевы, как написано: *и Слово плоть бысть и вселися в ны* (Ин. 1, 14). Ибо как в начале Бог создал человека, персть взем от земли и вдунув в лице его дыхание жизни, и бысть совершен человек в душу живу, не тем образом, как обычно рождаются люди, так Он же, пришедши воссоздать его, соделался человеком совершенным по телу и душе не по образу человеческого зачатия. Читаем в Ветхозаветном Писании, что Бог навел сон на Адама и, взяв одно из ребер его, создал из него жену, так сделал Он и здесь, при собственном Своем воплощении. Но внемли, да разумеешь!

2. Ребро Адамово есть жена. Из этого Адамова ребра, то есть жены, Богородицы Марии, Сын и Слово Бога и Бог взял плоть и претворил ее в мужа совершенна, с душою и телом,

чтоб воистину быть сыном Адама. Сделавшись же человеком, подобным нам по всему, кроме греха, Он стал тотчас вместе с тем сродником по плоти всех людей, как утверждает и божественный Златоуст там, где говорит: «Облекшись плотию, Христос облекся в братство нам». Но Христос, будучи Богом, вместе и человеком, как по Божеству есть и пребудет Свят, так и по Человечеству, и душою, и плотию, есть и пребудет Свят, Пресвят и Пренепорочен; прочие же люди, хотя стали братьями и сродниками Его по плоти, но, как перстные, остались такими же и не сделались тотчас (то есть через самое дело воплощения Бога) святыми и сынами Божиими. Теперь внемли со тщанием тому, что буду тебе говорить. Соделался человеком Бог и тотчас стал сродником и братом людей. Но поелику Он один был Сыном Божиим и Богочеловеком, то один Он был, есть и будет Свят, один Праведен, один Истинен, один Бессмертен, один Человеколюбец, один Милостив и Благоутробен, один Властелин и Господь, один Свет мира и Свет неприступный. Мы же, как смертные и тленные, не имеем (оставаясь в своем естественном порядке) с Ним никакого другого общения, кроме одного сродства по плоти, как сказано выше. Посему посредницею между Богом и людьми поставлена вера в Него (Спасителя), чтобы Бог, вместо всего другого, принимал одну эту веру, которую имеем в Него, зная, что мы бедны и что совершенно ничего не можем принести Ему для спасения своего, кроме одной веры, и за одну эту веру миловал нас и подавал нам оставление грехов

наших и избавление от смерти и тления. Что все и дарует Он даже доселе всем, которые от всей души веруют во Христа Господа, и не это одно, но и все то, о чем обетовал во Святом Евангелии, что все, конечно, получим через Него, т. е. блага оной земли, которую наследят кроткие с великим веселием и радостью сердец их, – дарует все то, чтоб Он (Христос) соединялся с нами и через Него мы оба соделовались едино с Богом и Отцом Его, сочетаваемы бывая в то же время и с Духом Святым.

Все сказанное мы действительно получаем, когда верно соблюдаем, что обещали соблюдать во Святом Крещении, и убегаем всего, от чего тогда отреклись. Когда соблюдаем мы все это и все заповеди Божии, тогда бываем истинно верующими, яко показующие веру свою от дел своих, и, как Он есть, соделоваемся святыми и совершенными, и все всецело небесными, чадами Бога Небесного, и во всем подобными Ему, Христу Господу, как и Он соделался подобным нам по всему, кроме греха: только мы соделоваемся подобными Ему по благодати.

Когда же, предавшись нерадению, презрим святые и животворные Его заповеди и, возвратясь на прежнее, начнем делать то, что заповедует Он нам не делать, тогда тотчас лишаемся всех благ, какие даровал Он нам через Святое Крещение. И как Адам по преступлении заповеди изгнан был из рая и удален от сладостей его, от сообращения с Ангелами, какое имел там, и от Самого Бога, так и мы, когда грешим,

отдаляемся от Церкви святых рабов Его, совлекаемся божественного оного одеяния, самого, говорю, Христа Господа, в Коего веруем и в Коего облеклись, когда крестились, лишаемся жизни вечной и света оного невечернего и непрестающего, и вечных благ, равно как освящения и сыноположения, и из ставших было небесными и во всем подобными второму человеку, Господу Иисусу Христу, делаемся опять перстными, как был первый оный человек, и не только это, но делаемся повинными смерти, имеющими наследовать тьму кромешную и огонь неугасимый, идеже плач и скрежет зубов. Пусть не терпим мы изгнания из видимого рая и не слышим осуждения в поте лица возделывать землю, но мы сами себя изгоняем из Царства Небесного, отчуждаем от оных благ, ихже око не виде и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, и делаем повинными нескончаемому мучению. И если бы не даровал нам Бог еще такого блага, чтоб мы могли опять возвращаться к Нему через покаяние, то и спастись никому не было бы возможности.

Посему-то благоутробный, человеколюбивый и спасения нашего желающий Бог премудро поставил между нами и Собою Таинство исповеди и покаяния и каждому дал власть, если хочет, через исповедь и покаяние восстать от своего падения греховного, которым пал, и опять прийти в прежнее родство, славу и дерзновение, какие имел у Бога, и опять стать наследником всех благ, о коих мы сказали выше, или еще больших, если покажем более теплое покаяние. Ибо какое

показывает человек покаяние, такое же обретает и дерзновение и к Богу присвоение, удостоиваясь ясно сознать сие и беседовать с Богом, как друг с другом, лицом к лицу.

Итак, которые после крещения не чувствуют удостоверения, что имеют к Богу такое дерзновение и присвоение и причастны тех благ, о коих мы сказали, и не сознают, что облечены во Христа, и не зрят Света Божества Его с Светом Духа Святого, пусть тщательно исследуют совесть свою и, конечно, найдут, что не соблюли или всех, или некоторых из тех соглашений, в которые вступили с Богом, когда приняли крещение, или что зарыли в землю талант свой, т. е. полученный ими дар освящения и сыноположения, и не умножили его; почему и не удостоиваются созерцать и умно видеть Владыку своего. Бог истинен и не раскаивается в дарованиях, подаемых Им; а Он Сам говорит: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя. И Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21). Слышали, что говорит Владыка Христос? Кто, говорит, Меня возлюбит и заповеди Моя соблюдет, того и Я возлюблю и явлюся ему Сам. Если теперь Христос есть Истина, как Сам Он сказал: *Аз есмь истина* (Ин. 14, 6), а истине невозможно солгать, как говорит апостол: *невозможно солгати Богу* (Евр. 6, 18), то пусть никто из тех, которые не видят Господа, не говорит, что невозможно Его видеть, тогда как это не только не невозможно, но и очень легко. Если Он, как Сам говорит, есть *свет миру* (Ин. 8, 12), то которые Его не видят, конечно слепы суть, а сле-

пы они суть, потому что ни Его не возлюбили, ни заповедей Его не соблюли. Ибо если б они возлюбили Его и заповеди Его соблюли, то и они всей душой возжелали бы и взыскали бы увидеть Его, и Он всеконечно Сам явил бы Себя им, яко неложный, существенно истинный и само-истина. Он за тем и пришел в мир, чтобы светом Своей славы и Своего Божества просветить всех, находящихся в мире и сидящих во тьме. Итак, которые христиане не видят умно Господа, не освещаются явственно и знательно Его Божеским Светом, не видят Его пребывающим в себе, пусть не говорят, как неверные, что невозможно Его видеть; но каждый из нас, возлюбленные мои, пусть испытает совесть свою, как я сказал уже, и, конечно, найдет, что сам виноват, что не имеет в себе Бога и не видит славы Его; а затем пусть покается и восплачет о себе, что находится в таком бедном состоянии, и потщится покаянием и исповеданием возвратить потерянное, да улучит и вечные блага во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово тридцать шестое

1. Бог в день Суда осудит, как грешников, тех, которые не ищут приять благодать Божию.

2. Сила греха непонятна.

3. Христос употребляет члены христиан как орудия.

1. Естеству человеческому свойственно грешить, потому что с того времени, как Адам преступил заповедь Божию, стало немощно естество сие и не может не грешить. (Немощно оно есть, потому что не облечено умною свыше силою Святого Духа, которая называется благодатию Господа нашего Иисуса Христа; благодатию же называется, потому что даруется человеку по одной вере, а не за добрые дела.) Как опять естеству ангельскому свойственно не грешить, потому что Ангелы сильны крепостию и облечены в Божественное одеяние Духа Святого, без коего невозможно не грешить. Посему когда Бог сядет на Престоле судить мир, тогда, осуждая грешников за то, что грешили, осудит их наипаче за то, что не прибегали к Богу Всевышнему, яко немощные и грешащие по немощи, и не умоляли Его послать им свыше благодать Всесвятого Духа, да избавит их от немощи и дарует им силу не грешить.

Кто не знает, что Ангелы, облечены ли они во всеоружие свое или не облечены, сильнее человеков? (А всеоружие Ан-

гелов есть вседержительная сила Святого Духа, которую носят они в себе с того момента, как созданы, так как и созданы быть разумными и мысленными приятелищами несозданного и Божественного осияния, яко существа чистейшие.) Сильнее, потому что суть простое естество; а люди составлены из словесной и мысленной души и из тела чувственного и видимого. Облечены были и они таким же всеоружием, т. е. Божественной силой, какую носят в себе и Ангелы, какою и люди бывают сильны и святы (хотя один только Адам до преступления заповеди был облечен в такое всеоружие Божие). Но поелику Бог совлек с диавола за гордость сию Божественную силу, равно как и со всего его полчища, то эта нечистая сила позавидовала человеку и употребила свои усилия, чтоб и с человека была совлечена Божественная сила. И действительно, по навету ее лишился человек покрывавшей его Божественной силы и сделался обнаженным от нее, как были уже обнажены от нее демоны. И вот обнаженные демоны побеждают обнаженного человека, как сильнейшие его, потому что они просты и бестелесны, а человеки сложны и несут бремя плоти. И с того времени, как пал первозданный, даже доселе никто не может и не мог, да и в последующее время никогда не возможет ни один человек противостать диаволу и прочим нечистым силам и препобедить их, потому, как я сказал, что хотя и они обнажены от Божественной силы, но, как бесплотные, они сильнее обнаженных той же силы людей. Почему и апостол говорит: *братие, облецыте-*

ся во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским, яко несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф. 6, 10–12).

И в этом ничего нет дивного (то есть что они миродержители). Ибо как только обнажился человек от Божественной благодати, тотчас и вся видимая тварь, созданная для человека, обнажилась вместе с человеком от Божественного света, ее осиявавшего, и растлилась, как говорит тот же апостол: *суете тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на уповании, яко и сама тварь свободится от работы истления в свободу славы чад Божиих. Вемы бо, яко вся тварь с нами совоздыхает и сболезнует даже доныне. Чаяние бо твари откровения сынов Божиих чает* (Рим. 8, 19–22). А когда вся видимая тварь лишилась таким образом Божественного освещения, тогда начал в ней носиться (хореuerv, гарцевать) диавол с прочими демонами, как хотел и где хотел, и сделался князем мира сего преходящего. Князем и властителем мира сего был человек; но когда диавол прельстил его, то, по попущению Божию, взял от него начальство и власть и назвался князем мира сего, и властвует, как и разбойники властвуют над тем, что насильственно захватят в свои руки, *не сущу избавляющу, ниже спасающу* (Пс. 7, 3). Есть, правда, избавляющий и спасающий Бог, но этот разбойник диавол успевает так обольщать подпавших его тирании, что они остаются довольными бедственным положением, в коем на-

ходятся, рады рабству своему, любят нечистоты и неправды, в коих валяются, и не желают освобождения.

2. И это рабство диаволу есть некая престранная вещь. Ибо вообрази, каким непонятным образом властвует грех над человеческим естеством! Большей частью этого ни разум не разумеет, ни совесть не ощущает. Понять нельзя, каким образом бывает, что человек находит утеху и веселие в песнях и плясках, в шутках и смехах, в играх и забавах, в борьбах и кулачных боях, и во многом другом излишнем и непотребном, и несмотря на то, что все это очевидно бесполезно и непристойно человеку, не жалеет на это трудов, заботы и сил; а к тому, что добро и Богу угодно и не требует иногда никаких трудов, душа у него не лежит, и он тяготится тем, скучает за тем и бежит от того, хотя то никакого не причиняет ему зла, а приносит одно добро. И смотри, как лукава эта тайная сила! Она привела человека, разумную тварь, в такое бедное и жалости достойное состояние, что он отвращается от подобающего ему, как от неподобающего, и любит не подобающее ему и не сообразное с ним, как подобающее и сообразное. И еще хуже то, что когда, познав всю пустоту и лживость таких утех, он захочет отстать и отвратиться от них, то встречает в этом большой для себя труд. Понимаешь ли эту бедственность? Постигаешь ли нужду и насилие, претерпеваемое человеческим естеством? Видишь ли опасность? Когда призывают в храм Божий, то как старцы, так юноши и дети тяготятся идти; а на гулянья, игры и в хорово-

ды все бегом бегут с великою радостью и поспешностью.

3. Сколь же великая потребна для человеческого естества сила, чтобы преодолеть эту злую действующую в нем силу и отложить такой нрав неестественный, кажущийся ему естественным, и восприять естественный, кажущийся ему неестественным? Требуется сила Божественная и вышеестественная; потому что если не будет он воссоздан и обновлен благодатию Господа нашего Иисуса Христа, то не может перемениться на лучшее и прийти в свое естественное состояние. И пусть никто не присвояет себе спасения, если не изменился еще в настроение духовное и богоугодное, какое подобает иметь человеку, так чтобы радовался о делах Божественных и скорбел о злых. Только в таком случае, по мере восприемлемого им изменения, может он питать и надежду спасения. Посему смотри, всякий христианин, на себя по этим чертам, как в зеркало, чтоб не обмануть себя самого, потому что характер и признак тех, которые могут иметь надежду спасения, явны.

Это непонятное насильство, какое претерпевает от греха и диавола естество человеческое, знали и древние святые пророки и, чтоб избавиться от него, взывали ко Господу, и *Он посылал слово Свое, и исцелял их и избавлял от растлений их* (Пс. 106, 20). А святые, являющиеся после воплощенного Домостроительства, имеют в себе Самого Христа, Сына Божия и Бога, и носят Его в себе, сию Ипостасную силу и Премудрость Божию. И кто посмеет напасть и вооружиться на

тех, которые облечены во Христа, как во всеоружие Божие? На таких не смеет нападать диавол шуиими, т. е. грехами, но нападает десными, т. е. добрыми их делами, покушаясь ввергнуть их в высокоумие. Но буй есть и несмыслен тот, кто вздумал бы гордиться по поводу всеоружия Божия или вседержительной силы Божией, являемой в нем. Ибо апостол, говоря: представьте уды ваша оружия правды Богови, и грех вами не будет обладать, потому что вы под благодатию (Рим. 6, 13, 14), явно показывает, что действующий сими орудиями есть Бог. Посему, как чувственные оружия не имеют своей воли и смысла, чтобы поперечить в чем-либо пользующемуся ими воину, но бывают ему послушны, на что бы он их ни употреблял, оставляя ему свободу действовать ими, как и когда хочет, таким же образом и христианин должен представить уды свои послушными Богу и, что бы ни делал, делать то так, как того хощет Бог; пусть и слушает, и смотрит, и говорит, и осязает, и обоняет, и ходит, и стоит, и лежит, и сидит, и делает, и без дела бывает, и с другими общится, и уединяется, и дает, и принимает, и строит, и разоряет, и все вообще пусть делает так, как хощет Бог. При сем рассуди всяк: когда воин вооруженный поражает оружиями своими врага и как изрядный борец показывает тем силу свою и воинскую опытность, то он есть побеждающий, а не оружие; и как то, что он не мог бы воевать без оружия, истинно, так и то, что победа есть дело воина, а не оружия, неложно. Отсюда возьми себе такое наведение, что как оружия, если не бы-

вают в руках воина, который мог бы ими действовать, остаются праздными и бездейственными, так и члены христианина, если не действует ими Христос, нося их, остаются бездейственными (на добро), и не только бездейственными, но диавол, находя, что не носит их Христос и они бездейственны, схватывает их, надевает и начинает воевать ими против христиан, и множество душ оскверняет. Если же Христос есть воитель, если члены верующих в Него суть оружия Христовы, и тот, кто побеждает сими оружиями, есть Сам Христос, как Он же и брань самую ведет, то всячески потребно, чтобы всякий христианин был послушен Христу, подобно тому как послушны воину бездушные оружия, чтобы Христос одерживал через них победу и потом делал и их, как оружия, участниками в Своей славе. Оружия сии, при всем том, что разумны, не должны иметь другого движения, кроме того, которое бывает по воле Самого Христа – воителя и победителя. А кто не послушен воле Христовой, тот всуе состоит в числе христиан. Нам же буди всегда представлять члены свои в послушные Христу оружия силою Его. Ему слава и держава вовеки. Аминь.

Слово тридцать седьмое

1. Человек потерял истину после того, как изгнан был из рая.

2. В чем грех диавола, и в чем – Адама?

3. Человек грешен от самого зачатия своего.

4. И возрождается Святым Духом во Святом Крещении.

5. Чего это желали цари и пророки прежде пришествия Христова?

6. Духовный отец должен прежде оглашать исповедующихся и научать таинству веры, а потом налагать и епитимии.

7. Всякому христианину потребно восприять Божественное изменение.

1. Поелику Адам поверил диаволу, наговорившему ему лжей, и вкусил от древа познания, то, как поверивший лжецу, отпал от истины. После сего естество человеческое много трудилось, ища истины, но обрести ее не могло. Сие явно подтверждают все эллинские мудрецы, которые никак не могли согласовать, привести к единству и на правый путь направить разнообразное мудрование людей, несмотря на то что многие употребляли к тому способы и написали множество пространных сочинений, в которых всесторонне рас-

суждали о добродетели и худонравии. Истина – от Бога, в слове Божием содержится и благодатию Христовою постигается. Благодать во Христе Иисусе своею недомыслимою силою раздробленные и многосплетенные воззрения упростила, исправила и объединила некоторым как бы физическим и непоколебимым единством, показав тем, что все другие к тому способы и приемы недейственны, непрактичны и бесполезны. Руководящиеся сими способами пускаются в исследования, чтоб найти истину, но найти ее не успевают: она праведно укрылась от них. Ибо так как человек самоохотно и без всякого насилия принял ложь и поверил ей, то и осужден искать истину и не находить, тещи вслед ея и не достигать. Впрочем, как укрылась от нас истина за то, что мы поверили лжи, таким же образом и опять обретается нами истина, когда веруем истине. Поверил Адам лжи прикрытой и неявной; а мы веруем в великое и явное таинство – в Бога воплощенна. Та ложь сама в себе содержала невероятность, потому что шла против прямой заповеди Божией; а это великое таинство воплощения Христова имеет свидетельство верности своей от имени Божия. Та ложь, как только поверовано было Адамом, что она истина, тотчас оказалась ложью, потому что поверившего ей низринула в тление и смерть; а это таинство, бывая веруемо, оказывается истиною, потому что освобождает верующего ему от тления и смерти, так как силою его отъемлется у верующего грех и даруется ему добробытие, или праведность. Так, и истина, и ложь явными бы-

вают по концу своему.

2. Если вникнешь, какой грех сделал диавол и какой Адам, то не найдешь ничего другого, кроме одной гордости. Но диавол и Адам возгордились по причине великой славы, какой преизобильно были удостоены. Будучи облечены славою не после смирения и бесславия, они по этому самому и возгордились. Так как они никогда не видели смирения и не знали, что за вещь есть это смирение и бесславие, последующее за низвержением с высоты славы, то, не имея страха, бывающего от опасения такой случайности, возгордились. Помысли теперь, сколь велико было смирение Господа Иисуса, когда Он, будучи Бог, смирил Себя даже до вольной смерти и умер на кресте смертью, каковая служила наказанием для самых худых людей. Итак, один грех – гордость, и одна добродетель – великое смирение. Но из нас, так как мы ныне находимся в таковом унижении и бедственности, кто станет гордиться, кроме разве буяго и несмысленного? В настоящей жизни ни силы никто не имеет в себе Божеской, чтоб являть блестящую славу, и никого нет, кто бы был облекаем славою прежде смирения и бесславия, но всякий человек, рождаясь в мир сей, рождается бесславным и ничтожным, а потом уже, мало-помалу преуспевая, бывает иной раз и славным.

3. Посему если кто, испытав наперед такое бесславие и ничтожество, потом возгордится, то не безмыслен ли и не слеп ли он? То изречение, в коем говорится, что никто не безгрешен, кроме Бога, хотя бы один день жития его был на зем-

ле, не о тех говорит, которые сами лично грешат, потому что однодневное дитя как может согрешить? Но этим выражается то таинство веры нашей, что человеческое естество бывает грешно от самого зачатия своего. Бог не создал человека грешным, а чистым и святым. Но когда первозданный Адам потерял сию одежду святости не от другого какого греха, а от одной гордости, и сделался тленным и смертным, то и все люди, происходящие от семени Адамова, бывают причастны прародительского греха от самого зачатия и рождения своего. Кто сим путем родился, хотя бы не сделал еще никакого греха, уже грешен есть тем прародительским грехом.

4. По сей причине пришло иное рождение, или возрождение, которое возрождает человека через Святое Крещение Духом Святым, опять воссоединяет его с Божеским естеством, как было тогда, как создали его руки Божии, восстановляет все душевные силы его, обновляет их и приводит в то состояние, в каком были они до преступления первозданного Адама, и таким образом вводит его в Царство Божие, в которое не может войти некрещеный, просвещает светом его и дает вкусить радостей его. Так каждый крещаемый опять соделовается таким, как был Адам до преступления, и, введен бывая в мысленный рай, приемлет заповедь делати его и хранити: делати исполнением заповедей Иисуса Христа, воссоздавшего его, и хранити хранением благодати Святого Духа, дарованной ему через Святое Крещение, исповедуя, что сила сей благодати, живущей в нем, вместе с ним исполняет

заповеди Христовы. В этом состоит хранение. И как невозможно дому прочно стоять без основания, так душе, верующей во Христа, невозможно явить богоугодное житие, если в нее не вложена будет, как основание, благодать Святого Духа. Ибо и пост, и бдение, и долулегание, и поклоны, и молитвословия, и всякое другое злострадание ничтоже есть без Божественной благодати. И если услышишь, что кто-либо после явных христианских дел отпал от Христа, знай, что он был в то время без благодати Божией. Ибо Святой Дух животворит душу, как душа тело, и она бывает сильна, тверда и постоянна. Великое это есть таинство. Да благоговеинствует пред ним человек, да внимает ему и хранит его. Сею благодатию Святого Духа совершается в сердце жертва хваления и созидается самое сердце чистое, сокрушенное и смиренное, которое, зная, что не имеет ничего собственного, и не может вознестись гордостью. Это смирение сердца сокрушенного и самоуничиженного, истинное, а не напоказ из тщеславия, и есть жертва хваления, приносимая Богу. Нечист пред Господом, сказано, не всякий грешник, а всяк высокосердый и гордый, потому что без греха никого нет. Смиренносердый праведен и праведно действует, ибо исполнен благодати Святого Духа, научающей его всякому добру и укрепляющей в нем. Благодать сия подает ему святыню, без коей никто не узрит Господа (Евр. 12, 14). Почему сказано: *да возмется нечестивый, да не видит славы Господни* (Ис. 26, 10). И кто этот нечестивый? Высокосердый, у которого по мере горды-

ни его бывает и мера нечестия; как, наоборот, у смиренносердого по мере смирения его бывает мера благочестия его. Но кто же этот смиренносердый? Ни мудрец, ни многознатель, ни научник, ни искусник, ни делец, но тот, кто имеет благодать Святого Духа, которая, очистив душу от всякого греха и научив ее жить праведно и богоугодно, дарует ей истинные – и мудрость, и знание, и умение действовать.

5. Для этого и Сын Божий соделался человеком и умер, дав Себя в искупление всего естества человеческого. Впрочем, смерть Его была необходимою жертвою и за благочестивых, умерших прежде пришествия Его во плоти. Ибо после преступления Адамова никто и из праведных не мог спасен быть, так как все люди подлежали греху прародителя Адама, тлению и смерти, и меч огненный никого не пропускал в рай, из которого изгнан был Адам, так как те святые обители рая принимают только души непорочные и чистые от всякого греха, как говорит апостол, что *тление не наследует нетления* (1 Кор. 15, 50). Почему необходимо было, что нетленный Сын Божий посредством тленной плоти Своей дан был в жертву, дабы искупить праведных тех от тления. Ибо сами собою они не могли опять прийти в нетление, из коего ниспал Адам, но это было делом великого Домостроительства Христова, совершенного с судом и правдою. А для тех, которые родились после Рождества Христова, Он есть и жертва и пища посредством Причащения Пречистых Таин, в коем через единение, в какое вступает с причащающимся, Он

обновляет его и воссозидает, и неизреченною силою творческого Божества преискренне сочетавает с Собою и Собою проникает, т. е. делает Богом по благодати, подобно тому как и огонь, через свое проникновение, делает огнем те твердые тела, которые его принимают и им проникаются, как, например, железо, медь и подобные, – делает огнем, но не изменяет природы их, а делает лишь то, что они, пока находятся в таком сочетании с огнем, бывают и сами огнем. И сие-то есть то, чего желали пророки, цари и праведники, бывшие прежде Христа, так как провидели тех, которые имели быть плоть от плоти Христа и кость от костей Его, а себя самих видели лишаемыми столь великого блага.

6. Которые же научены сему великому таинству христианства и, познав его, сделались верующими и верными ему, а потом пали, как человеки, плоть носящие, для тех нет другого средства возвратить потерянное, как покаяние во всем, в чем погрешили. Прибегнуть им надобно к врачу духовному и, исповедав ему грех свой, открыв рану свою, с покорностью и желанием принять следующую по правилам епитимию, какую наложит духовный отец, потому что такие епитимии разрешают узы греховные и служат для ран душевным пригодным врачевством, чтоб исцелить их. Необходимо, говорю, грешащим по крещении нести епитимию, потому что они были уже просвещены и *вкусили дара Небеснаго* (Евр. 6, 4), т. е. опытно познали силу Христову, почему должны были мужественно стоять против искушения и не грешить,

как говорит апостол: *грех вами да не обладает: несте бо под грехом, но под благодатию* (Рим. 6, 14).

Если б они не пренебрегли благодати Божией, уже познанной, то она не попустила бы им согрешить. Сами собою сделались они повинными Крови Христовой, очистившей совесть их от мертвых дел, чтоб служить Богу живому и истинному; почему имеют нужду во вторичном очищении через покаяние, которое бывает соединено с трудами и потами, стенаниями и слезами, чтоб каждый из них мог сказать к Богу: *виждь смирение мое и труд мой и остави вся грехи моя* (Пс. 24, 18). Не потому так надо, чтоб Бог имел нужду в трудах и потах кающегося, но для того, чтоб кающийся, получив благодать Божию без труда, опять не пренебрег ее, как и прежде, и не был за то осужден вечно гореть в неугасимом огне адском.

Но которые не знают таинства христианства, каковы наибольшая часть из таких крещеных, которые именуются, как крещеные, христианами, но не оглашены христианским учением и совсем остаются неведающими и, скажу так, непросвещенными (крещением просвещены, но не просвещены ведением), потому что не знают и не разумеют воистину, в чем состоит таинство христианства, – так, когда таковые, каясь, исповедают грехи свои, соделанные ими по крещении, то их не должно слишком вязать на духу и возлагать на них тяжелые епитимии; потому что это не будет для них полезно, так как они, будучи не научены и не просвещены и не имея ве-

дения о тайне Христа, не могут восчувствовать как должно этих вязаний и епитимий. Они в неведении веровали, в неведении и грешили; и поелику без разума грешили, то не могут как должно уразуметь разумность духовного их врачевания.

Итак, как для тех, которые научены и просвещены, и знают таинство христианства, по мере их знания и греха, т. е. судя по тому, какое имеют ведение и знание о таинстве христианства и сколь тяжкий учинили грех, потребны и обязания, и врачевства, и прижигания, и злострадания, т. е. посты, бдения, долулегания, коленопреклонения и прочее, так для тех, которые не знали и не были научены таинству христианства, потребны наперед научение, оглашение учением веры и просвещение, и потом уже канонические епитимии.

Ибо неразумно вязать и прижигать, т. е. налагать по правилам епитимию на не могущего восчувствовать то, как несмысленно лечить мертвого.

Впрочем, как говорит божественный Павел, *елицы в законе согрешиша,* т. е. при знании таинства веры и христианства, *законом суд приимут,* т. е. должны быть судимы и епитимизованы по всей строгости священных канонов; а которые *без закона согрешили,* т. е. не знали всего, что относится к вере и что необходимо для спасения, и не научились тому, те *без закона и погибнут* (Рим. 2, 12), т. е. и без приложения к ним всей строгости канонов погибнут (если не покаются), при всем том, что могут предлагать бесполезно в оправдание свое, что не знали, как обязаны были поступать, ибо Гос-

подь говорит: *проповестся сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем языком* (Мф. 24, 14). Если таким образом языки осуждаются (за неведение), тем паче будут осуждены те христиане, которые, находясь в ограде Церкви Христовой, не знают истинного учения о христианском благочестии, потому что не позаботились поучиться ему где и как следует, по нерадению и презорству к столь великому делу, совершенному для нас Сыном Божиим, для коего Он, будучи Бог, соделался человеком и претерпел крайнее поношение, умерши на кресте, будто злодей.

7. Великое благо есть веровать во Христа, потому что без веры во Христа никому невозможно спастись; но надобно и научиться слову истины и познать его. Благо есть научиться слову истины, и знать его необходимо; но надобно и крещение приять во имя Святой и Живоначальной Троицы для оживления души. Благо есть крещение приять и через него новую жизнь духовную, но надобно, чтоб и чувством ощущена была сия таинственная жизнь, или умное в духе просвещение. Благо есть восприять чувством умное в духе просвещение, но надобно являть и дела света. Благо есть делать дела света, но надобно облечься и во смирение и кротость Христову для совершенного уподобления Христу. Кто достигнет сего и сделается кроток и смирен сердцем, так как бы это были естественные его расположения, тот несомненно внидет в Царство Небесное и в радость Господа своего. Впрочем, и все те, которые текут путем Божиим по указанному

мною порядку, если случится, что естественная смерть пресечет посреде сие их течение, не будут отогнаны от дверей Царствия Божия, и двери сии не будут затворены пред ними по беспредельной милости Божией. Но которые не текут таким порядком, тех суетна и вера, если какую имеют во Христа Господа, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцом и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово тридцать восьмое

1. Всякий из нас должен познать, что он есть Адам, чтоб быть Христом.

2. Таинство воплощения Сына и Слова Божия имеет целью пересозидать верующих в Него и делать их нетленными и бессмертными.

3. Определения Божии делаются законом естества.

4. Какие определения Божии опять Им отменяются и каким образом?

1. Если кто из нас не познает, что он есть Адам, тот, который согрешил пред Богом в раю, то как может он признать и думать, что нисшествие Сына и Слова Божия было для него? Такой уж по падении установился закон, что как каждый из нас бывает Адамом, т. е. человеком тленным и смертным, не по причине собственного своего греха, а по причине преслушания прародителя нашего Адама, от семени которого происходим, так опять каждый из нас бывает Христом, нетленным и бессмертным, не ради добродетелей своих, но ради послушания второго Адама, который есть Христос, Господь наш, сошедший с неба, соделоваясь кость от костей Его и плоть от плоти Его. И как тление и смерть из рода в род переходят от ветхого Адама, так нетление и бессмертие переходят в христиан от нового Адама. Как то, что мы причастники

естества праотца Адама падшего, познаем мы по тому признаку, что и мы грешим и преступаем заповеди Божии, так и то, что мы бываем причастниками Божественной благодати второго родоначальника нашего, Христа Господа, познаем по тому признаку, что не грешим более, коль скоро получаем Божественную благодать сию. Мы почерпаем от полноты Христовой, подобно тому как из какого-либо источника огня возжигались бы мириады лампад, и чем больше бы возжигались, тем более он изобиловал бы огнем и источал его из себя, ибо Христос, как Бог, преисполнен всяким добром.

2. Он, не отстраняясь от всего сущего, благоволил устраниться в пречистое чрево Приснодевы, родиться, млеком питаться, возрасти и стать мужем, также алкать, жаждать, утруждаться и проливать пот, потом подвергнуться зависти иудеев за чудеса, совершенные Им в показание Своего Божества, быть повешенным на кресте, будто злодей, вместе с разбойниками, умереть позорной смертью, по воле Своей, погребену быть, воскреснуть и вознестись на небо, чтоб ниспослать на верующих Духа Святого, от Отца исходящего, Которого и послал. Ибо то и было целью и концом всего воплощенного Домостроительства Христова, чтоб Духа Святого принимали в души свои верующие в Него яко Бога и человека, единого Христа в двух естествах, Божеском и человеческом, нераздельных и неслиянных; чтобы сей Святой Дух был как бы душою души верующих и они по сей причине именовались христианами; чтоб (действием сего Духа Свя-

того) они некоторым образом переплавлялись, пересозидались, обновлялись и освящались по уму, совести и по всем чувствам, так чтобы после сего они совсем уже не имели в себе растленной жизни, которая могла бы поднимать в душе их позыв и пожелание плотских сластей и мирских похотей. Ибо всякий человек с первого дня рождения своего (с момента зачатия) подлежит уже тлению и смерти, и потребна великая и Божеская сила, чтобы воссоздать его к нетлению и бессмертию. Если же кто, вместе с возрастом телесным, будет возрастать и в худости, то в таком, конечно, увеличиваются и сила тления, и владычество смерти, делающиеся в нем еще более мощными, потому что по мере тления, какое кто развивает в себе, входит в него и жало смерти, т. е. или больше, или меньше. Если теперь малое и незлобивое дитя имеет нужду в Божеской силе, чтоб освободиться от тления, то сколь великая сила потребна для того, кто вместе с возрастом возрос и в худости, а вместе с нею и через нее возрастил в себе и тление, каковое Богоотец Давид называет в псалмах своих узами и вретищем, взывая к Богу: *растерзал еси узы моя. Тебе пожру жертву хвалы* (Пс. 115, 7, 8), т. е.: возблагодарю и прославлю Тя за то, что Ты растерзал узы мои, т. е. тление; и опять: *растерзал еси вретище мое, и препоясал мя еси веселием: яко да воспоет Тебе слава моя, и не умилюся* (Пс. 29, 12, 13), т. е.: Ты совлек с меня вретище, которое я носил, т. е. тление, и препоясал меня радостью, да прославлю Тя не я, но Дух Святой через меня; потому что радость

и слава, приятые Давидом от Бога, был Дух Святой, Коего имея в себе, он говорит: *и не умилюся* (не буду иметь нужды раскаиваться), т. е.: не буду грешить. Итак, всеконечно необходимо всякому всевозможные употребить усилия, чтоб получить свыше от Христа Господа сие веселие и славу, т. е. благодать Святого Духа, чтоб возыметь силу не грешить более. Ибо что делает кто по произволению, то по произволению же может и уничтожить; но что от естества, того нельзя уничтожить произволением. Если теперь человек стал естественно тленным и смертным, то не может силою одного произволения своего сделаться нетленным и бессмертным. И со времени изгнания Адамова из рая, т. е. с того времени, как он по причине преступления сделался тленным и смертным, даже до днесь ни один еще человек не явился нетленным и бессмертным.

3. Итак, если потребно человеку опять прийти в то первое состояние, в котором он создан, т. е. сделаться нетленным, то никакое человеческое произволение не может возвести его в сие состояние, а одна Божественная сила, приемлемая им через сочетание с Божеским естеством. Божеское естество сильно победить смертность естества человеческого и опять воззвать его в первоначальное его состояние. Слова и определения Божии делаются законом естества. Почему и определение Божие, изреченное Им вследствие преслушания первого Адама, т. е. определение ему смерти и тления, стало законом естества, вечным и неизменным. Почему для

отменения такого определения распялся и умер Сын Божий, Господь наш Иисус Христос, принесши Себя в жертву искупления человека от смерти, жертву страшную и безмерно великую. Определение Божие: *земля еси и в землю пойдеши*, равно как и все, наложенное на человека после падения, будет еще действовать до скончания века; но по милости Божией, в силу чрезвычайной жертвы Христовой, в будущем веке оно уже никакой не будет иметь силы, когда совершится общее воскресение, каковому воскресению невозможно бы было совершиться, если бы не воскрес из мертвых Сам Сын Божий, умерший для отменения означенного определения и воскрешения всего человеческого естества, так как воскрес Человек, т. е. Христос, как и первоначально умер человек, т. е. Адам, тот и другой совмещая в себе весь человеческий род.

4. Впрочем, да ведает каждый, что определения Божии о карах за грехи после воплощенного Домостроительства есть время отменять еще в сей жизни. Определения Божии, наложенные на первого человека Адама, согрешившего в раю, при жизни безбедной, праведно не отменяются в сей жизни и поставлены для человека в закон естества; а определения Христовы, наложенные после воплощенного Домостроительства на нас, находящихся в этой бедственной жизни, могут быть отменяемы еще в сем веке. И всякому христианину, если он подпал под них, со всем усердием и усилием надобно озаботиться, чтоб они сняты были с него еще здесь,

ибо они несравненно страшнее первых, так как простираются на нескончаемые века. Если первые определения, лишающие человека временной жизни, т. е. определения на смерть и тление, представляются несносными, то определение вечных и нескончаемых наказаний, какие наложены будут в будущем веке, насколько тяжелее и несноснее будут для тех, кому придется испытать их!

Какие же именно эти определения, послушай. Господь наш Иисус Христос говорит: *аще кто речет брату своему: уроде, повинен есть геенне огненной* (Мф. 5, 22). Это значит, что сказавший это брату своему, как только сказал это, тотчас сделался уже повинным вечному мучению. Но это решение или определение суда Божия теряет силу, коль скоро кто покается и с такою решимостью положит не говорить более брату своему: *уроде,* что скорее умрет, нежели согласится это сделать, потому что в самом деле для христианина лучше умереть, нежели называть брата своего христианина: *уроде*. Таким же образом, т. е. через покаяние, сокрушение и решимость воздерживаться от грехов, теряют силу и все другие судные определения Христовы. Но да ведаем, что только здесь, в настоящей жизни, где бывает преступление заповедей Божиих, только здесь бывает и отменение страшных судных определений за то, по беспредельной Божией милости, ради искреннего и совершенного покаяния. А кто не покается здесь, над тем неотменно будут исполнены сии определения; неотменно, кто поклянется Богом в неправде, будет

наказан как нечестивец; кто с похотением воззрит на жену, будет наказан как блудник; лихоимец будет наказан как идолослужитель. Впрочем, если кто и покается в таких и подобных грехах, но при этом окажется немилостивым, несострадательным и жестокосердым, т. е. воздаст злом за зло и не простит врагу своему, в таком случае никакой не получит он пользы от своего покаяния, но тщетно будет все его покаяние, по определению Господа, Который говорит: *имже судом судите, судят вам* (Мф. 7, 2). И не это только, но может случиться нечто и еще худшее, может случиться, что иной, искренно покаявшись, обретет милость у Бога и получит отпущение всего своего греховного долга; но если он после сего окажется несострадательным и немилосердым к другим и не простит им, в чем они против него погрешат, то сам разоряет милостивое к нему снисхождение и отпущение, явленное ему Богом, как говорит Святое Евангелие: *не подобаше ли и тебе помиловати клеврета твоего, якоже и Аз тя помиловах? И прогневався Господь его, предаде его мучителем* (Мф. 18, 33, 34).

Нам же даруй, Господи, и покаяться во грехах своих, и быть сострадательными и милосердыми к ближним, да сподобимся улучить и вечное блаженство в Самом Христе, истинном Боге, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово тридцать девятое

1. Как разуметь: начало премудрости страх Господень?

2. Какие признаки и дела верных и богобоязненных людей?

3. Какие признаки и дела людей неверных и не боящихся Бога?

4. Кто тот мертвый, который не живет по Богу?

5. Как от Бога имеем мы бытие, так от Него же только получить можем и благобытие.

1. *Начало премудрости страх Господень,* говорит Писание (Притч. 1, 7). Премудр же есть един Бог. Почему всякий, желающий внити в Царство Небесное и быть под Царем Богом, чтоб ум его, и мудрования его, и помыслы его были управляемы Самим Богом, единым воистину Царем, всякий такой прежде всего должен возыметь страх Божий. Но как возыметь страх к Тому, Кого не видишь? – Потому необходимо прежде увидеть Бога, чтоб потом возыметь страх к Нему. А как увидеть Бога, Которого никто никогда не видал? Для этого надобно взыскать умного света Божия, чтоб ум, просветившись им, мог умно узреть Бога. И вот, когда кто таким образом узрит Бога, то может возыметь и страх Божий, а возымевши страх Божий, может увидеть и понять и

себя самого, и сей привременный и суетный мир, и все дела мира сего. Далее, кто видит себя самого и суетность мира сего, тот, имея всегда присущим в себе страх Божий, не может онеправдовать кого-либо, и когда сам терпит от другого неправду, не делает отмщения, но, чая помощи, от Бога приходящей, терпит благодушно неправду и дивится, и славит Бога, что Он, видя неправды, долготерпит и сносит неправедного, – сам между тем ревнуя всеусердно приносить всякого рода плоды Святого Духа.

2. Итак, мы имеем нужду в умном Божественном свете, да соделает он нас причастниками благодати зреть Бога. – Но что такое есть свет сей? О сем Сам Христос говорит: *Аз есмь свет миру* (Ин. 8, 12). То же говорит и евангелист Иоанн: *в Том живот бе, и живот бе свет человеком* (Ин. 1, 4). Изъясняя сие, Иоанн Креститель говорит: *веруяй в Сына имать живот вечный; а иже не верует в Сына, не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем* (Ин. 3, 36). Не верует же во Христа всяк, кто преступает одну и только одну заповедь Его, как Сам Христос говорит: *иже аще разорит едину заповедий сих малых, мний наречется в Царствии Небеснем* (Мф. 5, 19). *Неправедный в мале, и во мнозе неправеден есть* (Лк. 16, 10). Но какой гнев пребывает на таком? Гнев клятвы, которая пала на Адама за преступление заповеди Божией, т. е. тление и смерть. Но которые пребывают в тлении смерти, те пребудут и в геенне адской. Почему Господь наш Иисус Христос и говорит: *заповедь Его живот вечный есть* (Ин. 12, 50),

и: *аще кто слово Мое соблюдет, смерти не имать видети во веки* (Ин. 8, 51). Кто же, выходит, не исполняет заповеди Божией, тот сам себя лишает живота вечного. Итак, прежде всего надлежит уверовать во Христа, Который есть *свет человеком,* чтоб увидеть Бога.

Каким же образом может он увидеть Бога? Из творений, сотворенных Богом, может он увидеть и познать Творца, т. е. неба, земли, моря и прочих тварей, особенно же самого человека, который есть животное разумное, зачинающееся так невзрачно и потом бывающее таким дивным существом, которое мнится быти богом всего видимого, в силу разумности, его отличающей. Кто узрит сим образом Бога, тот как может не возыметь к Нему страха? А кто страх к Нему возымеет, возможно ли, чтоб тот не благоговеинствовал пред Ним, не смотрел строго за собою и не жил так, как заповедует Он и определяет в законе Своем?

3. Отсюда само собою разумеется, что кто живет не по закону Божию, тот и Бога не боится; а кто Бога не боится, тот не виде Его; кто же не виде Бога, тот не имеет в себе света (умного); кто не имеет сего света, тот не верует во Христа; кто не верует во Христа, не имеет живота в себе. Так как, очевидно, он не положил начала от страха Божия, который есть начало премудрости, то он есть буй, слеп, мертв. И добре говорит евангелист Иоанн, что *всяк согрешаяй не виде, ни позна Бога* (1 Ин. 3, 6). Добре и пророк Иеремия живописует: кто есть не знающий Бога? Кто любодействует, кто

преступничествует, кто напрягает язык свой, как лук, в ком укрепились ложь и неверство, кто от зла переходит ко злу, кто другу своему посмевается и не говорит истины, кто научил язык свой говорить одну ложь, кто неправо действует и не хочет обратиться, у кого лихва на лихву и лесть на лесть, коего язык есть стрела уязвляющая и льстивые глаголы уст его, приятелю своему глаголет мирная, внутрь же себе имеет вражду. Таковой не познал Мене и не восхотел уведети Мене, глаголет Господь (Иер. 9, 3–8). Если таков не знающий Бога и не хотящий уведать Его, чем разнится он от тех, которые не исповедают Христа и не веруют в Него? Христианин, не верующий Христу, какой христианин? Кто верует Христу, тот творит заповеди Его, а кто не творит заповедей Его, тот и не верует Ему. Не верующий же Христу, не то же ли, что неверный? Итак, все те, которые именуются христианами, но не живут по закону и заповедям Его, да ведают, что они еще не уверовали во Христа, хотя исповедуют Его Богом. Ибо кто истинно верует во Христа, тот не станет жить беззаконно и нарушать заповеди Божии, подобно тому, как тот, кто видит пред собою пропасть, не может броситься в нее, если только он не потерял ума.

4. Да взыщут же таковые того, чтоб уверовать во Христа как должно и таким образом начать жить по Богу, приять в себя умный свет и узреть Бога, страх Божий возыметь и положить начало премудрости, так как начало премудрости есть страх Божий. Вера без дел мертва есть, как тело без ду-

ши. Ибо вера, дел не имеющая, не имеет Бога, животворящего ее, и мертва есть, яко не стяжавшая того, о чем говорит Христос: любящий Мене, заповеди Моя соблюдет, и Я и Отец приидем к нему и обитель у Него сотворим (Ин. 14, 23), чтоб воскресить из мертвых душу присещением Своим и оживотворить того, кто сподобляется стяжать сие. Вот почему мертва такая вера, мертвы те, которые имеют ее без дел. Кто живет во Христе, тот имеет и нрав Христов, а кто не имеет нрава Христова, тот мертв, и пусть он не обольщает себя, как говорит Христос: *что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?* (Лк. 6, 46). Знак мертвости есть недействование, так как всякий, кто мертв, и бездействен. Почему, кто не действует по Богу, тот мертв для Бога, в том нет жизни по Богу. А кто не живет для Бога и по Богу, такому лучше бы совсем не жить. Телесная наша жизнь есть просто жизнь, как жизнь и всех животных. Но разумная душа должна восприять жизнь, которую подает Бог и которая есть свет человеком, подаемый свыше от Бога. Кто лишен этой жизни, тот живет, как и все неразумные животные; но как он ниспадает до сего, будучи разумным, то будет осужден вместе с бестелесными разумными тварями, лишившимися такой жизни, т. е. с демонами, на вечную смерть или на нескончаемые мучения во аде. Из всего сказанного видно, что главнейшее наше дело состоит в богоугодном житии. Которые христиане не ведут жизни, подобающей христианам, те немоществуют и в естестве своем, и в силах сво-

их, и в жизни и деяниях своих. Сила же христианства в том и состоит, что в нем через Иисуса Христа получается полное благобытие от Бога, давшего бытие. Почему, естественно, те не сподобляются жить как должно и в отношении к Богу, и в отношении к людям, которые не взыскали того, чтоб получить от Бога через Иисуса Христа благобытие, которое потеряно в первозданном Адаме.

5. Итак, который христианин не живет, как заповедует Христос, такой всуе носит имя христианина. Не имеет он благобытия или потому, что совсем не веровал во Христа, или потому, что, уверовав, презрел веру и потерял дар, или потому, что не был научен как должно и не познал сего великого и таинственного дара благодати. Как о бытии мы знаем, что оно, быв в начале даровано непосредственно Богом по закону творения, в настоящее время не прямо от Него приходит, но от мужа и жены бывает человек, как законоположил Он же, Создатель всяческих, когда сказал: *и будета два в плоть едину,* каковая плоть есть плоть дитяти, рождаемого от обоих, таким же образом и благобытие явно есть дело и Божие, и наше; потому что если бы оно было только Божие дело, то его имели бы все люди. Наше в сем участие состоит в том, чтоб признать, что мы не имеем благобытия и не можем его возыметь сами собою; потому что со времени Адама даже доныне не было ни одного человека, который бы возымел благобытие сам собою, мудр ли он или разумен о себе, как говорит пророк Исаия: *горе, иже мудри в себе самих и*

пред собою разумни (Ис. 5, 21). Почему, как бытие есть у нас от Бога и Его творческой силы, так и благобытие от Него же. Благобытие есть в нас от Бога нечто высшее пред просто бытием, потому что это бытие если не станет благобытием, то растлевается и гибнет. И как всесильный Бог, однажды творчески создав человека, не дает уже теперь бытия никому из людей иначе, как через мужа и жену, потому что это было бы неблагословно, так опять и благобытия не дает Он человеку, если сам сей человек не восхощет того от всей души своей и от всего помышления своего, чтоб иначе не нарушить разумного достоинства естества человеческого, т. е. самовластия. Посему, кто восхочет сего благобытия, пусть взыщет его у Бога с воплем крепким и слезами, как сделал и Сам Христос, Который, будучи Бог и Человек, яко человек возносил к Богу молитвы и моления, со слезами и воплем крепким, чтоб избавил Его, яко человека, от смерти, как говорит апостол: *Иже во днех плоти Своея моления же и молитвы к могущему спасти его от смерти с воплем крепким и со слезами принес, и услышан быв от благоговеинства, бысть всем послушающим Его виновен спасения вечнаго* (Евр. 5, 7, 9). Какое же это спасение, которое Он дарует всем послушающим Его? Самое то благобытие, которое есть плод Святого Духа. *Плод же духовный есть,* – говорит божественный Павел, – *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание: на таковых несть закона* (Гал. 5, 22, 23). Ибо *праведнику закон не лежит* (1

Тим. 1, 9). Бог Слово и Сын Божий, Творец естеств, для того и соделался естественно (физически) человеком, чтоб естественно (физически) даровать людям благобытие. Чтоб люди могли получить это благобытие, Он пришел, воплотился, пострадал и умер, чтоб верующие могли возыметь его, яко нечто естественное (физическое), т. е. чтоб были любительны, радостотворны, долготерпеливы, благи, милосерды, верны, кротки, воздержны. Ибо эти именно свойства и составляют благобытие. И горе тому, кто не имеет такого благобытия, которое даруется Христом, потому что, в таком случае, он лишается того великого блага, для которого единого Бог соделался человеком, умер и воскрес. Сего-то лишается и он (не настоящий христианин), как лишаются и те, которые не веруют во Христа, чтобы не сказать, что он становится еще и хуже их. Нам же да не будет лишитися сего блага, во Христе Иисусе, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово сороковое

Воздержание есть один из плодов Святого Духа. Тем, которые веруют во Христа, надлежит знать, что они получают от Него дары Святого Духа, так что которые не знают, что приемлют от Христа дары, всуе уверовали.

Говорят богоносные отцы, что Христос пришел в мир сей и даровал людям избавление и отъятие грехов. Итак, если Христос есть избавляяй людей от греха и отъемляй их, то как они же опять говорят, что верующие умерщвляют стремления и движения страстей через воздержание? На это отвечаем, что оба эти положения истинны. Ибо окрестившиеся во Христа, во Христа облеклись; облекаются же во Христа благодатию от Отца исходящего Духа, а из плодов Святого Духа есть и воздержание. Плод Святого Духа, – говорит божественный Павел, – есть *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22, 23). Посему когда кто воздерживается от греха, то не он воздерживается, но сие есть плод Духа, который есть воздержание. Итак, воздержный пусть не думает, что воздержание, им содержимое, есть дело его собственной силы, но дело благодати Христовой. Ибо Христос чрез Духа Святого дарует воздержание тем, которые прежде возжелали освобо-

диться от страстей и избавиться от греха и стали противиться ему, но все бывали побеждаемы им по слабости своей и отяжеляемы, – таковым, говорю, дарует Христос воздержание, чтобы ведали, судя по воздержанию, коим воздерживаются теперь от всякого греха, от какого великого зла они избавлены, и чтобы когда взято будет у них самое движение на зло (сочувствие ему), прославляли смиренномудренно Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, пославшего Его для избавления народа Своего.

Как Христос греха не сотворил, так и тому, кто облекается во Христа, как возможно грешить? Кто же грешит, тот явно не облечен во Христа. Да подвизается убо такой христианин опять облещись во Христа, и да просит день и ночь с верою, постом и слезами сподоблену быть опять надеть на себя одежду оправдания Христова. Ибо он одет уже был во Христа во Святом Крещении, но или не познал того, или презрел то и сделался за то опять обнаженным от Христа и по причине сего обнажения стал грешить. Впрочем, Христос не совершенным оставлением оставляет и такого, но дает ему прийти в чувство, познать свою обнаженность и, моляся с духом сокрушенным, взыскивать облечения в Него. Ибо кто не облечен во Христа, тот как может творить заповеди Его? Сам Он говорит: *без Мене не можете творити ничесоже,* как не может приносить плода ветвь, если не пребудет на лозе (Ин. 15, 4, 5).

Христос повелевает нам веровать в Него не просто как

случилось, но веровать еще, что тем, которые веруют в Него, Он дает дары, так что которые не получили таких даров, те еще не уверовали во Христа. Христианин и верным называется по причине вверения ему даров. Верным называется христианин не по тому одному, что он верует во Христа, но и потому, что ему вверены от Бога Таинства, которых даже Ангелы не ведали прежде нас. В сем смысле сказал Господь: *верный в мале, и во мнозе верен есть* (Лк. 16, 10). Видишь ли, что верный есть тот, кому вверяется? Кто же не чувствует и не знает, чтоб ему вверено было что-нибудь, тот или не получил благодати Святого Духа, или бесчувствен, и по причине нечувствия его она отступила от него. Ибо Дух Святой, дающий людям мудрость, и ведение, и благочестие, и страх Божий, и веру, не хощет пребывать в нечувственных.

Как никто не может вести торговлю без денег, то Господь каждому верному дает по силе его и способности духовный динарий, то есть дар Святого Духа, который бы всегда пребывал с ним во всякое время и во всяком деле. Кому вверен такой динарий и кто получил его, тому надлежит хранить его добре и со всем усердием и терпением стараться приумножить его. И послушай, как он может умножить его. Получает, например, кто-либо дар веры и дар терпения: верою верит он в то, что обетовал Ему Бог, а терпением претерпевает скорби и напасти, которые находят на него. Видя, что его встречает многое, противное тому, что обетовал ему Бог, он терпит благодушно, ожидая, пока наконец придет время ис-

полнению обетований Божиих. Здесь, по видимости, кажется, будто человек сам перетерпевает, а на деле сила благодати Святого Духа, которую он получил, она содевает в нем терпение и твердость. Если он не забудет о сей силе благодати, ему дарованной, то умножается в нем дар, и он сподобляется получить, что Бог обещал ему дать, ибо христиане верою и терпением наследуют обетования Божии. Если же он забудет о благодати и подумает, что сам своею силою вынес бремя испытания и терпения, а не силою благодати Божией, то теряет благодать и остается обнаженным от нее; и диавол, находя его обнаженным от Божественной благодати, помыкает им, куда хочет и как хочет, – и *бывают последняя его горша первых.*

Итак, тем, которые именуются верными по благодати веры, надлежит сподобиться получить и благодать разума, да разумеют воистину, что терпение и благодушие содевает в них Божественная благодать, и благодарение да приносят Тому, Кто возблаговолил действовать таким образом в верных, как Сам Он засвидетельствовал: *сила Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). В других подвигах действующий бывает победителем, а в подвигах веры и благочестия победителем бывает страждущий и претерпевающий до смерти. Претерпевший до конца спасается; не тот, кто изнемогает и отстает в средине или к концу подвигов, но кто претерпевает до конца. И Бог наш не именуется Богом праздного бездействия и утех, а Богом терпения и долготерпения. Он дей-

ственно производит терпение и благодушие в тех, кои предают Ему себя самих, чтобы они одержали победу дивную и новую, подобную той, какую одержал Христос Господь. Быв распят и вкусив смерть, Он победил убийц Своих и мир, и теперь уделяет от победной силы Своей и тем, которые страждут за Него, и через них побеждает снова тех же убийц и мир. Сие таинство надобно знать всякому христианину, чтобы не оказался кто всуе верующим во Христа, яко не ведущий таинства христианства. Ибо не сам всяк, но Христос со всяким входит опять в рай; т. е. всякий человек тогда получает вход в рай, когда причастным делается Божественной благодати Христовой и верою опять стяжевает то, что имел вначале и что потерял неверием, не поверив словам Божиим, а поверив словам змия.

Труды же и поты всегда сопровождают человека в настоящей жизни, по промыслительному устроению Человеколюбивого Бога, чтоб иначе не потерял он опять того, что стяжал трудами и потами. Блага, высшего для нас, т. е. благодати Христовой, духовно сподобляется душа через Святое Крещение, ибо как только крещается, тотчас воображается в ней Христос. Но как большая часть не знает приемлемой таким образом благодати, особенно из тех, кои крещены малыми детьми, то мало-помалу со временем происходит в них изменение, и в иных совсем гаснет благодать Божия, а в других остается еще хоть малая ее искра, которая, по великой милости Божией, иногда опять возгорается в них посредством

веры, пастырского наставления и руководства. В тех, которые, быв обличаемы и наставляемы, возникнут к вере и упованию спасения, благодать в короткое время опять возгорается и дает ощущать себя в духе. Затем, если кто приложит к сему с радостью и рукояти смиренномудрия и милостыни (смиренномудрия, потому что такая милость не от нас, но от Бога; милостыни, потому что получивший милость всеконечно и сам должен быть милостив), то в нем разгорается великое пламя, которое освещает даже и всех соприкасающихся к нему, – о Христе Иисусе Господе нашем, Коему слава и держава вовеки. Аминь.

Слово сорок первое

1. О праздниках, и как надобно их праздновать?

2. Против тех, которые хвастаются празднествами.

3. Что означает то, что бывает во время их?

4. К тем, которые причащаются Пречистых Таин достойно и недостойно.

5. Как бывает, что иной соединяется с Богом через Святое Причастие, а иной не соединяется?

6. Какое различие имеют причащающиеся достойно от причащающихся недостойно?

1. Кто добре познает и уразумеет, что он создан из ничего и что нагим вошел в мир сей, тот познает и Творца своего, и Его единого будет бояться и любить, и Ему единому служить от всей души своей, ничего из видимых вещей не предпочитая Ему. Убеждаясь из познания себя самого, что странник есть для всего земного или, лучше сказать, и для всего небесного, он всю ревность души своей отдает на служение Творцу своему и Богу. Ибо если он странник для земного, из которого взят (при сотворении), среди которого живет и проводит век свой, тем паче странник для небесного, от которого так далек и по образу бытия своего здешнего, и по образу жизни своей. Кто же убедится таким образом из познания себя самого, что странник есть на земле, и будет содержать

в мысли, что как нагим вошел в мир сей, так нагим и выйдет из него, тому что предлежит кроме плача и рыдания не о себе только одном, но и о всех сродных с ним и подобострастных ему людях? Равным образом, кто любит и боится Бога, и Его единого, тот, скажи мне, прошу тебя, согласится ли блистать чем-либо плотским и вещественным? Или, если праздник придется ему отпраздновать, станет ли он праздновать и торжествовать по общему всех людей обычаю – несмысленно и без толку? Или как возможно, чтоб он подумал что-либо или сделал какое-либо дело, зная, что то неугодно Богу? Также, кто убежден, что он странник, беден, наг от всего, хотя бы многим обладал, возможно ли, чтоб он стал хвастаться богатством своим? Или возможно ли, чтобы гордиться стал тем, что делает в праздники свои? Выситься по причине множества поставленных им свечей и возжженных лампад, или из-за духов и ароматов, или по причине многолюдства собравшегося народа и обильных и дорогих трапез? Или величаться знатностью друзей и посещением славных вельмож? Нет, не станет он много о себе думать из-за этого, ибо знает, что все это ныне есть, а завтра прейдет, ныне занимает, а завтра исчезнет. Таковой, зная, в чем состоит богоугодное празднество, совсем не имеет в уме своем и в чувстве своем того, что обыкновенно бывает чувственного на праздниках (ибо этим обыкновенно заняты бывают те лишь, которые не помышляют ни о чем высшем видимого); но умом премудрым рождает помышления духовные и восторгается к созер-

цанию празднственного веселия, имеющего быть в будущей жизни, и им сердечно со-услаждается, как бы там уже был самым делом и духовно праздновал со Ангелами и святыми, у которых на небе всегда праздник. Таковой не смотрит на свечи и лампады, ни на множество народа, ни на собрание друзей, но к тому устремляет ум свой, что вскоре имеет быть по сих, когда т. е. погаснут все вещественные светы и самый свет очей, и всякий отойдет в дом оный на вечное пребывание.

2. Итак, не считай ты мне, возлюбленный, годы, месяцы и круговращения праздников и не говори: вот спраздновал я Рождество Христово, Богоявление, Сретение, Воскресение, Вознесение и Пятидесятницу. Не говори этого, брате мой, не пересчитывай отпразднованных праздников и не думай, что этого достаточно для спасения души. Не думай также, что будь светлые одеяния и убранства, ястие и питие, ценные благоухания, свечи и лампады, и множество народа, то тут и весь праздник. Не это делает светлым праздник, и не в этом одном состоит празднество: это только видимость празднственная. Какую пользу доставлю я себе, если возжгу, не говорю, множество свеч и лампад в церкви, но если зажгу столько светильников, чтоб они издали столько света, сколь светло солнце на небе, а вместо лампад вставлю звезды в своде церковном и таким образом устрою второе небо долу на земле, буду восхищаться светом от всего сего и составлять предмет удивления и похвал от пришедших в церковь? Ка-

кая, говорю, будет польза для меня от этого, когда спустя немного все это погаснет и я останусь во тьме? Или какая для меня польза, если ныне я намащу разными духами себя и всех празднующих, а завтра опять стану наполнен зловонием плотским? Скажи ты, хвалящийся светлыми празднествами, скажи, если, по слову Премудрого, есть у тебя разум, какая польза от этого? Конечно, никакой, хоть ты и молчишь, побеждаемый истиною. Ибо если ныне я залит светом, а завтра окружен буду тьмою, если ныне избыточествую веселием, а завтра обременен буду печалями, если ныне здравствую, а завтра болеть стану, скажи, какая мне от этого прибыль? И что за утешение во всем этом? Не такие праздники любит Господь. *Кто изыска сия из рук ваших?* – вопрошает Он (Ис. 1, 12). Не законоположил Христос, чтобы мы праздновали праздники свои таким образом. А как? Вот послушай со вниманием. Впрочем, скажу наперед, что говорят некоторые в защиту сего. – Что ж, по-твоему? Не возжигать ни лампад, ни свечей? Не воскурять фимиама и никаких благовоний? Не созывать народа на праздники и не приглашать ни певчих, ни друзей и знаемых, ни людей знатных? Это ли говоришь? Так ли велишь? – Нет, этого я не говорю. Да не будет. Напротив, советую тебе все это делать, даже в больших размерах. В этом я совершенно с тобою согласен. Но желаю, чтобы ты знал, каким образом при всем том надлежит христианам праздновать праздники свои. И вот я изъясню тебе таинство празднества христианского.

3. Что же это за таинство? – То, что образно представляет делаемое тобою в праздники. Возжигаемые тобою лампады представляют мысленный свет, чтобы напоминать тебе, что как церковь вся в свете от множества лампад, так и дом твоей души (который тоже Божий есть), честнейший паче рукотворенного храма, должен быть весь в духовном свете, т. е. в нем должны светить все духовные добродетели, быв возжжены Божественным огнем благодати, и освещать всего тебя так, чтобы в душе твоей не оставалось ни одного местечка неосвещенного. Множество возжженных свечей означают светлые помыслы, которые должны светить в тебе, подобно свечам, так чтобы не было ни одного мрачного помысла в доме души твоей, но чтобы все были огненны и блистали светом Духа Святого, и в тебе не было недостатка ни в одном из светоносных помыслов рассуждения. Благоуханные масти, разливающие благовоние, указывают тебе на духовное миро, т. е. на благодать Святого Духа, и тем, что они составлены из разных специй, научают, что сие духовное миро надлежит стяжать и тебе так, чтоб оно было разнообразно, т. е. было составлено из различных даров Святого Духа. Сие духовное миро предызображая, пророк называет его в псалмах то росою, сходящей на горы Сионские, то миром, сходящим на браду Аароню и на ометы одежды его (Пс. 132, 2, 3). Таков есть Дух Святой, Который сходит от Отца светов на достойных духовных мужей, а от них передается и другим, и освежает всех, как роса. Фимиам кадильный, ко-

торый, воскуряясь, издает дым благовонный, указывает тебе на ту же благодать Святого Духа, но в том уже отношении, как она извнутрь восходит горе, или как она из того, кто восприял действо Святого Духа, исторгается как источник воды, текущей в живот вечный. Тут она и освещает светозарно, и в то же время облагоухавает чувства духовным благоуханием: освещает, яко свет, видимый теми, кои чисты сердцем, облагоухавает, как древо жизни, которое, умерщвляя пожелания плотские, разливает всюду благоухание духовных стремлений и чувств и радостью чистою возвеселяет сердца всех верных. – И не это только означает бывающее на праздниках, но и ко многим другим духовным помышлениям подает оно повод. Так, если Бог так украсил и прославил благоуханием это бездушное миро, то не украсит ли Он и тебя, которого создал по образу и подобию Своему (конечно, если захочешь), разными видами добродетелей и не прославит ли благоуханием Святого Духа? Эти масти, составляемые руками человеческими и благоуханием своим услаждающие чувства твои, мудрым образом представляют создание тебя самого, ибо как эти масти, сложенные из разных ароматов, приготовляют руки миротворцев, из разных специй делая едино благоуханное вещество, так и тебя создали руки Божии и премудро сгармонировали с духовными видами мира духовного, т. е. с дарами Животворящего Духа. И надлежит тебе благоухать вонею разума и премудрости, чтобы слушающие словеса учения твоего были обла-

гоухаваемы в чувствах души своей и радовались радостью духовной. – А толпы народа, собирающиеся на праздник и велегласно воспевающие хвалу Богу, означают небесные чины и несметные воинства Ангелов, которые воспевают и славословят Небесного Владыку за великое спасение, устроенное тебя ради. Хвала и песнь, поемые народом, представляют таинственное оное пение, немолчно совершаемое Ангелами, чтоб и тебя научить соделаться земным Ангелом и таинственно и немолчно петь невещественными устами сердца Бога, создавшего тебя. – Други и знаемые, и знать, собравшиеся на праздник, научают тебя присутствием своим, что и тебе надлежит возревновать о том, чтобы посредством делания всех заповедей и через богатство добродетелей сочислиться и сделаться сожителем с апостолами, пророками, мучениками и всеми святыми.

Если так празднуешь ты, возлюбленный, праздники свои, и если сам ты таков, как показало мое слово, то воистину духовное совершаешь ты празднество и спразднуешь Ангелам. Если же не так празднуешь и самого себя не поставил таковым, как мы сказали, то что пользы для тебя от твоих празднеств? Боюсь, не услышать бы и тебе от Бога, как древние иудеи: *превращу праздники* твои *в жалость и вся песни* твои *в плачь* (Ам. 8, 10). Может быть, вы спросите меня: так по-твоему, если уж мы не таковы, как показало твое слово, то нам и не праздновать праздников, хоть бы то телесно и чувственно? – Нет, брате, я не говорю тебе этого. Празд-

нуй усердно и делай все, что относится к Богопочтению и чествованию Ангелов, как можешь. Призывай на праздник, если можешь, всех – царей, вельмож, архиереев, иереев, диаконов, мирян, да через тебя славится всеми Бог, и слава сия, ими Богу воссылаемая, да вменится тебе, как виновнику ее, и да явишься ты угодным Богу. Но не думай, что тут и все, что ты должен делать для прославления Бога и в честь Ангелов Его, и тем паче, будто через то прибавляешь нечто к славе Всевышнего или святых. Ибо, как говорит апостол, *не прославится прославленное за превосходящую славу* (2 Кор. 3, 10). И святые не имеют нужды в человеческой земной славе. А празднуй, да обрящешь милость у Бога молитвами святых Его; но и при этом опять не думай, что то видимое и чувственное, что ты делаешь для праздника, есть настоящее празднество, но что это есть только тень и образ празднества. Ибо, скажи мне, прошу тебя, это видимое, бездушное и чувства не имеющее само по себе какое общение имеет с невидимым, Божественным, духовным – живым и живоносным? – Посему, если хочешь разумно и благочестно праздновать праздники, да будет у тебя празднеством не свет лампад, которые спустя немного погашаются, но чистая лампада души твоей, т. е. ведение небесных и Божественных вещей, которое подается Духом Святым тому, кто есть израильтянин, – человек высокого и созерцательного ума. Оно да сияет в тебе все дни жизни твоей паче лучей солнечных. Оно да светится во всех христианах чистым светом слова, так чтобы

благодатию Духа Святого исполнялась в них заповедь: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16). Вместо многих лампад да будут в тебе светлосиятельные помышления, из которых составляется ткань на украшение добродетелей и через которые для имеющих правое умное зрение явным бывает все благообразие духовного храма души твоей. Вместо благовонных курений да облагоухает тебя благоухание Святого Духа неизъяснимое. Вместо множества народа да будут с тобою сонмы святых Ангелов, которые бы славили Бога за твои добрые дела и радовались о спасении и преспеянии души твоей. Вместо друзей, вельмож и царей да спразднуют тебе, как други твои духовные, святые, паче вельмож и царей досточтимые. Сии святые да будут возлюбленными твоими, предпочтительно пред всеми, чтобы они по смерти твоей приняли тебя в вечные кровы свои, как Авраам принял Лазаря на лоно свое.

4. Вместо трапезы, обремененной разными яствами, да будет тебе единый хлеб животный, который для чувств видится хлебом, а мысленно есть Тело Христово. Сей есть хлеб, сходящий с неба и дающий живот миру, от которого вкушающий не только питается, но и животворится и восставляется как бы из мертвых. Сей хлеб да будет для тебя и пищею, и услаждением, ненасытимыми и неистощимыми. Вино же, которое в сем Таинстве воистину есть Кровь Божия, да будет для тебя светом неизреченным, сладостью

несказанною, радованием вечным. Если будешь пить от сего вина достойне, то не вжаждешься вовеки, только пей с чувством душевным и с мирным настроением душевных сил. – И добре вникни в смысл глаголемого. Если причащаешься небесного хлеба и вина, т. е. Тела и Крови Христовых, с чувством и сознанием того, что они суть; то ведай, что причащаешься их достойне; если же не таким образом причащаешься, то ешь и пиешь недостойне. Причащаясь с чистым сердцем и верою, ты являешься достойным таинственной трапезы; если же ты не удостаиваешься сего, то не имеешь единения со Христом.

5. Те, которые причащаются Божественных Таин недостойне, пусть не думают, что через них так просто соединяются с Богом, потому что этого не бывает с ними, и быть не может никогда, пока они таковы. Одни те, которые через Причащение Божественной Плоти Господней удостаиваются зреть умным оком, осязать умным осязанием, вкусить умными устами невидимое, неосязаемое и невкусимое Божество, – одни эти ведают, яко благ Господь. Они не чувственный только хлеб вкушают и не чувственное только вино пиют чувственно, но в то же самое время вкушают и пиют мысленно Бога, двоякими чувствами – души и тела: вкушают плоть чувственно, Бога же мысленно, и соединяются таким образом и телесно, и духовно со Христом, Который двойствен по естествам, яко Бог и человек, и бывают сотелесники с Ним и сообщники славы Его и Божества. Сим-то образом соеди-

няются с Богом причащающиеся достойне – вкушающие от хлеба и пиющие от чаши, с ведением и созерцанием силы Таинства и с чувством душевным. А те, которые причащаются недостойне, бывают пусты от благодати Святого Духа и питают только тело свое, а не души свои.

6. Но, о возлюбленне, не возмущайся против меня, слыша истину, мною тебе возвещаемую, ибо это истина. Ибо если ты веруешь и исповедуешь, что Тело Христово есть хлеб животный и дарует живот вечный тем, которые вкушают его, и что Кровь Его для пиющих ее бывает источником воды, текущия в живот вечный, то скажи мне, прошу тебя, почему ты, причащаясь сих Божественных Таин, не приемлешь в душу свою ничего особенного сравнительно с тем, что имел прежде Причащения. Но если и чувствуешь малую некую радость, когда причащаешься, то спустя немного времени опять становишься таким же, каким был прежде того, и совсем не ощущаешь в себе самом какого-либо притока жизни или какого-либо прилияния света. Хлеб сей для тех, которые не возвысились над чувственным, является простым хлебом, хотя таинственно он есть свет невместимый и неприступный, – равно как и вино таинственно есть свет, жизнь, огнь, вода живая. Итак, когда вкушаешь ты Божественный Хлеб сей и пьешь сие Вино радования, а между тем не ощущаешь, что зажил жизнью бессмертною, восприняв в себя силу светоносную и огненную, как пророк Исаия приял в уста угль горящий, и что испил Кровь Господню, как воду

живую и обрадовательную, если, говорю, не ощущаешь в себе, что приял нечто из того, о чем я сказал теперь, то как думаешь, что приобщился жизни вечной, приступил к неприступному свету Божества, причастен стал света непрестающего? Нет, брате мой, нет; ничего такого не совершилось с тобою, так как ты не чувствуешь в себе ничего из сказанного. Но свет оный светит на тебя, а ты слеп и не освещаешься; и огнь оный испускает на тебя теплоту, а ты остаешься хладным; и жизнь оная вошла в тебя, а ты не чувствуешь и пребываешь мертвым; и вода живая протекла по душе твоей, как желобу, но не осталась в тебе, потому что не нашла в тебе достойного себе вместилища, чтоб вселиться внутрь тебя. Посему, если ты сим образом причащаешься Пречистых Таин, без того, чтоб ощущать какую-либо благодать в душе своей; то причащаешься только по видимости, а в себя самого ничего не принимаешь. Ибо которые достойно приступают к сим Таинствам и достодолжно приготовляются к принятию в них Сына Божия – сего Хлеба животного, сходящего с неба, к тем Он прикасается ощутительно и с теми соединяется несмесно, давая осязательно испытывать Свое благодатное присутствие.

Итак, если ты будешь праздновать праздники, как я тебе изобразил, и будешь причащаться Божественных Таин, как я тебе указал, то вся жизнь твоя будет одно непрерывное празднество, одна непрестающая пасха – прехождение от видимого к невидимому, туда, где престанут все образы, сени

и символы празднеств, бывающих в настоящей жизни, и где вечно чистые вечно имеют наслаждаться чистейшей жертвою, Христом Господом, в Боге Отце и единосущном Духе, всегда созерцая Его и видимы бывая Им, со-пребывая и со-царствуя с Ним, – выше и блаженнее чего ничего нет в Царствии Его. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово сорок второе

Что есть таинство Воскресения Христова?

Как в нас бывает Воскресение Христово, и как вместе с сим бывает воскресение души? (Сказано во вторник второй недели по Пасхе.)

Братия мои возлюбленные! Пришла Пасха, радостный день Воскресения Христова, вина всякого радования, посещающая нас однажды в год, а для тех, которые понимают таинство Воскресения, бывающая каждодневно и даже непрерывно, – пришла и исполнила сердца наши всяким веселием и неизъяснимым утешением не тем только, что прекратила труд всечестного поста, но паче тем, что явила души наши усовершившимися тем трудом и призвала всех верных к упокоению и благодарению, как видите. Итак, возблагодарим, братия, Христа Господа, сподобившего нас преплыть море поста и введшего нас с радостью в пристань Воскресения, возблагодарим все, и те, которые совершили течение поста добре, в подвигах добродетелей, с усердием и теплым расположением, и те, которые обличились не так мужественными и малодушествовали в подвигах по причине слабосердия и растления душевного. Ибо Он дает и усердным подвижникам венцы и награды, даже гораздо больше, нежели как им следует; Он же опять и к немощнейшим являет снисхожде-

ние, яко милостивый и человеколюбивый, потому что смотрит паче на расположение и произволение наших душ, нежели на телесные труды, с какими упражняемся и подвизаемся мы в добродетели, или больше по большей ревности, или меньше сравнительно с усердными по причине немощи тела, – и таким образом по усердию каждого раздает награды и дары Святого Духа, и или делает кого за усердные подвиги знаменитым и славным, или оставляет еще в уничижении, как такого, которому для совершенного очищения потребны еще большие подвиги.

Но если считаете то благословным, пообдумаем и поисследуем точнее, в чем таинство Воскресения Христа Бога нашего, каковое таинственно бывает и в нас, если восхощем, и как погребается Христос внутрь нас, как во гробе, как соединяется с душами нашими, воскресает в нас и вместе с Собою воскрешает и нас. Христос Бог наш, после того как повешен был на кресте и пригвоздил на нем грех всего мира, умер, сошел в преисподняя ада; потом, поднявшись из ада, опять вошел в пренепорочное тело Свое и тотчас воскрес из мертвых; и затем, наконец, вознесся на небеса с силою и славою многою. Таким же образом и теперь, когда мы, оставляя мир сей и мирские суетности при исповедании страстей Христа Господа, входим во гроб покаяния и смирения, Он Сам сходит с небес, входит в тело наше, как во гроб, соединяется с душами нашими и воскрешает их, мертвых сущих по грехам, и, воскресив, дает благодать видеть славу сего таинственно-

го Воскресения.

Так Воскресение Христово бывает воскрешением и нас, падших в грех и мертвых. Воскресение и слава Христова есть, как сказали мы, собственное наше воскресение, которое бывает, проявляется и видится в нас посредством Воскресения Его, в нас Им совершаемого. Воскресение же души есть единение ее с жизнью (вкушение жизни).

Ибо как тело мертвое, если не примет внутрь себя живой души и не сольется с нею неслиянно, не может жить одно само собою, так и душа не может жить истинной и вечной жизнью одна сама собою, если неизреченным образом не соединится неслиянно с Богом. Душа, несмотря на то что невещественна и бессмертна по естеству, бывает мертва и бесчувственна, прежде чем соединится со Христом, прежде чем увидит, что соединилась с Ним и воскресла, прежде чем познает то и восчувствует, так как ни познания не бывает без видения, ни видения без чувства, т. е. прежде видит кто какую вещь и, видя ее, познает, а потом и чувствует. Это говорю в отношении к духовному; а в отношении к телесному бывает чувство и без видения, как, например, слепой, споткнувшись ногою о камень, чувствует боль. В духовном же, если ум не придет в состояние созерцания, чтобы созерцать то, что выше понимания, то не может чувствовать таинственного от того воздействия. Итак, тот, кто говорит, что он чувствует духовное, прежде чем придет в состояние созерцать то, что выше ума, слова и помышления, тот подобен слепо-

му, который чувствует добро и зло, какие испытывает, но не знает, что у него под руками и ногами и что может живить его или мертвить, потому что не имеет очей, чтоб видеть и знать то. Почему сколько раз бывает, что он поднимает палку, чтоб ударить врага, а ударяет друга, при всем том, что и враг стоит пред ним и пересмеивает его!

Воскресению Христову верят многие-премногие, но мало таких, которые бы чисто зрели его. Те же, которые не зрят так Воскресения Христова, не могут покланяться Иисусу Христу, яко Господу. Почему священная песнь, которую часто имеем мы в устах своих, гласит: <…> *Воскресение Христово видевше, поклонимся святому Господу Иисусу, единому безгрешному.* Как же это Святой Дух подвигает нас петь: *Воскресение Христово видевше,* т. е. что мы видели Воскресение Христово, – когда мы не видели его, так как Христос воскрес больше тысячи лет прежде, да и тогда никто не видел, как Он воскрес? Уж не хочет ли песнь церковная научить нас говорить ложь?! Да не будет! Перестань злословить! Напротив, она завещала нам возглашать сими словами совершенную истину, напоминая о том Воскресении Христовом, которое бывает в каждом из нас, верных, и бывает не просто, но светоносно, блистая сияниями Божества Его и нетления. Светоносное присутствие Духа показывает на совершившееся в нас Воскресение Господне, и еще паче – дает нам благодать видеть Самого Воскресшего Христа Господа. Почему и поем: *Бог Господь и явися нам;* и желая показать второе Его

пришествие, прибавляем вслед за тем: *благословен грядый во имя Господне.* Итак, в тех, в которых явился Христос Воскресший, всеконечно Он и виден бывает духовно, и видится духовными очами. Ибо когда приходит в нас Христос благодатию Святого Духа, то воскрешает нас из мертвых, какими бываем дотоле, и животворит, и делает, что мы видим в себе живым Его Самого, бессмертного и нетленного. И не только это, но Он дает нам благодать и такую, что мы ясно познаем, как Он воскрешает нас и прославляет вместе с Собою, как удостоверяет все Божественное Писание.

Таковы-то Божественные таинства христиан! Такова сокровенная сила веры нашей, которой не видят и не могут видеть неверы, маловеры или, лучше сказать, полуверы, которые имеют половинную веру. Неверы, маловеры и полуверы суть, которые не показывают веры своей делами. Без дел и бесы веруют и исповедуют Христа, яко Бог есть. Знаем, нередко вопили бесы, что *Ты Сын Божий* (Мк. 3, 11). В иной раз и об апостолах кричали: *сии человецы раби Бога вышняго суть* (Деян. 16, 17). А они были рабы Христовы. Но такая вера непомощна ни бесам, ни людям. И никакой нет пользы от такой веры, потому что она, как говорит апостол, мертва. *Вера бо без дел мертва есть* (Иак. 2, 20), как, наоборот, делам споспешествует вера (Иак. 2, 22). Почему же мертва такая вера? Потому что не имеет в себе Бога животворящего, – что не стяжевает в себя Христа, рекшего: *любяй Мя заповеди Моя соблюдет, и Аз и Отец приидема и*

обитель у него сотворима (Ин. 14, 23), чтобы присутствием Своим воскресить из мертвых того, кто стяжевает такую деятельную веру, оживотворить его и дать ему видеть Самого Христа, воскресшего в нем и его воскресившего. Вот почему вера без дел мертва или, лучше сказать, мертвы те, которые имеют веру без дел. Истинная же вера в Бога всегда жива и живуща, и животворит тех, которые приступают к ней и приемлют ее с благим произволением. Она и прежде действительного исполнения заповедей Христовых многих привела от смерти в живот и показала им Христа и Бога. И если б они после того пребыли в заповедях Его и соблюдали их даже до смерти, то были бы сохранены сими заповедями такими же, какими в начале стали одною верою. Но как они изменились в своих расположениях и впали опять в прежние грехи, то и веру потеряли, и праведно лишились истинного духовного богатства, которое есть Христос. Чего да не постраждем и мы, будем, прошу вас, соблюдать, сколько сил есть, заповеди Христовы, чтобы сподобиться и настоящих, и будущих благ, т. е. зрения Самого Христа Господа. Каковое буди улучить нам всем благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово сорок третье

Об изменениях души и тела, которые бывают от стихий, пищи и бесов.

Долг имеет всякий христианин не только изменения и перемены, бывающие в душе, знать, но знать еще и причины, от коих они происходят и случаются. Иногда, например, вдруг находит на душу радость, а иногда находит на нее, тоже внезапно, печаль и тягота крайняя; то бывает она сокрушенна и умиленна, то бесчувственна и жестка, как камень; иной раз она смиренна и кротка, а спустя минуту начинает гордиться, и серчать, и злиться на всех братий; иногда бывает она рассеянна и нерадива о всяком деле благом, а иной раз внимательна и усердна ко всякому послушанию, так что и тех, с которыми живет вместе, отклоняет от худа и подвигает на добро; иной раз она исполнена страха и благоговеинства, а иной бесстрашна и неблагоговейна; иной раз с любовию воспоминает отсутствующих и призывает их к себе, а в другой и на присутствующих смотреть не хочет; иногда скорбит, ноет и тяготится даже жизнью, а иногда так радуется и веселится, что не в силах бывает удержать в себе своей радости. Все это бывает естественно по естественному течению движений души и тела, когда подвизаемся в делании добродетелей и исполнении заповедей Христовых. Но как изменяется душа,

так изменяется и ум наш, прелагается и он, – и иногда бывает остр и скор на порождение мыслей, и быстр в обсуждении своих помышлений, и иногда бездействен и тяжелодвижен на то и другое – и на помышление, и на рассуждение; то бывает он будто несмыслен, бессловесен, безгласен и глух, то глубокомыслен, красноречив и рассудителен; иной раз бывает он слеп и омрачен, а иной раз просветлен и рвется востечь на высоту созерцания, превышающую меру человеческого естества; иногда бывает прост и свободно готов на всякое созерцание, не помня ничего из худостей, бывавших пред ним, и не помышляя ни о чем подобном, а иногда бывает очень многосложен, волнуется мыслями, подозревает чего нет и не было, бывает как огонек, покрываемый дымом от сырых дров, не только о присущих помышляет злое, но и о тех, которых нет налицо, слагает нередко в себе помышления суетные и ложные. Бывает, что и душа скорбит и не соглашается с умом в его неправых помышлениях, но никакой тем не доставляет пользы, потому что не сильна бывает отвлечь ум от таких суетных и бесполезных помыслов. И вот то, что имели мы сказать об изменениях и преложениях ума и умной души нашей.

Что касается до неровностей, бывающих в теле, то хоть и кажется нам, что они явны и их легко познать, но на деле не так, ибо изменений, бывающих в теле по естеству его, чрезвычайно много. Душа по естеству и сущности своей неизменна; вместе с нею равным образом неизменным создан от

Творца Бога и ум. Они водятся произволением и по своей воле упражняются или в добродетелях, или в пороках, и за то наследуют на всю вечность или свет, или тьму. По своей воле, как я сказал, и по своему произволению прилепляются они или к добру, и бывают добрыми, или ко злу, и бывают злыми. Но тело и естественно превратно, потому что сложно и по сущности своей текуче, как созданное из вещества тленного и текучего, и имеет сложение свое и состав свой из таких вещей, кои противоположны между собою. Мудрые по сей части говорят, да и поистине так есть, что сущность тела состоит из четырех противоположностей: холодного и теплого, сухого и сырого. Но тело само по себе не имеет ни воли, ни произволения и, сказать правду, не имеет ни даже движения, разве, может быть, назовет кто движением естественное течение тела к концу, или тлению: каковое движение бессловесно, а если бессловесно, то, конечно, и безгрешно и пред Богом не виновно.

И праведно: ибо то, что бывает необходимым следствием естества, то не подлежит осуждению. Похоти же плотской, брачного или безбрачного смешения, сластей, гортанобесия, чревоугодия, многоспанья, леностного бездействия, щегольства и многого другого подобного не тело ищет, как думают многие ненаказанные (ненаученные. – *Ред.),* как не ищет оно этого, когда бывает мертво, но ищет этого душа посредством тела, приятным то себе находя, и услаждается тем, так как тесно соединена с этою перстию, т. е. телом, любит валяться

в чувственных скверностях, как свинья в нечистотах, и жаждет сластей плотских по причине сего соединения с перстию.

Впрочем, никто пусть не думает, будто душа насильно бывает увлекаема к таким вещам от тела, ибо дело не так бывает. Как же бывает? Послушай со вниманием. Взял Бог персть от земли и, создав человека, подул в лицо его Господь Бог, – и *бысть человек в душу живу,* встал с земли и стал ходить, потому что душа его, бывшая в теле, господственно и властно двигала сие тело; жжения же или похотного движения, бессловесной ярости и чревонеистовства и следа никакого не было тогда, но была в человеке жизнь мирная и безпечальная. Посмотрим теперь, не оттого ли, что тогда не было еще жены и яств, кои обыкновенно подвигают человека на похоть, не чувствовал он движений похоти и чревонеистовства? Итак, что же говорит о сем Божественное Писание? *И прозябе Бог еще от земли всякое древо красное в видение и доброе в снедь. – Ибеста оба нага, Адам же и жена его, и не стыдястася* (Быт. 2, 9, 25). Видишь, что никакого вреда их целомудрию не причиняло ни то, что Ева была пред лицом Адама, ни то, что оба они были наги? И наги были они, и не познавали друг друга, и не подвигались естеством тела своего к смешению, и не стыдились. Но по преступлении заповеди, когда вышли они из рая, обнажились от благодати Божией и ниспали от Божественной славы; тогда, как написано, *Адам позна жену свою, и зачении роди* (Быт. 4, 1). Так, брате мой, если ты искренно возлюбишь Бога и будешь твердо сто-

ять в сей любви, то никакая страсть не возобладает тобою и никакое нуждение тела не вознасилует тебя. Ибо как невозможно, чтобы тело подвиглось на какое-либо дело само собою без души, так невозможно, чтоб и душа, соединившаяся с Богом посредством любви, вступать стала в сношение с другим чем-либо и склонилась на пожелания и удовольствия чувственные или увлеклась похотением чего-либо видимого и какой-либо страстью. Потому что все стремление сердца ее или, лучше скажу, вся воля ее связана крепко узами сладчайшей любви к Богу; а когда душа ссоюзится и ссочетается, как я сказал, с Творцом своим, тогда возможно ли, скажи мне, чтоб она испытывала жжение плотское или была подвигаема на похоть, и тем паче чтоб и исполняла ее? Никак невозможно. Естественные же перемены, бывающие в теле, явны. Они имеют место и во всех святых; ибо естественно со всеми бывает, что иной раз тело здорово, когда вещества, находящиеся в составе его, не воюют между собою, а в другой раз оно впадает в болезнь, когда какая-либо из четырех стихий, из коих оно слагается, или слишком умножается, или слишком умаляется против должного и или, умножаясь, преобладает над другими и их подавляет, или, умаляясь, сама бывает преобладаема и подавляема ими, от чего происходят геморрои, флюсы, катары, а иногда и всего тела расстройство и повреждение.

(Впрочем, душа остается нисколько не вредимой от всего этого.) Большая часть этих повреждений происходит от мно-

гоястия и многопития, а иные от атмосферических изменений – ветров, тепла и подобного. Ибо когда воздух бывает сыр, тогда тела сырого сложения повреждаются и расслабляются, потому что слишком в ту пору рассыряются; напротив, тела горячего темперамента получают от этого большую соразмерность и более крепнут. Опять, когда воздух слишком сух и горяч, тогда сырые тела крепнут, а тела горячего сложения расслабляются. Бывают еще перемены в теле от излишней пищи и пития или от чрезмерного поста, также от многоспания или излишнего бдения, от большого труда или бездействия и недостатка движения.

Бывают еще некоторые изменения в теле нашем и от демонов, по попущению Благого Бога нашего и на вразумление нас и смирение. Какое же это изменение? Отяжеление всего тела, бывающее без всякой видимой причины, за одно тщеславие, или возгордение, или осуждение, коим осуждаем брата как нерадивого. Иной раз и по другим причинам бываем мы предаваемы демону – во измождение плоти, в сокрушение души, в испытание и упражнение ее, и наипаче в показание благоутробия и сострадания, какие являет к нам Бог, чтобы, познав то, мы от всего сердца всю любовь свою отдали Ему единому и к Нему единому обратили все свое стремление.

Все это, мною сказанное, не все люди понимают; но одни те как должно понимают эти изменения душевные и перемены телесные, которые подвизаются в делании добродетели (о

тех, кои совсем омрачены невежеством и страстями, нечего и говорить). Только подвизающийся, когда случится с ним что-либо из сказанного, отчасти понимает то. Что же касается до изменений, бывающих в уме, то их разумеют только бесстрастные и совершенные, чистые и свободные и душою, и умом. Но и они не все вдруг знают, но научаются постепенно опытом. Ибо иногда от нестроений, случающихся в уме, томится душа и бывает сумрачна по той причине, что она через то лишается несколько присущей ей радости; впрочем, если она явит мужество, то пробуждает к бодренности и самый ум. Иногда опять тому, что страждет душа, сострадает ум и вынужден бывает войти во мрак; но если он воспротивится тому и напряжется стоять во свете, то просвещает и душу. Иногда от телесного нестроения насилуемы бывают оба – т. е. и душа, и ум; и иногда отяжеляемы бывают совне, но, чувствуя тяготу, сохраняют мирное свое устроение целым, – иногда же возмущаемы бывают извнутрь, и боримы с такою силою, что кажутся совсем истощившимися до того, что страждущий сие не надеется уже прийти в мирное устроение, какое имел прежде. Таким-то образом душа и ум изменяются от тела, и опять ум от души, и душа от ума и тела. Впрочем, не всегда возмущаемы бывают оба, т. е. душа и ум. Иногда душа одна страждет от тела, а ум пребывает бесстрастным, в своем естественном состоянии, и утешает душу; иногда же ум омрачается и ослепляется, а душа бывает свободна силою Божественного света и, прогоняя мрак, сни-

мает покрывало с очей ума и дает ему возможность видеть и различать. Почему я и сказал вам, братия, что не довольно знать превращения, преложения и изменения, бывающие в нас, но надобно еще знать, откуда они приходят, как и от каких причин происходят, как, какие ветры помыслов дуют, из каких начал исходят и стремительно нападают реки страстей и искушений, чтобы суметь добре утвердить храмину души и искусно править кормилом корабля. Все это знать научает нас жизнь, непрерывно и неотступно ведомая по установленным правилам и пределам. Всякий должен положить предел и норму для себя и для жизни своей, чтобы верно знать, как действовать каждодневно и при изменяющихся обстоятельствах и таким образом беспрепятственно тещи в делании добродетелей, не встречая препон в самой неопытности своей. Кто поступит таким образом (то есть все определит разумными правилами в своей жизни), тот скоро сделает стезю добродетелей, и стропотную, и притрудную, ровной и легкоходной для себя, ибо привыкнет мало-помалу ко всем деланиям добродетелей, и доброе обратится ему в привычку и станет как бы естественным чем. Преспевая таким образом в добре и восхождения в сердце своем полагая, т. е. восходя от меньшей доброты все к большей и большей, совершеннейшей и совершеннейшей, явится он угодным Богу и, в совершенстве постигнув и уразумев все сказанное выше, соделается для многих других учителем добродетели, просвещая их и научая и словом и примером жизни своей, – и

как сам просвещен свыше благодатию Святого Духа, открывая глубины таин духовной жизни всем взыскующим того с любовию и рвением, – силою и содействием Господа нашего Иисуса Христа, Коему подобает слава и держава, со Отцем и Святым Духом, в нескончаемые веки. Аминь.

Слово сорок четвертое

1. Диавол пятью кознями воюет против людей.

2. Всякое доброе дело, какое делает человек, должен делать его или для того, чтоб умилостивить Бога, или для того, чтоб возблагодарить Его.

3. Кто ищет спасен быть, должен подвизаться.

4. В каких людях царствует Царь всяческих и Бог, и в каких не царствует.

1. Диавол, как дух невещественный, со времени Адамова преступления заповеди Божией возымел некую власть и дерзость действовать на естество человеческое и сделался очень опытным в воевании против людей, ибо люди, им боримые, умирая, преходят род за родом, а он все живет и живет один и тот же вот уже шесть тысяч шестьсот и более лет, и навык. Он всегда есть скрытный враг людей, всегда злокознствует и брани воздвигает против них, и особенно против тех из них, которые теперь рождаются, потому что теперешние не только не имеют никакой опытности в борьбе с диаволом, но совсем и понятия не имеют о брани диавольской и об искусности в ней диавола. Почему и когда явно он биет их, они того не видят, и когда скрытно их устреляет, не чувствуют; он является ангелом света, а покрывает их тьмою. Так сделался он, как я сказал, очень искусным в борьбе с человеком. Конец же и цель, для которой ведет он сию брань с челове-

ком, велика и страшна. Вначале отделив и отдалив род человеческий от Бога, он теперь всячески напрягается и хлопочет о том, чтоб не допустить его опять возвратиться к Богу, но всегда удерживать в отдалении от Него. И если случится кому воззвану быть Иисусом Христом и возвратиться к Богу, он, искусный и многоопытный в делании зла, всячески старается опять отдалить его от Бога. По этой-то причине диавол сделался многоискусен в воевании с людьми и воюет с ними пятью кознями: эллинством, иудейством, ересями, противоправославным образом жизни и (неразумными) подвигами добрых деланий. Эллинством прельщает людей, любящих так называемую внешнюю мудрость; иудейством прельщает евреев, убеждая их думать, будто они добре веруют, так как чтут единого Бога, чем прельщает он также и агарян; ересями прельщает суемудрых богочтецов, удаляя их от Православия; православных удаляет от Бога худыми делами и жизнью, противной Православию, именно: сребролюбием, сластолюбием, славолюбием; опять и подвигами добрых дел и самоохотными лишениями самоумерщвления ввергает он подвижников в гордость, которая есть корень всякого зла, равно как в пристрастие к славе и чести людской. Этой прелестью гордыни, которая есть всех добродетелей истребительница, превращает он и в пропасть низвергает души бедных подвижников, живущих в преподобии и правде, и некоторых из них уговаривает показывать ревность Божию не по разуму и строгость жизни нерассудительную. Через это он

делает их тиранами самих себя, и они мучат себя всякими лишениями и злостраданиями, да славимы будут от человек, что достойно крайних слез, потому что они лишаются за то и настоящих, и будущих благ. Пагубность, которой подвергаются все другие люди, о коих мы сказали, ничто в сравнении с потерями, какие несут сии люди. – Вот как велика и несравненна наша бедственность! Почему надлежит нам всячески изыскивать, каким бы способом могли мы избежать наветов диавола. Но никаким способом не можем мы избавиться от него, кроме как если прибегнем к Богочеловеку Иисусу Христу со всем смирением души и крайним сокрушением сердца. Тогда Христос Сам будет воевать за нас через нас, и мы успокоимся, ибо противостояние и преодолевание этого врага нашего никаким другим способом не бывает, как только единым Христом Господом.

2. Итак, если кто делается нищим для Христа, постится, держит бдения, умерщвляет плоть свою воздержанием, творит милостыни и бывает сострадателен и человеколюбив, все это хорошо; однако ж да внимает он себе добре, чтоб не потерять напрасно трудов своих и должного за них воздаяния. Ибо хотя такие дела суть добрые дела; но есть иное добро, которое содевает спасение человека посредством их и без которого подвизающиеся спастись посредством таких добрых дел не могут спастись. Оно есть причина, в силу коей спасаются те, которые подвизаются в них, то есть в посте, бдении и прочем. Эти последние суть средства для двух великих ве-

щей – умилостивления и благодарения, ибо надобно, чтоб они были совершаемы с разумом, по чину и благообразно.

Так, если какой грешник, вняв тому, что говорит Иоанн Богослов: *всяк согрешаяй не виде Бога, ни позна Его* (1 Ин. 3, 6), придет в чувство и, познав, какому бедствию подпал он из-за грехов своих, приимет свет покаяния и начнет нести подвиги покаянные посредством показанных дел – поста, молитвы и прочего, чтобы Бог, видя сокрушение сердца его, смирение и ревность, возблагоутробствовал к нему и примирился с ним, то Бог, видя смирение его и труд, оставляет все грехи его, примиряется с ним и являет в нем знамения сего помилования и примирения. Таковые знамения суть – упокоение от страстей, которые его одолевали, ненависть ко греху, страх Божий, держимый во всяком месте, так как Бог вездеприсущ, сокрушение и умиление сердечное, благоговение, внимание ума к Божественным песням, к чтению и слушанию Божественных Писаний. Ибо невозможно, чтоб в комлибо оказались сии доброты духовные прежде умилостивления Бога и примирения с Ним. Когда же Божественная благодать примиряется с душою, тогда осеняет ее, объемлет ее некиим образом невидимо и делает то, что ум человека того установляется и собирается в себя, бывши дотоле непостоянным и рассеянным. Вот первое великое и дивное дело, о коем сказали мы, т. е. умилостивление Бога, за которое сподобившийся его и да воздаст благодарение Богу, помиловавшему его и примирившемуся с ним.

После же того, как сподобится человек такой милости от Бога, уврачуется и утвердится, пусть, если держит пост, творит милостыню и прочее, делает сии дела для того, чтоб возблагодарить Бога за то, чего сподобился, то есть за примирение Бога с ним. И пусть делает все сие с рассуждением, по чину и как подобает, чтоб улучить совершенную свободу и сподобиться познать наилучшим образом сокровенные блага Божии, коих доброта и красота сокрыта от очей не только тех, кои грешат, но и тех, кои каются. Се и второе, великое и дивное, т. е. благодарение Бога.

Итак, те, которые творят показанные добродетели просто лишь как добрые дела, а не для этих двух целей, т. е. умилостивления и благодарения, – грешат и умирают грешниками, при всем том, что стали нищими, постниками, милостынедавцами и прочее. Это-то и достойно наипаче слез, что они не примирились с благопременительным Богом, так как в том, что служит к сему примирению и сдружению с Богом, действовали не с разумом, не по чину и не как следует. Ибо если кто после примирения с Богом станет делать те дела для того, чтоб примириться с Ним, то Бог отвращается от него и тяготится им, как отвращается и от того, кто творит их для благодарения Бога, прежде чем примирится с Ним. Человек, как разумное существо, все дела в отношении к Богу должен делать разумно, как действует он обычно в отношении к людям. Кто хочет умилостивить земного царя, да простит его, в чем провинился пред ним, тот изъявляет прежде не действия

благодарения, а то, чем достигаются умилостивление и прощение; а после этого, возвратив себе царское благоволение, изъявляет и действия благодарения, т. е. наперед старается примириться с ним и, примирившись уже, благодарит. Если не станет кто действовать таким же образом и в отношении к Богу, то и Сын и Слово Бога и Отца Господь наш Иисус Христос не захочет спасти так неразумно действующего человека, разумом одаренного. Как праведный, Он хочет и требует праведно, чтоб тварь разумная, человек, и в отношении к Богу делал по крайней мере то же, что делает он в отношении к людям, и боялся Бога, как боится и людей. Ибо хотя мы часто нарушаем свое разумное достоинство и действуем без разума, но Господь не терпит, чтоб оно было нарушаемо, и требует, чтоб всякая тварь пребывала в том чине, какой Он определил ей с самого начала.

3. Итак, кто же спасется? Никто из тех, кои не подъемлют достодолжно соответственного тому труда и подвига, хотя говорят все, что хотят спастись. Все равно это, как, скажем для примера, если бы кто захотел быть богатым, приобресть много золота, серебра, драгоценных камней и маргаритов без всякого труда и пота и без всяких забот, так это было бы невозможно. Итак, те, которые говорят, что хотят спастись, а между тем не хотят потрудиться душою и телом для своего спасения, как могут спастись? Да и те, которые имеют ревность трудиться по делу спасения и словом, и делом и желают того от всей души, не могут спастись, если всего чают

от одних трудов своих. Ибо как те, которые думают спастись без труда, не спасутся, так как спасение не бывает без труда; так и те, которые чают устроить спасение своим умом и своими силами, не могут спастись, так как спасение не утверждается на разуме и силах того, кто желает спастись, а есть милость Божия во Христе Иисусе. Ин есть получающий спасение, и Ин дающий его. Сам Бог говорит: *несть разве Мене спасаяй* (Ис. 43, 11). И апостол Павел прилагает: *еже хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю* (Рим. 7, 18). Скажи же нам, Павле преблаженне, как после сего можно спастись? Отвечает апостол, говоря: *благодарю Бога моего Иисус Христом* (Рим. 7, 25). *Закон духа жизни о Христе Иисусе свободил мя есть от закона греховнаго и смерти* (Рим. 8, 2). Отсюда явно, что спасение наше не утверждается на собственной нашей силе, но на милости Божией во Христе Иисусе. И благодарение Богу, что по великой любви Своей к человеку и такое хотение человека смесил Он с немощью, чтоб не мог человек, если б и хотел, содевать доброе, при всем труде своем над тем, дабы таким образом избежать ему самого следа гордыни, которая есть первый грех, источник и корень всякого зла, и причина падения человеческого естества. Бог укрепляет наше хотение в том, чтоб мы хотели собственной Его воли, и таким образом отстраняет всякий повод к гордыне и заглаждает всякий след ее.

Может быть, спросит кто: что же теперь осталось делать человеку самому от себя, чтобы спастись? Если самое хоте-

ние имеет нужду в Божественной помощи, что же от него? – Вот что остается на долю человека – выслушать слово о спасении своем, возжелать его и познать Того, Кто может спасти его. О прочем же от всей души и без всякого размышления да просит Бога, могущего спасти его, сохранить цела до конца и довести до совершенства, – Его, говорю, да просит даровать сие ему, положившему доброе начало и возжелавшему приять, да просит сподобить его слышания слова Божия и всего относящегося ко спасению, и затем пусть не престает умолять Бога, пока не улучит желаемого, т. е. спасения своего.

Ибо то первое есть дарование, какое подает Бог, чтоб сподобиться услышать кого-либо, кто бы возвестил о спасении. Проповедники посылаются, чтоб проповедать тем, которые не ведают истины. И то воистину есть дар Святого Бога, что Он посылает проповедников. Второе дарование есть, чтоб услышавший проповедников спасения послушался их; такое послушание естественно людям, когда слышат истину. Оно в начале вложено в них Богом, почему Христос Господь великую приложил угрозу тем, которые не послушаются Евангелия, говоря: которые не примут вас и не послушают вас, отраднее будет земле Содомской и Гоморрской, нежели им (Мф. 10, 15; Мк. 6, 11). Послушание истине есть отличительное свойство разумной природы. Третье дарование Божие есть мысленный Свет, который приемлют наипаче новопросвещенные. Ибо коль скоро кто, услышав проповедь о

спасении, послушается ее, то явно, что он уже возжелал улучить спасение, но не видел еще благообразия и красоты его; для сего потребно, чтобы Божественный Свет таинственно осенил его свыше. И сей Свет мысленно просвещает очи души и явно представляет ей следующие две вещи – благообразие спасения и срамоту грешника, поколику он грешник есть, хотя уже взыскал спасения. После же сего что бывает? Поелику душа, когда полагает начало возжеланию спасения своего, имеет волю еще слабую, ленивую, бессильную на то, чтоб всецело возжелать спасения своего, то, восчувствовав такую слабость и леность воли своей, она взыскивает силы от Бога, чтоб Он укрепил волю ее и дал ей всецело возжелать спасения. Тогда же познает она во истине, сколь молитва ее бедна и слаба и, как трость, колеблется противными духами, т. е. демонами. Почему после того, как воля ее укреплена бывает Богом, первым делом имеет она трудиться и подвизаться в том, чтоб умолить Бога ниспослать ей дар молитвы, да будет молитва ее всегда движима Духом Святым. Когда же сподобится она дара сего, тогда ходатайствовать о ней воздыханиями неизглаголанными начинает уже сей Дух Святой, посетивший душу, взывая: Авва Отче, так, однако же, что сей глас Духа Святого бывает собственным гласом тех, которые восприяли Святого Духа. Сею-то благодатною молитвою возращаются в душе духовные плоды, т. е. любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание.

4. Таков чин спасаемых! И кто не последует сему чину, тот будет блуждать в горах и пустынях, и в местах, которых не посещает Христос, и тщетно протрудится и прозлостраждет во всем, что подымет спасения ради своего. Ибо спасение наше все содевается силою Господа нашего Иисуса Христа. Того ради и называется Он Царь и Господь, что царствует и господствует во всяком, кто верует в Него, благодатию Духа Святого и, как Царь и Господь верных Своих, содевает в них и через них, что Ему благоугодно, бывая для тех, кои предают себя Его царству и господству, путеводителем, правителем, учителем, пестуном, предстателем, помощником, избавителем от всякого греха. Если же и думают некоторые, что они делают что-либо доброе без Христа, то они ложь суть, и тогда только станут истиною, когда восцарствует в них Христос. Когда Пилат спросил Христа Господа: *царь ли еси Ты?* – Он ответил ему: *Аз на сие родихся и на сие приидох в мир, да свидетельствую истину.* Пилат спросил: *что есть истина?* – но Господь не ответил ему (Ин. 18, 37, 38), зная, что Пилат не мог вместить слова Его и уверовать в Его сокровенное таинство, т. е. в то, что надлежит Христу царствовать в каждом человеке, так как иным способом невозможно опять воссиять в каждом знамениям разумного достоинства, какое даровал Бог человеческому естеству в творении, и истреблену быть неразумию, какое по причине греха вошло в род человеческий, в противность естеству, и так в нем усилилось, что кажется, будто оно есть по естеству. Невоз-

можно освободиться нам от неразумия, если не воцарится в нас Сын Божий и Слово Божие, Господь наш Иисус Христос, благодатию Святого Духа. И сие-то есть истина, которую пришел Господь засвидетельствовать. Если не восцарствует в нас Христос, то невозможно, чтоб в нас, собственными нашими средствами, было что-либо благоугодное Ему, но мы будем обладаемы врагом рода человеческого, диаволом, не чувствуя и не понимая того. Где царствует Бог, там нет рабства диаволу, но все служение единому Богу. Кто не знает, что Бог, Творец неба и земли и всей видимой и невидимой твари, есть Царь всех творений, воззванных Им из небытия в бытие? Бог и Отец собственного Слова и Сына, Господа нашего Иисуса Христа и Бога, Имже сотворил Он во Святом Своем Духе, Сей, говорю, Отец через Сына Своего во Святом Духе царствует над всеми тварями Своими. Сие единое Божество – Отец, и Сын, и Дух Святой – Триипостасное, Совечное, Собезначальное и Единосущное царствует и властвует над небом, солнцем, луною, звездами, воздухом, землею и морем, и всем, что в них, над Ангелами и человеками, хотят ли они того или не хотят, потому что Царь и Господь всего один Бог. Но так как неотложное свойство царя есть иметь промышление о том, над чем он царствует, то и Бог имеет промышление о всем, сказанном нами. Только поелику все другие твари, кроме существ разумных, т. е. Ангелов и людей, не имеют разума как неразумные, то Бог промышление о них творит просто, без того, чтоб они знали о

сем, так как они не имеют разума. И об Ангелах и людях, существах разумных, Он тоже имеет всегда промышление; но так как они суть твари разумные и естественно имеют разум, то Он хочет, чтоб они знали и сами Творца и Промыслителя своего Бога. Для того и созданы они разумными, с естественным разумом, чтоб, познавая Творца своего и Промыслителя, всегда прославляли Его и благодарили, не только за себя самих, но и за все прочие твари. Почему Бог, будучи Царем всех тварей, над одними людьми хочет царствовать по воле их, как и над Ангелами царствует по воле их. И если люди не хотят, чтоб Бог царствовал над ними, то Он не делает им в этом насилия, чтоб не отнять у них через то самовластного произволения, ибо как возможно быть твари разумною, если она не имеет своей воли? По сей причине и Господь наш Иисус Христос и Бог, соделавшись человеком, однородным с нами, и учителем, убеждает со-естественных братий Своих: *ищите прежде Царствия Божия и правды его,* чтоб восцарствовать над ними по воле их. Как только войдет Царствие Божие в разумное естество, тотчас преисполняет его всякою правдою и добродетелью. Почему будем всегда молиться Богу: *да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя.* Сего хощет Бог, для сего со-делался Он человеком, в этом первый предмет проповеди и начало Евангелия.

Это и значат слова: *приближися Царствие Небесное,* коими началось Евангелие. И если душа не восчувствует, что Царствие Божие пришло в нее и воцарилось в ней, нет ей

надежды спасения. Душе царствуемой надлежит знать благодать и воздействие царствующего в ней Божества, ибо где присущ царь, там должны быть явны и знамения его присутствия. Божии знамения, которые должна иметь душа, царствуемая Богом, суть: кротость, правота, истина, смиренномудрие, благостыня, правда и всякое благоговеинство, и еще – незлобие, человеколюбие, сострадание, любовь нелицемерная, долготерпение, постоянство, благодушие. А у тех, в которых не царствует Бог, должно, видимо, быть противное сему. По сим добродетелям и по противоположным им недобродетелям познается, в каких людях царствует и в каких не царствует Бог. Относительно сих последних Господь повелевает воинству Своему, т. е. святым Ангелам, говоря: *враги Моя оны, иже не восхотеша, да царь бых был над ними, приведите семо и изсецыте предо Мною* (Лк. 19, 27). Ибо те, которые слышали и до точности познали, как, какими делами и каких заповедей исполнением имеют получить от Христа Царство Небесное, и презрели то, предпочетши тому земное и тленное, временную и суетную славу, таковые всеконечно достойны быть мучимы горше, чем неверные. Они познали Христа и не хотели иметь Его царем себе, потому что не соблюдали заповедей Его. Ибо кто не хочет делать дела, для которого Христос соделался человеком и пришел в мир, тот явно не принимает Самого Христа, хотя и кажется, что принимает. Которые же воистину уверовали в Него и приняли Его, тем дал Он область чадами Божиими быти.

Как только они уверовали в Него, и Он вверился им и дал им приять от Себя Божественное, так что человек, верующий в Него, делается богом, как Он, Бог, соделался человеком. Когда бы и нам даровал Бог уверовать в Него во истине и соделаться чадами Божиими и богами по благодати, во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава и держава вовеки! Аминь.